Международный издательский центр
«Этносоциум»

Коллективная монография

Идеология: поиски и находки

Москва 2015

УДК 101. 1 : 316
ББК 87.000.4
ISBN 978-5-904336-71-4

Введение – И. И. Кальной; **Глава 1:** §1. И.И. Кальной; §2. Б.В. Марков; §3. А.Г. Щелкин; §4. В.Б. Устьянцев, С.М. Фролова; **Глава 2:** §1. Е.А. Когай; §2. И.Д. Осипов; §3. И.И. Кальной; §4. А.А. Чемшит, С.И. Тихомиров; §5. Е.В. Черный; **Глава 3:** §1. Н.В. Чигрина, Н.П. Чутова; §2. В.А. Чигрин; §3. В.В. Колесников; **Глава 4:** §1 В.Л. Шульц; §2. Д.Е.Муза; §3. Ф.А. Папаяни. **Заключение. Глоссарий. Библиография.** – И.И. Кальной

Рецензенты:
Королева Л.Г., д.ф.н., проф. (Курский гос. университет),
Сухачёв В.Ю., д.ф.н., проф. (СПб гос. университет)

Идеология: поиски и находки. Монография/науч. ред. проф. И.И. Кальной. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. - 420 с.

Ключевая идея монографии – идеология как стратегия повседневности, духовный канон поведения людей, стержень отечественного духа. Этот стержень обеспечивает чувство патриотизма, национальную безопасность и перспективу Отечества. Идеология ориентирует осознание и оценку отношения людей к миру, регламентирует отношения друг к другу; обосновывает характер существующей системы общественных координат.

Монография обращена к тем, кого волнует судьба Отечества в условиях тотальной глобализации мира.

Представленная монография является переработанным и дополненным изданием работы ***Идеология: pro et contra***/науч. ред. проф. И. Кальной. - Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. - 564 с.

The key idea of the monograph is ideology as a strategy of everyday life, the spiritual canon of human behavior, the core of the national spirit. This core provides a sense of patriotism, national security and the prospect of the Fatherland. Ideology focuses awareness and assessment of people's attitudes to the world, governs the relationship to each other; substantiates the nature of the existing coordinate system of social development.

The monograph is addressed to those who are concerned about the fate of the Fatherland in terms of total globalization of the world.

The presented monograph is revised and updated edition of the work ***Ideology: pro et contra****/scientific. Ed. prof. I. Kalnoy. - Simferopol: IT «Arial», 2015. - 564 p.*

© Коллектив авторов, 2015
© Международный издательский центр «Этносоциум», 2015

Оглавление

Введение.....4

Глава 1. От идеи к идеологии
1. Идея Платона - горизонт желаемой действительности.....7
2. Метафизические основания идеологии.....38
3. Повседневность: цена безыдейности.....57
4. Риски повседневного бытия.....91

Глава 2. Идеология как канон развития культуры
1. Культура и цивилизация.....116
2. Ценностные ориентиры отечественной культуры.....138
3. Интеллигенция как оптимальный субъект идеологии...156
4. Феномен политической идеологии.....184
5. Личностно-ориентированная идеология.....227

Глава 3. Социальные измерения идеологии
1. СМИ: надежды и иллюзии.....249
2. Социально-экономическая обусловленность электорального поведения.....272
3. Неолиберализм отечественной экономической идеологии.....296

Глава 4. Идеология для России
1. Какая идеология нужна России?.....321
2. Как возможно возрождение идеологии имперской России?.....332
3. Быть или не быть идеологии Отечества?.....344

Заключение.....389
Глоссарий.....393
Библиография.....408
Резолюция интернет - конференции.....416
Авторы.....418

ВВЕДЕНИЕ

Общество является искусственным образованием, а человек – его звено, которое увязывает общество с природой, обеспечивает их диалог. Это звено несёт на себе печать трагедии, драмы или комедии, истоки которых следует искать и находить в отношениях человека к миру в ипостаси личности конкретного общества. Не без основания человека рассматривают в качестве начала и завершения истории человечества. Традиционно считается, что общество прошло длительный путь своего становления и развития от «инкубационного» периода, когда якобы состоялся переход от биологической популяции к социальной общности людей сегодняшнего дня. Состоялся ли этот переход? Этот вопрос не риторический, ибо в социальной общности осталось так много от биологической популяции, что не очень ясно, куда направлено это движение. Нет ли здесь известной схемы: «шаг вперёд и два назад»?

Первый шаг становления общества связан с культурой мифа, которая удачно востребовала биологический инстинкт к самосохранению человека, формируя его мировоззрение, основанное на системе запретов – табу. Выполнив своё назначение, миф, подобно «птице Феникс сжигает себя, чтобы возродиться вновь из пепла» в религии и философии. Если бы так и было. В данном случае «пепел» продолжает тлеть. Миф сохраняет свою живучесть. Он по-прежнему влияет на проявление сущности человека сильнее чем религия, а тем более, чем философия, что и находит своё выражение в идеологии. Идеология - это продукт общественного развития. Её диалог, конвенциональность, компромисс, солидарность, этикет – всего лишь одежда, в которую с помощью политического дискурса, упаковано тело мифа. Она является оболочкой мифа. Поэтому, ядро идеологии составляет не общественное сознание, а коллективное бессознательное. Есть множество способов заумного притворства, но биологические инстинкты так или иначе обнажают свою сущность.

Например, ценностные основания идеологии богоборчества откровенно зоологичны, ибо эта идеология культивирует страх перед ликом «чужого». Подчинение интересов личности интересам общества (государства), также как ранее племени, нации, касты откровенно манифестируется в ряду ценностей тоталитарных идеологий фашизма, консерватизма, коммунизма, но умело прячутся в идеологиях либерализма и неолиберализма. Когда в политической практике европейских государств реализация либеральных ценностей в правовом поле привела к противоречиям в общественной жизни, тогда некоторые декларируемые принципы пересматриваются. Место одного мифа занимает другой.

Через самосознание индивид проецирует себя в среду своего обитания, идентифицирует себя и закрепляет своё отношение в определённых стереотипах, символах с ориентиром на адаптацию одной из идеологий существующего плюрализма, которая обеспечивает (помогает) создать (построить) интеллектуальную конструкцию своего повседневного бытия. Все это свидетельствует, что миф – это не только колыбель человечества, но и вечный спутник человека. Поэтому человек и выступает началом и завершением своей истории, заявляя о себе как главная проблема повседневного бытия.

Религия прошла свой путь от многобожия к единобожию, утверждая культуру веры, обеспечивая духовные скрепы общества и прививая человеку атрибут человечности. Философия избрала свою дорогу – путь познания мира и самопознания человека в поисках оптимальной меры его отношения к миру. И в первом, и во втором случае миф продолжает сохранять своё влияние на человека. Это качество мифа адаптировала идеология как стратегема общественного развития.

В своей взаимосвязи культура познания и культура веры обеспечили культуру европейской цивилизации, воплотившись в её «трёх китах»: христианство, афинская школа фи-

лософии и римское право. «Осевое время» включило механизм трансформации власти авторитета в авторитет власти[1]. Общество обретает функциональную систему координат, где вертикаль власти через институт государства обеспечивает горизонталь коммуникаций. На этом этапе Идея Платона, как идеальный образ желаемой действительности, трансформируется в идеологию как стратегию общественного развития. В этом качестве идеология обретает свой проблемный характер, на который и направлены исследовательские усилия авторов заявленной монографии. Исследовательское поле существенно возрастает через дискурсы «идеология в культуре», «идеология в политике», социального измерения. Завершается исследование поиском ответа на вопрос «Какая идеология нужна современной России?»

1.

1 См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.; Гражданское общество: истоки и современность. - СПб.: Юр. центр, 2006. - 492 с.

ГЛАВА I

ОТ ИДЕИ К ИДЕОЛОГИИ

§ 1 ИДЕЯ ПЛАТОНА – ГОРИЗОНТ ЖЕЛАЕМОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

1.1.1 *Становление и развитие Идеи Платона*

Идея Платона явилась своеобразным ответом на исторический вызов античному обществу, исчерпавшего потенциал своего развития в формате парадигмы космоцентризма. Она положила начало смены парадигм, обеспечила подготовку общества переходного периода – Эллинизма.

Нынешнее состояние общества европейской цивилизации демонстрирует перманентный кризис (См.: добротные исследования Д. Белла, В.Л. Иноземцева, И.В. Бестужева-Лады и др.). Постиндустриальная цивилизация (общество переходного периода Постмодерна) расстается со старой шкалой ценностных ориентиров общественного развития. Идет лихорадочный поиск новой шкалы, которая может обеспечить пролонгацию европейской цивилизации. Этот поиск отягощен тотальной глобализацией мира, проблемами геополитики, устремленностью к Новому мировому порядку.

Какое отношение имеет Платон к современности? Имеет, но косвенное, опосредованное. Во-первых, своей Идеей он показал, что основу достойного ответа историческому вызову может составить только добротная Идея. Во-вторых, платоновская идея обеспечила решение проблем Эллинизма как общества переходного периода. Нынешний кризис протекает также в обществе переходного периода. В истории европейской цивилизации это уже третий период после эллинизма и ренессанса. В-третьих, онтологические основания платоновской Идеи не исчерпали свой теоретический потенциал.

Платоновская идея - это своеобразная кантовская «вещь в себе», начало начал философии и философствования, которое по-

зволяет познавать мир и преодолевать его неопределенность. Термин «идея» продолжает сохранять то значение, которое ему определил Платон. Это exsemplar - образец, перед которым меркнут низменные побуждения чувственно воспринимаемого мира.

Все это определяет актуальность заявленной темы, заставляет вновь обратиться к платоновскому наследию, принимая во внимание, что, «новое – это давно забытое старое». Кто чувствует в себе наклонность к философии, должен вдумчиво читать диалоги Платона. Это не обеспечит желаемую мудрость, но научит мыслить, освоить эристику и диалектику как искусство проникновения в сущность бытия в мире, вскрывать повседневное бытие и выходить за его пределы, генерируя идею решения проблемной ситуации очередного исторического вызова. Специалист по истории А. Тойнби обращает внимание на то, что проблемы, возникающие в процессе становления и развития общества, не только обеспечивают «головную боль», но и провоцируют возможности его дальнейшего развития через их разрешение. «Вызов, отмечает исследователь истории, побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние»[2]. Стимулы роста А. Тойнби разделяет на стимулы природной среды и стимулы человеческого окружения. Среди стимулов природной среды он выделяет «бесплодные и новые земли», приводя контрастный пример двух областей Греции – цветущей, плодородной Беотии и истощенной Аттики – «Эллады», эпос которой представлял квинтэссенцию эллинизма. В условиях истощения пастбищ и угодий, народ Аттики перешел от животноводства и земледелия к милитаризации (Спарта), колонизации (Коринф), к той культуре, которую унаследуют потомки эллинов. Стимулы природной среды породили стимулы человеческого окружения. Другими словами, объективные условия вызвали к жизни субъективный фактор. Фактор – это та сила, которая определяется качеством человеческого содержания. В случаях Спарты и Коринфа качество оказалось посредственным. Оно

2 Тойнби А. Дж. Постижение истории / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – С. 119-120.

обеспечило летальность первой и второй модели, уступив приоритет афинской философской школе, которая заявила о себе как один из трех источников становления европейской цивилизации. Существенный вклад в развитие этой школы внес Платон.

Наиболее достоверное время жизни Платона (Аристокла) 427-347 гг. до н.э. Его философское наследие не подлежит сомнению. Одна историческая эпоха сменяет другую, а споры апологетов и критиков платоновского наследия продолжаются. По мнению А.Ф. Лосева «Платон оказался какой-то вечной проблемой истории человеческой культуры и пока нельзя себе представить, когда, как, при каких обстоятельствах и кем это проблема будет окончательно разрешена»[3]. Похоже, Платон своим творчеством подтверждает, что «чем личность замечательнее, тем больше обрастает она в последующих поколениях разного рода мифами и тем труднее добраться до исторической правды»[4].

Родился Платон в аристократической семье, где не без основания гордились царским происхождением и родством с афинским законодателем Солоном. Духовная атмосфера семьи носила антидемократический, антитиранический и антиолигархический характер, что нашло свое выражение в платоновском сочинении «Государство», где существующие формы политического управления получили соответствующую оценку.

На становление мировоззрения Платона оказали влияние досократики. Платоновское наследие свидетельствует, что он был знаком с атомистической теорией Демокрита, с учением о всеобщем становлении Гераклита, с концепцией Единого элеатов, с нумерологией пифагорейцев. Будучи незаурядным, пытливым учеником, Платон впитал основные достижения цивилизации своего времени. Больше всего его поразила гераклитовская идея вечного становления. От сочинений Гераклита осталось несколько десятков фрагментов, а также оценки его современников. Прочитав трактат Гераклита «О природе» Сократ сказал: «То, что я понял – превосходно. Ду-

3 Лосев А.Ф. О Платоне. Предисловие к первому тому // Сочинения в 3 т. Пер. с древнегреческого. - М.: «Мысль», 1968. – С.6.

4 Лосев А.Ф. Там же. - С.7

маю, что таково и то, что я не понял». Сам Гераклит полагал, что его философское наследие найдет своего читателя сквозь века, а может и тысячелетия. Мыслитель гениально подметил способность мира к изменению. Один из фрагментов его философии гласит о невозможности войти дважды в одну и ту же реку, где все одноразово и где бал правит борьба противоположностей нового и старого, отжившего мира. Гераклитовская идея метафизической борьбы противоположностей нашла свою пролонгацию в философии Сократа. Древнегреческий мыслитель завершает натурфилософию с ориентиром на поиск первоначала и открывает первые страницы философии человека. Человек и его деяния должны быть объектом самого пристального внимания, в первую очередь, а потом уже все остальное. Исходный тезис сократовской философии гласил: «Познай самого себя». Не решив эту проблему, человек, как правило, оказывается заложником внешних обстоятельств или своего невежества, устремленного в самонадеянность с ориентиром: делаю, а потом размышляю, кто виноват.

Первый шаг на пути обретения сознания (как соотнесенного участного знания о проблемной ситуации, включая момент самопознания через отношение к сложившейся ситуации) заключается в том, чтобы не довольствоваться представлением о проблеме, а определить ключевое понятие проблемной ситуации, связав чувственный и умопостигаемый ее образы. Понятие – образ сущности проблемного объекта, а не чувственное, обманчивое о нем представление. Второй шаг исследовательской практики связан с движением от общего к единичному, конкретному с ориентиром на поиск особенного, специфического, а также с целью подтвердить обретенное понятие и превратить его в инструмент открытия истины, не довольствуясь субъективной правдой, полученной на базе представления чувственного, а не умопостигаемого образа.

Испытывая чванливых и невежественных обывателей Афин на мудрость, Сократ не рассчитывал на их признательность. Его ирония раздражала, а сила ума вызывала зависть. Поэтому трагедия мыслителя была неизбежной. Его обвини-

ли в том, что он подрывает общественные устои. В своем последнем слове философ сказал: «Избегнуть смерти нетрудно, афиняне, а вот что гораздо труднее – это избегнуть испорченности: она настигает стремительнее смерти… Я ухожу отсюда, приговоренный вами к смерти, а мои обвинители уходят, уличенные правдою в злодействе и несправедливости. И я остаюсь при своем наказании, и они при своем… Если вы думаете, что умерщвляя людей, вы заставите их не порицать вас за то, что вы живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Такой способ самозащиты и не вполне надежен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не затыкать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше»[5].

Платону было около 20 лет, когда он избрал Сократа в качестве своего учителя, надеясь с помощью Сократа подготовиться к политической жизни. Однако, последующие события вносят коррективы. Интриги и насилие аристократии, пришедшей к власти, вызвали у Платона сомнение в целесообразности включиться в политическую деятельность. Кульминацией стало несправедливое осуждение Сократа в 399 году, ответственность за которое легла уже на плечи демократии. Платон, как и многие ученики Сократа, оставляет Афины. Попытки включиться в практическую политику Сиракуз Сицилии в качестве советника – наставника тиранов Дионисия первого и второго обернулись жестокой расплатой за наивную веру в изменение природы тирана. Вернувшись в Афины, Платон основывает Академию (в парке, заложенном в честь героя Академа). Академия привлекла внимание талантливых молодых людей и вскоре заявила о себе той афинской школой философии, которую не без основания рассматривают в качестве одного из трех источников становления европейской цивилизации наряду с христианством и римским правом. Философское наследие Платона составляют 35 сочинений, в основном диалогического жанра. Ранжировка сочинений от «Апологии Сократа» до «Законов» свидетельствует о том, что философская мысль Платона эволюционировала в процессе саморефлексии. Начало эво-

5 Платон. Апология Сократа / Сочинения. В 4 т. Т. 1. - М.: Мысль, 1968. - С.109-110.

люции положила «Апология Сократа». Адаптируя философию Сократа, Платон выстраивает свою философию как систему объективного идеализма. Это не философия ради философии. Ее цель не критика ради критики. Это философия политики, о чем свидетельствует основные сочинения мыслителя: «Государство» и «Законы». Благодаря Сократу Платон увидел, что общество его времени движется к гибели. Неизбежность катастрофы заставила мыслителя обратиться к нестандартным средствам из области мечты и фантазии, противопоставив мерзопакостной действительности рационализированный миф, утопию. Объективный идеализм Платона был социально обусловлен. Победное шествие общества под знаком власти авторитета приостановилось с последующей дифференциацией общества не только по полу и возрасту, но и по этнической принадлежности, конфессиональном пристрастии, социально-политическим и экономическим интересам. Кроме того, произведенная прибавочная стоимость в форме частной собственности нуждалась в эффективных средствах защиты. Шел поиск замены власти авторитета на иное, более совершенное средство системы общественных координат.

Политическая модель государства на базе системы объективного идеализма для эллинов должна была стать руководством их жизнедеятельности, идеальным образом желаемой действительности, той линией горизонта, которая спасет от клаустрофобии. Платоновскую модель государства сопровождал идеальный образ гражданина и идеальный образ человека.

В утопии Платона присутствуют реально существовавшие формы социально-политической жизни, но мыслитель не уничтожает их, а подвергает определенной трансформации. Как отмечает А.Ф. Лосев, для Платона «важно было только одно: не идти в ногу с разложившимся греческим обществом»[6]. Единственным способом сохранить свою принципиальность явилось обращение Платона к Идее и рационализированной мифологии. Поскольку Идея бытия мира принадлежит к сверхчувственной реальности, то ее познание является ис-

6 Платон. Соч. в 3 т. Т.1. Вступительные замечания А.Ф. Лосева. - М.: Мысль, 1968. - С. 25.

ключительно прерогативой души, «пребывающей в теле, как в могильном склепе». Летальность тела по Платону обеспечивает беспрепятственную связь с миром идей. Поэтому высшим долгом человека является забота о душе, ее катарсис (очищение) через разрыв связи с чувственно воспринимаемым миром, который возникает на время, а исчезает насовсем. Из иллюзорного пространства бытия в мире душа может попасть в подлинное пространство бытия мира, но этот переход могут осуществить только души тех людей, кто при жизни ориентировался на мудрость, благо, красоту и истину. Через язык метафоры, мифологию и историческую ограниченность платоновский человек заявляет о себе как вечный странник. Его земная жизнь всего лишь испытание, подтверждающее, что «путь к звездам лежит через тернии» и дорогу к звездам осилит только идущий.

Способность управлять в сфере политики по Платону, - это искусство спасения души, а поэтому оно философское по необходимости, ибо оно объединяет и взаимоувязывает слово и дело. Заявленное искусство выше всякого другого искусства. Пока душа «испорчена – неразумна, необузданна, несправедлива, нечестива, - нужно удерживать ее от желаний и не разрешать ничего, кроме того, что сделает ее лучше»[7]. Сделать ее лучше может только философия, открыв занавес над Идеей, как идеальным образом желаемой действительности. Ориентируясь на это образ, человек становится «хорошим и в частных делах, и в общественных, и это главная в жизни забота»[8].

Обращение к Идее, как «линии горизонта», Платон постоянно совершенствует в последующих диалогах: «Тэетет», «Парменид», «Софист»», «Политик», «Филеб», «Тимей», «Критий» и завершает в диалоге «Законы». В этих диалогах Сократ из исторической личности превращается в субъекта диалогического действа. В смешении исторического и теоретического под диалогическим Сократом просматривается реальный Платон, освобождающий «логос» (мудрое слово) от фантазии, но не уничтожающий, а совершенствующий миф. Миф обретает в

7 Платон. Диалог «Горгий». Там же. - С. 337.
8 Там же. - С. 364.

диалогах образ рационализированного творчества с надеждой, что за Словом последует Дело. Платон осознал и принял значимость мифа как колыбели человеческого рода. Более того, он увидел в мифе и вечного спутника общественного человека. Социальный статус мифа Платон выразил, прибегая к языку метафоры. Логос фиксирует бытие мира, а миф через язык метафоры объясняет сущность бытия в мире. Миф – выражение философской веры с надеждой на положительный результат через поиск истины.

Это не догматы религии и не аксиомы науки, а та метафизика, которая освещает исследовательское поле физики, заявляя о себе в ипостаси отправной точки отсчета исследовательской практики, ибо она (метафизика) выступает стержнем методологии исследования и познания, а не декларации и убеждения. Платоновский миф больше чем фантазия или игра воображения. Это выражение той философской веры, которую подметил К. Ясперс в своем сочинении «Смысл и назначение истории». Состоявшаяся философская вера инициирует стимул поиска истины, обеспечивает эвристическую интуицию. С помощью мифа можно открыть и обосновать метафизику, обеспечив ее востребованность. Метафизика философии постулирует существование первопричины. Означенный постулат роднит метафизику философии с аксиомами науки в формате заданной парадигмы, но не отождествляет, ибо первопричина метафизики лишена чувственного восприятия, но доступна на уровне умопостижения. В платоновском диалоге «Федон» есть слова о том, что обогащает того, кто верует; кто принимает доказательства бессмертия души[9]. Жанром диалога, как одной из оправданных форм постановки проблемы (диалог предполагает не праздную забаву, а драматизм противостояния участников поиска истины), Платон приоткрывает тайну метафизики и Идея предстает перед умопостигаемостью в первозданном виде. В неисчерпаемости многообразия сущего мыслитель увидел то, что не способен видеть и воспринимать обыватель, погрязший в прозе повседневной жизни. В повседневности доминирует

9 Платон. Диалог «Федон». Соч. т. 2. - С.11-95.

суета, разрушающая тело и разъедающая душу. Спасение души мыслитель видит через приобщение ее к Идее, которая имеет метафизическую природу, опосредованно подтверждая родственную связь религии и философии как правоприемников культуры мифа. Если религия- это метафизика народа, которую вертикаль власти должна непременно сохранять, оказывая ей повышенное внимание, то философия- это та метафизика, с помощью которой человек, погрязший в низменных заботах, может познать ценность своей жизни, высший смысл своего бытия. Идея – интеллигибельная реальность, постигаемая душой средствами эвристической интуиции; сущность вещей умопостигаемого мира; идеализированный образ (эйдос) желаемого мира открыты только постигающему и понимающему уму, наиболее «возвышенной части души» человека.

На эту сторону заявленного тезиса обратил внимание ученик Платона Аристотель. В своем трактате «О душе» Аристотель отмечает, что душа есть там, где есть жизнь[10]. Многообразие проявления жизни заставляет мыслителя классифицировать состояние души, выделив «душу вегетативную, чувственную и рациональную». Растения имеют только вегетативную душу. Животные располагают вегетативной и чувственной душой, а люди имеют вегетативную, чувственную и рациональную душу. На уровне организма человек заявляет о себе волей к жизни через обмен веществ с окружающей средой. На уровне личности общества человек заявляет о себе через волю к власти над обстоятельствами или другими людьми. В неблагоприятных условиях он может опуститься до животного с ориентиром на осуществление своих интересов, удовлетворения своих потребностей. Далеко не все представители человеческого рода в своем становлении и развитии поднимаются до уровня проявления рациональной души. Заявленный уровень развития души предполагает то состояние человека, когда он осуществляет волю к власти над собой. Чтобы понять это состояние, следует вдумчиво вникнуть в содержание стихотворения А.С. Пушкина «Пророк», сотворенное в 1826 году. Взяв в основу мотив библей-

10 См.: Аристотель. Соч. в 4-х т. / О душе. - Т.1. М.: Мысль 1975. - С. 392.

ской книги пророка Исайи, А.С. Пушкин прописал пророческое назначение поэта, который заявляет о своей индивидуальности, своей способности преодолевать себя, чтобы состояться.

Только преодолевая себя человек может обрести достойную индивидуальность, которая проявляется в его способности не только смотреть, но и видеть; чувствовать по-иному; «глаголом жечь сердца людей», ибо его душе открылась Идея. Она оплодотворилась Благом. По Платону «Идея есть то, что само себя предполагает, то, что наделяет нас подлинным зрением, способностью восприятия и созерцания»[11].

Общественный человек, если он сохраняет и реализует свое право на автономию и суверенитет, не может жить осмысленно вне понимания бытия мира, а бытие в мире он может познать и понять исключительно через Идею бытия мира, олицетворяющую знание целого. Без знания целого (общего) освоение частей (единичного) бытия в мире занятие бессмысленное и безнадежное. Только через приобщение к Идее бытия мира, человек обретает свободу, первоначально негативную в формате освобождения, а позже и позитивную на уровне созидания с ориентиром на Благо. Поскольку Идея бытия мира связана со свободой человека, то она наделяет его восприятием мира в широком смысле, что и обеспечивает ему первые шаги на пути становления его мировоззрения как системы взглядов на мир и на его отношение к миру. Мировоззрение, в свою очередь, инициирует проблему меры, которая заявляет о себе в разных дискурсах многоликого и многомерного человека.

Многообразие отношений человека к бытию в мире и их восприятие включает необходимость не только познания и самопознания на уровне со-знания (соотнесенного знания), но и конкретную оценку объекта интереса. Оценка носит субъективный характер, ибо субъект интереса пропускает знание через свою призму тех ценностей, которые обеспечивают его ценностный ориентир в ситуации «здесь и только сейчас». Совокупность ценностей, носителем которых выступает конкрет-

11 Платон. Государство / Вступительная ст. Сергеева К.А., Камнева Л.С. – СПб.: Наука, 2005. – С. 36.

ная личность определенного общества, можно классифицировать по основаниям от политических до религиозных, включая правовые, этические, эстетические, научные и философские; от подлинных ценностей до квазиценностей. Все они носят системный характер, ибо интегрированы в систему координат конкретного общества, где всегда можно выделить вертикаль власти и горизонталь коммуникаций определенной направленности, которая обусловлена идеологией этого общества.

Поскольку идеология определенным образом связана с идеей бытия мира, то это обстоятельство заставляет вновь вернуться к философии Платона, понять и принять многогранность и многозначность мысли того, кто с юношеских лет мечтал внести свой вклад в формирование справедливой политики. Об этом свидетельствуют и сицилийские эксперименты Платона. Для него политика, обеспечивающая оптимальный режим управления и благополучия граждан, была выше философии для философии, а обращение к метафоре косвенно свидетельствует об ограниченности языка философии античности.

Частично эту ограниченность снимает Аристотель в своем учении о категориях, категориальном каркасе концепции исследовательского поля. По Аристотелю, категории – инструмент (средство) познания и объяснения бытия в мире. Их востребованность объясняется особой способностью вычленить в исследовательском поле определенность, обусловленность, целостность и отграниченность, дистанцирование объекта интереса (исследования) от других явлений, процессов бытия в мире.

Для того чтобы осуществить юношескую мечту, Платону пришлось пройти путь первопроходца, прикоснуться к метафизике. Прикосновение рождало открытие сверхчувственной реальности, которая по своей значимости богаче, чем являющийся через чувства мир воды, воздуха, земли, огня, горячего и холодного. По мнению Платона, чувственный мир является на короткое время, а исчезает насовсем, оставляя открытым вопрос: «откуда все это и куда». Через этот вопрос философия вышла на уровень сверхчувственного, умопостигаемого бытия, что обусловило необходимость постулировать первопри-

чину. Таковой, по мнению Платона, является Идея, как чистая форма бытия в мире, как его идеальный образ. Образ в силу своего участия обеспечивает сравнительный анализ сходства, узнаваемости феноменального мира. Более того, Идея сверхчувственной, метафизической реальности заявила о себе через платоновскую философию в статусе особой линии горизонта, предохраняющего исследователя от клаустрофобии.

Открытие сверхчувственной реальности позволило выделить бытие мира и бытие в мире, феноменальный, видимый мир и невидимый, метафизический мир; осознать пограничную ситуацию взаимосвязи общего и единичного. Открытие Платона стало основанием гносеологии европейской философии с ориентиром от единичного, конкретного объекта к общему знанию о нем, с тем, чтобы совершить следующий шаг от общего к единичному в надежде вычленить то особенное, специфическое, что и составляет основную исследовательскую задачу.

Причину сверхчувственной, умопостигаемой реальности Платон определил терминами: Идея, Форма, Эйдос. Это не продукт мысли, а то, о чем исследовательская мысль мыслит, умопостигает, будучи свободной от чувственной реальности. Отчуждение мысли от чувственного, единичного, конкретного бытия в мире и есть подлинное опредмечивание с ориентиром на объективацию. Категория отчуждения пронизывает всю философию Г. Гегеля[12]. Она является исходным пунктом «Феноменологии духа», которую младогегельянец К. Маркс назвал «истоком и тайной гегелевской философии»[13]. К. Маркс не только высоко оценил потенциал категории «отчуждение», но и широко использовал ее оперативные возможности в работе «Экономическо-философские рукописи 1844», обратив, в первую очередь, внимание на способность отчуждения персонифицировать общественные отношения и деперсонифицировать человека, востребуя его исключительно в ипостаси одной из социальных функций. Идея – подлинное бытие мира в голо-

12 См.: Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – М., 1976. –Т.2. – 695 с.

13 Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.- Т. 42. - С 155.

ве пытливого исследователя, преодолевшего статус заложника бытия в мире (бытия мира вещей).

Идея открывает сущность вещей, то, что каждую из них делает тем, что она есть. Другими словами, Идея – онтологическая модель бытия в мире. Располагая своим метафизическим основанием, она не подлежит манипуляции со стороны исследовательского субъекта, ибо предписана субъекту, обусловлена предельным основанием, первой причиной, высшим смыслом бытия мира. Заявленную мысль на языке метафоры Платон изложил в диалоге «Федр», рассматривая Идею как субстанцию (реальность, бытие), лишенную цвета и формы, осязаемости и обоняния. Ее созерцает душа, нус. Она и есть подлинный объект исследовательской практики и доступна лишь наиболее возвышенной части души, открыта понимающему уму.[14]

Если гераклитовская вечная текучесть есть атрибутивная характеристика бытия в мире, то платоновская неизменность есть атрибут умопостигаемого бытия мира с ориентиром на то, что единого нет без многого, а многое есть лишь в едином.[15]

Идею как бытие мира Платон воспринимает в формате иерархически организованной системы взаимодействующих элементов – идей, в которой нижние идеи подчинены более высоким и так до Идеи, которая завершает иерархию. Идея есть условие бытия остальных идей, но сама Идея не обусловлена. Она абсолютна. Если ты ее принимаешь, то ты избегаешь клаустрофобии и обретаешь устойчивый вектор поиска особенного, специфического на стыке общего и единичного. Если ты ее не принимаешь, то ты обречен пребывать в чувственном мире, который «дарит» нам бэконовских идолов сознания рода.

Очерчивая границу, Идея в абсолюте манифестирует себя в ипостаси Блага. Она выступает отправной точкой отсчета неопределенности бытия в мире, воплощая возможное множество бытия в мире и определяя их форму, сущность, порядок. Идея обусловливает принципы объективности и конкретности истины, засвечивает возможность постижения меры.

14 См.: Платон. Диалог «Федр». Т.2. - С. 159-222.
15 См.: Платон. Диалог «Парменид» Т.2. - С. 401-477.

Конечно, в этих характеристиках Идеи много метафоры, но она делает доступным дискурс раскрытия космоса (порядка) бытия мира, который сам по себе вне времени и вне становления, а посему только умопостигаем. Идея «Олимпа» включает механизм производных идей: бытие, движение и покой, тождество и различие, сходство и непохожесть и т.д. Эти идеи уже непосредственно связаны с конкретикой феноменального мира, который проходит по реестру чувственно воспринимаемого космоса. При этом остается открытым вопрос, когда и как Идея и ее производные – идеи второго эшелона воздействуют на феноменальное бытие в мире, каким образом из хаоса рождается порядок. Прибегая к языку метафоры, Платон апеллирует к Демиургу, Богу мыслящему и творящему. Взяв за образец Идею как модель бытия мира, Демиург создает «хору» - пространство и в интервале времени созидает физический, чувственно воспринимаемый мир, который можно видеть и трогать, ибо он имеет тело…[16] На вопрос, почему Демиург сотворил этот физический мир, Платон отвечает лаконично: «из любви к благу». Благо по Платону и есть Идея.

Путь освоения Идеи как блага непростой. Он обеспечивает стержень платоновской гносеологии, которая рассматривается в его сочинении «Государство».[17] Платон принимает аксиому о познаваемости Идеи как бытия мира и абсолютной непознаваемости небытия. Поскольку между бытием и небытием существует промежуточная реальность феноменального, чувственно воспринимаемого мира, существует и промежуточное познание этого мира, продуктом которого является мнение. Мнение характеризуется своей правдоподобностью и полезностью. Оно востребуется в системе координат функционирования общества. К нему апеллируют, на него ссылаются, им оперируют. Оно обслуживает горизонталь коммуникаций общества, что не исключает проникновения мнения и на вертикаль власти. Когда актуализируется вопрос реформирования, преобразования общества, мнение, как правило, уступает ме-

16 См.: Платон. Диалог «Тимей». Т. 3. – С. 457.
17 См.: Платон. Государство. Т.3. - С. 91-454.

сто знанию как продукту Идеи.

Объектом мнения выступают тени и образы чувственного уровня освоения мира в форме субъективного представления, формирующего правду субъекта, зачастую не имеющего ничего общего с истиной. Мнение довольствуется миром, как он нам является. Явление и сущность взаимосвязаны, но не тождественны, подтверждая народную мудрость о том, что «не все то золото, что блестит и сверкает».

Если объектом познания выступают «тени» мира, а не сам мир, то объектом знания является сущность мира, как подлинная его реальность. Аналогом реальности бытия мира, по Платону, является Идея Блага. Она связывает Субъект и Объект познания через систему ценностей второго эшелона идей. Инструмент (средство) освоения идей Платон усматривает в диалектике. В поисках адекватной оценки платоновской диалектики, автор этого фрагмента монографии вышел на А. Шопенгауэра. Шопенгауэр был постоянным оппонентом Г. Гегеля, знал все о платоновских истоках его философии и тем не менее имел честь заявить о том, что каждый бывший и будущий философ был и будет бесконечно обязан Платону[18]. Его сочинения – истинная школа мышления. Уже в гимназиях надо было прилежно читать Платона, потому что он - наиболее сильный стимул для философского ума. Этот вывод - не игра в слова, а результат постоянного обращения Артура Шопенгауэра к текстам Платона. В изданном собрании сочинений Шопенгауэра – 6 (!) томов/перевод с немецкого под общей редакцией А. Чанышева. М.: Республика, 2001, можно насчитать свыше 180-ти ссылок Шопенгауэра на философское наследие Платона.

Мера адекватности философии в ее реакции на окружающий мир и степень ее последующей востребованности определяется не только историческим вызовом, но и постоянным развитием философии, которое зависит от уровня культуры конкретного общества. Похоже, что это понимали и ее первопроходцы. Вырабатывая язык философии в качестве понятийного каркаса рассмотрения и решения очередной проблемной ситуации — вызова, они зачастую обращались к языку поэзии,

метафоры. Такой подход был оправданным, ибо культура мифа как колыбели человеческого рода не исчезла. Она трансформировалась в вечного спутника человека, вышедшего из природы, но сохраняющего с ней связь через свою биологическую ипостась. Заявление о том, что общество в своем становлении и развитии прошло длительный путь от «инкубационного» периода, когда состоялся переход от биологической популяции проточеловека к социальной общности людей, вызывает дополнительные вопросы в связи с тем, что биологическая ипостась человека сохраняет свое состояние и ныне. Неясным оказывается и дискурс движения «от и до». Нет ли в этом процессе осуществления формулы: «шаг вперед и два назад», учитывая существенное влияние культуры мифа, базовым основанием которой выступает биологический компонент человека.

Биологические инстинкты мифологизируются и обретают статус «строительных кирпичей» идеологии как стратегии общественного развития конкретного общества, истоки которого уходят в ойкумену (заселенное пространство), где складывается первый «диалог» людей и природы. В результате этого диалога формируется протокультура с ориентиром на свое воспроизводство через техники и технологии своей цивилизации. Так складывалась локальная цивилизация, так формировалось конкретное общество, располагающее своей системой общественных координат, где вертикаль власти предполагает функционирование горизонтали коммуникаций. В обществе складывается свой способ производства и распределения произведенного продукта, а также своя надстройка в формате духовной жизни, на базе которой формируется определенная идеология. Как стратегия общественного развития, идеология включает и ту часть мифической культуры, которая апеллирует через подсознание людей к их биологическим инстинктам, что и обеспечивает эффективность ее организующего массового воздействия. Вновь актуализируется роль философии, если она демонстрирует современность и своевременность; если она подтверждает гегелевское определение «быть эпохой, схваченной в мысли». Овладевший искусством видеть знаки будущего

в прошлом, обретает уверенность, за которой следует надежда, что дорогу в будущее осилит идущий с открытыми глазами, обладающий способностью адекватно познавать, правильно понимать, сравнивать, моделировать оптимальное решение очередной проблемной ситуации.

Отношение к философии — это показатель зрелости общества. Негативное отношение к философии усугубляется бюрократией образовательной системы. Сегодня, как и в далеком вчера, получает реанимацию афоризм министра николаевской эпохи о том, что «польза философии не доказана, а вред возможен». Этот афоризм имеет право быть, ибо в больном обществе все больное, в том числе и философия. Кроме того, афоризм уличает автора в невежестве, которое проявляется в неспособности отделить зерно от плевел. Есть философия как игра воображения, но есть философия как взвешенная поступь первопроходца, принимающего в качестве руководства тезис о том, что «философия востребуется, когда в жизни общества или отдельного человека возникают проблемы, не имеющие аналогов своего решения». Одной из таких философий была и остается философия Платона. Только на стыке субъективного и объективного, части и целого, единичного и общего засвечивается сущность явления, открывается возможность обрести истину о познаваемом мире. Благодаря усилиям Платона свою востребованность получил творческий тандем философии и науки, сложилась теория и практика познания и самопознания, оценки и конструирования идеальной модели желаемого разрешения очередной проблемной ситуации. Тандем имеет свою историю становления и развития, свои восхождения и потрясения, обусловленные динамикой объективных условий. Ныне пришло время возвращения отечественной философии после очередного ее угасания. Возвращение — процесс, который имеет свою фазу накопления критической массы с последующим «взрывом» и выходом в новое качество. Он сопряжен с состоянием человеческого фактора. Для одних занятие философией — своеобразная игра с ориентиром утвердить свою значимость в глазах окружающего мира. Для других — необходимость состояться, обре-

сти социальный статус. Для третьих — еще одно «окно» в мир, обеспечивающее возможность познания и самопознания. Как правило, это представители интеллигенции, заявляющие о себе особой индивидуальностью, которой присуща определенная степень духовного совершенства и мера «эвристической интуиции», за которыми стоит не общественное мнение, не условный долг перед обществом, а безусловный суд своей совести. Идеалы такой интеллигенции не придуманы. Они есть в истории философии. Можно говорить о многих, но среди них особое место занимает Платон (Аристокл). Он жил в ту эпоху античного мира, когда угасал классический полис, уступая место империи, которая подчинила человека, предоставив ему пространство для разнузданной субъективной жизни. Недовольный угасанием классического полиса, Платон предлагает свою концепцию государства с упованием на перевоплощение душ, с проповедью самоотверженного служения Идее Блага. Идея как претензия на общее не противостоит единичному. Наоборот, она помогает адекватно фиксировать его проявление в пространстве и осуществление во времени. Идея Блага обретает статус принципа освоения единичного бытия в мире. Она претендует на модель восприятия единичного и его последующего сравнительного анализа. Система объективного идеализма Платона — учение о субстанциональном существовании идей как родовых понятий, обеспечивающих категориальный каркас познания и оценки проявлений многообразия природы и общества. Его можно рассматривать как весомый вклад в формирование философской культуры и ее языка, которые обусловили востребованность и значимость философии Платона в истории человеческой мысли. Она привлекала и продолжает привлекать мыслящие умы. Идейный порыв, принципиальная настроенность, самоотверженное служение идеалу сделали философию Платона востребованной не только вчера, но и сегодня, ибо философия древнегреческого мыслителя несет надежду, что мир вечных идей когда-нибудь воплотиться и сделает человека и его жизнь более благополучной. Гармония человека, общества и окружающей среды для Платона была идеалом, а для человечества — непреходя-

щей мечтой, несмотря на то, что она недостижима. Похоже, что именно здесь кроется тайна тысячелетней значимости, привлекательности и востребованности философии Платона. Определив в качестве приоритета Идею Блага, Платон обеспечил культ мировой гармонии; продемонстрировал антидогматизм. Его Идея Блага — первопричина идеального мира, к которому должно стремиться человечество, если оно мечтает о своей пролонгации. Мера вещей (обстоятельств) на пути осуществления Идеи Блага заключена в Боге. Язычник Платон через Идею Блага открывает первую страницу единобожия. Исполненный долг на пути осуществления Идеи Блага придает человеку подлинный смысл его существования и осуществления. В логике философской мысли заложена наука мыслить и дискутировать, искать и находить оптимальные ответы на очередной исторический вызов.

1.1.2 *Операциональный характер Идеи Платона*

Как адепт концепции Гераклита об изменчивости феноменального мира, Платон в социальном изменении видит тенденцию к распаду. Он полагает, что на пути трансформации космоса (порядка) в состояние хаоса может стоять идея государства как совершенной и неизменной сущности. Эта Идея, по мнению Платона, позволит осуществить в мягких формах трансформацию власти авторитета в авторитет власти. Идею идеального государства Платон связывает с гесиодовской моделью Золотого века, которая уступает менее совершенному формату бытия в мире. На ее место приходит жестокий железный век. По Платону, все существующие формы государственного правления — извращение того, что должно быть, и не потому, что они основаны на социальном неравенстве, а потому, что их социальное неравенство не соответствует природному неравенству людей. Несоответствие делает из одного государства два враждебных: государство власти предержащей и государство тех, кто ее лишен. Такое положение противоестественно, ибо оно ведет к противостоянию людей в обществе и к ослаблению общества. Больше всего страдает общество от

государства демократии, где равные права получают люди, неравные от природы. Торжествует не чувство умеренности, а страсти. Нравственность обесценивается, совесть игнорируется; рушится связь поколений, ученики учат учителя, а дети судят своих родителей. Платон говорит о «безумии большинства», которое «густой толпой» заседает и с превеликим шумом принимает или отвергает конструктивные предложения или разумные действия, сплошь и рядом нарушая меру, без которой не может состояться оптимальное отношение людей к окружающему миру. Для Платона демократия, погубившая Сократа, выступает системой анонимного большинства, исключающего персональную ответственность. Поэтому типичный человек демократического государства нагл, разнуздан, распущен и бесстыден. Однако наглость в этом государстве называется просвещенностью, разнузданность — свободой, распутство — великолепием, бесстыдство — мужеством. Вероятно, этим «джентльменским набором» можно объяснить, почему демократическое государство легко трансформируется в тираническое, где чрезмерная свобода обеспечивает дорогу к чрезмерному рабству. Феномен свободы сам по себе достаточно сложный. В своем проявлении это единство рационального и иррационального. Если оно демонстрирует свободу «от» без определения свободы «для», то открывается путь к власти тирана любого уровня структурной организации социума, но и тиран не может самореализоваться. Будучи властителем рабов, он по своей сути последний раб из всех рабов. Страх потерять власть постоянно держит тирана в тисках несвободы и обреченности. Феномен раба и господина блестяще выразил Г. Гегель, который знал философию Платона и его критику существующих государственных устройств[18].

Идея совершенного государства Платона с ориентиром на гармонию индивидуальной добродетели и общественной справедливости носит безупречный характер в условиях смены «власти авторитета» на «авторитет власти» в обществе, где человек заявляет о себе как реальное существо, наделенное

18 См.: Гегель Г. Феноменология духа. - М.: Наука. - 495с.

не только телом и душой, но и общественным статусом в ипостаси личности. Как личность, человек заявляет о себе через волю к власти над обстоятельствами. Он часть или функция общества, а общество —искусственное образование, которое располагает своей историей становления и развития, начиная с ойкумены, где складывается диалог протолюдей с природой, где формируется протокультура с последующим воспроизводством в формате определенной цивилизации. Знакомство с историей свидетельствует, что первые шаги становления общества были связаны с эволюцией протолюдей, которая осуществлялась под знаком власти авторитета и закреплялась в культуре мифа. Гипертрофированные образы мифа обеспечивали эффективность системы табу. Образы культуры мифа, эксплуатируя биологический инстинкт человека к самосохранению, утверждали силу целого по отношению к его частям. Позже свое слово скажет религия, эволюционируя от многобожия к единобожию. Культура веры обеспечила обществу духовные скрепы, а человеку человечность. Складывалась и эволюционировала семья, выполняя функцию первичной «социальной ячейки» общества. Формировался и закреплялся институт частной собственности. Шел поиск средств и формы ее защиты в условиях того «осевого времени», когда человек как часть целого начинает заявлять о себе как личность конкретного общества с правом на утверждение своей индивидуальности в условиях социально-политической нестабильности и неопределенности. Актуализировались вопросы о познании мира и поиска в нем своего места. Засветилась проблема меры отношения человека к миру, к другим людям и к себе. Демографический фактор обусловил поиск дальнейшего пути развития общества уже под знаком «осевого» времени. О себе заявили модели милитаризации и колонизации. Им противостояла философия Платона, предложившая сменить власть авторитета на авторитет власти в формате совершенного государства с ориентиром на Идею Блага. Платон предложил концепцию абсолютной идеи (формы, эйдоса) на базе гераклитовской концепции всеобщего изменения. Платоновская апология всеобщего

изменения, возникновения и угасания обеспечила построение той теории общества, которая вскрывала и объясняла не только тенденции исторического становления и развития, но и природу угасавшего античного мира. Идея совершенного государства с ориентиром на осуществление Идеи Блага противостоит реально существующим формам государственного управления, которые угасают и вырождаются, трансформируясь в охлократию и тиранию. Платон подметил различие законов природы и общества, основу нормативности которых составляет протагоровское представление о мере. Ее истоки уходят еще в протофилософию с поисками ответа на вопросы, что есть мир как среда обитания людей и какова мера отношения человека к этому миру[19].

Нормативность законов общества означает не то, что их сконструировали люди и они носят искусственный характер, а то, что люди могут их изменить по своему усмотрению, неся за это ответственность.

Апелляция к людям некорректна, ибо конструируют и изменяют законы общества не все люди, а только избранные. Посему речь о моральной или нравственной ответственности за деяния избранных с ориентиром на справедливость, как ключевую ценность правоспособности человека, не уместна. Она только затемняет социально-философскую мысль о механизме осуществления идеи совершенного государства. Похоже поиск решения проблемы необходимо сместить с поля декларации на поле человека как первопроблемы, «альфы» и «омеги» своей истории. Состояние «человека-матрешки» в его трех дискурсах проявления воли к жизни, воли к власти над обстоятельствами и воли к власти над собой, несет в себе возможность подняться над дикостью человеческого рода или опуститься до скотского состояния. Исследуя такую возможность, мыслители Ренессанса (эпохи Возрождения) отметили: «земное предназначение человека», его принадлежность к двум мирам: светскому и духовному (Данте Алигьери); способность человека подняться до заоблачных высот или опуститься до скотского состояния (Пико

19 См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. - М: Танаис, 1995. - 638с.

делла Мирандола); «жизнь сама по себе — ни благо, ни зло: она вместилище и блага, и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее» (М. Монтень). Этот «послужной список» можно продлевать, но и первоначального варианта достаточно для вывода о том, что человек в процессе своей жизнедеятельности заявляет о себе как первопроблема. Он Пигмалион и Галатея; создатель и разрушитель; насильник и жертва; приспособленец и обособленец; субъект и объект; носитель своего знания о мире, своей меры и ответственности. Он транслятор естественного закона природы, который проявляется через формулу: «сила действия предполагает противодействие», но он и зодчий нормативной регуляции жизнедеятельности людей, которая носит искусственный характер. Социальная регуляция обретает статус законов общества, где тесно взаимосвязаны природное и общественное, естественное и искусственное. Заявленная взаимосвязь сопровождается психологическим восприятием и переживанием, что актуализирует проблему меры в условиях, где доминирует субъективность и торжествует правда, а не истина. О себе заявляет то естественное неравенство людей, которое, по мнению Платона, выступает как злая необходимость человеческого общежития. Несмотря на многомерность человека, общество задает меру, одну на всех, и она заявляет о себе как дисциплинарная матрица поведения людей. Мера регуляции обретает статус общественного закона, который обеспечивает порядок жизнедеятельности конкретного общества. Чтобы убедиться в этом выводе, достаточно провести сравнительный анализ конституций 2-3 стран, приняв во внимание статус конституции в качестве Основного закона страны. Основной закон как дисциплинарная матрица жизнедеятельности людей складывается усилиями законодателей государства и обеспечивается усилиями чиновников (бюрократии) государства. Любовь к прошлому Золотому веку (Гесиод) и ненависть к тому настоящему, которое привело к смертной казни Учителя, обеспечили для Платона вывод о необходимости абсолютной идеи государства и угасании несовершенных, но реальных его копий — исторических форм правления: аристократии, олигархии, демократии,

охлократии, тирании. Поскольку и индивид в статусе гражданина государства олицетворяет несовершенство, тяготеющее к самовырождению, то это обстоятельство оправдывает усилия государства обеспечить тотальную справедливость через систему воспитания и образования в далеком вчера, а ныне через образовательную систему, которая включает семейное воспитание и светское просвещение — образование с ориентиром знать прошлое, чтобы унаследовать наработанный опыт человеческого общежития, освоить определенную сумму знаний и навыков, обеспечивающих определенный дискурс профессиональной подготовки в условиях, где соседствуют эгоизм и альтруизм, индивидуализм и коллективизм. Эгоизм не лучшее качество индивида, но еще хуже коллективный эгоизм, обращенный против государства. Цель государства состоит в том, чтобы осуществить справедливость (См. конституцию как Основной закон практически любого государства). Осуществление этой цели спряжено с необходимостью регламентировать интересы граждан в диапазоне можно—нельзя, ориентируя индивида на осуществление блага. Меру свободы выбора своей жизнедеятельности индивиду определяет государство через правящих лиц, лучших и мудрейших. Вопрос о лучших и самых мудрых остается открытым, но зато он засвечивает тезис о декларативном желании видеть во главе государства лучших и самых мудрых.

1.1.3 *Адепты платоновской Идеи*

Адептом платоновской философии в XIX веке выступил Г. Гегель. Победы всеобщего над единичным он добивается не на метафизических основаниях (Платон), а на диалектических, рассматривая отношения взаимосвязи единичного и всеобщего как подлинную реальность бытия, выходящую за рамки абстракции. Всеобщее является сущностью единичного, а единичность есть феноменальная форма проявления всеобщего, что и подтверждается на уровне отношения личности и общества, где личность - это единичность конкретного типа общества, а не условная единица *маргинала***.** Высшей формой всеобщего является

идея, которую Гегель отождествляет с результатом мышления. Вслед за Ф. Шеллингом Гегель принимает тезис тождества бытия и мышления, объективного и субъективного. Если для Шеллинга единство субъекта и объекта в точке безразличия (по аналогу полюсов магнитного поля) обретает статус абсолютного «ничто», как предпосылки для становления категории «нечто» и тем самым он завершает свою философию тождества, то для Гегеля достигнутое единство субъекта и объекта знаменует только начало.

По Гегелю «ничто» Абсолюта есть высшая абстракция идеи как воплощенного Мирового духа, того первоначала Бытия мира, которое в древнем Китае именовали Дао, в древней Индии - Брахмой, а в древней Элладе - Единым. Поскольку Идея есть мысль, то сам способ ее существования и осуществления заключается в том, что она мыслит, а стало быть, Идея способна познавать себя. Свое самопознание абсолютная идея, как воплощенное единство бытия и мышления, осуществляет через разум человека, воспринимающего и принимающего абстрактное тождество бытия и мышления; различия и противоречия, а в итоге конкретное тождество как новое единство общего и единичного на уровне бытия в мире. Процесс развития и самоосуществления идеи, несущей потенциал бытия мира, проходит от абстрактного всеобщего «ничто» к конкретно общему «нечто» через единичное к особенному, специфическому, уникальному и неповторимому воплощенному конкретному единству общего и единичного. В схеме самоосуществления Идеи, Гегель заявил о себе не только как адепт философии объективного идеализма, но и как ее апологет. От декларации на языке метафоры и культуры мифа немецкий мыслитель перешел к языку логики. Он продемонстрировал, что Идеи не нужно навязывать свои определения и устанавливать законы. У Идеи нет заданных законов и норм проявления. Они появляются в процессе ее саморазвития. Идея конструирует свои определения, располагая своей объективной логикой, которая постижима на основе тождества бытия и мышления. Базовой структурой гегелевской логики были бытие, сущность и понятие. С помощью этой структуры философ обеспечил возможность проникновения в механизм становления и развития

Идеи как единства действительности и понятия, тела и души, реального и идеального. Через формы жизни Идея обретает статус абсолютной идеи. Первой формой бытия Абсолютной Идеи является Природа в ее многообразии. В каждом ее проявлении можно констатировать «инкубационный» период, рождение, развитие и летальность как инобытие, как переход в иную форму бытия. Обретя в природе свое инобытие, Абсолютная Идея возвращается к себе. Этот процесс мыслитель прослеживает в «Философии духа», полагая человека в качестве вершины развития всех форм Абсолютной Идеи. В человеке Абсолютная Идея обретает конкретную форму, воплощаясь в неповторимую индивидуальность. Через человека Идея, как дремлющий в природе дух, проходит различные ступени своего развития и проявления в качестве субъективного, объективного и абсолютного Духа. В своем стремлении к тождеству с Абсолютной Идеей - платоновской Идеей Блага - она инициирует активность человека в его отношении к миру.

Освоив философское наследие Платона, немецкий мыслитель исполнил гимн безграничной мощи человеческого разума. Это был своеобразный заключительный аккорд традиции рационализма эпохи Просвещения, настоятельно требовавшей, чтобы все сущее предстало перед судом разума и доказало свою разумность, а стало быть, и необходимость. Последующая эпоха Модерна как воплощение индустриальной цивилизации превратила Человека в социальную функцию производства, рынка, денег. Нынешнее время Постмодерна как общества переходного периода, как воплощенной формы потребления и передела мира усугубляет проблемную ситуацию, в которой оказался человек, уже не как субъект разума, соучастник Абсолютной Идеи, а как жертва, страдалец, терпила, заложник бытия в мире.

Тем не менее, если следовать логике Гегеля, это еще не конец, а только дальнейшее развитие Абсолютной Идеи. Облекаясь в конкретные формы единичного, она инициирует процесс развития, обеспечивая его внутренний импульс. Всеобщее живет, принося единичное в жертву. Все, что возникает на время, исчезает насовсем, сохраняя свое бессмертие через соучастие с платоновской Идеей Блага, приглашающей человека к сотворчеству в эстафете Времени.

Объективный идеализм Платона усилиями Гегеля обретает статус абсолютного идеализма, где Абсолютная Идея отчуждает себя на всех уровнях жизни бытия в мире и завершает отчуждение на уровне института государства. Платон подметил и выразил в своих диалогах, что общество как искусственное образование может функционировать исключительно через систему координат вертикали власти и горизонтали коммуникаций. Во времена Платона вертикаль власти обеспечивалась властью авторитета в многообразии ее модификаций. Во времена Гегеля власть авторитета окончательно трансформировалась в авторитет власти в лице государства. Обеспечивая вертикаль власти в системе координат общественного развития, государство отчуждает себя (опредмечивает, объективирует) в результатах своей деятельности, сохраняя за собой статус первой копии Абсолютной Идеи (по Гегелю) или Идеи Блага (по Платону).

Младогегельянец Карл Маркс (1818-1883) в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» вслед за Платоном заявляет о необходимости сделать общество человечным, а человека общественным. Осуществив анализ классического капитализма, Маркс обосновал его замену более прогрессивным строем. Абсолютизация социологического детерминизма породила самонадеянность его адептов. Тем не менее, гуманистический дискурс философии марксизма сохраняет свое значение и надежду. Что касается средств осуществления заявленной цели, то этот вопрос остается открытым с учетом динамики развития современного состояния человечества. Моделирование ближайшего или отдаленного будущего возможно и необходимо, если модель претендует на «линию горизонта». Двигаясь между крайностями, следует уточнить вопрос о взаимозависимости граждан и государства: существует государство для граждан или граждане существуют для государства.

Институт государства берет на себя решение вопроса оптимизации коммуникативных связей и осуществляет контроль за поведением людей. Эти задачи государство решает на основе полномочий, делегированных ему обществом. Выступая в качестве субъекта коллективной воли, государство силой

принуждения осуществляет социальное управление, ограничивая индивидуальный произвол, «перешагивая» через частные интересы и личные амбиции, ибо руководствуется идеей целостности общества. Через свою идеологию, как стратегию общественно развития, государство инициирует доминирующую роль коллективизма в формате единого народа с единым национальным характером и языком. Правда, от национализма до тоталитаризма всего один шаг и его в XX веке попытаются осуществить в более мягких формах сторонники концепции коммунизма и в более жестких формах - сторонники концепции фашизма. В XXI веке в условиях тотальной глобализации мира можно констатировать угасание национальной государственности. Приоритетной формой управления становятся международные центры: Евросоюз, НАТО, Международный валютный фонд. В публикациях по социальной тематике сквозит ностальгия о сильном государстве, когда ныне оно обречено выполнять функцию «ночного сторожа», «регулировщика на дорогах», сохраняя символы власти, но не имея самой власти. В этих условиях актуализируется проблема состояния системы координат общественного развития. В далеком вчера вертикаль власти обеспечивала власть авторитета, затем - авторитет власти. Что будет завтра, покажет время. Если следовать схеме: «тезис отрицается антитезисом», то напрашивается вывод, что в качестве синтеза с претензией на новое состояние можно прогнозировать новую власть авторитета.

Рассмотрение заявленных вопросов позволяет сделать общий вывод о том, что самым большим достижением древнегреческого мыслителя явился его философский идеализм и выход в метафизику. Это обеспечило поиск идеала, без которого нельзя адекватно оценить конкретику бытия в мире как одну из копий идеала. Философский идеализм позволил Платону смоделировать идеальное государство, идеального гражданина и идеального человека в условиях, когда мир античности погружался в хаос.

Ключевой ценностью идеального государства является справедливость, исключающая помыслы о социальном неравенстве и определяющая меру блага в соответствии с досто-

инствами каждого гражданина. Поскольку люди не равны по природе, то постижение идеала справедливости предполагает инвентаризацию устаревших ценностных ориентиров и принятие идеального образа справедливости. Посему проблема воспитания в идеальном государстве является не семейной, а государственной проблемой. Она решается с ориентиром на Эйдос – идею олицетворения сущности, а не видимости.

Идеальное государство – это своеобразная линия горизонта. К нему необходимо стремиться, на него следует равняться, не довольствуясь тем, что есть. Цель воспитания усилиями государства заключается в подготовке души человека к перевоплощению в новой, более совершенной жизни. Человек должен осознавать ничтожность обыденной высоты перед высотами иного порядка. Человеку нужно помочь познать самого себя. Познать самого себя – это означает обрести способность взглянуть вовнутрь своей души и постичь ее мудрость (софию), адекватно оценить справедливость и Благо, ибо душа человека – зеркало, его внутренний голос, обеспечивающий диалог с самим собой.

Перечисляя возможные поступки и определяя меру воздаяния, Платон ориентируется на систему тоталитаризма. Он полагает, что только в условиях тоталитаризма свобода личности преступника не исключает свободу личности добропорядочного гражданина, который постигает истинную справедливость и демонстрирует готовность следовать ей в общежитии людей. В идеальном государстве преследуется только злонамеренность. Только система тоталитаризма способна обуздать неразумных и себялюбивых, рассматривающих свои пороки выше социальной добродетели.

В идеальном государстве человек не потенциальный объект наказания, а субъект восхождения к более совершенному состоянию, обретения себя через Идеал. Такой подход и есть цель идеологии Платона. Она несет в себе перспективу для человека и его восхождения, что и запечатлено в сократовском принципе: «познай самого себя», «познай и воспитай самого себя».

Стержень идеализма Платона – учение о Благе. Его идеализм – идеализирующее (мыслимое) учение с усмотрением

перспективы движения в более совершенному состоянию. Мысль постигает бытие в мире, меру его возможного совершенства. Соединение в одной Идее Бытия, Блага и Единого обусловило взаимосвязь космологического, этического и гносеологического уровней философии Платона; обеспечило «дисциплинарную матрицу» его философии.

Идеология Платона ориентирована на интеллектуальное усилие по освоению идеальной сущности Бытия мира, на проповедь превосходства вечных ценностей Блага, Истины и Красоты. В политике государства это выражается в приоритете общих интересов. Подчинение гражданина понимается как справедливость доминанты целого по отношению к части, как гарант спасения и совершенствования человеческой души. Закон подчинения частей целому и соподченность частей внутри целого именуется соразмерностью, закон единения много в одном – красотой. Единство Соразмерности и Красоты является подлинным Благом. Приближение копии к Идеалу является Истиной.

Действие этих Законов проявляется в возможности очистить и возвысить душу человека, развить в ней способность адекватно воспринимать Бытие мира и бытие в мире. Возможность может стать действительностью, но только через правильное воспитание и добротное образование. Платоновские мысли не устарели. Сегодняшний день свидетельствует, что Россия еще долго будет пребывать в состоянии общества переходного периода, если не будет решена проблема образовательной системы, если свое Слово не заявит Интеллигенция как «соль» Отечества и больная совесть своей культуры, замешанная на принципах иронии и самоиронии, критики и самокритики. Это дает интеллигенции право формировать гуманистическое мировоззрение общества и принимать активное участие в социализации молодых людей; в обеспечении преемственности поколений; в организации и осуществлении гуманитарных экспертиз тех социальных проектов, которые претендуют на вторже-

ние в природу человека. Интеллигенция может и должна принять участие в обновлении образовательной системы, где предстоит реанимация семейного воспитания, реабилитация просвещения и смена парадигмы образования (обучения). Ориентиром новой образовательной системы является подготовка «человеческих качеств» воспитуемого, а также формирование квалифицированного специалиста. Решение проблемы человечности и профессионализма обеспечит безопасность и будущее страны.

Резюме: мерой совершенства общества, как и мерой своего совершенства и совершенства других, является человек. Познавая мир, человек познает себя, познавая себя, он познает мир. Посему человек обязан быть мудрым. Малодушный может стать несчастным, а мужественный и мудрый преодолеет любые страдания, ибо его «умные глаза» будут ориентированы на Идею Блага, Истины и Красоты. Эти вечные ценности станут для него смыслом жизни, помогут ему отредактировать образ жизни, свое отношение к миру. Философия Платона – процесс открытия Идеи как идеализированного (мыслимого) образа желаемой действительности и обоснование идеологии как стратегии общественного развития и оптимального пути самосовершенствования человека в его повседневном бытии.

§ 2 МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ

Выявление онтологических оснований идеологии существенно углубляет понимание и способствует преодолению её расхожего определения как «ложного сознания». В традиционном понимании онтология – это учение о первоосновах бытия. Она ориентировала на разработку такой идеологии, которая не только выражает «волю к власти», но и соответствует порядку мира. В современном понимании онтология определяется как бытие, раскрывающееся не в философских учениях, а в повседневном существовании людей. Конечно, в жизни полно абсурда, но именно поэтому необходимо показать, что современные технологии позволяют жить лучше. Чтобы не попадать в прежний замкнутый круг оправдания действительности, необходимо сохранить как легитимирующую, так и критико-идеологическую установку, нацеленную на разоблачение коррумпированной власти. Исследователь заявленной темы сталкивается с двоякими трудностями. Во-первых, критика власти – это не безответственная игра, а довольно-таки опасное занятие, требующее осторожности. Во-вторых, философы, разоблачающие власть, должны помнить, что они тоже участвуют в ее производстве. Поэтому чувство меры необходимо не только для того, чтобы избежать преследований за критику. Идеология не является только продуктом партийных функционеров, а будучи формой символического капитала, так или иначе, воспроизводится и потребляется каждым индивидом. Если производство и критика идеологии протекают в поле открытой коммуникации, где каждый может заявить свое мнение и получить его оценку со стороны других членов общества, то и философ выступает уже не как судья, а как арбитр, озабоченный согласованием различных позиций.

Уставшее от надоевшей пропаганды о преимуществах социализма, наше поколение верило сообщениям о превосходстве капиталистического мира. Вера в свободное от государственной идеологии общество нашла свое отражение и в Российской

конституции. Возможно, свобода мнений как-то оберегает от фундаменталистской идеологии, но не отражает потребностей тех или иных групп общества выражать свое общее мнение и, более того, пропагандировать его остальным, как единственно правильное. Если господствует тот слой или класс, который навязывает свое мнение остальным в форме философии, искусства, права, морали и, наконец, рекламы, то говорить о смерти идеологии, по меньшей мере, наивно. Несмотря на объявленный еще во второй половине XX в. конец идеологии, противостояние не только не прекратилось после падения «железного занавеса», но и плавно переросло в информационную войну. Тезис о конце идеологии как был, так и остался на поверхности. Углубленные исследования идеологии начались после того, как новые власти перестали потчевать население пропагандистскими речами и стали использовать более изощренные способы формирования общественного сознания.

На вопрос, что такое идеология, даются альтернативные ответы, использующие конструктивистский или натуралистский дискурс. События современности показывают, что это не просто теории, репрезентирующие таинственную суть идеологии, но и некие перформативы, стимулирующие политические действия, направленные на изменение форм управления обществом. Даже если идеология – это конструкт, то в его основе лежит некий первичный миф. По мере того, как ширится число людей, увлеченных и воодушевленных речами нового рассказчика, миф становится реальностью. Футурологи-пессимисты предрекают новую форму полицейского государства, а футурологи-оптимисты мечтают о чём-то вроде «народного форума», собранного из представителей оставшейся не у дел элиты, хотя и не имеющих портфелей, но представляющих жизненные интересы людей. Для противодействия бюрократии они предлагают «антиидеологию» – отрефлексированное общественное мнение – нечто вроде устройства обратной связи, необходимого для общества как автономной системы. Однако под разговоры о кризисе идеологии и свободе любого мнения в гражданском обществе, на самом деле происходит смена ме-

диумов власти и качественная трансформация механизмов управления. Все это делает актуальным исследование философских предпосылок, которые явно или неявно принимаются участниками дискуссий о том, нужна или нет идеология современному государству.

Можно выделить несколько подходов к пониманию природы идеологии.

1. По мнению историков, идеология лежала в основе любого жизнеспособного государства. Она играла роль символического защитного панциря, способствующего идентичности своих и оберегавшего от воздействия чужих. Идеологами государства были такие философы, как Платон, Макиавелли, Гоббс, Гегель, Ницше, К. Шмитт и другие сторонники так называемой консервативной революции, мечтавшие вернуться от меркантильно-бюрократического государства к подлинно аристократическому государству, где правят лучшие.

2. Диссиденты, правозащитники, либеральные реформаторы критикуют тоталитарное государство, противопоставляя ему «гражданское общество». На это различие указали французские просветители, которые приложили немало усилий для создания идеологии гражданской нации. После Великой французской революции государство понимается не как нечто незыблемое – естественное или заповеданное Богом, а как социальная конструкция. Складывается противостояние философско-юридического и политико-исторического дискурсов о власти. Первый опирается на права человека, второй – на реальные достижения и завоевания. По Гоббсу, война – негативное условие общества, кошмар, который преодолевается общественным договором. По мнению Канта, война, наоборот, является позитивным условием общества, фактором его обновления.

3. История героев превращается у юристов в историю преступников. Примерно также мыслили государство либералы-экономисты, сводившие его роль до функций ночного сторожа. Самым радикальным критиком государства был, пожалуй, М. А. Бакунин. Он видел в нем главный механизм подавления свободы. В союзе с церковью государство обманывает и

эксплуатирует своих подданных, препятствует просвещению. Ницше тоже критиковал кнуто-германскую империю Бисмарка и, вместе с тем, был пылким сторонником государства по римскому образцу. Как альтернативу идеологии, он выдвинул проект государства как произведения искусства.

4. Марксизм понимает историю как преодолевающий сам себя, своей имманентной энергией, кризис. Человек является результатом не только биологической эволюции, но и производства условий самой жизни. Отношение марксизма к идеологии амбивалентное. С одной стороны, идеология определялась как ложное сознание. С другой стороны, признавалась необходимой научная идеология. Поэтому на практике построения социализма происходило усиление роли государства в форме «руководящей роли партии». Она отсеивала чистых от нечистых, но не могла справиться с перерождением элиты, которая постепенно забыла о первоначальных целях революции.

5. В «Письме о гуманизме» М. Хайдеггер, ссылаясь на Маркса, переописал «отчуждение» в терминах бездомности, безродности и забвения бытия. Хайдеггеровская критика современности не уступает Марксовой и, надо признать, что она больше соответствовала реалиям XX века. Хайдеггер видел подлинное совместное бытие людей не в социальном и даже не в интеллектуальном, а в бытийственном ракурсе. Осмысляя связь между индивидом и общностью (Gemeinschaft), между отдельным человеком и народом (Volk), Хайдеггер называл подлинное бытие в общности с народом «судьбой». Речь идет не об общности человечества, не о всеобщей истории, которая, согласно Хайдеггеру, суть лишь пустая болтовня, а об общности народа и подлинном воспроизведении жизни прежних героев.

Как совместить индивидуальное существование и судьбу народа, свободу выбора и культ вождя? На практике у диктаторов, стремящихся построить идеальное государство, получалась смесь бонапартизма и бюрократии. Философы, поверившие, что политики станут осуществлять их проекты, всегда были разочарованы. Что происходит с обществом, как оно формируется и каким мы его видим? Возможно ли, так ска-

зать, «экзистенциальное государство», которое существует для человека, и где нет ни отчуждения, ни идеологии? Обдумывая различные ответы на вопросы, какой человек нужен для государства, или какое государство отвечает достоинству человека, современные авторы рассуждают от лица автономного индивида. Приемлемым для индивида является перспективизм, согласно которому оправдана любая точка зрения, кроме той, которая навязывает себя в качестве абсолютной. Неприятным последствием такой позиции оказывается релятивизм. Поэтому всё более популярной становится «трансгуманистическая» установка. Например, возрождается сакральный подход к государству. Такие авторы, как Д. Агамбен, Р. Жирар, акцентируют его темное и ужасное начало – насилие, власть, преступления, жертвы.[20] И все же в нем остается осадок божественного происхождения. Поэтому политическая теология соседствует с сакральной идеологией. Целью политики являются вовсе не земные, экономические, а более высокие, трансцендентальные интересы. В своей «Политической теологии» К. Шмитт пришел к выводу, что основные понятия о государстве есть ни что иное, как секуляризированные понятия теологии.[21] Означает ли это, что любая идеология, так или иначе опирающаяся на религиозные метафоры, должна быть отвергнута?

Правящая элита опирается на философско-историческое знание, а пропаганда ссылается на историческую реальность. Она создает иллюзию, что власть соответствует духу времени. Образ идеального государства не дает покоя оставшимся не у дел философам, мечтающим об управлении и воспитании людей в духе служения и ответственности. Ныне на управление обществом претендуют политики, экономисты, юристы, историки, ученые, духовные пастыри, рекламщики, пиарщики, звезды шоу-бизнеса и спорта и другие социальные дизайнеры. При этом, все стали говорить о «цивилизованном обществе». Разработка этого проекта, нацеленного на «длительную исто-

20 См.: Агамбен Д. Homo sacer. - М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с.; Жирар Р. Насилие и священное. - М.: НЛО, 2010. – 448 с.

21 Hans Blumenberg, Carl Schmitt. Briefwechsel 1971 - 1978. Suhrkamp. Fr. Am Mein. 2007. - p. 165.

рию», предполагает исследования ментальности и телесности методами феноменологии, герменевтики, структурализма, аналитической философии и других продвинутых философских направлений. Вместо истории идей предлагается исследование влияния образов, музыки, дизайна – той среды, в которой мы живем, методами визуальной антропологии. Изменение форм труда, рост сферы развлечений, осознание значимости заботы о подрастающих поколениях, инвестиции в детство – все это также требует философского осмысления. Смена формы управления сознанием людей, как правило, сопровождается изменением содержания. То, что нынешние социальные дизайнеры уже не интересуются ни планами Бога, ни порядками бытия, не означает отсутствия каких-либо оснований. Заняв место, переходящее от теологов к философам и идеологам, они приняли онтологические обязательства, и, вместе с тем, ответственность перед обществом. Кто, за что и как сегодня несет ответственность? Право ограничивается санкциями за определенные правонарушения. Мораль, наоборот, судит обо всем, но кто-то должен оценить и саму мораль, иначе она, подобно взрыву бомбы, будет уничтожать все, что не соответствует ее требованиям. Все это свидетельствует о том, что поиск онтологических оснований любых социальных регуляторов остается непреходящей проблемой философии. Поэтому стоит обратиться к традиции и посмотреть, каким образом оправдывалась власть в ту или иную историческую эпоху, каковы онтологические основания идеологии.

1.2.1. Государство в описании историков

В традиционных обществах никакого государственного народа в нашем понимании еще не было. Соответственно, не было и понятия отечества, а руководитель не воспринимался как «отец народа». Старые мифы и сказания воспевали предков и проецировались на землю. Память о порядке рождения сохраняется в материнском языке как символ братства или сестринства, который позже трансформируется в символы «ро-

дины-матери» и «отечества». История героев, устанавливающих закон братства на завоеванной территории, делает символ «отечества» архетипическим. Несмотря на обмен женщинами и историю завоеваний, несмотря на различие диалектов и языков, этимология неизбежно приводит к структурам родства. Фантазм общего происхождения от героических предков заставляет навязывать материнский язык завоеванным народам. Собственно, «патриотизм» и состоит в принятии этого языка в качестве господствующего на данной территории над другими диалектами и языками с тем, чтобы легитимировать государственное «равенство и братство». Ныне для фундаменталистов знания языка и факта рождения на данной территории недостаточно, необходимо установление родства. Таким образом, если рассматривать мифы как протоидеологии, то их онтологическими основаниями выступали знаки территории и родства или, как говорили немецкие культурологи 20-х годов прошлого века, «почва и кровь».

Первые философы, хотя и критиковали мифологические метафоры, но славили и укрепляли власть, которая объединяет людей в общество. Генеалогическая история апеллировала к великим предкам, к славному прошлому с целью пробуждения героики настоящего. Любой поступок героя превращался в подвиг. История понималась как форма «живой памяти», осуществляющей перенос величия предков на потомков. Главная функция такого подхода заключалась в формировании идеального образа проекта настоящего и будущего. Положение радикально меняется в XVII веке. Идеология перестает быть ритуалом суверенитета. Она больше не является связующим началом единства города, нации, государства. Раскрывается её оборотная сторона: навязывание большинству таких ценностей, которые представляют интересы правящего меньшинства. Те, кого славила натуралистическая идеология, разоблачаются как насильники и узурпаторы, вместо истории побед рассказывают об истории поражений.[22] Весьма популярной стала Франкфуртская школа социальной философии, обеспе-

22 См.: Фуко М. Нужно защищать общество. - СПб.: Наука 2005. - С. 87.

чившая критику идеологии. Представители этой школы занимались разоблачением порабощающей вертикали власти в системе координат функционирования общества.

Идеологии, разрабатываемые на основе натуралистического или онтологического дискурса, исходят из того, что государство представляет собой некую органическую целостность. У Аристотеля оно возникает по природе, как продолжение коллективного образа жизни стадных животных. Человеческим коллективам кроме биологических присущи еще и моральные качества, поэтому цивилизованный человек существует только в рамках государства. Платон, пожалуй, был первым, кто мечтал об идеальном государстве. Сначала он полагал его продуктом философии, которая раскрывает порядок космоса, и благодаря этому может служить основой управления государством. Однако в завершающей фазе своей творческой эволюции, Платон сделал ставку не на философский диалог, в ходе которого проясняется идея государства, а на телесные и духовные практики воспитания и улучшения породы «политических животных». В римской культуре кроме военной мощи и правовых институтов для поддержания порядка использовались такие символические технологии, как строительство грандиозных общественных зданий и форумов, демонстрирующих вечность Рима и незыблемость государства как абсолютного регламента жизнедеятельности общества. Но вот западная церковь втягивается в длительную борьбу с королевской властью. Папа Григорий VII объявил государство творением дьявола. Тем не менее, феодальное государство, несмотря на ужасные распри, просуществовало довольно долго. Секрет его прочности раскрыл А. Токвиль, согласно которому люди в иерархическом обществе были связаны друг с другом, как звенья одной цепи. Это единство хорошо иллюстрирует средневековая модель, где разные сословия представляются как органы единого политического тела короля. Тайну жизнеспособности государства выражает образ Левиафана – библейского чудовища, выбранного Т. Гоббсом в качестве базовой политической метафоры Нового времени. Это не анахронизм, а учет онтологических основа-

ний бытия общества. Национальные государства, возникшие в Европе после распада старого порядка, вовсе не похожи на идеальный образ гражданского общества. В одном из самых популярных политических трактов Н. Макиавелли «Государь» государство представлено как сложный механизм, требующий заботы специалистов. Правитель должен быть «аппаратчиком», ограждающим государство от амбициозных личностей, мечтающих о личной власти. К советам Макиавелли политики обычно прибегали в кризисные моменты.

Верноподданические дифирамбы государству посвятил Гегель. Он определял государство как нравственное целое, как осуществление свободы. Государство – это божественная идея, ее осуществление на земле. Субъективная воля подчиняется законам государства и таким образом она подчиняется самой себе и поэтому свободна. Гегель считал, что государство образует единую субстанцию, единый дух с его религией, искусством, философией, культурой, климатом, соседями. «Государство есть духовная идея, проявляющаяся в форме человеческой воли и ее свободы.»[23] Речь идет не о субъективной, а общей воле.

Представительная демократия основана на ложной идее, будто народ есть нечто готовое, завершенное. На самом деле нацию создает государство. Оно является синтезом субъективной и общей свободы. Этот синтез происходит первоначально в религии, затем в искусстве и философии. Религия выражение сознания истины народом. Государство есть сосредоточие этих форм синтеза. Религия готовит людей к признанию высшего, к жертвенности. Вместе с тем религии, основанные на страхе божием, приводят к фанатизму. Но и чисто светское государство тоже неполноценно, ибо отрывает конституцию и законы от принципа совести. По Гегелю, история начинается с того времени, когда в мире начинает осуществляться разумность. Человек, не знающий различия добра и зла, народы, существующие без государства, не являются предметом истории. Всемирная история, как считал Гегель, не является ареной счастья. Это

23 Гегель Г.Ф.В. Философия истории. - М.: Мысль, 1957. - С. 45; см.: Гегель Г.Ф.В. Философия права. - М.: Мысль, 1990. – 524 с.

место драм и конфликтов, войн и разрушений, порабощений и страданий. Порядка, если иметь в виду прогресс, в этом мире нет никакого. Скорее, цивилизация – это история катастроф, а не возвышений. Тем не менее, Гегель понимал всемирную историю как ход развития мирового духа. На этом пути возникают серьезные препятствия и, прежде всего, разительное несоответствие рациональности и исторических событий, которые случайны и непредсказуемы. Они случаются вопреки задуманным планам. Поскольку они, как правило, являются плохими, то ясно, что их никто не хотел. Если обратиться к так называемым историческим личностям, т.е. вершителям истории, великим людям, к героям, то их частная жизнь не просто суетна и ничтожна, как у большинства людей, а глубоко порочна и даже преступна. Выход из явного несоответствия исторических событий порядку развития мирового духа, ведущего к свободе, Гегель нашел в различии разума и воли. В истории действует не разум, а страсти. За их слепыми порывами Гегель пытался усмотреть скрытое от самих деятелей стремление к свободе. Собственно, критерием исторической значимости того или иного великого человека и является вклад в прогресс свободы.

К. Лёвит отметил, что варварство не знало истории и придерживалось мифа о вечном возвращении.[24] Схема вечного возвращения не предполагает исторического метода. Идея прогресса, выдвинутая в эпоху Просвещения, это секуляризированная иудео-христианская эсхатология. В соответствии с современным историческим самосознанием, историки ищут в прошлом параллели с настоящим. Например, можно указать на сходство современности с эпохой принятия христианства в Риме. И все же не ясно, почему именно раннее христианство, а не иные исторические события, использованы как средство для понимания современности. Об этом уже было много споров, но параллелизм римской истории и современности не подвергался сомнению и, вообще говоря, не был даже толком изучен. Циклические и эсхатологические архетипы обусловили поиски исторических параллелей. Уже в эпоху Просвещения

24 См.: Лёвит К. От Гегеля к Ницше. - СПб.: Наука, 2002. - С. 498.

говорили о закате эона творческого времени в ожидании нового цикла истории. Гегелевская модель прогресса превратила круги в спираль. Поэтому христианство рассматривалось как начало творческого эона, Очевидно, что жизнь, смерть и воскрешение Христа повлияли на гегелевское восприятие истории, заложив диалектику тезиса, его отрицания на уровне антитезиса с выходом в состояние синтеза, как нового качества первоначального тезиса и т.д. пока существует общество и человек в нем.

Совместима ли идеология и эсхатология? Идеология обращена в будущее, а живое ожидание конца света лишает историю всякого смысла. И все же между ними есть связь. По мнению К. Шмитта, мостом между идеологией и эсхатологией является образ героя, который побеждает зло[25]. Идеальная политика, как и теология, сохраняет волю к абсолюту, а не руководствуется земными интересами людей. Наоборот, английская версия государства и власти, основанная на допущении «естественного состояния», обнаруживает драматический конфликт одного субъекта права с другим субъектом права, следовательно, человека с человеком. Это препятствует абсолютизации идеологического и теологического господства. На заднем плане находятся политэкономическая предпосылка, согласно которой нужда является естественным состоянием человека. В качестве онтологических оснований идеологии выбирается не метафизика, а «физика» права и политической экономии.

1.2.2. Идеология и право

После окончания религиозных войн в Европе меняется статус права. Если раньше оно было правом сильного, устанавливалось победителями, оно закрепляло их привилегии. Отныне оно мыслится философами и юристами как универсальное право суверенного субъекта. Юрист, как когда-то священник, находится между враждующими сторонами и хочет их примирить. Но не является ли такая модель универсального права иллюзорной?

Первоначально суверен мог действовать и вопреки праву. Ког-

25 См.: Шмитт К. Диктатура. - СПб. Наука. 2005. – 327 с.

да настала эра господства судебной власти, он стал мыслиться как его гарант. Любое посягательство на конституцию как Основной Закон страны будь то со стороны частных лиц, партий, церкви, бизнеса или интеллектуалов, включая президента, расценивается как нарушение порядка. Как же тогда происходит развитие общества? Путем поправок к конституции и даже ее изменения? Они вносятся, так сказать, задним числом, когда на арену истории выдвигаются те или иные интересы и цели нового класса, завоевывающего господство. В любом случае речь идет об утверждающем действии. Политический, религиозный, военный лидер и даже идеальный законодатель, получивший или захвативший власть, выступают как учредители нового порядка. Но что значит верховенство законов, если они учреждаются не на правой основе?

Согласно теории общественного договора Т. Гоббса, составляющей стержень либерализма, лекарством от анархии выступает право на жизнь, но насколько страх смерти удерживает человека в лоне правопорядка? Власть, достигнутая благодаря игре сил, является временной, к тому же рождающей страх утраты. Ее признание прочно, если оно не ситуативно, а соответствует принципам этики и права. Конечно, и в этом случае необходимо вынужденное принуждение. Отдельные индивиды не всегда соблюдают законы, да и народ не всегда соглашается с конституционным определением высшего блага и цели. Конституция определяет фундаментальную организацию государства и решает вопрос, в чем собственно заключается порядок. Существо этой организации состоит в определении, какой порядок является нормальным, в чем состоит интерес общества. Разные партии отвечают на эти вопросы по-разному, но если бы каждый действовал самостоятельно, то это была бы анархия, а не государство. Понятие порядка не сводится к административному или полицейскому надзору, который вводится во время чрезвычайного положения. Естественным основанием порядка является солидарное единство людей – народ, составляющий общество.

К. Шмитт предложил органическую модель государства, согласно которой решающее значение имеет воля народа, понимаемого как этнос. Пример Веймарской республики, скорее,

обнаружил ту цену, которую приходится платить за реанимацию народного единства, подаваемого идеологами как органическая целостность. К народу обычно взывают в чрезвычайной ситуации, например, во время войны или революции. В мирной жизни люди живут как автономные индивиды, объединяющиеся по половым, возрастным, профессиональным, групповым, классовым и иным признакам. Выбираемые ими парламентарии также различаются соответственно расслоению общества и путем дебатов принимают решения, за которые проголосовало большинство. Существующий порядок может критиковаться с точки зрения традиций или высших ценностей. Если речь идет о «правом деле» кажется разумным отказаться от крючкотворства, но это может быть как пролетарская диктатура, так и «суверенная демократия», используемая для достижения высших целей. Естественное право, если вдуматься, – весьма противоречивое понятие. С одной стороны, должны быть права, защищающие естественные человеческие потребности. С другой стороны, позитивное правовое состояние отличается от естественного. Естественное право не видит никаких проблем в использовании насилия для достижения справедливых целей. В рамках положительного (позитивного – государственного) права насилие расценивается с точки зрения не целей, а средств. Отсюда главным становится не справедливость, а законность. Выход из этого тупика осуществляется путем разделения критериев законности и справедливости. Естественные цели входят в противоречие с правовыми, если достигаются целями подрывающими правопорядок. Государство монополизирует справедливость и не разрешает индивиду использовать насилие. Право соединяет людей в общество. Оно зависит от моральности народа, аналитической проницательности законодателя. Уважение к свободе и собственности является моральной основой римского права.[26]

Не почва и кровь, а публичное применение разума в науке, праве, религии – вот что главное в обществе. На этом основании сформировалась делиберативная идеология. По Канту,

26 См.: Чемберлен Х. С. Основания XIX столетия. В 2-х томах. - СПб.: Русский мир, 2012. Т.1. - С. 304.

каждый человек может пользоваться равными свободами, открыто провозглашенными принудительными законами. Однако, это формальное условие не определяет, кто с кем может объединится на этой основе. Как можно быть уверенным в том, что другой будет поступать так, как и ты, всякого ли другого признают равным себе, рассматривая другого как зеркало, обеспечивающее возможность лучше увидеть свои достоинства и недостатки. Но если другой - это чужой, то народ определял свое отношение к нему как к чужому. Прежде чем говорить о формальном праве на участие в демократическом процессе, следует решить более важный вопрос о том, как совокупность людей превращается в «народ». В ходе французской и американской революции граждане боролись за свои республиканские свободы либо с собственным правительством, либо с колониальным режимом, что и задавало границу своего и чужого. Наиболее естественным ответом на поставленный вопрос является ссылка на существование национального государства, в контексте которого собственно и может быть осуществлен демократический процесс. Та или иная народность применяет право на национальное самоопределение. Однако, такой путь опасен для мультинациональных государств, которые будут вынуждены устраивать этнические чистки. Не следует забывать, что и национальное гомогенное государство формировалось не в пустоте, а в борьбе с соседями, охватывало и ассимилировало другие этносы. Репрессии приводили к протесту. Добившиеся самостоятельности этнические нации сами начинали преследовать чужих, прибегали к насилию вплоть до физического уничтожения. Отсюда возникает вопрос о границах права наций на самоопределение. Пока граждане пользуются равными правами, и никто не подвергается дискриминации, не существует нормативных оснований для отделения. Однако на практике обнаруживается, что нередко именно демократический процесс, осуществляемый большой нацией по отношению к малой, разрушает ее культурную идентичность.

Право вовсе не нейтрально, оно гораздо более радикально,

чем идеология, ибо меняет личный образ жизни, затрагивает семью, брак, воспитание детей, язык, образование. Как могут быть урегулированы подобные вопросы, если отказаться от скрытого насилия? Очевидно, что их нельзя решить путем бесконечной фрагментации общества. Выход видится в различии не только культуры большинства и меньшинства, но и в формировании такой общей политической культуры, которая не навязывала бы меньшинствам традиции, ценности и права основной нации. Согласно принципу мультикультурализма, члены каждой культурной группы должны разделять общий политический язык и сформулировать правила участия в борьбе за реализацию собственных интересов. Конфликты должны решаться не на улице, а в суде. Для этого существует судебная ветвь власти государства.

Модель правового государства нуждается в обсуждении вопроса о границах права и о судьбе идеологии. Идея правового государства доводится иногда до абсурда. В результате того, что все проблемы и конфликты должны решаться в суде, управленцы, да и не только они, озабочены в основном защитой от возможных судебных исков со стороны клиентов. Все судиться не могут, для этого не хватит никаких судов, их содержание тяжким бременем лежит на плечах налогоплательщиков, не говоря о том, что страх судебного преследования блокирует работу. Означает ли это неизбежность принятия решений, исходя из норм морали, здравого смысла или из высших целей государства, поставленных идеологией? Не будет ли это возвратом от позитивного права к естественному. С точки зрения идеологии верховенства права это недопустимо, но «по жизни» совершенно очевидно, что в жизни возникают ситуации, неразрешимые с формально-правовой точки зрения. Авторитет и сила закона, так или иначе, базируются на справедливости и солидарности. Отсюда следует определить баланс права, идеологии и человеческой психологии.

1.2.3. Идеология и психоистория

Зараженные индивидуализмом интеллектуалы 20 века устроили настоящую травлю государственной идеологии. В

наше время она уже не согревает сердца людей, но люди не могут жить без базисных ценностей. Поскольку вся наша экономика, а вслед за ней и все остальное, приобрело «виртуальный», «информационный», «символический» характер, то идеология тоже может расцениваться как форма производства социальной реальности. Не удивительно, что сегодня снова просыпается ностальгия по государству, по государственной идеологии, которую с позиций психоистории можно определить как способ избавления от коллективного стресса.

В дострессовой фазе внутри группы благодаря хвалебным и воодушевляющимся словам талантливых идеологов формируется единство общества. Из этого возникает не вполне симпатичная смесь хвастовства и исключительности, которую, впрочем, можно считать вполне нормальной. Гораздо хуже группы, объединенные на основе ресентимента. Сначала говорили о европейской идентичности, затем наступила ностальгия по старой России. В фазе кульминации стресса группа превращается в коллективное тело, которое с целью выживания утверждает себя в качестве объекта собственного предпочтения. Коллективная паранойя приводит к вспышкам национализма, шовинизма и формированию образа врага. Проблема в том, что часто вместо реального агрессора в политике используется воображаемый. В борьбе есть побежденные, но остается открытым вопрос о победителях, которые являются потенциально побежденными, как покажет последующее время. Для организации хорошей жизни, конечно, лучше быть победителем. Но и побежденные как то должны продолжать жить. Этот вопрос особенно важен для русских, которые с 1991 года пребывают в состояния поражения. Невостребованные интеллектуалы, говоря о победе, обманывали самих себя, поэтому им рекомендовали умерить свои ожидания, заняться «деконструкцией» патриотических ценностей и освобождаться от политических амбиций. Замена марксизма экзистенциальной философией есть продукт этой эпохи. Вспышки «духа войны» всего лишь кратковременные неудачно заканчивающиеся фазы реванша. В современной фазе развития общества снова заговорили о патриотизме, о любви к Отечеству.

В принципе, такие настроения можно расценивать как переход от уныния к пассионарному подъему. Важно не растратить попусту накопленную энергию и использовать ее в политических целях.

Государственная власть запрашивает новую национальную идею, которая могла бы сплотить нацию. Но если нет нации, то не может быть и национальной идеи. Мы не знаем, кто мы и зачем живем. Можно ли жить для себя, или мы должны жить для чего-то другого? Сократовская забота о себе не была вполне индивидуальной и тем более эгоистичной, ибо предполагала формирование государственных добродетелей. Наоборот, мы ориентируем молодежь на индивидуальное искусство жизни, в котором не предполагается заботы о родине, родителях и детях, не затрагиваются вопросы о солидарности. Какой же видится выход из этой постстрессовой ситуации? В условиях одновременно инфляции и дефляции понятий «государство», «идеология» «человек» следует предпринять попытку понимания того, как задолго до теоретических изысканий и философских дискуссий культивировалась любовь к социуму. «Отечество» превратилось в политике в бюрократического, а в науке – в теоретического монстра, и уже не согревает души людей. Вместе с тем, современные теледискуссии свидетельствуют об изменении негативного отношения к прошлому. Критика тоталитаризма расценивается как диссидентское наследие и уступает место тенденции усиления вертикали власти. Объективно такая трансформация сознания вызвана тем, что при социализме государство регулировало едва ли не все сферы жизнедеятельности. Сегодня, наоборот, политику государства определяет рыночная экономика, а граждане хотели бы защиты от ее негативных последствий и злоупотреблений, одним из которых является коррупция. При этом важно не перегнуть палку, не вернуться к полицейскому государству, а научиться управлять экономикой для повышения благосостояния людей. Это и могло бы стать сильным фактором консолидации общества.

Ответ на вопрос, что такое государственная идеология, следует искать не в открытии её «природы» или «сущности», а в рефлексии относительно условий, определяющих трансформацию это-

го понятия. Первое, что нужно прояснить, является государство неким исторически складывающимся образованием, которое репрезентирует идеология, или наоборот, первичным является идея государства, которая воплощается в политической практике? Это не простой вопрос. Будь то внешний мир или состояния сознания, все они находят свое выражение в языке. Стало быть, именно понятийный аппарат является условием селекции и интерпретации явлений. И все же нельзя однозначно утверждать, что онтология, в том числе и социально-политическая, определяется ресурсами нашего языка. В конце концов, внешний мир и социальная реальность, как говорится, «даны нам в ощущениях» а также в переживаниях комфорта и страдания, насилия и свободы и других экзистенциальных модальностях. Кризис оснований идеологии возродил интерес к жизненному миру», который стали считать чуть ли не фундаментом рациональности, и не поспешили ли В. Дильтей, Э. Гуссерль и М. Хайдеггер объявить переживания, а вслед за ним и остальные «экзистенциалы», аутентичной формой самодостоверного опыта. На самом деле следует усомниться в их очевидности. Например, недовольство, выливающееся в социальный протест, может быть вызвано самыми разными факторами: элементарным голодом, нищетой, эксплуатацией, насилием, но также и нашими, возможно, завышенными представлениями о хорошей жизни, наконец, моральными оценками, касающимися равенства и справедливости. В эпоху информационных технологий такие «реальности», как государство, общество, справедливость считаются продуктами сознания, которое не просто репрезентирует сущности, но и выявляет и даже конструирует их. Вместе с тем не следует впадать в крайность и утверждать, что государство, общество и даже «голая жизнь» – это идеологические конструкты. Критика идеологии не раскрывает, а камуфлирует тот факт, что под разговоры о кризисе государства, происходят его трансформации, в ходе которых оно не только не ослабевает, но наоборот усиливается. Юристы, защитники прав человека считают, что суверенитет закона обеспечивает победу разума над страстями, но не скрыта ли в универсальных правах история победы реальных сил? Сегодня этот вопрос приходит в голову тем, кто видит отрицательные

последствия европейской модернизации традиционных обществ. Одни творят историю, другие ее судят. Философы уже не претендуют на роль судей, а выступают как арбитры, пытающиеся согласовать противоположные позиции. Общественный порядок складывается не в результате принуждения к истине, а как относительно устойчивый баланс противоборствующих сил. Его сохранение предполагает принцип, столь же непреложный как право на жизнь. Всеми силами следует не допускать возникновения чрезвычайных ситуаций, которые являются питательной почвой конфликтов. Они, конечно, все равно возникают. Тогда нужно думать, как выходить из них с минимальными потерями и как избежать ненависти и мести в постстрессовых ситуациях. Таким образом, речь не идет о «вечном возвращении» эсхатологии или идеологии. Люди уже не связаны друг с другом большими планами. Поэтому происходит тривиализация и даже опошление политики. Кто сегодня решится утверждать, что политики должны преследовать вовсе не земные, экономические, а более высокие, трансцендентальные интересы? В 1808 г. Наполеон сказал Гёте в Эрфурте, что политика – это судьба, а разговоры дипломатов – это не политика, а театр. Время показало, что взять судьбу в свои руки еще никому не удавалось, что косвенно подтверждает реальность онтологических оснований идеологии.

Резюме: либеральный тезис о «смерти идеологии» реализовался совсем не так, как хотелось его авторам. На самом деле, произошёл своеобразный «метампсихоз», т.е. «душа» идеологии переместилась в другое тело – в масс-медиа, рекламу, дизайн, в рынок потребления и развлечения. Особенность такой формы идеологии в том, что она уже не является предметом рефлексии, о ней уже нельзя говорить в терминах «истинная» или «ложная» идеология. Ее знаки уже не отсылают к «идеям», а воздействуют прямо и непосредственно, захватывают человека как некая «гиперреальность». Идеология сегодня – это онтология повседневной жизни. Её аналитика требует разработки нового философского инструментария, пригодного для исследования различных модусов человеческой экзистенции.

§ 3 ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ЦЕНА БЕЗЫДЕЙНОСТИ

«Будучи рождены оригиналами,
как получается, что мы умираем копиями?»
Стендаль

1.3.1. Идеология как производное Идеи Платона

Не исключено, что, у большинства благополучных граждан, вкусивших и продолжающих вкушать плоды современной цивилизации, при слове «идеология» сводит скулы так же, как если бы им предложили съесть без сахара целый лимон. Есть и те, у кого реакция на «идеологию» достойна её таинственной и страшной сути — реакция панического и обескураживающего страха перед её огромной и непредсказуемой силой. Сограждан понять можно: за «идеологией» тянется огромный шлейф историй и событий, в конце которых участники этих историй и событий чувствуют себя, в лучшем случае, одураченными, в худшем — жертвами, многим из которых остается надеяться на воздаяние совсем не на этом свете. Знает всё статистика. Гильотина Великой французской революции (вершины энтузиазма тех, кого Наполеон презрительно называл «идеологами) отделила голову от туловища 17 тысячам своих современников. Общее число погибших (включая самосуды и проч.) — 40 тысяч французских граждан. Дебют другой «великой» (по самоназванию) революции в октябре 1917 г. в России открыл беспрецедентный мартиролог отечественных жертвоприношений: в справке от 1 февраля 1954 г., составленной по указанию Н. С. Хрущева и подписанной Генпрокурором СССР Р. Руденко, говорится, что за период с 1921 до начала 1954 г. только за «контрреволюционные преступления» в СССР было репрессировано 3.777.380 человек (из них 642.980 человек расстреляны, остальные отправлены в лагеря и тюрьмы). А еще Камбоджа времен «Красных кхмеров» (1975—1978 гг.) — по разным источникам, погибло от полутора до двух миллионов человек. А еще КНР — жертвы политики «Большого скачка» (1959 — 1961 гг.),

когда от массового голода, только по правительственным данным, погибло около 15 миллионов человек. Массовый террор «культурной революции» (1966 - 1976) исчисляется миллионами убитых, доведенных до самоубийства и репрессированных. Идеология, идеология, идеология… И всё-таки с «идеологией» не всё так просто. Не всё так просто, даже при том, с какой бы массовой и неподдельной энергией не начинался очередной «идейный проект», но «всё кончается разочарованием». Странно, однако, другое — что-то есть в идеологии, что заставляет незлопамятное человечество снова и снова обращаться к этому средству, прибегая к которому люди коллективно присутствуют в мире, отмечаются на решительных фазисах истории, учатся на собственных трагедиях, закрепляются на «необратимых точках» цивилизации. Более того, «идеология» как термин вошла в наше «рабочее» и обыденное сознание, когда мы беремся охарактеризовать непростую и совсем не внешнюю сторону какого-нибудь дела или человеческого предприятия. Мы говорим, скажем, об «идеологии» бизнес-плана, об «идеологии» технического проекта, об «идеологии» промышленной компании и т. д. Во всех этих случаях «идеологии» как бы отдается должное как имени, которое точно и эксклюзивно характеризует сущностный смысл (цель, задачи etc.) организации или проекта без всяких прямых ассоциаций с «политикой». Такое повседневно-техническое употребление «идеологии» сохраняет в человеческом сознании нечто недискредитируемое, что стоит, как ни странно, за идеологическим феноменом и, вероятно, составляет его «метафизику».

Если довериться исследовательскому настроению, то мы поневоле оказываемся на пути, который, следуя недавней философской моде, можно назвать «деконструкцией идеологии». Попробуем двинуться по этому маршруту, снимая слой за слоем те приобретения, за которыми, может быть, скрывается *другая возможность, другая подлинность идеологии,* время которой (возможности и подлинности) то ли уже ушло, то ли еще по-настоящему не настало.

Каждое поколение, живя в «собственной» современности,

имеет неисправимую склонность доверчиво считать «эту современность» самой «реальнейшей реальностью» — «a realibus ad realiora», как говорили средневековые схоласты. Тем не менее, это редкий случай, чтобы мы сталкивались (в этой нашей современности) с вещами, которые достигли своего «зенита» развития, своей «реальнейшей реальности» и тем самым ярко (до очевидности) демонстрировали бы свою сущность, свою природу, свою истину и правду о самих себе. Чаще всего перед нами предстают предметы и явления до или после своего «акмэ», своего «момента истины». Гегель, сказавший, что «вещи нет, если она только начинается», мог бы с правом продолжить: «вещи нет и тогда, когда она начинает кончаться», ибо современность помещается между миром в мысли и миром, ушедшего в прошлое. Приложимы ли эти соображения к идеологии? – Где она и что она на своём историческом пути: во цвете лет или угасания; время её прошло или еще по-настоящему не начиналось? Но самое главное: почему мы простодушно принимаем за идеологию то, что, похоже, совсем и не исчерпывает — «других возможностей, других подлинностей» феномена «идеологии». Мы знаем героическую эпоху политической идеологии, которая началась восторгом и дерзостью либеральных идей Просвещения и которая позвала «tiers état» на баррикады истории. Мы знаем и другую эпоху — современное «общество благоденствия, техницистских императивов, глобальной маркетизации, коммодизации всего и вся» и общество, обольщенное «культурой повседневности». Знаем ли мы после этого ответ всё на тот же вопрос: а что это было и что это значит?

Памятуя о том, что «идеология» сродни слову «идея», попробуем в последнем поискать опоры, привилегированной точки зрения «с высоты птичьего полета». Ведь никто не будет спорить, что «идеология» в её собственно зрелом, опять же в политическом обличье, — это феномен Нового времени. В своём «профессиональном» качестве она представляет собой не только попытку той или иной группы людей (сословия, класса или другой общности) осознать свое положение, свои возможности, свою «судьбу» в исторически сложившемся социуме. В

идеологии всегда присутствует и своя «интенция» — направленность на то, что хочет и что может по своим представлениям эта «группа людей». В этом смысле идеология — это мощная и безальтернативная сила, не зависимо от того, идет ли речь, скажем, как у К. Мангейма, о защите status quo или об изменении ancient regime, равно как идет ли речь, как у Маркса, об адекватном, объективном, научном представлении или «ложном сознании». Надо признать, что в реальной жизни эти приоритеты выстраиваются, скорее, в обратном порядке. Прежде чем люди расстануться с иллюзиями, выясняется, что «идеология» как «превратное сознание» несравненно долго и блестяще работает, соблазняя людей ложными миражами. При этом, как бы там ни было, для вынесения вердикта против «идеологии» (в марксовском смысле) необходимо время, «заём у бесконечности», по знаменитому выражению Мих. Лифшица. Только praxis как высший арбитраж может определить, чем руководствовался коллективный субъект — истиной или самообманом («идеологией», по Марксу).

Идеология (без кавычек) имеет силу «триггера» любого массового социального действия или, как говорят в социологии, «социального движения». Она вписана в контур действия в качестве «спускового крючка». Искусство может быть «чистым искусством», быть «только искусством», «искусством для себя». Идеология такой привилегией не обладает. Она обречена работать не на себя, а «на дядю». В этом заключена её несвобода, зависимость от агентов действия. Если пользоваться веберовской аналогией, то можно сказать, что всякая идеология — это идеология «убеждений», а не «ответственности». Вопрос об истине в идеологии не стоит на первом месте. В этом смысле наблюдательный и саркастичный Ницше был, конечно, прав: «Убеждения — более враги правды, чем ложь». Но такова суть идеологии. За свою силу идеология платит цинизмом и равнодушием к истине и к своей эпистемологической адекватности. Можно и не продолжать «послужной список», так или иначе дискредитирующий репутацию такого феномена, как идеология. На каждый упрек или обвинение всегда найдется апелляция к неизбежному — c'est la vie. При известной степени философской

покладистости и малодушии с этим можно было бы и согласиться и поставить точку, если бы не мысль о том, что автор пытается начать говорить, но долго откладывает замысел, рискуя самым неприятным — потерять в читателе заинтересованного дискурсанта.

Итак, о том, что «идеология» так или иначе ассоциируется с «идеей», и вопрос здесь, собственно, один: насколько идеология «оторвалась» от *мира и культуры идей*, насколько далеко зашло отчуждение идеологии от того состояния, когда она выступала в статусе идеи? Иначе говоря, не было ли такой эпохи, когда то, что мы называем «идеологией», существовало в формате своего «инобытия», причем более подлинного, чем пресловутая «идеология»? При желании можно подразнить собственное философское любопытство и другими подробностями — скажем, что ждёт «мир идеологии» и «мир идей» в современную эпоху, как никогда свободной от разных видов детерминизма — экономического, техницистского, лингвистического и даже от зависимости от «самоё себя»? Трюизм о том, что «бытие определяет сознание» давно сопровождается обратной теоремой: сознание в долгу не остаётся и участвует в «конструировании» бытия. Не стоит браться за поиски смысла этой «обратной теоремы», ибо смыслов слова «конструирование» очень много (См. только труды основоположников философии Нового времени: Кант, Гегель, Маркс). Две последние фигуры представляют в нашем случае особый интерес. Всё, что сказано ими относительно сущности и назначения ИДЕЙ как соавторов БЫТИЯ имеет непосредственное отношение к сформулированным выше вопросам и позволяет рассмотреть отличия «идеи» и «идеологии» как конкурентов на поприще «конструирования» бытия, жизни, социума? Найдется не мало авторов (Ленин, Грамши, ранний Лукач и др.), которые считали, что идеология — это тот идейный формат, который буквально заточен на преобразование и «передовое» жизнеустройство всякого «несовершенного», то есть нетронутого идеологией, бытия. В этом смысле можно согласиться, что идеология — непревзойденный социальный «архитектор». Другое дело, что продукцию подобного «зодчества», чаще все-

го, отличала поспешность, схематичность, догматизм и часто бесчеловечность. Возможно, не будет лишним, резюмировать на понимании сущности вещи, а значит её [сущности] возможностей (свернутых или уже развернутых, использованных или еще неиспользованных). Поэтому, можно сказать, что «эпоха идей-понятий» открывает новую ментальную экспозицию, в которой человек по новому и «более продвинуто» ориентируется в мире. Вещь (res) соотносится не только со своим названием (nomen), но и понятием (notionem), в котором человеческий опыт фиксирует знание о родовой сущности (essentia), природе (natura) этой вещи. Через греческий язык *понятие* о вещи привычнее воспринимается как «*идея*», «эйдос». Причем «эйдос», означающий и переводимый также и как «образ», на свой «образный», «картинный» лад подчеркивает способность *идеи* универсально, глубоко и в этом смысле нормативно отражать всё ту же сущность-природу вещи.

Фиксация в *идеях-понятиях* того, что лежит на сущностном, на «эссенциальном», а не на поверхностном, феноменальном уровне имело для развития цивилизации буквально революционное значение. С эпохи греческой Античности, не прерываясь даже в схоластике Средневековья и продолжаясь в Новое время, стала возможной та умственная парадигма (она же — «регулятивный принцип»), которая, несмотря на переменчивую философскую моду, всегда осмысливается в узнаваемой и принимаемой всеми фундаментальной и значимой редакции. Речь идёт о *соотношении* в бытии каждой вещи таких её характеристик, как «сущность/природа», «понятие» этой вещи, с одной стороны, и её «существование» — с другой. Это означает большой прорыв в самопонимании человеческого субъекта в его собственной истории. Драма бытия описывается в терминах, от которых даже при минимальной философской образованности сразу возникает то, что можно назвать «побуждающим», если, не сказать «возбуждающим пониманием» — пониманием ситуации. Ситуация с тревожной периодичностью выглядит как «различие между сущностью [вещи] и [ее] существованием»[27], как «противоречие между понятием [о вещи]

27 К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. — М.: Политиздат, 1956. - С. 53.

и [её] существованием»[28]. Иначе говоря, такое понимание ориентирует нас на норму-природу-сущность-понятие вещи, позволяет нам увидеть признаки и симптомы, отличающие отчужденное, навязанное, «не-своё-бытие» от бытия, где сущность и идея предмета совпадает с его существованием, когда предмет находится как бы «в своей тарелке». «Существование [же], противоречащее его [предмета] понятию, полагается как отчужденное, отличающееся от его сущности, наличное бытие»[29]. При таком понимании содержания *идей-понятий* мы как бы получаем онтологический импульс к исправлению ситуации. Бытие через нас корректирует то, что испорчено в жизни и испорчено не без нашей помощи. *Идеи* как бы стоят на страже отклоняющегося или коснеющего бытия. *Идеи* как продукт умственного труда становятся орудием критики бытия, а значит, становятся подъемной силой, перемещающей человеческую цивилизацию на еще один онтологический слой к точке «омега», если пользоваться лексикой Т. де Шардена. Другой миссии у *идей* нет, но именно здесь нас настигает поджидающее коварство сознания, которое с этого момента, может быть названо коварством *идеологического* сознания. Дело в том, что сами идеи, производимые интеллектуалами, этими фабрикантами духовного производства, не могут не испытывать на себе самые различные воздействия. Хорошо если эти «воздействия» идут от тех вещей, природу которых эти *идеи-понятия* и должны по своей функции схватывать и хранить. Происходи это так, сознание беспрепятственно бы справлялось со своей миссией, но отражение вроде бы, детерминировано не только объектом, на которое направлен луч сознания. В *идеях* как продуктах отражения всегда можно найти следы влияния других *идей* — предыдущих и современных. Есть и более субтильный «агент влияния» — познавательная форма, которая как «кантовская» форма «априорно», «парадигмально» регулирует своё содержание. Содержимое *идей* испытывает деформирующее влияние и *социума*. Зачем тогда человечеству нужны такие «непостоянные», «ситуационные», «гибкие», «множественные» истины, которые вступают в прямое

28 Цит. соч. - С. 47.
29 Цит. соч. - С. 46.

противоречие с единственным и мужественным призванием *идеи-понятия* — быть истиной вещей *как таковых,* то есть, истиной, не искаженной сиюминутным эгоизмом социальных интересов людей и детерминизмом текущих ситуаций и обстоятельств?

Одним из первых, кто по-серьёзному, то есть философски поискал ответы на этот вопрос, был К. Маркс. Он сделал ряд важных умозаключений относительно разбираемого здесь различия и даже установления противоположности между миром «идей-понятий» и миром «идеологии». Маркс говорит о «духовном производстве» и не просто о «духовном производстве», а о «свободном духовном производстве». В каком смысле оно «свободное»? В одной из своих ранних работ он отвечает именно так, как он понимает функцию, природу, миссию, понятие сознания. Речь идет не о «частном», «сословно»-детерминированном сознании, а о сознании, работающем в формате категорий/идей/понятий, то есть о сознании, которому в силу его широты и свободы, доступна способность универсальной открытости к миру. Такой неуязвимой со стороны «малого» (социального) бытия» и в то же время способного быть неискажающим зеркалом «большого бытия» (speculo mundo) является философия, и философию как форму такой мысли, считает Маркс, «интересует то, что является истиной для всех, а не то, что является истиной только для некоторых; её метафизические истины не знают границ политической географии»[30]. Свободная мысль знает цену ставки в борьбе за возможность видеть жизнь с «точки зрения *целого*». За проигрыш приходится расплачиваться, как по счетам, — утратой *истинной* оптики и обременением себя *иллюзорным* видением — «смешением иллюзорного горизонта частных мировоззрений с истинным горизонтом человеческого духа»[31]. Выясняется и напрашивается один очевидный вывод: то, что мы привычно называем «сознанием», имеет косвенное отношение к сознанию. Искаженное, искривленное, «детерминированное» бытием-реальностью-«фактами»- «контингентностью» etc. сознание как бы даёт на выходе, то, что «видит». Но, что оно видит, если оно «травмиро-

30 К. Маркс. Передовица в № 179 «Kolnische Zeitung» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. Соч. Т. 1., М.: Политиздат. - С. 101.

31 Там же.

вано» сопутствующими обстоятельствами и гнетущими подробностями жизни?! Классическая философия (в нашем случае в лице молодого Маркса) упорно настаивает — в назидание вульгарному материализму и плоскому позитивизму школы a la «социология знания» — на том, что подлинное Сознание (здесь уже можно говорить в открытую — *Идея*) способно на большее, чем отражение *текущих фактов* и страдание от *де*-формирующих его (сознание) *эмпирических факторов*. Оно способно в формате *идеи* — в противоположность *идеологии* — быть *истиной* бытия вещей, то есть, не принимать *видимость* за подлинное существование самих вещей.

Эта пресловутая и легендарная *видимость* никогда и ничем не выдаёт себя, ибо «реальность есть лучшая видимость самой себя» (Ницше). До тех пор, пока социум не стал социально и цивилизационно прозрачным для его обитателей, у сознания всегда будет огромная работа по демистификации всё той же *видимости*. Быть истиной мира, а не утешением, а точнее, утешительным восполнением этого мира, человеческое сознание может только в качестве *понятия*. Понятие как раз в силу своей масштабности и универсальности, то есть, возможности видеть целое à vol d'oiseau, «с высоты птичьего полета», способно идентифицировать суть вещей. Оно способно отождествляться с этой сутью, а не обманываться поверхностью. Оно исключает подмену сущности феноменальной видимостью. Было бы несправедливо в связи с сюжетом «детерминированного сознания» не коснуться вклада, который внес в эту тему наш и во многом еще не понятый соотечественниками Мих. Лифшиц. Не в ущерб размерам текста и долготерпению читателя, можно привести несколько аутентичных мыслей этого ученого. В диалоге с Эвальдом Ильенковым М. Лившиц обосновывает тезис о том, что в модели «классовой» и вообще «средовой» детерминации (в наивно понятой формуле «бытие определяет сознание») «сознание [выглядит] слепо, невменяемо, лишено отношения к истине, субъективно» (в смысле общественной, коллективной субъективности) и даже иррационально — поскольку его активность возбуждалась только классовым «нутром», а не отражением внешнего мира. Главным признаком всякого сознания

молчаливо признана его ограниченность, конечность […], т. е., зависимость от определенной позиции»[32]. Сознание может быть подавлено «материальными условиями жизни», и тогда получается вид ««исторического бреда», по выражению Герцена, т. е. «идеология» как превратное, ложное сознание, нечто противоположное понятию сознания, его сознательности»[33]. «Бытие малое, ограниченное данной … социальной средой, рождает кривизну нашего сознания, замыкается нами»[34]. «Сознание нельзя свести к переживанию бытия, стоящего «позади субъекта»»[35]. «Сознание, сведенное к определенной сумме условий, всегда конечной, вступает в противоречие со своим собственным понятием [что есть сознание? — А. Щ.]»[36]. В этой связи М. Лифшиц считает уместным говорить о двух видах сознания — об «обусловленном», «малом», «фактологическом», «безответственном», «ложном», с одной стороны, и о «бесконечном», «понимающем», «мыслящем», «не лишенном собственной природы, сознательности», «ответственном», «истинном» — с другой.

Возвращаясь к марксовой формуле «свободного духовного производства» в только что рассмотренном смысле, можно продвинуться в более существенном понимании свободы сознания. Не просто как свободы от государственной цензуры, от идеологического прессинга, обывательских штампов и часто нерефлексируемых (невидимых) «средовых» детерминант (узко-классовых, профессиональных, поло-возрастных, религиозных). Этот тип свободы сознания, кстати говоря, дается субъекту, скорее, с помощью того механизма, который сродни гуссерлевскому «эпохэ», феноменологической редукции, «вынесению за скобки» и имеет в значительной степени характер субъектно-волевого акта. На порядок выше иная свобода сознания — сознания от «видимости», той самой видимости, которая пуще реальности и которая-то и принимается за реальность, даже не подозревая,

32 М. Лифшиц. Диалоги с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). — М.: Прогресс-Традиция, 2003. - С. 25.

33 Цит. соч. - С. 27.

34 Цит. соч. - С. 31.

35 Цит. соч. - С. 40.

36 Там же.

что не всякая реальность, как показал еще Гегель, есть действительность. Уже понятно, что речь идет о сознании в формате «идея-понятие», которому открывается «*онтология* вещей», т. е., не просто всякая реальность (в том числе и иллюзорная, симулякрная), но как раз подлинная, истинная природа вещей. Уместно в связи «с онтологией вещей» напомнить о том, что философский подход определяет «онтологию» не просто как «учение о бытии», но «учение об *истинном* бытии», имея в виду, конечно, что в реальности есть и «неистинное», «отклонящееся от самого себя бытие». Утрата огромного потенциала, который несла классическая линия Платона – Аристотеля – Гегеля - Маркса и возведение неокантианской и феноменологической точки зрения в эксклюзивно методологический культ довольно надежно похоронило в «культурном» сознании современного социума когда-то найденное понимание сущности *идей-понятий-категорий* не просто как субъективных форм отражения, но и, прежде всего, как *форм* и *формообразований*, в которые отливается сама действительность. К*лассическая* установка предполагает и позволяет опираться на мир идей как на сам*ую* реальность. Эта установка ориентирует нас с помощью *понятий* на подлинные и истинные образцы этой реальности. В то время как *неклассическая* «парадигма», ориентированная на *релятивизм*, или «равнозначность» всех состояний действительности, фактически остаётся феноменом сознания, равнодушного к самобытности самого мира.

1.3.2. «Жертвоприношение» повседневности

Культуру «мыслить в идеях и понятия» мы успешно теряем в условиях постмодерна. В фильме А. Тарковского «Жертвоприношение», одно из действующих лиц, рассматривая роскошный альбом византийской живописи, произносит надолго остающиеся в памяти слова: «И всё это потеряно!». И всё это потеряно! А что приобретено как инобытие социальной подлинности? Приобретен «постмодернизм», на котором заметно притормозилось не только элитарное, но уже и массовое сознание.

В одной из своих работ («Начала») П. Бурдье назвал экзи-

стенциализм «потворством жизненному опыту». Странное заявление мэтра. Уж что-что, а экзистенциализм (особенно французский и атеистический) меньше всего подходит под такой приговор. Исполненный бескомпромиссного обращения к достоинству и мужеству свободной личности, он предполагает совсем другую аттестацию. То, что сказал Бурдье, больше подходит к характеристике постмодернизма, который и в самом деле есть чистое потворство, складывающейся реальности и самоугождение беспризорной субъективности. Что можно было бы вменить постмодернистской моде с высоты развиваемой здесь точки зрения на «мир идей», «на культуру понятий»? Постмодернизм покусился на скандальную роль — и неплохо с ней справился, осуществляя функции могильщика «культуры понятий». Невооруженным глазом видно, что корифеи постмодернизма (прежде всего, Ж-Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ж. Бодрийар) самым агрессивным образом настроены против феномена, выражаемого терминами «всеобщее», «целое», «тотальное» и проч., взятыми из словаря классической философии (Гегель: «целое — это истина предмета»). Постмодернистские авторы считают, что при таком понимании истины и аналогичной социальной практике-политике индивидуальному элементу (его свободе и идеосинкретичности) нет места, и всё заканчивается тоталитаризмом и террором. Обычно и уже хрестоматийно идет перечень имен и катастроф: Робеспьер, Гитлер, Сталин, гильотина революции 1789 г., Освенцим, Гулаг. «XIX и XX века досыта накормили нас террором. Мы дорого заплатили за ностальгию по целому и единому […] Ответ на это такой: война целому»[37]. Эта объявленная «война целому», сиречь, рациональной культуре Нового времени, Просвещения (в которой отразилась классика античной мысли) не могла не привести к эпистемологическому недоразумению, если не скандалу. Понятийному принципу мышления была противопоставлена как единственная альтернатива — «неклассическая гносеология» в виде словаря «нарративов», «языковых игр», «деконструкций» и проч. вещей, кото-

37 Ж.-Ф. Лиотар. Постмодерн в изложении для детей: Письма 1982-1985. — М.: РГГУ, 2008. – 145 с.

рые можно не без приятного интеллектуального удовольствия комментировать, но они совершенно бесполезны с точки зрения использования в качестве инструментов познания и построения знания. Пионером «постмодернистского хулиганства», которое в литературе чаще называют «эпистемологическим анархизмом» можно назвать П. Фейерабенда. Он считал, что в процессе познания нет привилегированных инструментов: «работает всё», *everything goes*, включая мистику и религиозную экзальтацию. Так что ничего удивительного, что последний привет от постмодернистского гуру в гносеологии назывался у Фейерабенда «Прощай, разум» (Farewell to reason, 1987).

По поводу периодически возникающего у людей подозрения в «коварной» и даже «разрушительной» природе разума (так что тут постмодернизм не новичок), действительно, можно сказать, что в истории цивилизации, субъектом которой выступает существо с гордым названием homo sapience, были (есть и, будут) эпизоды, которые иначе как «бегством от разума» не назовешь. Повод ли это к тому, что «человеку разумному» пора менять вывеску? Повод ли это к тому, чтобы отрекаться от идей и понятий (как носителей *всеобщего*) в пользу постмодернистского инструментария, сфабрикованного на антинаучном, антиидейном, антипонятийном замесе? Неразумность (где «разум» синонимичен словам «мысль», «идея», «сознание», «понятие» etc.) — это не отрицание разума, а его дефицит, возникший, хорошо — если на почве добровольного заблуждения, совсем скверно — если на почве сознательного презрения к искусству мыслить в понятиях. Для общего понимания феномена периодического «разочарования в разуме» вполне уместно, то соображение, которое неплохо сформулировал всё тот же М. Лифшиц: «Всякое развитие связано с утратами, истинный прогресс измеряется тем, насколько способен человек преодолеть отрицательные последствия собственных завоеваний»[38]. Возможно, для человека, который привык к более прозаическому языку техники или математики, всё это могло бы прозвучать понятнее и даже убедительнее, если бы

38 М. Лифшиц. Что такое классика? — М.: Искусство XXI век, 2004. - С. 460.

было сказано в духе выражений про метод истории как метод «проб и ошибок», «постепенных приближений», «итераций».

Одной из важных работ, если можно так выразиться, по десакрализации постмодернизма, справедливо можно считать книгу двух западных авторов Сокала А. и Брикмона Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна (1997, русский перевод, 2002). Наиболее ценным представляется вывод авторов относительно гнетущих социальных последствий постмодернизма в науке. У постмодернистов рациональность буквально тонет в собственной безбрежности и плюрализме. По принципу мы де всегда имеем дело с разными типами рациональности, проще говоря, рациональностей «много» и что, ничего универсального в рациональности Античности, Возрождения, Просвещения будто бы и нет, а есть, скорее, вариант европоцентристского высокомерия. Очевидно, что растворять сущность и достоинство рациональности в серной кислоте «плюрализма» и «полипарадигмальности» — это плохая услуга Разуму, этому трудному, но прекрасному детищу цивилизации, которого всегда и без того подстерегает на каждом шагу ловушки и соблазны варварства. По этому поводу А. Камю говорит: «Варварство всегда рядом». Вот почему следует согласиться с авторами «Интеллектуальных уловок»: «В тот час, когда суеверие, мракобесие и националистический и религиозный фанатизм чувствуют себя замечательно, по крайней мере, безответственно обращаться с легкостью с рациональным мировоззрением, которое исторически было единственным заслоном перед наблюдаемым безумием. Содействие мракобесию наверняка не является задачей постмодернистских авторов, но оно является неизбежным следствием их деятельности»[39]. Наша эпоха как «эпоха постмодернизма» оказалась самым неслабым и небезопасным испытанием, — эпохой, в чём-то даже несравнимой по коварству и силе с другим конкурентом «мира идей» — с «миром идеологии». В результате постмодернистской интервенции в ментальное пространство

39 Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1173.html

современного общества оказались вытесненными некогда бывшие между собой соперниками «мир идей» и «мир идеологии». Как уже говорилось, и *идеи*, и *идеологии* (одни как «свободное духовное производство», другие как социально детерминированное духовное производство) находят свое оправдание, миссию, назначение etc. в той социальной работе, которую они постоянно производят в обществе и для общества. Один из главных пунктов этой работы, по закону парадокса, не бросающийся в глаза — это удержание социума от «обратного движения», от деградации, от «инфляционного сценария» и закрепление цивилизационных успехов в «точках необратимости». Если *идеи* можно рассматривать как вполне адекватный инструмент для вышеназванной работы, то с *идеологиями* дело обстоит сложнее. В подавляющем большинстве *идеология*, как «травмированное» жизненными условиями знание или даже верование, представляет собой, скорее, ущербно-компенсирующее и/или неприхотливо-удобное «восполнение» недостающего. — Недостающего до чего? До полноты, прежде всего, включенности индивида в социальную, солидарную жизнь, но даже в этом случае, «идеология» — это лучше, чем «безыдейность» («беспринципность») и «безыдеологичность», которую мы рискуем получить с «эпохой постмодерна».

Какую бы сферу «постмодерной модели» социума мы ни взяли — экономику, политику, культуры, — трудно отделаться от впечатляющей «игры на понижение», игры, означающей «неолиберальное» освобождение от мужественной заботы «о целом», трудной ответственности «за целое», мудрости «целого». В *экономике* можно наблюдать доминирующую ориентацию «бенефициариев» рынка на беспечный оппортунизм массового потребителя при усилении корпоративного эгоизма финансовой олигархии и властной бюрократии. *Политическая жизнь* разрывается совсем не от диалектических противоположностей, от присутствия которых общество «целее» не становится. (Слово «целый» в смысле «невредимый» происходит от слова «целое», изгнанного постмодернистами из своего рабочего словаря). Эти политические тенденции суть: 1) источение силы универсальных прав человека

под нарастающим валом требований таких же «универсальных» прав для этно-религиозных, гомосексуальных и проч. «миноритариев» и 2) в противоположность этой лево-либеральной тенденции правоконсервативный тренд циничного национализма и шовинизма. О *культуре* особо говорить не приходится. Вся она за редким исключением — сплошная визитная карточка постмодернизма. Мода на эклектику стиля и вкуса; вырвавшийся наружу голый техницизм в декоративном орнаменте архаики и лже-классицизма — в архитектуре, условно-мифологический и масштабно развесистый иллюзион, на который согласны все (и продюсеры, и режиссеры, и зрители), — в арт-хаузной кинематографии, а также безбрежное и «без комплексов» путешествие по несложному маршруту обывательского подсознания — в авторском кино; потребительское переиначивание классики в театре и такое же «культурное» потребление ее дезориентированной аудиторией. Жирную бухгалтерскую черту под всем этим и другим репертуаром подводит жанр «интертейтмента», что на языке родного новояза знакомо звучит как «чисто поржать». Конечно, в появлении постмодернизма есть своя «логика», своё «самооправдание», своя «легитимность», своя «миражность», что нисколько не гарантирует ему такое же ложное и затянувшееся истолкование со стороны жертвы, каковой оказывается общество, желающее оставаться живым и продолжающимся. Постмодернизм — это пристанище, которое может стать тихим местом погребения всякой «идейности» хоть в высоком (*идеи*), хоть в практическом (*идеологии*) смысле слова. Такой постмодернизм освобождает не только от ответственности. Он освобождает от «принципности», понимая под последней закон истин, ценностей и идеалов (и в этом смысле «аксиоматики»), которой обеспечивает сопротивление общества всякому «инфляционному» и «потворствующему» сценарию. Как бы там, однако, ни было, надо отметить, что у постмодернизма есть «опасное сродство» с той «сферой» человеческой жизни, которая зовется «повседневностью», по поводу чего пришло время высказать приличествующие моменту и, конечно, заинтересованные соображения.

1.3.3. Повседневность как объект особого внимания

Повседневность уже давно привлекает к себе внимание социологов, философов, культурологов и представителей других профессий. На волне этого исследовательского интереса написано столько материалов, которые, по-видимому, уже никогда не прочтут даже специалисты. К слову сказать, повседневность оказалась настолько интригующим объектом для социологической науки, что последней, по мысли некоторых старейших социологов, следовало бы переформатироваться под новую и искусительную категорию. Об этом готовности говорит, например, П. Штомпка: «Центр внимания социологии в последнее время, кажется, резко меняется. В каталогах известных издателей трудов по социальным наукам: Блэкуелл, Кембридж Юниверсити Пресс, Полити Пресс, - множество названий, которые были бы совершенно немыслимы и считались бы абсолютно «ненаучными» всего лишь десять лет назад. Серьезные авторы увлеченно пишут книги по вопросам любви, интимности, дружбы, еды вне дома, поп-музыки, покупок, риска, недоверия, одиночества, здоровья и физкультуры, поездок в такси и т. п.»[40]. Как вывод — «считать эти эпизоды повседневной жизни центральным объектом социологии»[41]. С подачи З. Баумана мы узнаём, что социология не больше, чем «*комментарий*, набор объяснительных примечаний к нашему повседневному опыту. Социология — это углубление того знания, которым мы обладаем и пользуемся в повседневной жизни»[42]. Надо сказать, что интерес к повседневности в значительной мере пришелся как раз на тот момент, когда по известным причинам современное общество перестало жить в режиме острого идеологического напряжения и как бы открыло для себя заново ценность повседневного существования. С ростом материального благополучия обыденное существование вне политики и идеологии, та самая повседневность с ее досугом и «товарно-услуговой» оснащенностью стала приобретать все

40 П. Штомпка. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии. // Социологические исследования, 2009, № 8. - С. 3.

41 Цит. соч. - С. 4

42 З. Бауман. Мыслить социологически. — М: Аспект Пресс, 1996. - С. 224.

признаки, если пользоваться любимым выражением П. Сорокина, «самобытия» и образа жизни, с избытком «легитимизированного» массовым сознанием. В общем и целом, с разных сторон обследуемая повседневность, выглядит у большинства социологов как ценность среди других ценностей, как ценность «prima inter paris», достойно характеризующая цивилизацию постмодерна. Неудивительно, что круг исследователей повседневности постоянно расширяется за счёт культурологов и историков. Повседневная жизнь разных времен и народов стала темой многих книг, чаще всего из популярной и научно-популярной серии (Г. Кнабе. Древний Рим — история и повседневность. — М.: Искусство, 1986. Повседневная жизнь Парижа в средние века. — М.: Молодая гвардия, 2008; Человек в кругу семьи. История частной жизни в Европе до начала Нового времени. - М., 1996; Человек в мире чувств. Очерки истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. - М., 2000 и др.). Невооруженным глазом видно, что серия пользуется массовым спросом. Социологов уже не удержать. Можно наблюдать аналогичную тенденцию, которая представлена работами, посвящёнными, как правило, огромному разнообразию «повседневных практик», типичных для современного социума. В потоке социологических сочинений можно найти и предельно «идеографические»: «Люди и домашние животные в повседневной культуре больших городов; *особенности и противоречия современной эпохи*» и т.д. Социологический подход к повседневности (даже тогда, когда социология не имела сегодняшнего привычного обозначения) не был подходом с «чистого листа» и совершенно беспредпосылочным. Социологи подходили с точки зрения той или иной методологии, с точки зрения той или иной школы. Две из них хорошо известны, и говорить о них со скучной подробностью нет необходимости. Достаточно сказать главное: в обоих случаях повседневность, как говорили в старые философские времена, «гипостазируется», выделяется в некую самостоятельность, герметически независимую от всего хора социального ансамбля. Речь идёт о повседневности в редакции: 1) И.

Гофмана (1922 - 1982), «внесшего уникальный вклад в изучение интеракции «лицом к лицу» в повседневной жизни»[43]; 2) авторов феноменологической модели «жизненного мира» А. Шюца, П. Бергера и Н. Лукмана. При этом у И. Гофмана повседневность представлена не какой-то аморфной, хаотической и текучей реальностью, а вполне структурированной формами и приёмами межличностного общения. И. Гофману социология обязана изощренным анализом повседневного поведения, построенного на символической и часто обманной демонстрации людьми своего «Я». По существу это вневременная модель повседневности, по которой нельзя проследить следы исторической динамики и «telos'a» повседневности. Аналогичный упрек можно адресовать формальной социологии повседневности А. Шюца, П. Бергера и Н. Лукмана. Многие социологи, взяв за основу гуссерлевскую категорию «жизненного мира», очень удивили бы, будь он жив, отца-основателя феноменологии. Сведя эту важную категорию к банальному тезису в духе, что каждый человек (или коллективный субъект) имеет *свой* «жизненный мир», эти социологи релятивизировали, субъективизировали «истинное» (общее) знание, исключили это «общее» знание как основу человеческого взаимодействия. Для Э. Гуссерля «жизненный мир» был основой, которую не должны терять из виду все частные точки зрения, включая сюда и науку, и научные специализации, поэтому Э. Гуссерль никогда бы не согласился с тем, как неприхотливо в сегодняшней социологии подменили «жизненный мир» на «повседневность».

Если «повседневность» — это область частных, конкретных, «релятивистских» истин и точек зрения, то как возможен «жизненный мир», описываемый автором этого понятия как мир общезначимых, проверенных жизнью и потому самоочевидных представлений. Э. Гуссерль писал: «Встаёт новый вопрос — не об увязанной с традицией истине, но об истине общезначимой, тождественной для всех, кто не ослеплён традиционализмом, об истине самой по себе»[44]. Есть смысл вернуться к этим аргумен-

43 Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1. — М.: Вече, АСТ, - С. 142.
44 Э. Гуссерль. Кризис европейского человечества и философия …, - С. 314.

там Э. Гуссерля в плане понимания «ахиллесовой пяты повседневности» и критики «наивного опыта повседневности». Есть и другая версия оценки повседневности. Она рассматривается через призму вневременных, формальных приемов общения, способов подачи нашего «Я» в пространстве «других» и (пере) создания образа мира каждый раз, когда мы вступаем в контакт с этим миром etc. Этот взгляд на повседневность позволяет рассмотреть ее в исторической динамике, и понять повседневность в ее социальной функции, ответив на вопрос, а как она «отражает» на своей поверхности «неповседневные» сюжеты человеческой существования, поступь и императивы онтологии социума. На сегодня сложилось несколько моделей изучения повседневности.

1. Ф. Бродель предложил интересную и теоретически очень важную модель повседневности. В ней протекает (материальная) жизнь людей. Это только по какой-то социологической наивности и усталости от больших социальных концептов (grand theories) можно было принять повседневность в терминах И. Гофмана или А. Шюца - П. Бергера - Н. Лукмана за безальтернативный вариант теории повседневности. В социологических кругах подход Ф. Броделя не референтен в том смысле, что на него не ссылаются и не используют как рабочую модель. Между тем опыт Ф. Броделя уникален и несет в себе мощный эвристический ресурс. Во Введении к «Структурам повседневности» на макете истории материальной жизни Нового времени он рассуждает о структурах капиталистического рынка, имеющих принудительную силу. Любой ученый может зафиксировать динамику рынка легко, поскольку за него это делает фактически сама действительность. «Под рынком простирается, — пишет Ф. Бродель, — непрозрачная для взгляда зона […]. Это та элементарная «базовая» деятельность, которая встречается повсеместно и масштабы которой попросту фантастичны»[45]. На примере из сферы «материальной цивилизации» мыслитель увидел повседневность как неструктурированную реальность обилия действий и привычек (некоторый аналог «сете-

45 Бродель Ф. Структуры повседневности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vesmirbooks.ru/fragments/909/

вого мира»), который несет в себе значимые, цивилизованные константы и который способен абсордировать новые институты и даже сопротивляться их нецивилизованным девиациям.

2. Довольно критический портрет «повседневности» можно найти в экзистенциальной философии. Это уже портрет повседневности на фоне именно человеческой личности, перед которой всегда стоит задача оставаться в потоке жизни, а не в пространстве стереотипов, привычек и самоповторов, на которые личность обречена в повседневности. В такой повседневности нет места человеческой ответственности, инициативе, свободе, критике и самокритике, творчеству, самоопоре, одним словом, счастью «быть». Анти-«повседневнический», он же, анти-«обывательский» пафос экзистенциализма хорошо известен: не смерти должен бояться человек, о того, что он еще так и не начал жить. «Вернуться в бытие!» — так лаконично в духе «философии жизни» формулировал М. Мамардашвили императив современности, сползающей в «цивилизационный коллапс». В этом смысле, экзистенциализму мы в значительной степени обязаны словарем противопоставления «повседневности» и (настоящей) «жизни», противопоставление, как у Достоевского и Толстого, «живой жизни» — жизни «машиноподобной», «навязанной». В свое время Ф. Ницше, наблюдая обмещанивание Европы, с присущим ему стилистическим блеском и на свой метафорический лад, диагностицировал ситуацию: «Когда же они [современники] стали довольно зрелыми для того, чтобы «быть высланными в пустыню», с ними поступили иначе, ими пользовались, их воровали у них самих»[46]. С беспощадным реализмом и трезвостью он говорит о том, что облагополученная каждодневность несет в себе угрозу «родоначальникам бытия», которые, суть: Мечта, Воля, Несчастье. Другими словами, иная повседневность атрофирует способность: мечтать наперекор судьбе, не впадать в резиньяцию и быть стойким в беде и выковывать в ней характер. Между прочим, Ф. Ницше не только снисходительно иронизировал (если

46 Ницше Ф. Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nietzsche.ru/works/main-works/morning-dawn/?curPos=3

не сказать, что обличал) над подстрахованной и самоуспокоенной повседневностью. Он видел в ней то, что на сегодняшнем языке социологии, называется «дополнением/восполнением» к феномену «жизнь» в его подлинном и неискаженном воплощении. В сочинениях немецкого философа, которые уместно просятся быть процитированными в связи с темой «повседневной жизни», можно найти проницательные наблюдения. Первое из этих наблюдений: «В жизни, подверженной большим опасностям и превратностям, греки искали опоры и последнего refugium в размышлении и познании. Мы, живя в несравненно более безопасном состоянии, перенесли опасность на размышление и познание, и отдыхаем и успокаиваемся от них в *жизни*»[47]. И второе в продолжение первого: «*Жизнь должна успокаивать нас.* — Если живёшь, как мыслитель, в сильном потоке мысли и чувства, и если даже ночные сны несут тем же потоком: то от жизни требуешь успокоения и тишины, — между тем как другие, предаваясь размышлениям, хотят отдохнуть именно от жизни»[48].

Если Ницше, как всякий экзистенциальный философ, делящий жизнь на «повседневную» и «настоящую» (конечно, героическую), готов оправдать «повседневность» как некую «базу отдыха», полосу «рекреации» перед очередным прыжком в рискованное и неизвестное пространство «живой жизни», то М. Хайдеггер готов принять повседневность как единственное бытие, в которое волей-неволей «вляпывается» индивид. Это не бытие, а мир обычных хлопот, банальных истин, каждодневной тревожности. «Это не жизнь, а существование» — примерно такой приговор выносит обычный человеческий язык такой ситуации. Сам М. Хайдеггер называет эту повседневность, естественно, не бытием, а, скорее, бытом, погружённым в “болтовню”, “двусмысленность”, “любопытство”, “озабоченное устроение” и т. п., которые не преодолеваются общением в публичном пространстве, а только усугубляются, если не порождаются им вообще. Можно было бы сказать, что М. Хайдеггер готов повторить характерный для экзистенциализма набор со-

47 Там же.
48 Там же.

крушений и ламентаций по поводу «невостребованности» человеческой подлинности на дорогах повседневности. М. Хайдеггер в отличие от других экзистенциалистов (скажем, Сартр, Камю, Ясперс) не рассматривает решение проблемы в отказе от пребывания в повседневности в «пользу» пограничного, маргинального, кризисного etc. состояния. К бытию надо двигаться, не покидая повседневности. Истина жизни сказывается везде и в любое время. Она открывается ищущему её. Как бы там ни было экзистенциалистская модель каждодневной жизни, характеризуя повседневность в негативных терминах, задаёт недвусмысленный императив: «Повседневность — это то, что должно быть преодолено» либо на её собственной базе через усилия человека мыслить, прозревать контуры подлинного бытия, или делать это открытие через «прыжок» в трансцендентное повседневности состояние.

3. Для ряда социальных теоретиков «повседневность» и «жизненный мир» остается важной сферой, прежде всего, по своим функциям и значениям. Поэтому всякая угроза этой сфере для человеческой культуры и истории имеет негативные последствия. Другими словами, если рассмотренный экзистенциалистский подход резюмируется выводом о необходимости «преодоления» повседневности, то Ю. Хабермас, разделяющий позиции «критической школы» в социологии, напротив, говорит о ценности «жизненного мира» и повседневного знания, имеющих интегрирующее значение для продуктивного самосохранения общества. Опасность состоит в том, что «система» позднего капитализма (его экономика и государство) «колонизирует», подчиняет своей логике весь «жизненный мир» современного общества. При таком режиме «колонизации» общество интегрируется и легитизируется совсем по-другому, чем при наличии полноценного «жизненного мира». «Общество потребления» соблазняет своих субъектов к «интеграции» в «систему» ценой добровольного превращения «граждан» в «клиентов». Более-менее целостная фактура «жизненного мира» с его массовой духовной и культурной доминантой (бог, идеология и проч.) десакрализуется, деидеологи-

зируется и рассыпается на фрагменты. Происходит, считает Ю. Хабермас, ограбление повседневного сознания, оно лишается своей способности к синтезированию, становится фрагментированным. Дорога к «одномерному существования» с этого момента полностью открыта. В этой мало приглядной перспективе Ю. Хабермас связывает свои надежды на возвращение «жизненному миру» его легитимизирующей силы только через культуры демократических коммуникаций — культуры, воплощающей дискурс-разум «гражданского общества»[49]. С позицией Ю. Хабермаса Мишеля де Серто объединяет общее понимание «повседневности» и забота о ней как некоей сокровищнице большого социального опыта, к которому прибегают люди, преодолевая неопределенность и риски современности. В работе «Изобретение повседневности» М. де Серто исследует «сюрпризы» городской цивилизации эпохи постмодерна. В частности М. де Серто наблюдает, как в сегодняшнем рационально и техницистски спланированном городе (для которого он находит точное название «город-концепт») люди ищут лакуны своей «повседневности», убежища для своего «жизненного мира». «Но и сегодня город-концепт не уходит со сцены. Тем не менее, приходится признать: если в области дискурса он стал прямо-таки фетишем социо-экономических и политических стратегий, то в самой городской жизни возрождаются элементы, вычеркнутые урбанистическим проектом. Язык власти, политическая риторика «урбанизируется» — зато город перестал быть объектом регулярных операций; отдан противоречивым силам, играющим в свои игры вне досягаемости паноптического контроля […] Неуловимые силы упражняются в уловках и хитростях; лишенные четкой структуры, […] они не поддаются управлению [власти как автора городского дизайна]»[50]. Если власть задаёт город *стратегически*, то обыватель *тактически* переделывает город под себя разными способами своего присутствия в городском пространстве. У М. де Серто речь идет,

49 Ю. Хабермас. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2.

50 М. де Серто. По городу пешком // Communitas, 2005, № 2. - С. 83.

например, о повседневных способах «гулять», «смотреть», «называть» город. В реальности можно найти и множество других каждодневных городских практик, которые сопротивляются современному урбанистическому дискурсу и мейнстриму.

Пытаясь резюмировать общее впечатление от авторов, исследовавших «повседневность» в терминах близких к «классической» социологии и даже философии XX столетия, можно сказать без особого риска ошибиться: если экзистенциальная и гуманистическая мысль трактует человеческую повседневность отрицательно по причине того, что она являет собой «неаутентичный», «неидейный», «поверхностный», «обывательский» способ существования, то теперешний социологический подход, необремененный «высокими ставками» на человека, чаще всего исследует повседневность в инструментальном ключе и отвечает, скорее, на вопрос, как устроена и как работает повседневность. Более того, по мере разрастания моды на постмодернизм в социологии, стала укрепляться методологическая привычка «неэссенциальной» идентификации повседневности, или, как говорилось ранее, рассматривать эту пресловутую повседневность как «феномен без сущности». При таком подходе, погружаясь в социологические подробности повседневности, существует риск окончательно утратить человеческий смысл и подлинную онтологию этого ускользающего от нашего понимания феномена, именуемого повседневной жизнью. Социологи по большей части даже не ставят вопроса о «цивилизационном» критерии при идентификации «повседневных практик» или при попытках их классифицировать. В случае опоры на постмодернистское кредо о «равнозначности всех социальных состояний», потребность в таком тесте на «норму/нормальность», «полноценность», степень «девиантности» ежедневных практик сама собой отпадает. Поэтому-то и возникает необходимость взглянуть на повседневную жизнь через призму противопоставления или, лучше сказать, сравнения этого феномена со своей противоположностью — *неповседневностью.*

1.3.4. Цена безыдейности

Осуществить сравнительный анализ повседневности и неповседневности не просто. Эта малоутешительная констатация с объективистско-социологическим отношением к повседневности будет продолжаться до тех пор, пока социологи не внесут критический элемент в понимание этого феномена. Описывать и замерять параметры повседневности, которая в сегодняшнем массовом исполнении по постмодернистски ориентируется на самопотворство и самоугождение, — значит оказывать плохую услугу обществу и его социальному архитектору — гражданскому обществу. Как показывает современный опыт, «такие» повседневные практики поощряются властью как необходимый «институт» современного «общества супер-потребления». Нечего и говорить, что социология даже в таком невинном эпизоде, как повседневность, пребывает в хрестоматийном статусе «служанки власти».

Понятийный ключ к сущности повседневности лежит в диалектике *повседневное — неповседневное*. По справедливому суждению Б. Вальденфельса, «ни одна человеческая культура немыслима без противопоставления повседневного и неповседневного»[51]. Главный вопрос при этом в том, как мы понимаем «неповседневное». Если *повседневное* и *неповседневное* фатально и равнодушно противоположны, как у Б. Вальденфельса, то такая модель мало что дает в уяснения онтологии повседневности. Отсюда часто и ошибка авторов, которые утверждают, что «повседневности во всех её ипостасях, как правило, не присуща некоторая автономная сфера; не существует субстанция повседневности»[52]. Это правда, ибо нет такой отдельной и самостоятельной «самодостаточной», но не будем торопиться. Как назвать тот совсем не исключительный случай, когда человек «погряз в повседневности». Ему по-обывательски хорошо, и он все

51 Б. Вальденфельс Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. — М.: Прогресс, 1991. - С. 42

52 И. Касавин, С. Щавелев. Анализ повседневности. — М.: Канон+, 2004. - С. 414.

усилия готов употребить, чтобы оставаться в этой приятной безопасности. Для него жить в неповседневности — это подвергать себя риску, зачем-то интеллектуально и нравственно развиваться, быть готовым расстаться с «удовольствиями жизни». По своей прихотливости и самопопустительству массовый, среднестатистический человек предпочтет, скорее, «религию повседневности» (К. Косик), чем рискованное «счастье быть». Для такого человека существует только одна повседневность, совсем не «темная и отупляющая», по выражению Т. Лейтхойзера, а, напротив, удобная и легкая, где самое приятное состоит в том, что, как сказал бы М. Салтыков-Щедрин, «не надо задумываться». Да, что там индивид! Целые «континенты» и «цивилизации» в истории готовы погрузиться и погружаются в «золотую клетку» повседневности. Достаточно вспомнить, как сокрушительно был разочарован А. Герцен. Приглядевшись с близкого расстояния на современную ему Европу писал в работе «Концы и начала»: «Мещанство — идеал, к которому стремиться, поднимается Европа со всех точек дна. [...] Мещанство, последнее слово цивилизации […]. Страшный простор отсутствия»[53]. Современной социологической мысли есть над чем задуматься. Если даже *повседневность*, с одной стороны, и *мещанство, обывательство, филистерство* etc. — с другой, не являются синонимами (что правда), то, тем не менее, не видеть условий, когда «опасное сходство» (liaisons dangereuses) этих феноменов становиться «радостной встречей» — не позволительная роскошь для современного социолога.

Постмодернизм с его враждебностью к «культуре понятий», с его борьбой против принципа «универсализма», с его эпистемологическим бунтом и разрушительным выбором одной диалектической противоположности в урон другой — «единичного» в урон «целому»; «различия» в урон «сходному»; «релятивного» в урон «абсолютному»; «сетевого» в урон «иерархическому»; «контингентного» в урон

53 Мещанство формирует заниженные общественные эталоны по оценке А.И. Герцена. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vikent.ru/enc/3407/

«необходимому» и, конечно, «повседневного» в урон «неповседневному» etc., — всё это не может не иметь своего дезориентирующего эффекта. Научно исследовать и реально ориентироваться в качественной и содержательной стороне повседневности становится делом крайне проблематичным. Повседневность, взятая как некий суверенный и независимый феномен без своей противоположности, теряет свое качество и содержание и перестает быть тем, что мы называем «повседневностью». «Такую» повседневность, как правило, изучают социологи в духе концепций Дж. Мида, Ч.Кули, А. Шюца - П. Бергера – Н. Лукмана, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля. Этой «повседневности» как реальности ничего не противопоставляется, кроме, разве что, некой «трансцендентальной области» (религия, искусство, наука, творчество и проч.) с целью формального проведения разделяющей границы. Никакой роли такая «противоположность» не играет. Не правильно делать скоропалительный вывод о том, что такая повседневность не имеет научного значения. Наоборот, это важное продвижение в деле понимания человеческого поведения, как оно выглядит в сфере межличностной коммуникации. Но «номинировать» эту сферу как «повседневность» — это своего рода эпистемологическая наивность или беспечность, которая поневоле маскирует от нас настоящую проблему. Что на данном конкретном этапе нашей цивилизации представляет собой этот феномен: нашу попустительскую неприхотливость, если не убожество, или репрезентацию, отблеск ложного или полноценного бытия? С точки зрения понимания, при каких условиях повседневность как полное жизненного смысла ежедневное существование превращается в то, что, пользуясь лексикой М. Хайдеггера, можно назвать «болтовней», «сплетнями», добавим, «ерундой» и «каждодневным гламуром», — так, вот, постмодернизм не только не проясняет этого понимания, а скорее, наоборот, «легитимизирует» самопотворствующую повседневность, ту самую повседневность, которая в духе,

собственно, постмодернистского анархизма теряет свои цивилизационные, культурные и гуманистические ориентиры.

В современной западной социологии очень скудно представлены попытки серьезного заинтересованного подхода к исследованию «повседневности». Этот подход подменяется реабилитацией повседневности через акцентирование ее стереотипности, повторяемости, самоочевидности, узнаваемости, «здравого смысла» и проч. Это важно, ибо «стереотипы — это наши старые друзья». Жить в постоянно меняющемся, в безостановочно «транзитном», сплошь «инновационном», тотально «креативном» мире нельзя по определению. «Стереотип в некотором широком смысле предстаёт как *эйдос*. Здесь понятие стереотипа принимает не только положительный, но и один из *высших положительных* смыслов, сравнимый с ценностью идеи Дома и понятия порядка»[54]. «Жизненный мир», сведенный к рутине и повторяемости, не вмещает всей истины и искренности человеческого бытия. В своей «герметичности» он может «отражать» только себя и что самое драматичное — свой застой, свое самодовольство. Несмотря на дефицит социологической литературы, в которой рассматривается драматургия повседневности, можно найти, тем не менее, озабоченные попытки построить модель такой повседневности, где её «тупая, темная» и агрессивная сторона, помноженная на экзальтированную радость duxless-гламура и «телесного низа», преодолеваются «новой рациональностью». Действительно, «разумность» — это не та характеристика, которой может быть награждена современная повседневность. Уже цитированный Б. Вальдерфельс (р. 1934) пишет: «Если исходить из […] определения рациональности, то повседневность, кажется, заслуживает отрицательной оценки как место, которому не достаёт определенности или даже место полной неопределенности»[55], что создает опасность «распа-

54 Мень М. Базовые ценности цивилизации: порядок дома // Цивилизация: вызовы современности. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2009. - С. 271.

55 Вальдерфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://musa.narod.ru/valden.htm

да жизни»[56]. Симптоматично, что Вальдерфельс в построении «новой модели» повседневности обращается к «внеповседневному», знаки которого появляются тогда, «когда она [повседневность] сама становится большим, чем просто повседневная жизнь, то есть когда она сама себя превосходит. Это превосходство над собой возможно, пока повседневное сохраняет свою обратную сторону — внеповседневное»[57]. Что бы Б. Вальдерфельс ни понимал под «ферментом» для повседневности, как он выражается, видно, что алармистский пафос его позиции вполне уместен и показателен. Повседневность — это то, что должно уметь себя преодолевать! Иначе «следует обеднение и иссушение повседневной жизни и её сценариев»[58].

Понимание того, что предоставленная самой себе повседневность, «повседневность без сущности», «без идеализма», «без трансцендентности» это — такой модус существования, который чаще всего делает человека добровольной жертвой и счастливым инструментом властного порядка, делает человека клиентом и абонентом безопасности, спущенной ему сверху властью. Появляется призрак «невидимого» социального контракта, когда власть действует в духе рескрипта Фридриха Великого — «Развлекайтесь, как хотите — только подчиняйтесь!», а «подданные» отвечают пониманием и «кратофилией». Критически настроенный социолог М. Фуко в этой связке увидел проявление «фашизма, который преследует наше повседневное поведение»; «тиранию нашей повседневной жизни»[59]. Диктаторы XX столетия не принуждали, а скорее соблазняли народ «обыкновенным», «повседневным» фашизмом». Как социальный критик такой «навязанной» людям повседневности, с помощью которой «система» оправдывает свою необходимость, М. Фуко разрабатывал проект «независимого», лучше сказать, «са-

56 Там же.
57 Там же.
58 Там же.
59 М. Фуко. Предисловие// Ж. Делёз, Ф. Гваттари. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://politzone.in.ua/index.php?id=318

мостоятельного» присутствия человека в повседневности. Такой тип присутствия в повседневности М. Фуко называет «заботой о себе» («le souci de soi»), или непривычным грамматическим оборотом, «практикой себе», что, по его словам, означает: «быть во всеоружии, всегда иметь наготове некий «дискурс-подспорье», заранее изученный, часто повторяемый и служащий предметом постоянных размышлений»[60]. Проект М. Фуко «le souci de soi» хорош и интересен. Он описывает возможности структурирования повседневности в выбранном «просветительском» направлении. Вместе с тем, этому подходу присущи и уязвимые места. История показала, что люди не переделывают повседневность на рациональный лад, а привычно «прячутся» в ней как в квазиреальности.

Особого внимания заслуживает критика повседневности в работах А. Лефевра. Автор в своем трехтомном (1946, 1959, 1971) труде «Critique de la vie quotidienne» начинает с обескураживающей читателя мысли: повседневность в истории общества существовала не всегда. Лефевр разъясняет, и это разъяснение проливает свет на его собственную позицию человека, трезво видящего культурную прозаичность и художественную бессодержательность повседневности, начавшейся с эпохи капитализма. Прежние эпохи «орнаментировали» жизнь в её трудах и праздниках более отменной палитрой религиозных, фольклорных и проч. экзистенциальных смыслов и сюжетов. «[Тогда еще] ничто еще не было прозаичным или даже повседневным: поэзия и проза всё ещё были идентичны»[61]. То, во что капитализм превратил повседневность, заслуживает адекватную реакцию — эскапизм. «Неповседневность» (Возвышенное), которая раньше присутствовала в искусстве, религии, философии, литературе, не вписывается в повседневность. Локус этого «возвышенного» прочно занят развлекательностью, городской

60 Фуко М. Забота о себе. [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.aquarun.ru/psih/soma/soma8.html

61 H. Lefebre. Everyday Life in Mordern World. — L.: The Penguin Press. 1979, - p. 29.

мифологией (поп-мистикой гороскопов, визионеров, колдунов, народных знахарей etc.), пошлостью клубной жизни, футбольным фанатизмом и проч. Массовый туризм по легендарным городам исторических цивилизаций не спасает культурной репутации теперешней повседневности, а лишь демонстрирует в какое массовое развлечение превращается то, что могло быть источником исторического самопознания для людей en mass, в кое веки получивших преимущества досуга. По этой причине А. Лефевр трезво оценивает потоки литературы, посвященные картинкам повседневности древних цивилизаций и современных экзотических культур, называя эту моду «этнологическим романтизмом»[62]. Проблему преодоления повседневности эпохи «постмодернизма» французский исследователь связывает с главным фактором этой повседневности — масштабами и характером потребительства. Вариант критики повседневности, которую предложил А. Лефевр, представляет собой одно из серьезных философских и социологических исследований последнего времени. Однако, похоже, что автор не извлек всех эвристических возможностей, которые заложены в диалектике «повседневное — неповседневное».

В ответ на вызов времени открывается «окно новых возможностей». Бьёт час неповседневности. Бытие с большой буквы пробивается к нам. Carpe diem! Надо пользоваться благодатью истории, благодатью бытия! Счастье хоть раз в жизни стучится в нашу дверь. Люди громко расстаются с повседневностью (часто невыносимой — для одних и вполне комфортной — для других) и на приливной волне истории (войны, революции, кризисы и проч.) устраивают новый порядок вещей и человеческих отношений, который закрепляется соответственно другой повседневностью. Социологи еще по инерции ищут ответ на вопрос о природе повседневного, а сам ход событий, сама жизнь четко проводит грань между повседневностью и ее противоположностью. Повсед-

62 Е. Шапинская. Критическая концепция повседневности А. Лефевра // [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=478

невность смотрит в неповседневность, как в зеркало, черпая, часто, нелицеприятную истину о себе в своем «визави». Повседневная жизнь человека, если она не вмещает в себя «момент истины», требование или желание «подлинного бытия», становится синонимом состояния, которые описываются по-разному — «золотая клетка», «голубая тюрьма», «невыносимая легкость бытия» — но суть остается одна: «духовное царство животных».

Субъективная диалектика «повседневного» и «неповседневного» может превратиться в «игру на вылет», и тогда в зависимости от того, «что вылетает» за борт (повседневное или неповседневное) дело кончается resp. новым цивилизационным шансом или крахом. Проблема непрекращающейся цивилизации – это задача, чтобы ни один «игрок» не одержал окончательной победы: «принципиальное» (оно же «неповседневное») не должно торжествовать за счет умерщвления «живого» и «непосредственного» (оно же «повседневное»). И наоборот. «Историческая задача человечества — превращение быта в истинное бытие, образование среднего между стихийной повседневностью и разумным началом»[63]. Зачем мы смотримся в зеркало? Не затем, конечно, чтобы уже больше не отрываться и кончить дело печальным финалом Нарцисса. Мы смотримся, чтобы в случае необходимости вносить коррективы, а значит, с определенной степенью гарантии развиваться, закрепляться на «точках невозврата», идти навстречу истине, идеальному и «телосу» как своему предназначению. Вслепую, без идей, если под зрением не иметь в виду «косоглазие», а под идеями — «идеологический опиум», — бытие «не работает». У. Черчилль как-то сказал в назидание быстро устающим и беспечным гражданам, коих известное число он стал наблюдать и на просторах собственного отечества: «Меня часто спрашивают: за что мы боремся? Я отвечу: вот перестанете бороться, тогда и узнаете!». Мысль не теснит бытия, она его освобождает. Прочтите этот тезис в формате «и наоборот» («Бессмыслие теснит

63 Цит. по кн. М. Лифшиц. Что такое классика?.. - С. 102.

мир и закрепощает этот мир в его собственных суррогатах») и размеры последствий неприхотливого самопотворства и благоприобретенной склонности «не задумываться» очевидны, ибо они не за горами. В то же время, повседневность как «жизненный мир» надежных достоверностей, на который можно опереться, представляет не «захолустье» и «заброшенность» бытия, а его «исполненность»[64]. Если иметь в виду этот атрибут повседневности (повседневных практик), то здесь, как часто говорит Гегель, в подобных случаях, мы «сразу у себя дома». Но тут же, следует заметить, что «дом» и «домашний мир» — это не та резиденция, где пребывает «неповседневное». «Неповседневное» несет в себе дух, формирующий наш характер, вершину человеческой личности. «Неповседневное» искушает нас «историческим», «судьбоносным», «героическим». Неповседневное зовёт нас в дорогу. По модной привычке сразу захотелось leave a comment, но поневоле вспомнилось З. Гиппиус: если (в произведении) надо что-то разъяснять, то не надо разъяснять.

Резюме: вне всякого сомнения, повседневность нуждается в идейности, а не в отсутствии разума. Идеи не отражение бытия, это его (бытия) самоотражение. Идеи и есть само бытие в формате «инобытия». Цена безыдейной повседневности — это начало эрозии уже самого бытия. Повседневность, отказавшаяся от саморефлексии, от ориентира на неповседневность, живущая собственным проеданием; как копия самой себя, представляет собой «темную и отупляющую» среду обитания.

64 Цит. по: И. Касаткин, С. Щавелев. Анализ повседневности…. - С. 290.

§ 4 РИСКИ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ

Структурные изменения человеческого мира во временных потоках и пространственных формах современного социума ставят перед философским сознанием множество новых философских проблем и когнитивных проектов. К их числу относится проблема повседневного бытия в обществе риска, которая не случайно становится объектом изучения в сфере социально-гуманитарного знания. Это связано с изменениями, происходящими в обществе вследствие научно-технического и коммуникационного развития, точнее, последствиями их применения, которые теперь ассоциируются не с конкретными видами деятельности (как это было в середине XX века), а приобретают системную основу, став постоянным попутчиком социальных отношений, формируя особую организацию общественной жизни – рискогенное общество.

Повседневные риски заслуживают особого внимания, так как вовлечение устоев обыденной жизни в глобальные процессы и слабое представление массового человека о негативных последствиях, делают экзистенциальные риски обыденными, а наше рискогенное сознание – повседневным. Несмотря на то, что в последнее время появилось большое количество работ исследующих рискогенность человеческого бытия, согласованного понимания этого феномена пока не выработано. Вероятно, это связано с тем, что одни видят причину рисков в самом человеке, другие акцентируют внимание на проблеме безопасности, третьи – на стремительном развитии технологий, четвертые полагают, что причина рисков в изменении нормативного порядка. Общее, что объединяет эти концепции – повседневное бытие, не только не исключающее, а опирающееся на субъективную, информационную, техническую, институциональную и коммуникационную стороны, как необходимые опоры своего существования, в связи с чем риски целесообразнее рассматривать с позиции существующей действительности – повседневности, с ее основной составляющей – субъективной деятельностью.

Не отрицая присутствия объективных рисков, зависящих

от внешних факторов, следует отметить, что главным виновником продуцирования рискогенных ситуаций является человек, его каждодневная, в том числе научная деятельность. Не случайно, как отмечают исследователи, риски привлекли всеобщее внимание в период освоения ядерной энергии, то есть, с начала 60-х годов прошлого века, когда пришло осознание того, что новейшие технологии несут все «менее обозримую»[65] и прогнозируемую опасность, чем предполагалось ранее. Конечно, не признать это утверждение сложно, но полагаем, что о понятии риска известно было задолго до открытий в ядерной физике, ведь не может это понятие, как и любое другое, возникнуть из «ниоткуда», поскольку каждому новому изначально предшествует практическая необходимость его возникновения, а затем уже формируются положения научного обоснования любого явления. Поэтому следует принять точку зрения Н. Лумана о том, что нельзя ограничиваться в понимании риска только тем, что он является «результатом восприятия последствий действия техники», поскольку «перспектива риска обозначилась параллельно выделению науки»[66], следовательно, во многом риск связан с каждодневной деятельностью человека.

Несомненно, упорядоченность действий способна минимизировать риски повседневной жизни, но не может дать гарантии защищенности от постоянно увеличивающегося числа случайных, непредвиденных событий, ведущих к риску. По мнению Э. Гидденса, ядерная война по силе интенсивности «является «базовым элементом «опасного явления» обстоятельств»[67], в которых мы сегодня живем», стирает все социальные и экономические различия. Понятно, пишет Гидденс, «развитие современных социальных институтов… создали людям гораздо большие возможности для того, чтобы вести защищенную и приносящую удовлетворение жизнь, нежели любой из типов социальных систем, предшествовавших современности», но рискогенность современного мира не только не идет на спад, наоборот,

65 См.: Бехман Г. Указ. соч. С. 82-83.; так же, Зубков В.И. Социологическая теория риска. - М.: Академический проект, 2009. - С.21

66 Луман Н. Понятие риска // THESIS, 1994, вып. 5. - С. 155.

67 Гидденс Э. Последствия современности. - М.: Праксис, 2011. - С. 263, 118.

становится все более интенсивной. Немаловажную роль в этом играют военная мощь и интенсивное развитие производства.

Риски присутствуют в различных видах человеческой деятельности. Не вызывает сомнений, что на протяжении всего периода своего существования человек жил в условиях ситуаций риска, которые изначально были обусловлены опасностями, исходящими от природы, и потому воспринимались как объективные явления, неподвластные человеку. Древнему обществу была присуща скорее опасность, чем риск. Со временем «список» рисков значительно расширился, они плотно вписались в структуру повседневности социума, но, несмотря на развитие научного и технического потенциала, общество так и не научилось управлять ситуациями, несущими угрозу для жизнедеятельности человека. Более того, нестабильность, кризисность и «сама современность» обусловливают появление новых рисков, что усложняет их прогнозирование и трансформирует привычную систему обыденного восприятия рискогенных ситуаций.

Повседневные риски, как социальный факт, подразумевают невозможность дистанциирования от них, поскольку во многом определены осознанием его неизбежности[68]. По этой причине человек в процессе каждодневного бытия стал воспринимать риск как устойчивый (в некоторых случаях необходимый), имманентно присущий элемент существования, во многом определяющий нормы поведения. Уверенность в правильности/неправильности поступка или любого варианта решений обретаются индивидом в процессе повседневной жизнедеятельности посредством «первичной апробации», путем проб и ошибок, что уже является рискованным для человека. Только пройдя путь пограничных ситуаций, действия человека возводятся в ранг повседневных, становятся привычными и конвенциональными для других членов общества, оправдывая правильность установленных поступков. Следовательно, повседневность нельзя рассматривать как сферу «вторичного, переработанного и рассортированного по полочкам челове-

68 См.: Аникин Д.А., Молчанов А.В. Антропологическое измерение рискогенности // Философия, человек, цивилизация: новые горизонты XXI века. Ч.2. - Саратов: Научная книга, 2004. - С. 188.

ческого сырья»[69]. Это сфера проб и ошибок, экспериментов и разочарований, сопутствующих каждодневной жизнедеятельности человека, подтверждающей невозможность его существования вне риска.

Подтверждение этому находим в исследованиях Н. Лумана, полагающего, что поведения, свободного от риска, не бывает, поскольку «любой вариант некоторого репертуара решений» является рискованным. Следовательно, если решение принимается, то риска избежать нельзя, более того, отказ от риска, в особенности в современных условиях, означал бы отказ от рациональности[70]. Спланированный риск в повседневности ведет к осознанию собственной значимости, приобретению жизненного опыта, а в некоторых случаях является средством для достижения необходимых результатов. То есть, с одной стороны, человек уходит от риска, с другой – риск является необходимым условием существования и выживания.

Возникшее противоречие объясняется двойственностью природы человека, предполагающей одновременное присутствие в нем двух рискогенных начал, проявляющихся, с одной стороны – в стремлении к свободе, то есть, самостоятельности и независимости от старого мира, а с другой стороны – в желании покоя, предусматривающего сохранение «установившегося порядка вещей». В любом из этих случаев человек находится в состоянии риска – он рискует либо потерять, то что имеет, либо утрачивает «новые цели жизни», определяющие его подлинное существование. На основании этого возникает вопрос о рискогенности натуры человека, где исходным явлением выступает состояние амбивалентности, основанное на противоречивости стремлений.

Действия человека, особенно на современном этапе развития общества, имеют противоречивую или скорее дуалистическую направленность – любые поступки, направленные изначально на благо общества, в дальнейшем могут иметь для него необратимо-негативные последствия. Поэтому представление

69 Белов В.Н. Обыденное сознание и человеческое бытие. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. - С. 111.

70 См.: Луман Н. Понятие риска // THESIS, 1994. № 5. - С. 2-21

об общественном благе в обществе риска весьма сложно, так как это благо не может являться способом гарантии общественной безопасности. Оно исключает надежду возможности управления собственным бытием.

Прав Б.В. Марков заявляя о том, что «опасения должна вызывать не столько техника, сколько пещерное мышление людей, которые ее используют»[71]. Последствия от работы ядерных реакторов очевидны, но отказаться от использования этого вида энергии не спешат, поскольку альтернативные технологии требуют огромных финансовых затрат; сомнений не вызывает вред (для человека и для природной среды) применения пестицидов и химикатов, но их активно продолжают использовать при выращивании различных видов культур; также неоднозначны последствия всеобщей компьютеризации, массовой коммуникации и других достижений технической и компьютерной революций.

Во всех случаях налицо амбивалентные составляющие риска, когда субъект осознает рискогенность и опасность ситуации, допускает вероятность ее неблагополучного исхода, но не в состоянии дать объективную оценку возможным последствиям. Такой подход наталкивает на мысль об утрате человеком здравого смысла в повседневном противостоянии рискам и его замене на необходимость выполнения (невыполнения) определенных действий для достижения поставленной цели. Вероятно, поэтому риск в повседневной жизни стал постоянным и неизбежным, поскольку в основе своей имеет обоснованное объяснение своей значимости для человека.

Существует мнение, что стремление к рискам обусловлено самой повседневностью, точнее, навязанной ею упорядоченностью, рутинностью и стандартизацией поступков. На стадии зрелости в жизненном пути личности повседневность конкурирует с профессиональной деятельностью, с различными видами творчества и сохраняется на бытовом уровне в пространстве дома, улицы, городской публичности. Формы движения жизни по образцам продолжают действовать в первичном окружении, прежде всего, в семье, в территориальных

71 Марков Б.В. Философия. - СПб: Питер, 2012. - С. 420.

общностях, в традиционных формах межличностных отношений. Обретенные в молодости привычки жить по стандартам не только создают необходимую институциональную устойчивость жизненного пути, но и порождают явления конформизма, инертности, замкнутости. Влияние здравого смысла как духовного ядра повседневности продляется в желании личности сохранить достигнутое, опасаться перемен. Состояния пассивности и равнодушия, идущие от монотонной повседневности, могут усиливаться под влиянием комплексов, сформировавшихся в детском или юношеском возрасте. Довольно часто типичная личность переносит установки здравого смысла на собственную профессиональную, управленческую деятельность. Стремление преодолеть движение по образцам в зрелом возрасте проявляется у личности в компенсирующих установках, направленных на карьерный рост, на самоутверждение в профессиональной среде, на достижение авторитета в формальных и неформальных группах.

Феномен риска можно отнести к своеобразному способу выражения протеста против нескончаемого круговорота повседневности, выходу за рамки обыденной текучести жизни и монотонности бытия. Риск, в данном случае, может восприниматься как необходимый порыв к действию, как результат осмысления человеком своего «бытия-в-мире» и «здесь-бытие», как переживание «расхождения» с миром (А.Камю) и существования «бытия-в-себе» (Ж.-П. Сартр). Однообразие существования порождает у субъекта несоответствие внутренних ощущений с требованиями тех ролей и статусов, которыми он наделен в повседневной жизни. Девиз молодого человека «испытать все самому» уже порождает пространство риска. Желая обрести индивидуальность, обратить на себя внимание и обрести значимость, человек часто предпринимает попытки заявить о себе посредством нестандартных поступков или действий, что является риском, так как, такие действия вызывают общественное неприятие и порицание. На стадии взросления сознание становящейся личности пронизано ощущениями новизны, страстью обретения собственного жизненного опыта. Здравый смысл как

внутренний регулятор жизненного опыта рождается в процессе общения в семье, со сверстниками, с внешней средой, которая может быть доброжелательной или равнодушной, агрессивной или толерантной. Важной особенностью формирующегося здравого смысла выступает взаимодействие с институциональным миром. Институциональными воротами для взрослеющего человека становится система воспитания и образования. Заложенное в человеке стремление к новому, неизведанному может быть направлено сложившейся в обществе системой воспитания и образования в нужное русло по пути творческого созидания, или, наоборот, заблокировано, разрушено догматизированной системой образования, ориентированной на традиционные формы усвоения духовного опыта и научных знаний, что тоже является риском, так как может сформировать определенную форму протестного сознания против тотальности навязанных повседневностью стереотипных форм поведения

В социальном мире повседневность взаимодействует с более сложными и активными формами жизнедеятельности личности в различных сферах публичной жизни. Здесь здравому смыслу противодействуют рационально выстроенные формы общественного порядка. Для осмысления перехода от повседневных к рационально и институционально оформленным типам жизненного пути могут быть выделены различные эпистемы. В дискурсе эпистемологии жизненного пути присутствуют категории, шире – концепты, отражающие прорыв повседневности и выражающие вызов «движению по образцам». Вызов повседневному миру в постиндустриальном обществе наиболее полно выражается в концепте риска. Риски повсеместно подрывают традиционные устои повседневности, нарушают привычное поведение, устойчивую связь модусов прошлого, настоящего и будущего.

Для выяснения роли риска повседневной жизни личности представляется работающим определение, предложенное Е. Розой. «Риск – это событие или ситуация, в которой нечто ценное для человека, включая его собственную жизнь, поставлено на карту и последствия этого события являют-

ся неопределенными»[72]. Уточняя смысловую структуру этого определения, можно отметить, что риск, *во-первых,* это «со-бытие»- проявление человеческой бытийственности. Как точно определил К.С. Пигров, риск – это состояние авось-бытия, когда «невыносимая перед лицом неопределенности жизнь становится как-то приемлемой»[73]; *во-вторых,* риск содержит ценностное основание по-разному рассматривающееся в экзистенциальной или повседневной ситуации: рискуя собственным благополучием, человек в одном случае стремится посредством предельного напряжения сил и способностей реализовать нечто предельно ценное и дорогое для реализации смысла своей жизни, в другом случае он рискует ради присвоения нужного и полезного для себя или других, оставаясь в мире повседневных забот и обыденных ситуаций; *в-третьих,* риск становится формой адаптации к изменяющейся среде, ответом на вызовы своего времени.

Традиционное восприятие риска изменилось, пишет И. Т. Касавин, ведь риск всегда понимался как отклонение от нормы – отказ от безопасных способов бытия. Сегодня человек не противостоит возможной опасности, он утратил способность к ее оценке и постоянно находится в состоянии возможного риска. Он рискует переходя дорогу, принимая лекарства, покупая недвижимость, используя биотехнологии. Поэтому риск «как неизбежная составляющая деятельности, общения и сознания»[74], держит человека в состоянии постоянной рискогенности, а субъект, выстраивая основу своего существования, *вынужден* к нему приспосабливаться.

Российская действительность в наши дни отличается разнообразием *повседневных рисков,* вовлекающих человека порой в самые неожиданные рискогенные ситуации. Повседневные риски делают жизнь непредсказуемой. Поверхностные представления массового человека о негативных для здоровья

72 *Rosa E.* Meta theoretical Foundations for Post-Normal Risk // Journal of Risk Research. 1998. № 1. P. 11.

73 Философия и будущее цивилизаций: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.). - М., 2005. - С. 625.

74 Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.С. 308.

последствиях действия мощных источников излучения, проектов искусственной среды, проникающих в бытовую жизнь, равнодушие массового сознания к предупреждениям риск-менеджеров, экологов-экспертов о негативных последствиях экологических, техногенных рисков расширяют пространство повседневных рисков. Здравый смысл слабо сопротивляется глобальным угрозам XXI века, они становятся опасны своей обыденностью, во многих случаях субъект имеет возможность уйти от риска, но *сознательно* делает выбор в его пользу.

По данным социологического исследования, чтобы добиться успеха в новом деле: смена работы или получение нового образования, «каждый второй готов… пойти на риск», при этом, «18,8 % обязательно рискнули, даже если не были бы уверены в успехе…» и только «5,7 % ни за что не стали бы рисковать»[75], оберегая свое спокойствие. Исходя из приведенных результатов опроса, можно предположить, что субъект осознает рискогенность ситуации, допускает вероятность ее неблагополучного исхода, но осмысленно идет на риск, *не имея желания* различать необходимый (или заранее спланированный) риск от бессмысленного. Вероятно, это обусловлено тем, что в современном обществе риском можно считать как действие, так и бездействие. Рискнув, человек приобретает хоть малый, но шанс для возвышения (в карьере, зарплате), бездействие приводит к риску быть выбитым из общей массы (вокруг рискуют все) и утратить возможность обеспечения будущего себе и своим детям. Рискогенность данной ситуации заключается в «привычности» и стереотипности рисков настолько, что общество перестало замечать прямые угрозы своему существованию. Взять, к примеру, безобидное на первый взгляд стремление практически каждого субъекта (а в молодежной среде особенно) достичь материального благополучия. В России, как отмечено исследователями, «одобрительно относятся к возможности сделать бизнес любой ценой, даже в обход закона – 24,6%»[76]. Редко кто задумывается, что ценой этого бла-

75 Рассадина Т.А. Семенова Е.А. Человек в условиях «Общества риска» // http://regionsar.ru/node/621 (дата обращения: 20.09.2011г.)

76 Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. - М.: Наука, 2003. - С. 157.

гополучия становится риск утраты психического равновесия, изменение смысла человеческого существования. Прав был А. Камю, утверждавший, что человек, зарабатывая деньги на благополучную счастливую жизнь, приходит к тому, что «все силы, весь цвет жизни уходят на их добывание», в результате «счастье забыто, средство принято за цель»[77]. В современном мире теперь никого не смущает, что на первый план ставится карьера, хорошая зарплата и только потом создание семьи. Более того, заработав средства, необходимые для содержания семьи, индивид отказывается от нее, мотивируя это спокойствием своего быта и сохранением накопленных средств. Риск данной ситуации в том, что общество, кроме того, что испытывает демографическую деградацию, рискует утратить созданные принципы и формы семейных отношений. Если стремиться подражать только успешным в карьере бизнесменам и бизнесвумен, или оценивать человека только по степени финансового достижения, то в скором времени общество рискует лишиться такого важнейшего института как семья.

Общество, в котором основой жизни является принцип пользы, расчета и заботы только о физическом комфорте, является по сути своей рискогенным, поскольку оно утрачивает «стержень вечности» – духовность, помогающую отделить реальное от мнимого. Важно понять, что стремление только к материальному комфорту и удовлетворению «биологических потребностей нашего тела… заставляет нас чувствовать себя несчастными»[78], поскольку навязывание ложно-аксиологических потребностей лишают человека свободы выбора и ставят его в зависимость от псевдонеобходимых предметов. Чтобы избежать этого, необходимо установление «здорового равновесия» между потребностями тела и души, что подразумевает установление жесткого внутреннего контроля, способного противостоять новым стандартам и ценностям. Это тоже риск, поскольку устанавливаемые стереотипы мышления обусловлены социаль-

77 Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // *Камю А.* Бунтующий человек. - М.: Издательство Политической литературы, 1990. - С.80.

78 Ливрага Х. Общество комфорта и философия риска // http://www.livraga.ru/statji/obshestvo komforta.htm (дата обращения 31.01.2012)

ной природой общества. Еще М. Вебер заметил, что повседневность является не столько состоянием, сколько процессом «втягивания» человека в среду обитания, где происходят усвоение норм и традиций, противостоять которым одному индивиду невозможно. Поэтому установление здорового баланса должно быть общей задачей всего общества, в противном случае ретрадиционалистские предпочтения могут привести к нарастанию состояния неопределенности, что еще более усилит существующее ощущение рискогенности повседневного бытия.

В современном обществе согласие человека пойти на риск (например, игра на бирже) стало оцениваться как положительное начало, указывающее на его готовность к изменениям, к стремлению обрести новое качество или увидеть себя в ином качестве[79], но всегда существовала убежденность, что необходимо соблюдать грань, ибо чрезмерная склонность к риску может восприниматься как явление аномальное. Постоянное стремление к риску, неистребимое желание рисковать необходимо оценивать как болезнь, которая должна подвергаться лечению, поскольку у здорового человека риск не должен преобладать над рефлексивной стороной сознательного осмысления – безопасностью. Сегодня вызывает беспокойство, что риску и аксиологической переоценке подвергается такая неоспоримая во все времена доминанта как жизнь. Согласно мнению исследователей, в последнее время «отмечается значительный рост случаев совершения суицидов, что, в свою очередь, заставляет невольно задуматься о необходимости анализа реального основания человеческого бытия»[80] и единого принципа общественной жизни.

В сложном переплетении самых различных жизненных ситуаций неустроенности жизни, давлении мечущегося сознания, агрессивности или равнодушии внешней среды - в жизненном пути личности усиливается влияние *экзистенци-*

79 См.: Демидов А.И. Глобальные риски и изменение пространственно-временного континуума политики // Жизненный мир философа в эпоху глобализации: Сборник научных трудов. Материалы Пятых Аскинских чтений. - Саратов: Изд. Центр «Наука», 2009. - С. 5.

80 Бурыгина Д.Н. К проблеме свободы человека в акте суицида // Диалог культур как фактор безопасности цивилизационного процесса: материалы всероссийской научно-практической конференции. - Пятигорск: ПГЛУ, 2012.- С. 59.

альных рисков. Основанием этих рисков выступает экзистенциальная дихотомия, выражающая напряженное отношение между жизнью и смертью. Вводя в понятийное пространство философии этот термин, Эрих Фромм отмечает, что «основной альтернативой для человека является выбор между жизнью и смертью. Каждый поступок содержит в себе этот выбор. Человек свободен сделать его, но его свобода ограничена»[81]. Всякий поступок может быть импульсом для экзистенциального выбора между жизнью и смертью. Право выбора определяется не только внутренней свободой человека, но и пониманием смысла жизни. В обществе, где индивиды постоянно подвергаются рискам, ценность и смысл жизни оказываются неопределенными. Происходит обесценивание жизни и экзистенциальный выбор начинает преследовать человека. Представляется конструктивной модель преодоления таких рисков в концепции антропологического реализма. По утверждению В. Франкла, «жизнь человека полна смысла до самого конца - до самого последнего вздоха. Пока сознание не покинуло человека, он постоянно обязан реализовывать ценности и нести ответственность Он в ответе за реализацию ценностей до последнего момента своего существования»[82]. Жизнеутверждающая идея ответственности за собственное бытие может рассматриваться как одно из духовных средств преодоления экзистенциальных рисков. Жизнь, рассматриваемая с точки зрения обыденности воспринимается как ценность прагматическая, ограниченная пониманием того, что вне повседневного бытия жизни не существует. Исходя из факта смертности можно рассматривать жизнь как бесценный дар, как возможность что-либо изменить, а «мертвый – это тот, кто не может быть другим»[83]. Поэтому жизнь необходимо ценить как дар, а мысли о неизбежности смерти должны упорядочивать наши поступки. В связи с этим сложно объяснить действия субъекта, *осознанно* подвергающего свою жизнь опасности, жертвуя единственной воз-

81 *Фромм Э.* Кредо // Фромм Э. Душа человека. - М., 1992. - С. 370.
82 *Франкл В.* Человек в поиске смысла. - М., 1990. - С. 288.
83 Мамардашвили М. Опыт физической метафизики. - М.: Прогресс-Традиция, 2008. - С.58.

можностью «быть живым», демонстрируя пассивное смирение перед смертью. Здесь речь идет не о готовности пожертвовать своей жизнью ради жизни родных людей – детей, семьи – этому, по крайней мере, можно найти объяснение (сохранение рода во все времена было более значимо, нежели жизнь одного его представителя). Имеются в виду те ситуации, когда человек *сознательно* идет на совершение поступков, которые неизбежно приводят к гибели – он совершает теракты, прыгает («ради интереса») с многоэтажного здания, пробует наркотики, демонстрируя тем самым готовность к смерти.

Ж. Бодрийяр полагает, что стремление к рискам в современном обществе обусловлено самой безопасностью. Философ относит категорию безопасности к одной из форм социального контроля шантажирования смертью – когда принудительно навязываемая безопасность становится «промышленным предприятием», не только получающего прибыль на страхе смерти, но и лишающая «человека его собственной смерти». Это предполагает, что всевозможные страховки безопасности человека от несчастных случаев и рисков направлены не на то, чтобы люди долго жили, а на то, чтобы «умирали только той смертью, какая дозволена системой, чтобы они были при жизни отрезаны от своей смерти…»[84], поддерживая тем самым установленное функционирование экономической системы. Двойственная природа человека в предложенной концепции Бодрийяра проявляется в том, что с одной стороны, человек стремится к безопасности, с другой – пытается сохранить свое право на риск и контроль «над собственной жизнью», отсюда протест – устойчивое несоблюдение правил техники безопасности и все большее распространение экстремальных видов спорта. То есть, человеку необходим контроль над собственной смертью, и суицид, возможно, одна из форм протеста против интенсивно навязываемой и *оплачиваемой* субъектом безопасности, против гарантированно безрисковой обыденности. Интенсивное ориентирование только на экономическую прибыль (всевозможные страхования это и подразумевают), даже в целях безопасности,

84 Бодрийяр Ж. Символический обмен или смерть. - М.: «Добросвет», «Издательство I»

без учета специфики внутренней, духовной сущности человека и его имманентной предрасположенности к риску, не дает возможности субъекту избежать рискогенных ситуаций. Наоборот, это способствует созданию более изощренных способов подавления в себе страха перед предстоящими опасностями.

О преодолении в себе самом развитого у человека страха смерти писал Г.В.Ф. Гегель. Немецкий философ считал, что существуют вещи «сильнее чем выжить», основывающие на отрицании данности того, что заложено в человеке природой, того, что ограничивает его свободу, препятствует росту самосознания, наделяет автоматизмом действий во многих жизненных ситуациях. Преодолеть это состояние человек может только, когда избавится от заложенного природой страха, когда возвысится над ним как господин над рабом. Раскрывая диалектику рабского и господского самосознания, Гегель полагал, что «индивид, который не рисковал жизнью, может быть, конечно, признан *личностью*, но истины этой признанности как некоторого самостоятельного самосознания»[85] он не достигнет, поскольку для обретения самосознания, человеку необходима его победа над животным желанием – желанием сохранения жизни. Только тогда «господин» сможет победить зависимость от своего собственного «раба», которая увеличивается пропорционально росту господства над рабом. Тот, кто не боится рисковать собственной жизнью, считал философ, обладает самосознанием господина, который «властвует над бытием» и подчиняет себе того, кто не смог рискнуть жизнью, то есть, обладает сознанием раба.

Примерно такую же точку зрения можно встретить у другого немецкого философа – М. Хайдеггера, полагающего, что чувство опасности и угроза риска позволяют человеку ощущать себя «господином земли»[86]. Желание уйти от риска может восприниматься как уход от собственного подлинного бытия и оцениваться как проигрыш. Маловероятно, что эти учения могут внести ясность в рассматриваемую проблему, но в качестве версий объясняющих неадекватное поведение молодых

85 Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. - М.: Академический Проект, 2008. - С. 167.

86 См.: Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. - М.: Республика, 1993. - С. 232-233.

людей, они заслуживают определенного внимания.

Если согласно Н. Луману, человек рискует и ставит «что-то на карту», чтобы получить выгоду или пользу, так что же хотят получить те, кто ставят «на карту» жизнь? Вероятно, данное поведение вызвано состоянием постоянной внутренней напряженности, навязанной со стороны «узкопонимаемой необходимостью», которое лишает индивида свободы и формирует «жертвенную отвагу», подавляющую инстинкт самосохранения и заставляющую *осознанно* идти на такой риск. Дюркгейм, рассматривающий суицид как социальное явление[87], подтверждает этот вывод, отмечая, что здоровый человек не может прийти к мысли о суициде, если на то не существует внешних причин.

Можно предположить, что причиной формирования рассматриваемого отношения к жизни являются средства массовой коммуникации, которые способствуют изменению установленных стандартов поведения. Речь пойдет не о повседневной перегруженности СМИ репортажами о событиях рискогенного характера, что, бесспорно, меняет сознание человека, и он с удовольствием обсуждает вооруженные конфликты и возможные варианты конца света, четко осознавая нереальность их воплощения в жизни. Следует затронуть тему неспособности разделения человеком (как правило, молодым) реального и нереального, подлинного и виртуального происходящего на экране. Средства массовой информации «подают самоубийства как эффектный романтический поступок…, как импульсивный ответ на жизненные стрессы…»[88], игнорируя анализ психосоциальных проблем, лежащих в их основе. Учитывая интерес общества к рискам, современный кинематограф стал чаще обыгрывать рискогенные ситуации, когда герой фильма, прыгая с крыши многоэтажного дома или находясь в заминированном здании, всегда остается живым, демонстрируя тем самым свою власть над риском и способность

87 См.: Дюркгейм Э. Самоубийство // Суицидология: прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов социологов, психотерапевтов в художественных текстах. - М.: Прогресс, 2001. - С. 239-254.

88 Елисеева Е.В. Детско-юношеский суицид как антисоциальное явление // Социальная защита детей и молодежи в современной России: сб. статей. Саратов: Поволжский институт им. П.А. Столыпина, 2012. - С. 76.

выживать в любой ситуации. Часто повторяющиеся однотипные сюжеты и восхищение поступками героев экрана вызывают желание повторить их «подвиг», не задумываясь о последствиях своих действий. Совершенно очевидно, что кинематограф не является единственно значимой причиной рассматриваемой проблемы, но он имеет немаловажное значение, поскольку, как и любое СМИ, является важнейшим фактором освоения реальности в рамках собственного жизненного пространства. Поэтому введение цензуры, пропаганда жизненно важных ценностей и убеждение в том, что «надо держаться за жизнь» и выживать «в любых обстоятельствах: второй раз не дадут…»[89] является необходимым девизом существования в обществе риска. Разумная и взвешенная пропаганда в средствах СМИ радости бытия поможет сформировать устойчивые образцы поведения в обществе и минимизировать риски в повседневной жизни.

В обществе, где распадаются ценности индустриальной цивилизации и культуры печатной книги, а новые ценности еще не утвердились, многое становится относительным. В мире относительных ценностей жизнь стоит недорого. Одним из последствий снижения ценностных оснований жизни выступает нарастание *ментальных рисков*. Эти риски захватывают глубинные стороны психики и проявляются в тревожных ощущениях социальной опасности, в страхе, недоверии, озлобленности. В результате давления ментальных рисков обостряются чувства одиночества, растет духовное отчуждение. Социальным следствием ментальных рисков выступает увеличение числа маргиналов, изгоев, бродяг, утративших свой прежний статус, цели той жизни, которая стала уже недостигаемой. Неопределенность и бесцельность существования превращается в образ жизни различных групп риска. Помимо социальных доминант в динамике ментальных рисков прослеживается влияние культуры, возможность (или беспомощность) культурной среды минимизировать риски сознания. Стандарты массовой культуры, рассчитанные на «среднего потребителя» не сра-

89 Давидович В.Е., Золотухина-Аболлина Е.В. Повседневность и идеология // Философские науки. 2004. №3. - С. 7.

батывают в отношении к творческим элитам и, что не менее значимо, не дают необходимых импульсов для выхода из ментального вакуума отчужденных от нормальной жизни изгоев, маргиналов. В более широком контексте культура, охваченная рыночными отношениями и болезненным переходом от книжной к посткнижной (виртуальной) стадии развития, не успевает адаптироваться к рискогенным процессам. Коды культуры все еще беспомощны в отношении к постсовременной реальности.

Повсеместное внедрение Интернета в повседневную жизнь обеспечивает *добровольное* уклонение от живого общения и замещение его на общение виртуальное. Находясь в мире мнимой реальности, человек утрачивает способность к нормальной для жизни коммуникации, формируя новые формы общения и меняя смысл традиционных ценностей. Как следствие этого, коммуникация превращается «в производство информации, в возможность знания…», в «производство возможности»[90]. Рискогенность такой ситуации в том, что человек уделяет внимание виртуальному настолько, что сам того не подозревая, делает его основой для реального. Бесспорно, благодаря Интернету мы расширили возможности коммуникационного пространства, но это также привело к тому, что компьютер стал восприниматься как собеседник, как живое существо, дающее ответ на многие вопросы и помогающий менять действительность согласно своему желанию и творческому воображению. Причиной тому является сознательное стремление субъекта уйти от переживания окружающей его действительности в мир симулякров – виртуальный мир, где он востребован и необходим. При этом мало кто задумался о том, что в данном случае человек рискует, поскольку «доверяя свой интеллект машине», он свободен «от всякой претензии на знание…»[91], самобытность и оригинальность.

Неумение и нежелание вести диалог с себе подобными снижает уровень традиционно воспринимаемой культуры коммуникации, которая, вероятно, вскоре утратит свои определенные символические и эмоциональные оттенки, уступив место новым

90 Бодрийар Ж. Америка. - СПб, 2000. - С. 32.
91 Бодрийар Ж. Прозрачность зла. - М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2009. - С. 75.

значениям и символам. В данном случае возникает риск замещения языка образностью. В современном обществе это достигло таких масштабов, что основой коммуникации стали не знания и искусство *посредством слова* доносить информацию до другого, а умение «создавать привлекательные образы», которые стали «важнее реальных поступков и вещей»[92]. Мы уже не имеем представления о традиционных образах невербальной коммуникации. Для нас цвет стал ассоциироваться только с понятием модно/немодно, звук – с музыкальным произведением или нашумевшим шлягером, а традиции ассоциируются с чем-то ненужным.

Современные информационные технологии отказываются от «принципов иерархичности, то есть, разделения информации на важную, второстепенную и ничтожную», при этом риск заключается в том, что информация «претерпевает бесконечные преобразования и интерпретации» и «любой факт может быть заменен каким угодно…»[93], что используется в так называемой «стратегии убеждения» потребителя. Так частое использование в телепрограммах эпизодов насилия вызывает у населения привыкание и становится нормой не только для экранной, но и реальной жизни, что ведет к риску трансформации морали и росту преступности.

Объективная реальность, как отмечают исследователи, полностью опосредуется СМИ. Это приводит к тому, что они могут не только «отражать, но и создавать новую реальность», которая впоследствии становится частью нашего опыта и источником знаний о мире[94], а также приводит к трансформации общественной морали, усиливает риск утраты нравственных образцов поведения. Вероятно, поэтому в современном обществе нормативная система преступного мира находит благодатную почву для своего развития. Как отмечают исследователи, при помощи СМИ активно «идет имплантация

92 Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. - СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. - С. 17.

93 Иртенина Н. Традиция и ускользающие смыслы бытия // Традиции и русская цивилизация. - М.: Астрель, 2006. - С. 155.

94 См.: Шаповалова Н.С. Властный ресурс социальной памяти в глобализирующемся мире // Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире: сборник научных трудов. Материалы шестых аскинских чтений. Саратов: Издательство «КУБиК», 2012. - С. 55.

в ткань массового сознания преступной морали», и в данном случае речь идет не о преступности, а о «*экспансии преступной субкультуры*»[95], когда сознание подрастающего поколения социализируется рамками норм и ценностей преступного мира, активно транслируемого СМИ. Это привело к тому, что современного человека перестают шокировать преступления в реальной жизни. Кроме этого, существует риск повсеместной «криминализации» русского языка, когда не только молодое поколение и простой обыватель, но и «высшие должностные лица государства, виднейшие политики, крупнейшие бизнесмены, именитые писатели и популярные актеры – уже не могут обходиться без всех этих «мочить», «кидать», «наезжать», «откатов», «крыш», «разборок»…»[96].

Становится очевидным, что происходящие в обществе трансформации, становление новой эпохи требуют новой парадигмы человеческого самосознания со всем комплексом ценностных ориентаций, установок и социальной направленности поведения личности, минимизирующих риски в его повседневной деятельности. Одним из основополагающих факторов, способным переломить ситуацию в обществе, изменить манеру общения и стиль поведения, а также сформировать человека, подготовленного противостоять *бессмысленным* рискогенным ситуациям, является образование. Сможет ли модернизированная по европейским стандартам система образования что-либо изменить, и не приведут ли вводимые новации к новым рискам? На этот вопрос даст ответ повседневная апробация внедряемых в образование инноваций.

Россия, вступив в единое образовательное пространство, ставит задачу *модернизации* системы образования, что подразумевает радикальную перестройку его структуры. Мы не пытаемся идеализировать прежнюю систему образования и согласны с тем, что в условиях интенсивного развития техники и информационных достижений, введение новых методик в

95 Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве. - М.: Academia, 2007. - С. 581.

96 Капелюшников Р.И. **Институциональная природа переходных экономик //** http://www.libertarium.ru/79710 **(дата обращения 21.06.2012)**

образовании крайне необходимо, но эти изменения не должны перечеркивать традиции, наработанный опыт и индивидуальные особенности отечественного образования. Коммерциализация образовательного процесса диктует свои правила и имеет свои недостатки, одним из которых является «стремление дать диплом с наименьшими затратами усилий как преподавателей, так и студентов»[97]. Студенты начинают думать, что заплаченная за обучение сумма автоматически дает право на положительные оценки, которые преподаватель обязан зафиксировать в зачетной книжке. Как результат такого отношения к образованию – риск утраты того «образованного слоя, который на основе постоянного обучения обрел дисциплину мыслей и чувств и способен откликаться на духовные творения»[98]. Это сложно назвать инновацией, поскольку, если под новациями или модернизацией в образовательном процессе понимать только введение новейших технологий, то есть, «использование технологий виртуальной реальности», и не допускать применения традиционных методик обучения, то создаются все предпосылки формирования «институциональных ловушек», ярким проявлением которых в системе образования являются «ловушки необразованности» и статус «неначатого высшего образования».

Ловушки необразованности состоят в том, что лидерство России по относительной численности студентов сопровождается антилидерством по качеству образования. Низкое качество подготовки части дипломированных специалистов в сочетании с низкой квалификацией – одно из серьезнейших препятствий движения страны к экономике знаний, к обществу знаний. Главная опасность ловушки необразованности в том, что установка на получение диплома, а не знания, порождает у студентов негативный опыт беспринципности, социальный запас знаний становится весьма ограниченным и обесценивает всю систему образования» и отрицает наработанный прежде опыт в данной сфере. Институциональной ловушкой можно

97 Марков Б.В. Реанимация и реабилитация духовности // Поколения в истории: ритмы духовности. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. - С. 39.

98 Ясперс *К.* Духовная ситуация времени // Ясперс *К.* Смысл и назначение истории. - М.: Республика, 1994. - С. 359.

считать настойчивое стремление активного внедрения в систему образования дистанционного обучения, что подразумевает увеличение часов на самостоятельное изучение дисциплины (самообразование), отмену лекций и исключение речевого контакта преподавателя со студентом. Если ориентироваться на европейский опыт, то следовало бы обратить внимание на то, что в Германии, заочная (как и вечерняя) форма обучения вообще отрицается, поскольку не дает полноценных знаний.

В России, доказывая преимущества дистанционного обучения, исследователи с восхищением приводят в пример виртуальный класс, описанный Мортоном Хэйлигом, где электронная сферическая комната представлена в трех измерениях и «там будет 5000 фильмов по любому предмету. Тебе нужен Рим или Греция – и ты сразу оказываешься там»[99]. Все хорошо, только в данном проекте не учитывается, например, сложность/невозможность подведения под общую черту знаний русской и «китайской культур… в университетском образовании различных стран». Не вызывает сомнений, что только в Китае можно в совершенстве постичь китайскую культуру, а «подлинное вхождение в русскую культуру»[100] не могут обеспечить никакие европейские факультеты славистики, уже не говоря о *самостоятельном* изучении этих культур при помощи фильмов. Помимо всего прочего, всеобщая компьютеризация привела к тому, что целое поколение уже перестало воспринимать книги как ценность, мы начинаем забывать, что книги развивают способность к мышлению, а экран требует только умения манипулировать, формирует образное представление.

Бесспорно, компьютеры завоевали безграничное пространство деятельности человека. Сегодня, констатирует Э. Тоффлер, «даже те операции, которые по-прежнему требуют физического труда, интеллектуализируются»[101], поэтому обучение компью-

99 Hammet F. Virtual reality. N.Y.? 1993 // Дзюбенко М.А. Дайджест книги Френсиса Кэммета «Виртуальная реальность». С.8. Цит.: по Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Указ. соч. - С. 263.

100 Корольков А.А. Духовные основания просвещения // Поколения в истории: ритмы духовности. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. - С. 132.

101 Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 209. - С. 106.

терным технологиям и при помощи современных технологий должно занимать соответствующее место. Также не вызывает сомнений значимость компьютеров для точных наук, но вводить, точнее, заменять компьютерным тестированием устный опрос и написание сочинений в гуманитарных дисциплинах, которые как раз и подразумевают развитие творческой мысли, по крайней мере, нецелесообразно.

В исследованиях немало говорится о влияниях, рисках и последствиях повсеместного внедрения технических средств коммуникаций и «трансформации пространства книжной культуры», что, несомненно, ведет к утрате навыков прямого диалога между людьми и неспособности самобытно и оригинально излагать собственные мысли. Если к уже принято-усеченному общению посредством SMS и электронной почты добавить тестовые задания вместо устных ответов и минимизированное количество часов аудиторных занятий (особенно лекций), то последствия опасны не просто «оскудением языка», это может привести к риску утраты *искусства словесного общения*. Подведение гуманитарных дисциплин под тестовые задания и «формализованная разбивка на дидактические единицы производят внешний образовательный эффект», определяют «комедизм знаний»[102], что грозит обществу не только снижением интереса к чтению книг, но и интеллектуальной деградацией. Образующаяся таким образом риторико-литературная амнезия может привести к развитию амнезии социальной, и тогда мы рискуем утратить возможность обеспечения оптимального решения противоречий между родовой, социальной и духовной сущностью человека, которые в основе своей и гарантирует гуманитарное образование[103].

Еще один парадокс, на который обращают внимание исследователи, но о котором часто умалчивают, говоря о преимуществах модернизации образования. Привычка «к скоростным информа-

102 Ермакова Л.И. Культурные стратегии и базисные образовательные установки в контексте непрерывного образования в посткризисном обществе // Диалог культур как фактор безопасности цивилизационного процесса. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. - С. 112.

103 См.: Кальной И.И. Просвещение и воспитание – условие преемственности поколений // Поколение в истории: ритмы духовности. Указ. изд. - С. 160.

ционным потокам» вызывает у молодого человека деструкции в мышлении. «Привыкнув к жизни в компьютере, учащиеся оказываются в большом затруднении, когда их помещают в такую ситуацию, где им приходится действовать…, ставить цели, передавать свой замысел…»[104]. В обществе с высоким техническим потенциалом как никогда нужны знания языка, чтения и орфографии, но технизированная система образования дает все более низкие показатели, подводя нас к тому, что мы, погруженные в огромный поток информации, испытываем дефицит в знаниях, не владеем в достаточном объеме навыками письма, забыв, что только «через письменность в любом настоящем (и только так) оказывается возможным сочетание различных современностей, которые друг для друга, соответственно, являются будущим или прошедшим»[105]. Письменность несет в себе опыт прошлого для настоящего и доносит опыт настоящего до будущего.

Несомненно, компьютерные технологии соответствующим образом меняют требования к методике образования, дистанционное образование успешно и эффективно может применяться для повышения квалификации, когда полученные навыки необходимо дополнить или совершенствовать в связи с введением инноваций в определенную профессиональную сферу. Возможно, дистанционное образование могло бы стать спасением для молодых людей из отдаленных поселений, не имеющих возможности, в силу различных обстоятельств, получить высшее образование, но для этого необходимы как минимум компьютер и выход в Интернет, что не всегда могут позволить себе жители далеких поселков. На основании чего, исследователи отмечают, что институт образования закрепляет сложившуюся систему социального неравенства, не оставляя шансов изменить свой социальный статус претендентам с изначально низким материальным статусом[106].

104 Штифанова Е.В. Образование как навигация в мире повседневности // Феномен повседневности в философском измерении: материалы всероссийской научно-практической конференции.- Екатеринбург: УрФУ, 2011. - С.450.

105 Луман С. Медиа коммуникации. - М.: Издательство «Логос», 2005. - С. 89.

106 Коршунов А., Награльян А. Модернизация российского образования и проблема обеспечения духовной безопасности общества // Власть, 2012. № 9. - С. 28.

Даже если будет все необходимое, то непонятно, как молодой человек, не выходя за рамки территориально ограниченного пространства, может получить *полноценное высшее* образование без непосредственного общения и практических навыков в выбранной профессиональной сфере. Вероятно, предполагает П. Слотердайк, реформаторы высшего образования заботятся о том, чтобы и учеба стала такой же серой, как те перспективы, которые открываются после нее[107]. Получение высшего профессионального образования не является гарантией трудоустройства по специальности, что порождает еще и риск депрофессионализации.

Сложность трудоустройства «приводит к ухудшению положения молодежи на рынке труда», следовательно, различные возможности «жизненного самоопределения молодых людей в крупных городах и на остальной территории Российской Федерации... становятся значимой детерминантой воспроизводства риска»[108], оказывая негативное воздействие на их поведение. Конечно, в процессе образования крайне необходимо и важно использовать научные, информационные, технические достижения, но при этом не менее важным и существенным является вопрос «зачем», что мы хотим получить в процессе модернизации.

Итак, объективные основания рискогенной деятельности человека в процессе повседневной жизнедеятельности неразрывно связаны с изменением ценностных установок, поэтому можно предположить, что даже изменения в образовательной системе обусловлены не только развитием новых технологий, но и изменением аксиологических приоритетов человеческой деятельности, когда субъект вынужден идти на риск, меняя привычные стандарты существующей образовательной системы. *Осознанное стремление к рискам* выражается в конструировании рисковых действий с четким пониманием негативных для жизни последствий, к ним можно отнести

107 Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. - С. 449.

108 Чупров В.И., Зубок Ю.А., Ульямс К. Молодежь в обществе риска. - М.: Наука, 2003. - С. 107

терроризм, экстремальные виды спорта, иное неординарное поведение субъекта, подвергающее его жизнь опасности. *Рискогенные ситуации вследствие неосознанной деятельности* возникают как результат недостаточной осведомленности об опасных последствиях совершаемого поступка. Список таких действий намного шире, он включает в себя нерациональное использование природных ресурсов, искажение коммуникативных пространств, ориентир на экономическую прибыль, чрезмерное использование компьютерных технологий и другие. Таким образом, рискогенность повседневной жизни общества связана с активностью личности, обусловлена особенностями ее каждодневной деятельности и не выходит за рамки повседневного пространства.

Резюме: основным источником продуцирования рискогенных ситуаций является сам человек и его каждодневная (научна, культурная и другие) деятельность, которая привела к необходимости разработок «подчинения» природы человеку. Риск в повседневной жизнедеятельности общества осмысливается в неразрывной связи с активной деятельностью индивида и обусловлен его амбивалентностью. С одной стороны, он имманентно присущ повседневной жизнедеятельности, поэтому различные рискогенные ситуации являются определенной потребностью выражения интереса человека к самому себе, в процессе которого побеждается обыденная скука, приобретаются необходимые жизненные навыки. С другой – риски выводят субъекта «за скобки» повседневности – выбивают его из установленной, привычной «нормы», создают напряженность, представляют опасность для жизни и к тому же способствуют трансформации осознания действительности, переводя ее в разряд «не стандартной». Это уже философская проблема меры, которая обеспечивала мудрецам античного мира головную боль. Она сохраняет свою актуальную значимость и сегодня.

ГЛАВА II
ИДЕОЛОГИЯ КАК КАНОН РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

§ 1 КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Путь от младенчества к зрелости проделывает
не только каждый отдельный индивид,
но и сам род человеческий,
движущийся от дикости к цивилизации.
Адам Фергюсон.

Трижды преступна хищническая цивилизация,
не ведающая ни жалости, ни любви к твари,
но ищущая от твари лишь своей корысти,
движимая не желанием помочь природе
проявить сокрытую в ней культуру,
но навязывающая насильственно и условно
внешние формы и внешние цели.
о. Павел, П.А. Флоренский.

Культура и цивилизация, а также их взаимосвязь становятся предметом пристального внимания исследователей в период Просвещения. Так, известный французский историк Л. Февр в работе «Цивилизация: эволюция слова и группы идей» выдвигает предположение, что понятие «цивилизация» появилось впервые во французском тексте в 1766 г., а в английском – в 1773 г. В немецком тексте, пишет он, понятие «культура» появилось между 1774 и 1793 годами[109]. Если провести сопоставление обозначенных понятий с позиции обозначенного времени, то культура рассматривалась тогда в качестве компонента цивилизации. Цивилизация понималась как «триумф и распространение разума», причем в самых разнообразных областях – моральной, религиозной, политической, как просвещенное общество, противостоящее дикости и варварству. Такое общество уверенно продвигалось по пути прогресса науки и искусства, вело к утвержде-

109 См.: Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 242-247.

нию справедливости и свободы, делая ставку на разум[110]. К привычному, идущему еще со времен античности, значению понятия «культура» (возделывание, обработка, прежде всего, земли), добавилось новое его понимание – просвещение, образование. Несколько позже к цивилизации стали относить целые страны, достигшие развитого состояния. С 1819 г. понятие «цивилизация» начинает использоваться также во множественном числе, что свидетельствует о начале признания цивилизационного многообразия в развитии человеческого общества. Появляются работы Ф. Гизо «История цивилизации в Европе» (1828), «История цивилизации во Франции» (1830), Ж. Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас (1853–1855), Р. Бокля «История цивилизации в Англии» (1857-1861) и ряд других.

Известно, что культурно-историческая школа, сформировавшаяся на Западе и подвергшая обстоятельному анализу генезис и развитие разнообразных цивилизационных образований и соответствующих им культур, берет начало своего формирования во второй половине XIX столетия. Вместе с тем несомненно, что у самых истоков становления цивилизационного подхода к изучению истории человеческой культуры стоял российский ученый Н.Я. Данилевский (1882–1885), который поставил под сомнение идею единства исторического процесса и предложил взамен концепцию историко-культурных типов. На этот факт указывает в послесловии к одному из изданий книги «Россия и Европа» С.А. Вайгачев, который пишет: «В современной западной философии и социологии культуры имя Данилевского упоминается первым в ряду таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Нортроп, А. Шубарт, П. А. Сорокин, объединяемых общим критическим отношением к европоцентристской, однолинейной схеме общественного прогресса»[111].

Напомним, в чем состоит суть концепции историко-культурных типов. Н.Я. Данилевский в известном труде «Россия

110 Febre L. Tonnelat E. Civilisations: Le mot et l'idee. – Paris, 1930. – P. 1-13.

111 Вайгачев С.А. Послесловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. – М.: Книга, 1991. – С. 556.

и Европа» выступает противником трактовки исторического процесса как однонаправленного линейного движения по пути прогресса, указывает на существование многообразия народов, которые оказываются способными или не способными к созданию значимых историко-культурных образований. При этом, действительными носителями исторической жизни Н.Я. Данилевский называет обособленные «естественные группы», имеющие духовные задатки к историческому развитию, и такие группы, полагает он, составляют самобытные культурно-исторические типы. Автор «России и Европы» выстраивает естественную систему истории, исходя из трех функций, которые несут в себе разные народы. Одним народам суждено быть положительными деятелями человеческого рода, «позитивными творцами истории», другим – разрушителями истории («негативными творцами истории»), а третьим приходится довольствоваться судьбой племен, не имеющих исторической индивидуальности (в силу того, что их творческий дух задержался), быть «этнографическим материалом», включенным в определенные общественные организмы. Западная цивилизация рассматривается им в качестве одной из цивилизаций, никоим образом не отождествляемая с всеобщей цивилизацией.

Мыслитель утверждает, что цивилизации в истории не следуют одна за другой, хотя и могут воздействовать друг на друга. Как замечает Г.Д. Гачев: «В отличие от Гегеля, автор «России и Европы» разбивал «историю из колонны – в шеренгу параллельных цивилизаций. – Каждая сама по себе», со своей шкалой ценностей и смыслов, не переводимых на язык другого типа культуры – «так же, как берёза не может влиять на сосну, хотя сообщать нечто шелестом ветвей и тенью – может»[112].

Н.Я. Данилевский пророчески предупреждает об опасности, которую несет в себе денационализация культуры, полагая, что господство одной цивилизации или культуры может лишить важного условия развития и совершенствования – элемента разнообразия. По сути, он выступает против «космополитизма», навеваемого в последние десятилетия западными

112 Гачев Г.Д. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. – М.: Новости, – 1991. – С. 38.

стандартами. Как признают сегодня сами американские социологи, для космополитов такие понятия, как «местоположение» и «место» становятся абстрактными, расплывчатыми и условными реальностями[113]. В фантастическом рассказе Пола Андерсена «Рука помощи» сформулировано, на наш взгляд, важное аксиологическое положение о том, что принцип обескоренения (который можно рассматривать как вариант денационализации культуры) не является сам по себе универсальным. Следование образцам западной культуры, справедливо напоминает он, при всей притягательности западного уровня жизни способно привести к исчезновению отличительных форм местной культуры и образа жизни[114]. Следует ли превращать свою страну, свой регион в придаток чужой культуры, предав забвению специфику своей ойкумены. Актуальность этого вопроса усиливается в условиях глобализации мира.

Н.Я. Данилевский выступает категорическим противником признания существования общечеловеческих ценностей, а также общечеловеческой цивилизации. Он подчеркивает, что за общечеловеческое обычно выдают европейское, а признание возможности общеевропейской культуры обесценивает усилия многих самобытных культур. Он пишет: «Общечеловеческой цивилизации не существует, не может существовать, потому что это была бы… нежелательная полнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, сообразно деятельностью которых проявляется жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем»[115]. Не отрицая прогресса как такового, мыслитель вкладывает в это понятие свой особенный смысл, связывая прогресс с полнотой реализации культурного потенциала

113 См.: Хантер Д.Д., Йейтс Д. Мир американских глобализаторов // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 341-377.

114 См.: Андерсен П. Рука помощи // Фандет экспресс. Вып. 4, 1991. – С. 111-126.

115 Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 147.

каждой культуры. В мировом масштабе прогрессивные достижения кумулируются, идет процесс накопления культурных ценностей. Он подчеркивает относительную равноценность культурно-исторических типов и их цивилизаций, указывает на то, что масштаб этой ценности следует замерять условиями и рамками конкретного исторического времени. Н.Я. Данилевский постулирует отказ от концепции линейного исторического процесса, утверждает его дисконтинуальность. Каждая культура приступает к своему восхождению на собственных оригинальных основаниях, причем эти основания не передаются другим культурам. Соответственно хронологическое исследование истории не может быть универсальным, оно связано со спецификой путей развития каждой культуры. В качестве «абсолютной единицы истории» предлагается культурно-исторический тип, самодостаточный и самоценный, что обеспечивает вектор усложнения и обогащения, движение от одноосновности к четырехосновности. К четырем основаниям культурно-исторических типов Н.Я. Данилевский относит религиозное, культурное, политическое и общественно-экономическое основания. Обозначенные основания, полагает он, в полной мере находят свое проявление лишь в славянском культурно-историческом типе. Особая миссия славянской цивилизации состоит в утверждении справедливого устройства общественно-экономической жизни людей. Многие отечественные исследователи полагают, что в этой установке берет начало «русская идея Данилевского».

Заметим, что вопрос об особенностях славянского культурно-исторического типа, о возможностях самораскрытия в настоящее время приобретает особую актуальность. С одной стороны, болезненный и трагический разрыв с европейским сообществом, осуществляемый в современной непростой политической ситуации под лозунгом «Россия – не Европа», на деле оказывается борьбой с историей, со временем, некой попыткой повернуть время вспять. С другой стороны, вновь предметом пристальных размышлений становятся вопросы о самоидентификации российского народа, о возвращении ему чувства достоинства, чувства страны, чувства самоува-

жения… Выкраивать свою жизнь по лекалам чужой культуры все же не следует, – важно самим создавать свои собственные лекала, принимая во внимание как свой, так и чужой опыт; не утопая в вестернизации и арабизации, разрабатывать свои собственные стратегические ориентиры развития и соответствующую им идеологию.

Нельзя не отметить, что теоретические и практические идеи «России и Европы» Н.Я. Данилевского встретили сопротивление со стороны ряда философов и социологов. Так, например, известный русский религиозный философ В.С. Соловьев назвал «Россию и Европу» «литературным курьезом». В западном мире о Н.Я. Данилевском знали далеко не многие. Лишь благодаря авторитету П.А. Сорокина – русского эмигранта первой волны, покинувшего Россию в 1922 году, – теория культурно-исторических типов получила признание на мировом уровне. Сам П.А. Сорокин довольно внимательно отнесся к идеям как самого Н.Я. Данилевского, так и его последователей, и в ряде своих работ дал обстоятельный анализ основополагающих принципов цивилизационной теории. Так, в работе «Социальная философия века кризиса», изданной в Бостоне в 1951 году, он оценил наследие российского философа как первую систематическую разработку воззрения на историю, отличающегося от простого эволюционного прогресса, а самого Н.Я. Данилевского как первого мыслителя, сформулировавшего концепцию «культурно-исторических типов», а также положившего начало довольно перспективному направлению современной социологической мысли. Он высоко ценил его политические и геополитические взгляды. О книге «Россия и Европа» П.А. Сорокин пишет: «Начатая как политический памфлет высочайшего уровня, она демонстрирует политическую дискуссию такой пробы, что превращается в выдающийся трактат по философии, истории и социологии культуры и оканчивается как образец необычайно проницательного и верного по существу политического прогнозирования и проповеди»[116].

116 Цит. по: Абалкин Л.И. Н.Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве // Социологические исследования, 2003. № 5. – С. 4.

В несколько ином ключе – в контексте теории культурно-исторических стилей – рассматривает развитие культуры и цивилизации русский философ К.Н. Леонтьев. Наиболее выразительно понимание данных феноменов представлено в его программном труде «Византизм и Славянство». Отталкиваясь от идей Н.Я. Данилевского, а также западных философов и социологов Гегеля, Сен-Симона, О. Конта и Г. Спенсера, он выстраивает собственную модель исторического процесса, в которой указывает на существование трех стадий развития всякой исторически значимой человеческой общности: первоначальной простоты, цветущей сложности, а также вторичной простоты, или смесительного уравнения. При этом, он категорически выступает против эгалитарного и либерального прогресса, ведущего, как полагает он, к ухудшению условий жизни людей. Как и Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев предостерегает от увлечения путем развития западного мира. Образ культуры, внедряемый европейской цивилизацией, полагает он, неизбежно повлечет за собой усечение самосознания русского народа. Не приемля идеи эгалитаризма, он утверждает, что культивирование ценностей западной культуры неизбежно обернется насаждением идеалов усредненного человека, лишенного самобытности и своеобразия, и, в конечном счете, приведет к угнетению и разложению национальной культуры: «Приемы эгалитарного прогресса – сложны, цель груба, проста по мысли, по идеалу, по влиянию и т. п. Цель всего – средний человек; буржуа спокойный среди миллионов точно таких же средних людей, тоже покойных»[117].

Цивилизацию (культуру) К.Н. Леонтьев определяет как сложную систему отвлеченных идей (религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных), вырабатываемую всей жизнью наций. При этом он прозорливо отмечает: «Она, как продукт, принадлежит государству; как пища, как достояние, она принадлежит всему миру»[118]. Мыс-

117 Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. – М.: «Радогъ», Московский рабочий», 1993. – С. 95.

118 Там же. – С.111.

литель высказывает предостережение против слияния европейских государств, полагая, что оно будет куплено высокой ценой. Нельзя не отметить, что во втором десятилетии XXI столетия, мы становимся очевидцами реализовавшихся пророчеств К.Н. Леонтьева, когда довольно отчетливо проявляются оборотные стороны в культурном, социальном и политическом развитии стран, входящих в состав Европейского сообщества.

Значимым событием в развитии теории локальных цивилизаций становится труд немецкого мыслителя О. Шпенглера «Закат Европы». Он восстает против европоцентризма и прогрессизма в представлении исторического процесса, выдвигает концепцию развития независимых друг от друга культур, проживающих самостоятельную жизнь. Согласно Шпенглеру, рождение культуры подобно пробуждению великой души. Когда огонь души затухает, тогда культура вступает в свою завершительную стадию – стадию цивилизации со свойственными ей космополитизмом, всепоглощающей урбанизацией, научным атеизмом, мертвой метафизикой, торжеством массового сознания: «Вместо мира – город, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран.., вместо богатого формами, слившегося с землей народа – новый кочевник, паразит, житель большого города, человек, абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству...»[119]. Историю развития любой культуры Шпенглер рассматривает по аналогии с историей отдельного человека или иного организма. В мировой истории, полагает мыслитель, насчитывается восемь высоких культур – египетская, вавилонская, китайская, индийская, мексиканская, античная, арабская и западноевропейская, причем каждая из них является уникальной. Исследователю неподвластно изучение этих культур через рациональное познание. Постичь душу культуры способен лишь художник, владеющий интуицией и образным сознанием.

К рациональному осмыслению процесса развития культур

119 Шпенглер О. Закат Европы. М.: Издательство «Мысль», 1993. – С. 70-71.

и цивилизаций приглашает нас Арнольд Тойнби. Цивилизации он рассматривает как объективные реальности, которые проходят в своем развитии определенные стадии. «Все прошли стадию становления; большинство достигли также расцвета – через разное время и в разной степени; некоторые испытали подъем, а немногие претерпели и процесс дезинтеграции, завершившийся окончательной гибелью»[120]. Развитие цивилизаций у него предстает сквозь призму дискретно-стадиальной модели, в которой в качестве этапов предстают: возникновение – рост – надлом – распад. Любая цивилизация может прекратить свое существование на одной из обозначенных стадий.

Особое место в развитии цивилизаций, осуществляющих свое движение по принципу исторического вызова и поиска соответствующего ответа, Тойнби отводит творческим, неординарным личностям. Как справедливо замечает мыслитель, творческим динамическим личностям стоит больших усилий разбить «кристалл обычая», пробиться сквозь бездну косности и обратить на свою сторону других людей. Ссылаясь на А. Бергсона, он подчеркивает, что такой прорыв требует двойных усилий: как со стороны самих личностей, нацеленных на новаторский путь, так и со стороны остальных людей, готовых пойти на осуществление новации, приспособиться к ней[121]. Для реализации социокультурного прорыва необходимы экстремальные условия. Такими условиями часто оказывалась угроза исчезновения социальной общности, ситуация, при которой данная общность была обречена на уничтожение либо вымирание. Социокультурная переориентация осуществлялась посредством мимезиса – подражания новым образцам, эталонам — творческим личностям, инициаторам «созидающего скачка», прокладывающим через хаос неопределенности и тревоги новый путь. Закрепление данной переориентации происходило через воплощение в жизнь новых традиций, привычек, обычаев или придание нового смысла прежним символам и устоям.

120 Toynbee A. A study of Hisori. Vol. 12. Reconsiderations. – L: Oxford, Univ. Press, 1961. – P. 283.
121 См.: Тойнби А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 260.

В цивилизационной концепции А. Тойнби рассматривается проблема цивилизационной идентичности, дается формулировка критериев такой идентичности. К ним мыслитель относит религию, историю, обычаи, язык и культуру. Особое место он отводит религии, которую, в отличие от самой цивилизации, он считает «цельной и единонаправленной».

На особую роль религии в трактовке идей культуры и цивилизации обращает внимание и российский философ Н.А. Бердяев. Высоко оценивая труд О. Шпенглера «Закат Европы», он отмечает важную направленность данной книги, ее обращенность к судьбе культурного человечества: «Ничто так не волнует человека, – пишет Н.А. Бердяев, – как судьба его... На исторических перевалах, в эпохи кризисов и катастроф приходится серьезно задуматься над движением исторической судьбы народов и культур»[122]. Культура есть живой процесс, живая судьба народов, она, по мнению Н.А. Бердяева, содержит в себе истоки грядущих преобразований – как позитивных, так и негативных. Понимание судьбы культуры требует обращения к ее роковой диалектике, свидетельствующей о том, что устойчивость культуры ограничена во времени: проявление цивилизационной тенденции в культуре неизбежно ведет к концу самой культуры.

Характерно, что Н.А. Бердяев проводит довольно существенную грань между культурой и цивилизацией, выводит для обоснования этого различия соответствующие основания. В «Философии неравенства» он подробно рассматривает соотношение понятий культуры и цивилизации: «Культура и цивилизация – не одно и то же. Культура родилась из культа. Истоки её – сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной… В культуре не реалистически, а символически выражена духовная жизнь... Цивилизация всегда имеет вид parvenu. В ней нет связи с символикой культа. Её происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторя-

122 Бердяев Н.А. Смысл истории. - М.: Мысль, 1990. – С. 162.

ющееся… Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудия»[123]. Н.А. Бердяев подчеркивает укорененность культуры в человеческом бытии, ее преемственность, указывает на сочетание в ней двух начал – обращенного к прошлому, а также обращенного к будущему и созидающего новые ценности. Что же касается цивилизации, то ее отличают быстротечность и футуристичность. Вместе с тем цивилизация выступает одной из ступеней развития культуры, как правило, ее последней ступенью. Однако мыслитель указывает и на иные способы завершения культуры – выход за ее пределы, к высшему творческому бытию: святость и гениальность (творческое дерзновение). Задача претворения культуры в новое бытие является самой насущной задачей.

Тема развития культуры и цивилизации становится одной из ключевых в научном творчестве П.А. Сорокина. Ей он посвящает целый ряд своих работ, среди которых и самый объемный его труд – «Социальная и культурная динамика» в 4-х томах (1937-1941). Нельзя не отметить, что эволюцию культуры и цивилизации П.А. Сорокин представляет сквозь призму циклического подхода. Данный подход, заметил он, сформулирован еще в «Экклезиасте»: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает и нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое»; но [это] было уже в веках, бывших прежде нас»[124]. Изучение циклических и ритмических повторяемостей П.А. Сорокин считает одной из важнейших задач социологии, так как оно позволяет формулировать закономерности социального развития. Он предлагает использование макросоциологического подхода к исследованию цивилизаций, в основу которого положено изучение «культурных суперсистем». Ключевые положения этого подхода сводятся к варианту:

- крупные культурные суперсистемы (т.е. цивилизации) существуют в безграничном «океане» социокультурных явлений;

123 Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1990. – С. 248.

124 Цит. по: Сорокин П.А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования, 1998, № 12. – С. 3.

- большие суперсистемы определяют ведущие изменения в социокультурном мире;
- знание принципов устроения суперсистем позволяет понять характер их структуры и динамики;
- изучение социокультурной реальности требует сочетания макросоциологических и микросоциологических исследований;
- культурных суперсистем в истории человечества было немного;
- число малых культурных систем не ограничено;
- у каждой суперсистемы есть определенная основная предпосылка;
- суперсистема имеет характер причинно-смыслового единства;
- в течение определенного времени каждая суперсистема сохраняет свою самобытность;
- изучение циклов, ритмов культурных общностей является важной задачей системных теорий культуры;
- во всех известных цивилизационных теориях выделяются схожие фазы жизни культурных суперсистем;
- в этих концепциях можно диагностировать кризис цивилизации.

П.А. Сорокин рассматривает цивилизации не как некие «культурные системы», а как крупные «социальные системы», которые складываются на основе центрального ядра (фундамента). Ядро формируется культурными смыслами, ценностями, нормами или интересами. Представителей цивилизационного подхода он подвергает критике за то, что у них не представлена системная классификация социальных групп, и в результате в одной «цивилизационной корзине» оказываются размещенными гетерогенные социальные образования и культуры (в частности, это свойственно ассиро-вавилонско-финикийско-халдейская культуре).

П.А. Сорокин считает также, что в цивилизационном подходе происходит смешение культурных систем с социальными системами (группами), а название «цивилизация» дается

самым различным социальным группам и культурам, причем критерии смешиваются: этнические, религиозные, государственные, территориальные или даже многофакторные группы, а также конгломераты различных обществ. Помимо того, он подчеркивает, что совокупные культуры огромных социальных общностей не могли быть интегрированы в единую причинно-смысловую систему.

Следует отметить еще один важный момент. Напомним, что работа П.А. Сорокина «Sociological Theories of Today»[125], в которой он дал блестящий анализ концепций основоположников цивилизационных теорий, была написана в 1966 году, когда идеи статистических закономерностей, вариативности линий развития довольно уверенно пробивали дорогу в научном познании. Мыслитель делает вполне логичный вывод о том, что «одновариантная модель» развития, предусматривающая рождение, созревание и гибель, не может быть примененной к рассматриваемым цивилизациям. Идеи рождения, роста, зрелости, надлома и гибели становятся бессмысленными при их применении к совокупному конгломерату культурных систем и скоплений, именуемых цивилизациями. Сами цивилизации, указывает П.А. Сорокин, проявляют способность к творчеству не в одной или двух сферах, а в нескольких сферах культуры. Если рассматривать жизненные траектории организованных социальных систем, то следует принять во внимание то, что:

- путь развития этих систем является многовариантным, не сводимым к одному органическому одновариантному циклу;
- социальные группы как эмпирические целостности возникают различно, а культурные системы проходят через фазы концептуализации, объективизации и социализации;
- время существования культурных систем – от нескольких секунд до тысячелетий, вплоть до бессмертия (пока живо человечество);
- организованные социальные и культурные системы могут проходить как через один цикл возникновения – существования – гибели, так и через ряд волн «роста и упадка, расцвета и увядания».

125 Sorokin P. Sociological Theories of Today. N.Y.; L., 1966. – P. 177-204.

Что же касается культурных суперсистем (умозрительных, чувственных и интегральных), о которых пишет П.А. Сорокин, то они, на его взгляд, «поистине бессмертны», соответственно бесконечное число раз могут трансформироваться, гибнуть и возрождаться вновь. Таким образом, за суперсистемами культуры признается внутренняя динамика жизни, реализуемая в длительных исторических фазах: генезиса – роста – созревания – увядания – упадка и распада. Однако гибель культуры не имеет необратимого характера. Он отмечает, что «мнимая смертная агония» влечет за собой рождение новой формы культуры, высвобождение «новых созидательных сил»[126].

Мыслитель высказывает убеждение в том, что общество, человек и цивилизация не имеют перспективы, если не будут стремиться к созданию универсальных религиозно-нравственных и естественно-правовых ценностей, которые должны будут со временем приобрести абсолютный характер. Выступая под знаменем философского интегрализма, он подчеркивает необходимость преодоления кризисного состояния самого человека: «Зажатый меж двух эпох, когда старые ценности рушатся, а новые еще не укрепились, человек сегодняшнего дня теряется в дебрях дезинтегрированного чувственного мира и общества. Он подобен лодке без весел, которую бросают из стороны в сторону ветры его животных страстей, выскользнувшие из-под контроля рациональных и сверхрациональных человеческих сил. В таких условиях человек, как следует из наблюдений Платона и Аристотеля, склонен становиться "наихудшим из бестий». И он действительно морально деградировал до уровня усложненного человеческого животного, оправдывающего с помощью напыщенных идеологий наихудшие из своих действий»[127]. Указывая на необходимость преодоления кризиса, мыслитель отмечает, что культура и цивилизация являются гораздо прочнее, чем это представляется «клоунам политического цирка». Как бы громко не звучал реквием цивилизации,

126 См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.· Политиздат, 1992. – С. 433.

127 Сорокин П. А. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. – С. 138.

она вопреки всему продолжает свое существование.

Последние годы своей жизни П.А. Сорокин посвящает вопросам морали, нравственности, творчеству, альтруизму как неотъемлемым основаниям системы культурных ценностей. По сути, с конца 40-х годов XX столетия он предпринимает попытку создать «нравственную историю XX века». В 1949 г. под его руководством в Гарварде был создан Исследовательский центр по созидательному альтруизму, в котором осуществлялось теоретическое и экспериментально-практическое изучение феномена бескорыстной любви. Этот центр поставил задачу разработки проекта социальной реконструкции, ориентированной на то, чтобы сделать людей и общество более гуманными, чтобы наметить пути преодоления духовного кризиса, в котором оказалась цивилизация. Решению этой задачи должна была помочь *амитология* – прикладная наука, целью которой являлось как развитие способности к любви, дружбе и сотрудничеству в личных и социальных отношениях. Вместе с тем, сложившийся во всем мире «климат нетерпимости и вражды между людьми» показал невозможность для осуществления поставленных задач.

В 1959 году выходит в свет в свет книга П.А. Сорокина «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?»[128], которую практически сразу перевели и издали в Японии, Индии и Франции. Книга остро и беспощадно поднимает вопрос об ответственности правящих групп за судьбоносные решения о войне и мире, указывает на необходимость осуществления замены устаревших политических идеологий на новые ценности и нормы поведения.

Вопросы нравственного характера П.А. Сорокин поднимает и в переписке с учеными и общественными деятелями. В одном из писем Альберту Швейцеру – великому гуманисту прошлого столетия – в ноябре 1960 г. он подчеркивает: «… этический ренессанс является чрезвычайно важным для возрождения созидательности активности человечества на этой планете»[129], а в работе «Та-

128 Sorokin P.A. Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? / With W.A. Lunden. Boston, Mass: P. Sargent, 1959.

129 Питирим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П. П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. – С. 142.

инственная энергия любви» он формулирует закон поляризации, согласно которому периоды катастроф характеризуются, с одной стороны, дезинтеграцией системы ценностей данного общества и ростом деморализации, преступности, войн, кровавых столкновений, и, с другой стороны, созидательной реинтеграцией новой системы ценностей, прежде всего религиозных и этических ценностей, а также духовным и моральным совершенствованием позитивно поляризованного сегмента популяции[130]. Вопрос состоит в том, какая из этих сторон возьмет верх. Если это будут силы деморализации и дезинтеграции, тогда будущее человечества выглядит мрачным и неопределенным. Тем самым, полагает он, становится важным осуществление *альтруистической трансформации человечества и человеческого универсума*. Ответ, насколько это возможно, до настоящего времени так и не получен.

В контексте сегодняшнего дня вопросы о перспективах развития культуры и цивилизации мы неизбежно связываем с процессом глобализации. Понимание самого процесса глобализации прорисовывает два различных пласта. Первый – *онтологический пласт* – репрезентирует глобализацию как объективный процесс становления единого взаимосвязанного мира, усиления взаимосвязи стран и континентов. Он находит свое выражение в универсализации технологических структур, информационных и коммуникационных потоков. Соответственно, осмысление данного феномена ориентирует нас на утверждение представления *о едином человечестве*, проявляющемся в различных цивилизационных устройствах, а также о круге проблем, которые не способны решить автономно отдельные страны.

Второй – *экономический, политический и социокультурный пласт* – проявляет глобализацию как утверждение *единой цивилизационной модели развития*, которое осуществляется через навязывание экономически сильными государствами своей гегемонии в отношении других стран мира: своего мироустройства, миропорядка, некоей универсальной культуры, матриц-основы для формирования общемировой системы стан-

130 См.: Сорокин П. А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования, 1991, № 9. – С. 157-158.

дартов, образцов материального и духовного производства и потребления. Этот контекст понимания глобализации выводит нас на круг проблем, касающихся судеб национальных культур и традиций, проблем этнокультурной идентичности в глобализирующемся мире. Как отмечают исследователи, эти проблемы не могут быть разрешены однозначно позитивно, скорее, следует вести речь о паллиативных решениях – тех решениях, которые являются далеко не идеальными, но, однако, приемлемыми в возникающих сложных реальных ситуациях. Рассмотрим более подробно некоторые проблемы и их паллиативы.

Унифицирующий поток глобализации выступает довольно грозным вызовом национальным культурам, так как ведет к стиранию социокультурных различий – этнических, национальных, традиционных и др. Как справедливо отмечает Б.В. Марков, современная борьба за свободу сегодня принимает форму борьбы «против тенденции нивелирования мира катком научно-технического прогресса»[131]. Однако нельзя не учитывать того, что определенное стирание различий – неизбежный процесс развития сложных систем. Этот процесс получил методологическое закрепление в общесистемном законе иерархических компенсаций Е. Седова: возрастание разнообразия на высшем уровне организации системы обеспечивается условием ограничения разнообразия на ее нижних уровнях[132]. Экологи фиксируют тенденцию уменьшения биологического разнообразия под воздействием факторов антропогенной деятельности, причем, по мере расширения искусственной среды обитания человека, умножении ресурсов антропосферы можно предвидеть пролонгацию данной тенденции. В социокультурной сфере акцентирование на непохожести, на различии этносов, народов и культур, возведенное в абсолютные рамки, служит для оправдания деструктивных проявлений агрессии фундаментализма. Нельзя не обратить внимания на реанимирующиеся архаические и контрпродуктивные механизмы солидарности (прежде всего, солидарности, нацеленной на унич-

131 Марков Б.В. Знаки бытия. – СПб.: Наука, 2001. – С. 557.

132 См.: Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность, 1995, № 3. – С. 5-16.

тожение других, не похожих). Террористические акты зачастую выступают проявлением реакции традиционного сознания на процессы глобальной унификации, на диктат, называемый чуждой культурой. Соответственно крайне важным становится поиск путей диалога, и даже «взаимоуподобления» цивилизаций по мировоззренческим и поведенческим основаниям. Важен углубленный подход к восприятию «иного», связанный с устремлением к пониманию других и мира в целом во всем многообразии его проявлений. Рубеж XX-XXI столетий, связанный с великими социально-политическими потрясениями, в значительной мере обострил проблемы, связанные с развитием культуры, усилил кризисные проявления в ней. А.С. Панарин выделяет следующие измерения кризиса современной культуры[133]:

Кризис *жизнеориентирующей функции культуры*, – функции покорения и овладения «прометеевым человеком» мира. Позиция конструктивно-инструментального познания и преобразования мира явно дает сбой, обнаруживая в социоприродном развитии пределы роста. Об этих пределах довольно ярко и убедительно повествуют доклады, сделанные Римским клубом. Завершение противостояния двух социально-политических систем в ходе холодной войны и разрушение «железного занавеса» между ними обнаружили, что по обе стороны этого занавеса длительное время происходило «разрушение природы», а также «постоянный упадок осмысленности жизни» (Г. Померанц). В проявившейся многополюсной, поликультурной цивилизации особое звучание приобрела проблема сохранения жизненных ресурсов человеческого бытия, преодоления социальной напряженности и обеспечения безопасного развития. Соответственно, сегодня требуется активизация усилий в решении обозначенного круга проблем, а также в осуществлении действенных мер по смягчению жестких промышленных и социальных технологий, угрожающих природе и самому человеку.

Кризис ценностно-мотивационной стороны культуры проявляет себя в значительном снижении жизненного тонуса – че-

133 См.: Панарин А.С. Российская культура как фактор планетарной реформации // Культура и экология. М., 1996. – С. 201-237.

ловека, социальных групп, и целых цивилизационных образований. Мы сталкиваемся фактически с дефицитом человеческой энергии (пассионарности, в терминологии Л.Н. Гумилева). Не случайно одним из важнейших понятий социогуманитарного знания становится понятие «человеческого потенциала»: развитие общества, развитие самого индивида следует направлять на максимальную реализацию этого потенциала, на самореализацию человека. Человеческий потенциал преломляется в способности и готовности национальной общности активно развиваться, давать адекватные ответы на вызовы со стороны внешней среды. Социокультурный аспект человеческого потенциала проявляется в ценностно-мотивационной стороне культуры, указывающей на необходимость обновления жизненных смыслов и целей, без чего невозможно упрочение культурно-нравственного, ценностного каркаса, сплачивающего цивилизацию.

Кризис *нормативной сферы культуры*. В этой сфере наблюдается значительное снижение эффективности регулятивных функций культуры и соответствующих механизмов. Механизмы ценностной регуляции, каковыми являются, помимо государственных и правовых институтов, СМИ, мода, реклама, образование и воспитание, общественные организации, партии, клубы и т.п., часто приходят в противоречие друг с другом. Тем самым можно утверждать о *кризисе системы нормативной регуляции*. Закономерен вывод о том, что вообще не существует никаких безотказных механизмов, гарантированных социокультурных регуляторов, способных утвердить на длительную перспективу нерушимость социального организма. Многие вопросы замыкаются на индивидуальном, личностном бытии. Как справедливо замечает В.Н. Леонтьева, «от срыва в бездну хаосы, пустоты, бескультурья не гарантируют никакие достижения, никакие механизмы; противостоять бездне и преодолевать хаос можно лишь в личностно совершаемых культурных актах посредством культуротворческого усилия…»[134].

Усиление глобализма оказывает значительное взаимодей-

134 Леонтьева В.Н. Культуротворческий процесс: основания и начала. – Харьков, 2003. – С. 49.

ствие на развитие культуры. Одна из тенденций — коммерциализация культуры. В результате идет вытеснение институтов высокой культуры (театра, национальных библиотек), устная речь, все более доминирует над письменной, вульгарные проявления – над культурными. Экономическая власть намеренно идет на снижение потенциала национального сопротивления, погашает возможности проявления критической рефлексии. Некоммерческая культура при этом объявляется носителем тенденций консерватизма, фундаментализма и авторитаризма. В нормативной сфере фиксируется значительное снижение эффективности регулятивных функций культуры и соответствующих механизмов. Осмысление этой ситуации неизбежно приводит к выводу: безотказных механизмов, гарантированных культурных регуляторов, способных утвердить на длительную перспективу нерушимость социального организма в занимаемой им нише, вообще не существует. В соответствии с требованиями времени эти регуляторы неизбежно претерпевают изменения. Этот принцип отчетливо зафиксировал А.П. Назаретян в законе эволюционных корреляций, согласно которому стабильность системы сохраняется при соблюдении техно-гуманитарного баланса[135]. Если же культурно-психологические механизмы оказываются неспособными компенсировать разрушительную способность производственных и боевых технологий, социальная система вступает в полосу кризиса. Лишь успешное проведение перестройки множества параметров деятельности может спасти систему от окончательного разрушения.

Зададимся вопросом: что можно выделить в тех социокультурных процессах, с которыми мы вошли в новое столетие? Прежде всего, бросается в глаза *отсутствие национальной идеи* и соответствующей идеологической работы по её осуществлению. Нельзя не отметить явных *симптомов деформации системы норм, установок и ценностей* как необходимой критериальной системы оценки процессов социальной действительности. Развернувшийся в 90-е годы XX в. процесс повсеместного *отказа*

135 См.: Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса. – М.: Недра, 1991. – С. 131.

от национальных и культурно-исторических традиций до сих пор влечет за собой насаждение шаблонов массовой культуры или псевдофольклора. Не снижает темпов значительный *рост новых стереотипов и форм мифологического сознания, а также появления деструктивных религиозных верований*. Сама логика жизни значительной части населения страны сводится к логике выживания перед лицом все новых угроз. Если выходить на более масштабный уровень, то и тут можно столкнуться с формированием общества социальных угроз. А. Неклесса характеризует данный процесс как «трансмутацию истории», которая проявляется как «синкретизм и размывание культурных горизонтов, снижение морали, распространение идеологии общества потребления, сжимание цивилизации варварством…»[136].

О приближении этого процесса пророчествовал еще в середине XIX века в статье «Концы и начала» А. Герцен, на глазах которого Европа становилась прибежищем потребительской культуры. Ближайшую судьбу цивилизации он связывал с утверждением этой культуры, с воцарением ее носителя – мещанства: «С мещанством стирается красота породы, но растет ее благосостояние… Заработавшая себе копейку толпа одолела и по-своему жирует и владеет миром. В сильно обозначенных личностях, в оригинальных умах ей никакой необходимости»[137]. Эта тема получила свое развитие и в статье Дмитрия Мережковского «Грядущий хам». Ее автор пророчески предвещал наступление царство Грядущего хама, связанного с воцарением мещанского духа, гибельного для культуры, нормальных взаимоотношений между людьми, личностного начала. «Одного бойтесь, – писал он, – рабства и худшего из всех рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть чорт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный чорт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам»[138]. Называя

136 Неклесса А. Трансмутация истории // Новый мир. 2002. № 9. – С. 144.
137 Герцен А.И. Концы и начала / Герцен А.И. Собр. соч.: в 2-х т. – М., Т. 2. – С. 355.
138 Мережковский Д.С. Грядущий хам // Полн. собр. соч. – М., 1911. Т. XI. – С. 34.

мещанство окончательной формой западной цивилизации, он указывал, что его наступление ведет к потере индивидуальности, на месте которой утверждается «вечная посредственность», массовая безличность, равнодушие и безответственность.

Импульс к преобразованию, как правило, задается ценностями, которые являются неотъемлемыми атрибутами культуры. Последняя содержит в себе нормы-правила, задающие определенные формы поведения, совокупность представлений, принципов, ценностей. Развитая культура включает в себя довольно обширный культурный Космос, центром которого предстает аксиологическое ядро, вокруг которого концентрируются представления, ориентации, составляющие систему ценностной регуляции, а также механизм функционирования данной системы. Динамичная, живая культура постоянно претерпевает состояние модернизации, осуществляемое как за счет появления креативных идей в рамках определенной культуры или посредством заимствования идей и ценностных представлений чужой культуры. Однако, стремление привить культуре неприемлемые, совершенно чуждые ей формы и ориентации оборачиваются ситуацией отторжения или культурного нигилизма. Насущной задачей становится актуализация и мобилизация накопленного социокультурного национального потенциала. Эту функцию в полной мере может выполнить образование, прежде всего гуманитарное образование. Нацеленность образовательного процесса как главного социокультурного транслятора способствует признанию значительности духовного фактора в социальном бытии, пониманию глубинной внутренней взаимосвязи цивилизации и культуры.

Резюме: движение человеческого общества в целом и его отдельных сегментов на пути цивилизационного развития протекает довольно амбивалентно. На этом пути нередко культурные достижения приносятся в жертву цивилизации. Тем не менее, путь движения от дикости к цивилизации, цивилизованности не должен прерываться, ибо движение вспять способно обернуться гибелью для самого человечества. Путеводным ориентиром этого движения может быть только добротная идеология.

§ 2 ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Отечественная культура исторически формировалась в процессе тесного взаимодействия множества культур народов России и выявила свою специфику, отразившую диалектику национального и универсального. Особое значение для понимания истоков ценностей отечественной культуры имеют философские и религиозные труды эпохи Средневековья, летописные сочинения этой поры, жития князей и духовных лиц, юридические памятники. Они позволяют понять Древнюю Русь как общество духовно развивающееся, обладающее высокой культурой.

К важнейшим ценностям отечественной культуры относятся ценности социальной справедливости и сострадания, духовной и социальной свободы, межнациональной и межконфессиональной терпимости, патриотизма и государственности. В российской культуре были выявлены и антиценности: эгоизм и стяжательство, насилие и беззаконие, религиозная и национальная нетерпимость. В сочинении митрополита Илариона Киевского «Слово о законе и благодати» дается объяснение причин и движущих сил всемирной истории. Она совершается по определённому Богом заданию и состоит в приобщении новых народов к христианству. По его мнению, Христова благодать универсальна и духовна, а закон национален и материален. Специфика благодати в том, что она строится на Правде-справедливости в отличие от закона, который применяется формально. «Поучение» великого князя Киевского Владимира Мономаха также имеет важный культурный смысл, в нём указывается на тесную связь Правды и действий Власти. Справедливость власти рассматривается как универсальный принцип, устанавливающий ответственность всех перед законом. Трудолюбие, попечение о больных и неимущих, милосердие и прощение врагов являются кардинальными моральными нормами. В Московской Руси в полемике Нила Сорского и Иосифа Волоцкого определяются некоторые устойчивые парадигмы православной культуры. Нил Сорский, руководствуясь иде-

алом духовного преображения, призывал к аскетизму и обязательному труду для всех членов христианской общины. Он критиковал грех сребролюбия, выступая против монастырского землевладения. При этом, Иосиф Волоцкий был защитником могущественной монастырской организации, оправдывая свою позицию необходимостью совершать благие дела (строить церкви и монастыри, подавать бедным). Осифлянство в значительной степени было идеологией, выражающей необходимость активной социальной политики православной церкви. В «Домострое» Сильвестра присутствует представление о наличии единства божественного мира, государства и домохозяйства отдельного взятого человека. Они управляются на основе нравственного согласия и ответственности каждого человека перед Богом, государством и семьей.

Эпоха Просвещения в России связана с фундаментальными социальными реформами, процессами секуляризации культуры. В это время постепенно и неуклонно развиваются естественная и гуманитарная наука. Екатерина II стремилась реализовать идеал просвещенной монархии, и в её «Наказе» выражалась ценность естественного права людей на свободу. Просвещенный абсолютизм был философией сословного государства, но в то же время верховная власть выступала выразителем интересов господствующего класса. «Наказ» предусматривал и юридическое просвещение граждан, которое рассматривалось как средство воспитания и отвращения людей от пороков. Социальная концепция одного из ярких представителей отечественного гуманизма А.Н. Радищева строилась также на основе теории естественного права. По его мнению, целью государственной «махины» является благо граждан, которое обеспечивается установлением добрых нравов и законов. В «Опытах о законодавстве» философ писал о том, что источником закона является монарх, но так как он получил свою власть от народа, то в его обязанности входит и забота о нуждах своих подданных. Согласно Радищеву все люди по природе равны перед законом, и к числу естественных прав личности относятся её неприкосновенность, право собствен-

ности и вольности, а также право на свободу мысли и слова. Он отвергал крепостное право, как не соответствующее природе человека и полагал, что чинящее беззаконие правление может быть свергнуто. В творчестве М. В. Ломоносова представлены ценности науки и образования, основанные на объективном исследовании природы. В этой связи он разработал научную методологию, которая исходила из необходимости последовательного перехода в познании от эксперимента к научной теории. Ломоносов сыграл важную роль в утверждении междисциплинарного характера науки и в демократизации образования в России.

В последующем развитии России можно выделить некоторые главные направления отечественной культуры.

2.2.1 Аксиология культуры отечественного консерватизма

Консервативные ценности тесно связаны с онтологией российского общества. Особенностью консерватизма является преимущественное внимание к единству в культуре, к социальному универсализму. «Общество есть, таким образом, подлинная целостная реальность, а не производное объединение отдельных индивидов, более того, оно есть единственная реальность, в которой нам конкретно дан человек. Изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком», - отмечал С.Л. Франк.[139] Консерватизм является социальной онтологией по преимуществу, ибо он утверждает действительное единство тех коллективных форм бытия, где индивид ещё не был выделен в духовном, психологическом и социальном отношениях. Онтологическая природа консерватизма привела к апологии различных коллективных феноменов бытия: семьи, государства, нации, народа, общины, церкви. При этом суть консерватизма – не столько в продуцировании рациональных теоретических концепций, сколько в апологии или творчестве ценностей. Переживание, вчувствование, по-

139 Франк С.Л. Духовные основы общества. - М.: Изд-во Республика. 1992. - С. 53.

нимание оказывается точным описанием процесса познания для консерваторов, так как в духовной целостности разум, чувства, воля и вера слиты. Абстрактный же разум, с точки зрения консерваторов, опасен, поскольку может оправдать даже Зло.

Наряду с этим в консерватизме присутствует и специфическая историческая логика. Если нечто имело практический смысл в прошлом, то оно должно продолжать существовать. У большинства консерваторов можно найти примеры обращения к «спасительным обычаям, правилам и мыслям народным» (Карамзин) и морального суда над действительностью. Гносеология консерватизма отражена в категории мудрости как преимущественно опытного и морального знания. Тесная связь исторического и морального сознания стимулирует консерваторов на создание практической философии. Консервативная гносеология во многом исходит из коллективного разума, памяти, сознания и чувства, и в этом случае она тесно связана с понятием мифа.

Консервативные ценности в отечественной культуре включают:

- ценность государственного, народного, национального, семейного начала;
- согласно И.С. Аксакову общество есть не что иное, «как народный организм в деятельном развитии». Общество служит не только сознательному выражению народных начал, но и обеспечивает целостность народного организма;
- ценности власти и властного порядка. Иерархия власти, выступала альтернативой горизонтальной упорядоченности права. Выступая за целостность власти, консерваторы были принципиальными противниками демократии, разделения власти и верховенства права, поскольку они ослабляли власть. Сильное государство признавалось опорой социальной стабильности и нравственного воспитания. Государственный патриотизм консерватизма противостоял космополитизму либерализма;
- ценность ответственности, служения, приоритет обязанностей перед правами личности. И.А. Ильин полагал, что внутренняя свобода духа ни в коем случае не предполагает от-

рицания авторитета и дисциплины, но человек, не достигший её и не сумевший внутренне освободиться, не заслуживает политической свободы;

- ценность традиции. В консерватизме утверждалась ценность культурного, религиозного традиционализма как основы эволюционных социальных изменений и саморегуляции общества;
- ценности государственного, социального и обычного права в противовес гражданскому праву и правам личности.

Таким образом, консерватизм является системной идеологией с присущим ему образом мыслей и социальной практикой. Критикуя либерализм, консерваторы предостерегали от поспешных социально–культурных реформ.

2.2.2 Аксиология культуры народничества

Впервые термин «народничество» появился в русской литературе 70-е гг. XIX в. для обозначения людей, изучающих разные стороны народной жизни и желающих разделить с простым народом тяготы его быта. Народничество -специфический социокультурный феномен и мировоззрение, возникновение которого *обусловлено* противоречивыми процессами модернизации и перехода российского общества середины XIX века от традиционных феодальных к буржуазным экономическим и политическим отношениям. «Русское народничество есть порождение раскола Петровской эпохи. Оно есть продукт сознания интеллигентными слоями неоправданности своей жизни, нелепости своей жизни, продукт неорганического характера всего строя русской жизни», - писал Н.А. Бердяев[140]. Важнейшими ценностями народничества были ценности социальной справедливости, коллективизма, взаимопомощи и равенства. Эти ценности тесно связаны с традицией правды и справедливости. Они характерные для отечественной культуры и для гуманистов эпохи Просвещения в России. Просвещенный гуманизм народничества проявился в конструировании

140 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука. 1990. - С. 49.

идеала народолюбия и образа «кающегося дворянина» виновного перед крестьянами за их трудную жизнь. С ценностями народников связаны и определения крестьянства как носителя социалистического духа, хранителя подлинных нравственных ценностей и коренных устоев жизни. Они виделись в артельном труде, общинной собственности на землю, сельском самоуправлении и нормах обычного права. Народники были убеждены в том, что народная масса потенциально способна усвоить высшие плоды европейской культуры и цивилизации. «Крестьянский социализм» А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, «рабочий социализм» П.Л. Лаврова основывались на представлении о народе как объекте воспитания и управления, как о потенциальном средстве решения социальных проблем.

Можно выделить в народничестве два основных направления: революционное и либерально-демократическое. Главными концепциями революционной демократии были теории крестьянского социализма, некапиталистического пути развития России и социальной революции, впервые разработанные А.И. Герценом. Социализм Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева опирался на реалистическое познание действительности и соединял ценности свободной личности и коллективизма. Революционные демократы полагали, что некапиталистический путь развития и общинное самоуправление позволят, с одной стороны, преодолеть пережитки крепостного права и притеснения со стороны властей, а с другой – избежать негативных последствий капитализации страны: пауперизации крестьянства, социальных конфликтов, «дармоедства» высших сословий и формализма государственных норм. Итогом «пересоздания» общества представлялась социалистическая республика, в которой, по Герцену, достигнуто гармоничное единство личности и государства, власти и общества, коммунизма и эгоизма. В сочинениях революционных демократов аргументировалась и идея преимуществ России, обладающей социалистическими традициями жизни в сельском «миру», перед индивидуалистическим Западом. При этом Чернышевский считал, что следует соединить про-

мышленные и технические достижения западной цивилизации с социалистическими чертами быта русского народа. Особенностью революционно-демократического мировоззрения были сакрализация революции, призванной радикально изменить к лучшему существующую действительность, и недооценка эволюционных факторов социального развития. Социальная революция стала символом веры значительной части разночинной интеллигенции пореформенной России. Теория «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева доказывала нравственную обязательность и разумность участия интеллигенции в революционной борьбе за исторический прогресс.

Либеральное народничество получило отражение в воззрениях П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова и исходило из ценностей культурничества- просвещения крестьянства, стремления на основе реформ построить экономику, в которой будут сохранены особенности российской традиционной экономики. Это виделось, в частности в развитии малого и среднего предпринимательства в России. К важным идеям либерального народничества следует отнести и стремление синтезировать ценность уникальности свободной личности с принципами коллективизма труда в капиталистической промышленности.

2.2.3. Аксиология культуры отечественного либерализма

Либерализм в России определялся в своём развитии ценностями предпринимательства, гражданского права, личного творчества и свободы, исторического прогресса. В либерализме история понималась как закономерный, внутренне обусловленный процесс прогрессивного развития общества. Теоретики либерализма претендовали на создание идеала, связанного с глубинными тенденциями развития общества и являвшегося альтернативой утопиям социализма и консерватизма. Для этого следовало, по их мнению, изучить общество в реальности всех его отношений, а общественный идеал понять как закономерный и специфический продукт духовной деятельности

личности, опосредованный достигнутым уровнем развития материальной и духовной культуры. Реализация идеала происходила в процессе внутреннего, духовного преображения личности и совершенствования государственных учреждений. Внутренняя связь высших целей и практических средств объективировалась в холе исторического прогресса и проявлялась в творческой деятельности личности.

Главной ценностью либерализма являлась свобода личности. Гуманистический смысл общественного идеала либерализма проявлялся в понимании человека абсолютной целью общественной эволюции, а обеспечение прав личности важнейшей ценностью. К ним относились: право на свободу мысли в политике и культуре, право собраний и объединений в общественные и политические организации, право собственности и принцип неприкосновенности личности. Различая нравственный и политический идеалы, русские либералы отстаивали право человека на выбор тех или иных форм государственной жизни и политического устройства. Этизация общественного идеала отражала антиабсолютистские идеи либерализма и ставила целью защиту личной жизни человека от посягательств на нее со стороны государства. «Либерализм, по идеальной своей сущности, – писал Н. Бердяев, – ставит цели: развитие личности, осуществление естественного права, свободы и равенства…».[141]

Аксиология либерализма исходила из представления об объективном процессе взаимовлияния культур народов, казалось допустимым, и в некоторых случаях необходимым, использование опыта других народов для совершенствования отечественных политических учреждений. Социальный прогресс включал и необходимость усвоения достижений западноевропейской цивилизации, органически интегрируя их. Вместе с тем признавалось необходимым учитывать национальный быт, религиозные верования, экономические условия, предрассудки, нравы и обычаи при осуществлении социально-политических реформ, ибо исторический прогресс

141 Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Манифесты русского идеализма. Проблемы идеализма. Вехи. Из глубины. М., Астрель. 2009. - С. 119.

выявляет существенные черты культурно-исторического типа и предполагает не уничтожение прежних форм быта, а переход к новому типу жизни.

Своеобразие аксиологии либерализма выразилось в идеале, интегрирующем «патриархально-отеческую» модель отношений между властью и подданными с принципами правового государства. Стремясь пройти между Сциллой народничества и Харибдой консерватизма, либералы призывали к примирению начал власти и закона с началами свободы, ссылаясь на традиции особых отношений между монархом и народом в истории русского государства и на прогрессивную роль монархии в преобразованиях русского общества. «Если охранительная партия не хочет намеренно связать себя по рукам и ногам и ограничиться ролью жертвы, обреченной на заклание, она не может быть врагом свободы и преобразований. Либеральные законы, незыблемые гарантии свободы могут стать более прочной твердыней общественного порядка, нежели шаткость чиновничьего произвола»[142], – писал Б. Чичерин. Властители и подданные должны были пойти на взаимные уступки. Государство, руководствуясь принципом «либеральные меры и сильная власть», должно разрешить обществу выражать своё мнение и иметь политические партии, тем самым добровольно ограничить свою власть. А «общество» должно было осознать свою ответственность перед страной, терпеливо и настойчиво добиваться необходимых реформ. Нравственное оправдание власти требовало от личности понимания своего долга перед государством и предполагало воспитание политического разума у индивида—гражданина своего отечества. Государственное и национальное начала сливались воедино в личности и культуре, образуя идеал новой государственности, опирающейся на политические и культурные традиции страны. При этом, в рамках единой парадигмы либерализма существовали концепции «мужицкого царства» К. Д. Кавелина, «правовой монархии» Б.Н. Чичерина или «Великой России» П.Б. Струве, которые различным обра-

142 Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов // Философия права. - СПб.: Наука, 1998. - С. 446.

зом выражали особенности идеала российского государства.

Объединяло либералов пристальное внимание к ценности права. Исторически понимаемое право и правовое измерение истории создавали особое мировоззренческое пространство либерального мышления. Легализм проникал в содержание философии русского либерализма. По мнению либералов, свобода является свободой равных, и поэтому люди должны стать субъектами права и участниками договорных отношений между собой и государством. После этого равенство, так же как и свобода, принимало конкретный юридический смысл, теряло свою метафизическую абстрактность и наполнялось социологическим содержанием. Идеал правового государства стал практической целью реформы государственности и изменения его бюрократической сути. Для этого требовалось не только формально-демократическое волеизъявление общества, но и нравственное санкционирование народом власти. Такое понимание расширяло концептуальные рамки западноевропейского этатизма и восходило к укоренившемуся в политической мысли России понятию государства, построенного на началах справедливости и правды. В основные признаки такого государства включалась обязанность государства создавать необходимые условия для полноценной жизни человека и обеспечивать гарантии достойного человеческого существования. Этический подход сделал возможным критику правового формализма, т. е. содержательного неравенства таких прав, которые по букве закона равны.

На разных этапах российской истории либерализм пытался открыть законы эволюционного развития общества, желая подчинить социально-политическому контролю стихийные общественные процессы. Не отрицание и разрушение государства, а его совершенствование – таково было кредо отечественного либерализма. Либералы были монархистами, но только в той мере, в какой верили в прогрессивную роль верхов в предстоящей реформе. Социально-экономическая программа либерализма отличалась своей обращенностью к посюсторонней истории и предусматривала меры по переходу к свободной от феодаль-

ных пережитков капиталистической экономике, развитию торговли, обмена и городской промышленности. Отмена крепостного права должна была постепенно преобразовать сословное общество в гражданское, социальной опорой которого были бы средние слои, образующиеся из личных дворян, купцов и разбогатевших крестьян. В рамках либерального движения родились идеи конституционализма, земства, независимого правосудия, сформировались первые политические партии, давшие импульс к созданию предпосылок правового государства.

Наряду с классическими консерватизмом и либерализмом в отечественной культуре были представлены и различные варианты их синтеза. Характерным примером такого синтеза является либеральный христианский консерватизм В. С. Соловьева. По его мнению, добро или высшее благо, абсолютно сущее – направляющее начало исторического процесса. Предмет человеческой воли составляет общественное благо, моментами которого выступают формальное (материальное) благо, абсолютное существование и справедливость. Из стремления человека к благу проистекают все формы общественных союзов; из стремления к формальным благам возникает государство. Из влечения к вечной жизни складывается духовное общество, а из стремления к справедливости созидается право. Соловьев стремился обосновать наличие реальной духовной основы общества, видя её в неизбежности осуществления нравственной организации человечества – Богочеловечестве. В учении о Богочеловечестве Соловьева преодолевает с одной стороны крайности социализма, утверждающего первичность общественного бытия, материальных ценностей, а с другой стороны либерализма, придающего личности абсолютное значение. Он отмечал, что субъектом исторического развития является действительный, хотя и собирательный организм. Человечество является единством, обладающим более значимой реальностью, нежели нация и государство Сущность свободы заключена в добровольном выборе человеком божественной цели, по отношению к которой даже свобода играет подчиненную роль. Она «не определяет цель», а только выражает «способ

действия», играет роль средства для ее осуществления. Внутренняя свобода, то есть добровольное и сознательное предпочтение добра злу во всем, есть главное принципиальное условие всякого добра. Согласно Соловьеву, свобода не задана изначально и безусловна. Она возникает в процессе постепенного совершенствования человека и его восхождения к Богу. Соловьев при этом подчеркивает, что свобода не освобождает никого от обязанностей перед людьми, а напротив, предполагает выполнение человеком своих социальных обязанностей. Человеческая личность самоценна, поэтому свобода одного определена свободой другого. Однако, человек должен относиться к другим «не как к границе своей свободы, а как к ее содержанию и объекту».

Философ находил в государственной деятельности важнейшее условие культурного прогресса человечества, основанного на сотрудничестве многих сил. Государство определяет отношения людей не к внешней природе, а друг к другу непосредственно. Государство и право представляют собой формы преодоления природного эгоизма личности. Государственные повинности служат общественному благосостоянию, и граждане обязаны выполнять свой гражданский и патриотический долг, даже при несогласии с частными вопросами государственной политики. Оправдывая существование государства, Соловьев отмечает, что оно занимает срединное положение между Церковью и обществом, а государственная власть выступает удерживающей силой зла до тех пор, пока «все человеческие воли не созреют для решительного выбора между абсолютным добром и безусловным злом». При этом «христианство, возвышая религию над государством, создавая Церковь, тем самым освобождает и общество от государственного всевластия, образует свободное самостоятельное общество»[143]. Соловьев видел нравственный смысл государственной деятельности в борьбе со злом, которая допускает в случае необходимости применение силы. Нравственная политика реализуется как в отношении отдельного человека посредством обеспечения го-

143 Соловьев В.С. Духовные основы жизни. - СПб.: Марс. 1995. - С. 135.

сударством его достойного существования, так и на международном уровне. Нравственный закон един и для индивидуума и для народа в целом.

Высшими ценностями христианского государства являются: распространение христианства в мире, мирное сближение народов, а также устроение в каждом народе общественных отношений в соответствие с христианским идеалом. От церкви получает государство высшую цель и положительный смысл своей деятельности. Соловьев подчеркивал, что церковь не вмешивается в государственные и экономические дела, но дает государству и гражданскому сообществу высшую цель и безусловную норму их деятельности. При этом, в отношениях христианского государства и церкви действует принцип различения двух сфер жизни: религиозной и политической. Совместные усилия церкви и государства приводят к тому, что государство, следуя христианским началам жалости и сострадания, создает материальные предпосылки для общественного развития, церковь заботится о внутреннем духовном и нравственном исправлении человека. Государство, возвышая религию над собой, тем самым освобождает общество от государственного всевластия, и образует свободное самодеятельное общество. Идеалом Соловьева является свободная теократия – высшая цель развития христианского государства и нормального общества, где свершилось единство духовной и светской власти, личности и государства.

Идеи Соловьева получили свою конкретизацию в философии права, где он выделяет следующие основания права: сила, разум и свобода. Противопоставляя этическое право и юридическую законность, Соловьев воспроизводит характерную для отечественной культуры коллизию закона и благодати и видит достоинство русского народа в его «неспособности возводить своё несовершенство в закон». Соловьев отстаивал «живое» право, в котором сохраняются естественно-правовые, нравственные моменты. Цель государства – разграничение и сохранение равновесия интересов, а в обществе необходимо равенство всех перед справедливой властью. Социальный идеал

Соловьева не предполагал ликвидацию капитализма, а только требовал связать присущие ему конкурентные отношения с началами добра. Зло капитализма связывается им с плутократией, экономическим кулачеством, эгоистически заботящимся о своих интересах в ущерб общественным целям. Следовательно, нужна иная жизненная организация – нормальное общество, которое обеспечило бы благо человека в его целости и абсолютности. Согласно Соловьеву противоречия капитализма устранимы на почве христианского гуманизма. Касаясь права собственности, он стремится найти оптимальный подход в решении данной проблемы. С одной стороны, он признает наследственное право, имеющее своим основанием право собственности на землю – моральное отношение к земле. С другой стороны, право собственности для мыслителя не носит безусловный характер и ограничено законной и моральной нормой. Он выступает как против чрезмерных и извращенных потребностей капиталистов, так и против внушаемых завистью социалистических выступлений против богатых. Соловьев считает необходимым согласование частного богатства с общим благом. По его мнению работник произведет гораздо больше, если будет работать с сознанием своего человеческого достоинства и с уверенностью в своей нравственной солидарности с обществом, которое не эксплуатирует его, а заботится о нём.

2.2.4. Аксиология культуры евразийства

В ряду ценностей отечественной культуры особое место занимает евразийство. Среди первых евразийцев были: языковед и этнограф Н.С. Трубецкой, экономист-географ П.Н. Савицкий, искусствовед П.П.Сувчинский, философ и богослов Г.В. Флоровский. С определенной оговоркой к евразийцам можно причислять Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Заметную роль в этом движении в последующем сыграли юрист Н.Н. Алексеев, историки Г.В. Вернадский, Г.П. Федотов, филолог П.М. Бицилли. Важнейшие ценности евразийства содержатся уже в работе Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», изданной в

1920 г. Основной мотив его книги – критика абсолютизации преимуществ европейской культуры. Трубецкой доказывает, что в ходе европеизации происходит потеря культурной самостоятельности европеизируемых народов, так как процесс культурного взаимодействия имеет неравный характер: импорт ценностей западной культуры всегда превышает экспорт ценностей европеизируемого народа. Принципиальной особенностью воззрений евразийцев была корреляция культурных, психологических и географических особенностей жизни тех или иных народов. Для евразийцев Россия – это не Запад и не Восток, а именно Евразия как особый географический и культурный мир. Смысл утверждения евразийцев сводился к провозглашению существования особой евразийской культуры и её специфического субъекта – «симфонической личности».

В культуре евразийцы выделяли «два порядка» ценностей: одни, связанные с установлением целей народной жизни, другие – со средствами их достижения–техникой и эмпирическим знанием. Из этого следовал вывод о преимуществе духовной культуры России-Евразии. Её особое место среди славянских культур подчеркивалось указанием на то обстоятельство, что единственным звеном, связующим славянские и русские культуры, является язык. Россия–Евразия унаследовала не только византийские культурные традиции. Важным культурным фактором оказалась и «восточная волна» Монголии. Евразийство ставило задачу выявить соотношение народности и территории, для решения которой должны были приниматься в расчет давление и сопротивление, оказываемые друг на друга субкультурами Евразии, а равно и степень вовлеченности каждой из них в сложный оборот европейской культурной, политической и экономической жизни при наличии, с одной стороны, сложных групповых и классовых противоречий, а с другой – «сил центростремительных и культурообразующих». На теоретическом уровне эта задача формулировалась как проблема взаимодействия различных субкультур.

Евразийство исходило из существования общественно-культурных циклов зарождения, расцвета, упадка и вари-

ативного представления о развитии истории. Симфоническая личность культуры составляется из иерархически организованного комплекса личностей (класс, сословие, семья, человек и пр.), сосуществующих одновременно, но генетически связанных с другим предшествующим ему комплексом индивидуализации прошлого. Чтобы язык культуры стал доступным, в ней за внешними формами следует искать духовный стержень, каковым является господствующая в данной культуре «идея-правительница», определяющая, нормирующая различные модификации культуры. Согласно Трубецкому, идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою «идею–правительницу», носителем которой является правящий слой.

Для евразийцев были неприемлемы стяжательский характер западной цивилизации, подчинение человека погоне за прибылью, замена человеческих отношений жестким экономическим расчетом, дух рационализма и конкуренции. По их мнению, необходим третий путь, устанавливающий связь материального с духовным и умело сочетающий то, что должно быть национализировано с тем, что должно оставаться частным (земля), потому, что «хозяйское ценение хозяйства начинается с религиозного корня». Евразийцы доказывали, что понятие собственности должно всегда связываться с обязанностями личности по отношению к обществу и государству. Следуя своим принципам, евразийцы разработали концепцию «доброго хозяина», который рассматривает хозяйство не просто как средство получения прибыли, а для исполнения некоторой нравственной миссии. Так Н. Н. Алексеев полагал, что общее направление пути, которому должно следовать преобразование собственности, можно выразить в формуле: «ни капитализм, ни социализм». Модель смешанной экономики была, по их мнению, наиболее адекватна географическим, экономическим и историческим условиям России. Алексеев развивал концепцию «праведного государства».

В своей работе «Россия и Европа» Данилевский поставил

под сомнение концепцию исторического процесса как однонаправленного движения с ориентиром на модель западного образца. Европа не может пребывать на «Олимпе» человечества в качестве законодателя, ибо подлинными субъектами истории являются естественные общности людей, располагающие духовными задатками к историческому развитию. Они и составляют самобытные культурно-исторические типы с претензией на свою шкалу ценностей и смыслов, на свой образ жизни, за которыми просматривается уникальная и неповторимая культура. Эта культура ставит под сомнение возможность общечеловеческой цивилизации по меркам западного мира, ибо базовыми основаниями культурно-исторического типа являются религиозная, культурная, политическая и социально-экономическая жизнь общества.

Представители других дискурсов аксиологии отечественной культуры рассматривали работу Данилевского как «литературный курьез» или «политический памфлет». В действительности, как показывает современная жизнь в условиях тотальной глобализации, работа Н.Я. Данилевского заявила о себе как оригинальный трактат по философии истории и социологии культуры с обоснованной претензией на политическое прогнозирование.

В ином ключе перспективы культуры цивилизации рассматривает К.Н. Леонтьев. Его авторская позиция наиболее рельефно представлена в работе «Византизм и Славянство», где он протестует против ценностей эгалитарного и либерального прогресса, ставящего под сомнение благополучие людей. Леонтьев предостерегает от губительного «европейничанья», ибо внедряемый образ культуры европейской цивилизации влечет за собой повреждение самосознания русского народа, подрывает его веру и ценностные ориентиры[144].

Резюме: рассматривая историческую аксиологию отечественной культуры можно сделать вывод о наличии в ней

144 См.: Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М.: Наука, 1993. – С. 61-73.

ценностных констант, обусловленных особенностями истории России. Геополитические, а также социокультурные условия жизни требовали выработки таких ценностей российского общества, которые соответствовали его потребностям, необходимости обеспечения его безопасности и социальной интеграции. В основе отечественного мировоззрения находились ценности коллективизма, соборности, свободной и ответственной личности, государственных интересов. Сравнивая эти ценности с западноевропейскими ценностями следует отметить, что и на Западе были ценности коллективизма и консерватизма. Однако, в целом западная культура базируется на системе либеральных ценностей. В её основе идея эмансипации индивидуума. В России же ценность личных прав и свобод по своей значимости была вторична в отношении ценностей социальных и государственных. Это не случайно, так как для нашего Отечества была опасна всякая Смута, которая угрожала сохранению государства, а тем самым и благополучию отдельно взятого человека. Самобытная культура России, ее идеологические ориентиры, не вымученные, а выстраданные. Они являются тем достоянием, которое гарантирует безопасность Отечества и несет надежду соотечественникам возродить величие России, подтверждая её роль и место в современной геополитике.

§ 3 ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ОПТИМАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ИДЕОЛОГИИ

1.1.1. *Интеллигенция: от явления к сущности*

Интеллигенция не класс и не партия, не клуб по интересам, не разновидность этноса или конфессии. Это ассоциация свободных людей, рассыпанная «соль» Отечества, «больная совесть» своей Родины. Это люди повышенной социальной активности, демонстрирующие неравнодушие и ответственность за свое участие в жизни общества. По зову сердца они испытывают готовность служить добродетели, но никогда, ни за что и никому они не будут прислуживать. Казалось бы, что в этом определении все ясно и прозрачно, и тем не менее феномен интеллигенции вызывал и продолжает вызывать бесконечные дискуссии. Ныне стало модным в элитных салонах вести речь о расколе интеллигенции. Поскольку субъектом интеллигенции выступает не структура, а ярко выраженная индивидуальность, то трудно представить на какие части ее можно расколоть (расчленить). Поскольку разговор о расколе интеллигенции идет, то он скорее свидетельствует о необходимости интеллигенции размежеваться с псевдоинтеллигенцией. Последняя рядится под интеллигенцию и дискредитирует ее в глазах общественного мнения, используя разного рода сомнительные средства массовой информации, где ложь правдоподобна, а обещания вызывают искушения. Как тут не вспомнить слова авторитетного мыслителя эпохи Нового времени Фрэнсиса Бэкона о том, что обыватель верит в истинность того, что он предпочитает видеть, а слова говорят не о том, что есть что, а о том какое значение эта информация имеет для заинтересованных людей, не говоря о том, что слова зачастую используются не столько для открытия истины, сколько для ее сокрытия[145].

Прежде чем пригласить читателя к совместному исследованию заявленной цели, автор этого фрагмента монографии приглашает поразмышлять над вопросами:

145 См.: Бэкон Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1978. Т.2. – С. 18-46.

- что представляет собой многоликий и многомерный феномен интеллигенции;
- каков ее потенциал;
- она ориентирована исключительно на платоновскую Идею Блага или этот ориентир может обернуться Злом;
- что и кто стоит за этой возможной аберрацией;
- насколько обоснована претензия интеллигенции на статус духовного наставника общества, его интеллектуального поводыря;
- является ли интеллигенция определенным ресурсом модернизации общества или это продукт ее собственного воображения;
- по каким параметрам феномен интеллигента совпадает с интеллектуалом, а по каким принципиально от него отличается;
- интеллигенция — это «цвет», составляющая интеллектуальной элиты или это интеллектуальное меньшинство, обреченное на исчезновение;
- интеллигенцию мучает собственная совесть или ее социальная активность опосредована официальным долгом;
- приспособление и обособление — это норма или аномалия поведения;
- притязание и призвание — это игра в слова или дисциплинарная матрица поступков, поведения людей;
- может ли интеллигенция быть субъектом гуманитарного образования и генерировать идеи достойного ответа очередному историческому вызову и кто может заменить ее в этом амплуа;
- интеллигенция идеологизирует коллизии общества, но когда дело доходит до их разрешения, она оказывается почему то невостребованной;
- может ли интеллигенция «расколоться»;
- почему интеллигенция была и остается объектом апологии и критики...

Список вопросов можно продлевать, ибо они возникли не сегодня. Они были и остаются предметом исследовательской практики наших предшественников и современников, сохраняя свою актуальную значимость и требуя к себе пристально-

го внимания в ожидании достойного ответа[146].

В условиях общества постсоветского пространства, которое унаследовало не только проблемы вчерашнего дня, но и продолжает их приумножать, вновь заговорили об интеллигенции, кто с иронией, кто с надеждой. При любом раскладе феномен интеллигенции продолжает сохранять статус terra incognita (неизвестной земли), ибо субъективное восприятие и представление, как правило, обеспечивают правду, а не истину. В далеком вчера, вопрошая, что такое интеллигенция, автор «Истории русской общественной мысли» Иванов-Разумник Васильевич отвечал: «Интеллигенция есть орган сознания общественного организма» — так в добрые старые времена определяла значение интеллигенции органическая теория общества, в настоящее время окончательно опровергнутая; тем не менее мы всецело принимаем такое определение, обращая однако внимание не на его неудачную внешнюю форму, а на его глубокий внутренний смысл»[147]. Интеллигенцию Иванов-Разумник рассматривал как «орган народного сознания, как совокупность живых сил народа», для которой характерны два признака: определенная общность (группа), обеспечивающая преемственность, демонстрирующая, что она есть непрерывная функция[148*].

Интеллигенция сохраняет определенную аморфность, но это еще не повод отождествлять «образованного» человека с интеллигенцией, ибо никакие дипломы не сделают сами по себе образованного человека интеллигентом. «Не всякий говорящий «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное; не всякий

146 См.: Вехи (сб. статей о русской интеллигенции). – М.: Мол.Гв.; 1991. – 462 с.; Вехи: pro et contra. – Спб.: РХГИ, 1998. – 208 с.; Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005. – 368 с.; Золотусский И.П. От Грибоедова до Солженицына: Россия и интеллигенция. – М.: Мол. Гв., 2006. – 256 с.; Иванов-Разуник. История русской общественной мысли // Соч. В 2 т. — Спб. (тип. М.Сталюсевича), 1914. — 927 с.; Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.; Интеллигенция: вчера и сегодня (сравнительный анализ). /Науч. ред. И. Кальной, А. Горбань. – Симферополь: Ареал, 2014. – 428 с.; Интеллигенция. Власть. Народ. – М.: Наука, 1993. – 336 с.; Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – Спб.: РГПУ, 2006. – 739 с.; Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.; Русская интеллигенция и западный интеллектуализм.- М.: ОГУ, 1999. – 152 с.

147 См.: Иванов-Разумник. Что такое интеллигенция? /Интеллигенция. Власть. Народ. — М.: Наука. — 1993. - С.73.

148 Иванов окончил математический факультет Петербургского университета

культурный человек войдет в группу критически мыслящих личностей, т.е. в группу интеллигенции»[149]. Истоки интеллигенции Иванов-Разумник усматривает в идейном противостоянии двух церковных партий России XV— XVI вв. Это «нестяжатели» Нила Сорского и «иосифляне» Иосифа Волоцкого.

Наработанный опыт прошедшего столетия обеспечивает возможность внести определенные коррективы в концепцию автора «Истории русской отечественной мысли», преодолеть аморфность предложенного определения и уточнить атрибутивные признаки интеллигенции. Отношение к интеллигенции и ныне сохраняет противоречивость. Одни связывают с ней надежды, а другие сваливают на нее всю ответственность за допущенные промахи в системе координат общественного развития, даже если интеллигенция не имела к ним никакого отношения. При этом усиленно муссируется миф о том, что «интеллигенция раскололась». В очередной раз приходится констатировать необходимость обстоятельного анализа феномена интеллигенции, включая ее историю, теорию и практику, не опускаясь до ее субъективной апологетики или критики. Это особенно важно, если принять во внимание нестандартные условия нынешнего периода, над которым довлеет тотальная глобализация и поиск Нового мирового порядка.

Чтобы ответить на предложенные вопросы, следует заглянуть в историю становления и развития интеллигенции и уяснить, при каких обстоятельствах состоялось рождение феномена интеллигенции, насколько этот факт вписывается в концепцию диалектики общественного развития, где объективные условия вызывают к жизни субъективный (человеческий) фактор как определенную силу, от активности которой зависит переход объективных условий в новое качество; каков потенциал этой силы. Другими словами, необходимо уяснить, что может интеллигенция, как составляющая субъективного фактора общественного развития, и что от нее ждут, какие надежды на нее возлагают в условиях тотальной глобализации мира.

Общество индустриальной цивилизации исчерпало свои

149 См.: Там же. — С. 76.

возможности, о чем свидетельствуют нарастающие кризисы во всех его сферах. Не оправдала себя идеология либерализма как идеология индустриального общества[150]. Ее лозунги трансформировались в декларации. Постмодернизм заявил о себе очередным обществом переходного периода новоевропейской цивилизации, история которой хранит память об Эллинизме и Ренессансе. Несмотря на особенности каждого периода, их объединяет три этапа: деконструкции, поиска идей новаторских проектов и созидание общества в новом качестве. Эти этапы проходили с ориентиром на преемственность поколений и позитивную перспективу, сохраняя в каждом случае специфику решения проблем, актуальных для своего времени.

В условиях постиндустриальной цивилизации актуализируются вопросы о потенциале интеллигенции, о ее претензиях и ее предназначении или призвании. Поиск ответа на эти вопросы обусловливает необходимость уточнить причину, вызвавшую к жизни феномен отечественной интеллигенции. По общему признанию истоки интеллигенции следует искать в петровских реформах модернизации общества по европейским образцам, хотя и не без основания историки указывают на XV—XVI века, когда в противостоянии «нестяжателей» и «иосифлян» решалась перспектива России. Противостояние всколыхнуло социальную активность, вызвало к жизни незаурядную индивидуальность с готовностью действовать и отвечать, принимать решения и нести ответственность за судьбу Отечества. Открытым остается вопрос — это был фактор — сила новаторского преобразования или оппонент — тираноборец, защитник православной культуры? Первые заложили основание концепции западников, а вторые — славянофилов. Можно спорить о фигурантах этих концепций, но бесспорно то, что в этом поле особого напряжения и противостояния складывалась история отечественной интеллигенции.

Либерализация дворянства в условиях петровских реформ общества, а также последствий Отечественной войны 1812 года

150 См.: Белл Дж. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. — М.: Academia, 1999. — 724 с.

привела к тому, что наиболее просвещенная часть общества оказалась «лишними людьми». Они изъявляли готовность служить Отечеству, но отказывались прислуживать. Вольная публицистика пробудила сознание вины дворянского сословия перед народом-кормильцем. Проблема крепостного права и ответственности за Отечество бурно обсуждалась в различного уровня литературных салонах, где рассматривались философские и социально-политические проблемы, шла полемика о судьбах России. Так и возник феномен интеллигенции в формате «кающихся дворян»[151]. По сути, это была реакция на исторический вызов, когда кризисные объективные условия вызвали к жизни новый субъективный фактор общественного развития, ударная сила которого должна была предложить идею достойного ответа этому вызову.

Вначале была мысль, стержнем которой выступала Идея, потом Слово, а затем и Дело. Эта схема универсальна для всех стран и народов, но ее осуществление обусловлено спецификой объективных условий общественного бытия и особенностями человеческого фактора, о чем свидетельствует опыт французского, английского и немецкого просвещения в условиях переходного периода от феодального к индустриальному (буржуазному) обществу. Пропедевтикой эпохи Модерна были революции под лозунгом «свободы, равенства и братства». Это было время надежд и иллюзий, проектов и прожектов. Новое качество производительных сил обусловило необходимость конструктивного изменения производственных отношений. Капиталистический способ производства принципиально отличался от феодального, но от прошлых времен он унаследовал проблему отчуждения.

Если деятельность человека является способом его бытия в определенном социокультурном пространстве и времени, то отчуждение есть процесс превращения деятельности человека и его результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему в условиях персонификации общественных отношений и деперсонификации человека. Начиная с античности отчуждение обретает статус предмета исследо-

151 См.: Интеллигенция. Власть. Народ: Антология.- М.: Наука, 1993. - С.10.

вательской практики в различных дискурсах. В мифологическом смысле отчуждение воспринималось как разрыв связи человека с природой. В теологическом – оно означало потерю связи между человеком и Богом. В юридическом – лишение собственности. В философском смысле отчуждение выражает определенную форму субъектно-объектных отношений, а в психологическом – переживание индивидом утраты своей целостности, когда человек превращается в социальную функцию. Он становится одномерным[152].

Капиталистический способ производства и воспроизводства общества и личности эпохи Модерна существенно расширил спектр проявления отчуждения. Социально-экономическое содержание отчуждения находит свое выражение в системе политических, правовых и иных общественных отношений. Отчуждение через доминанту в обществе схемы «товар — деньги — капитал» властно вторгается в культуру и она теряет способность обеспечивать преемственность поколений. Реакцией индивида на тотальное отчуждение является состояние потерянности и одиночества, бессилия и потери смысла жизни. Как правило, индивид обращается к механизмам компенсации (алкоголь, наркотики, сиюминутные сексуальные отношения; девиантные формы решения своих проблем в обществе). Психологическое переживание отчуждения вызывает ностальгию по утраченным возможностям и состояние депрессии с ориентиром на ожидание «ужасного конца или ужаса без конца»[153].

Формирование буржуазных общественных отношений в эпоху Модерна повышает исследовательский интерес к отчуждению. Оно получает социально-философскую интерпретацию в немецкой философии. И. Кант обращает внимание на то, что человек в процессе своей жизнедеятельности творит новую реальность. Созданная им новая реальность противостоит ему как отчужденный продукт его творчества. Идею творения мира как своего «не-я» подхватывает И.Г. Фихте,

152 См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. / Пер. с англ. — М.: Республика, 1994. — 341 с.

153 См.: Камю А. Бунтующий человек / Пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.

заменив термин «лишение» (Alienation) на термин «отчуждение» (Entfremdung). Отчуждение не только фиксировало переход мысли в Слово и последующий переход духа в чуждое ему материальное состояние, но и знаменовало становление парадигмы «Я и не-Я», подчеркивая противостояние человека и мира. Идея противостояния нашла свое логическое развитие и обоснование в философии Г. Гегеля. Немецкий мыслитель рассматривает отчуждение как процесс и результат объективации идеи-мысли; как опредмечивание объективного духа в природе и обществе; как овеществление субъективного духа человеческой деятельности. Все три сюжета: объективация, овеществление и опредмечивание рассматриваются как синонимы отчуждения. Это отчуждение имеет позитивный смысл, демонстрируя самовыражение и самоосуществление человека через его отношение с миром. В процессе своей жизнедеятельности человек не только что-то теряет, но и что-то находит, выходя из каждого акта деятельности в состоянии обновления и приумножения собственного «Я».[154]

Принимая во внимание философское наследие, младогегельянец К. Маркс «заземляет» проблему, переводя ее из абстракции в конкретику. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он обращает внимание на противоречивый характер труда, который может быть фактором освоения природы, очеловечивания людей, а может быть и средством их разобщения, изнурения тела и духа человека. Выполняя чужую волю, индивид из субъекта активного творчества превращается в носителя обременительного труда. Труд и его результаты превращаются в силу, господствующую над человеком. Состояние отчуждения в обществе многократно усиливается фетишизацией триады «товар — деньги — капитал». Она придает отчуждению тотальный характер. На место подлинной субъектности приходит ролевая субъективность в статусе социальной функции. Персонификация капиталистических общественных отношений обусловливает деперсонификацию личности и пре-

154 См.: Кальной И.И. Отчуждение: истоки и современность. - Симферополь: Таврия 1990. – С.16—23.

вращения ее в одномерного, частичного, лишнего человека[155].

Проблема отчуждения заявила о себе на всех стадиях становления и развития человека, как базовая проблема духа и его опредмечивания в материальной ипостаси. Освоение этого единства идеального и материального востребовало феномен интеллигибельности как способности постигать объект любопытства (интереса) исключительно возможностями «чистого» разума. В философии Платона интеллигибельность ориентирована на мир идей, усматриваемых умом. Этот дискурс унаследовала философия Средневековья, а затем он обретает свою интерпретацию в немецкой классической философии. И. Кант рассматривает интеллигибельность как то, что априори дано разуму, но не дано чувствам. В сфере практического разума интеллигибельность служит основанием для морального действия, если индивид следует аксиомам категорического императива в поисках ответа на вопросы: что он может знать; что он должен делать; на что смеет надеяться и что он есть как человек[156]. У Ф.Шеллинга эта способность проявляется как процесс рефлексии, а у Г.Гегеля как процесс самопознания теоретического духа в условиях противостояния рационального в теории и иррационального в практике социальной действительности.

Поиск ответа на эти вопросы сближает немецкую и отечественную философскую мысль. Возможно, здесь и следует искать родство интеллигибельности и интеллигенции как «мыслящего слоя людей, профессионально занимающихся умственным трудом» (В.И. Даль). Сам термин «интеллигенция» появился в России в середине 19 века. Утверждение, что термин «интеллигенция» появился в России, еще не означает, что он родился в России. Марк Туллий Цицерон, теоретик риторики и популяризатор гуманистических идей греческой философии, употребляет термин «интеллигенция» в трактате «О природе богов». Он означал «разумность» и «способность понимать». Другими словами, интеллигенция по Цицерону —

155 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. или Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. — М.: Академ. проект, 2010. — 784 с.

156 См.: Кант И. Собр. соч.: В 6 т. - М., 1964. Т.6. - С. 434.

это способность человека понимать сущность мира и разумно выстраивать свои отношения с миром.

Все это была своеобразная пропедевтика заявленной проблемы. Только в условиях кризиса европейского просвещения после поражения революции в 1848-50 годах интеллигенция заявила о себе как социально-философская проблема, поставившая под сомнение модель европейского пути развития в качестве образца и актуализировавшая поиск собственного пути. Дорогу первопроходца в России обеспечила интеллигенция «с печатью» российской действительности. Критика крепостного права усилиями «кающихся дворян» внесла свой вклад в его последующее упразднение. Отмена крепостного права вызвала реформы, в том числе и отмену сословности. Образование становится общедоступным. Оно обусловило появление «критически мыслящих личностей» из разночинцев[157]. Эта плеяда интеллигенции уже не испытывала чувство вины перед народом-кормильцем. Более того, в своей готовности взять ответственность за судьбу своего Отечества, она рассматривала народ как ударную силу осуществления своих идей, неустанно повторяя слова о том, что «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами». Новая интеллигенция с готовностью к самопожертвованию складывалась в поиске своего предназначения через выработку своего отношения к власти и народу; формировании своего мировоззрения через утверждение принципа критики и самокритики, иронии и самоиронии. Проверка своих возможностей средствами то ли проекта, то ли прожекта так называемой революции 1905—1907 года вызвала необходимость осуществить анализ событий и определить (оценить) место и роль в них интеллигенции.

В 1909 г. вышел в свет сборник «Вехи», где Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон и А.С. Изгоев, П.Б. Кистяковский, П.Б. Струве и С.Л. Франк составили свое представление о феномене интеллигенции, обосновав ее стратегию и тактику в условиях начала XX века[158]. Несмотря на мировоззренческие

157 См.: Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. пр.: В 2 т., 1965. Т.2. – С. 87-110.

158 См.: Вехи (Сборник статей о русской интеллигенции). – М.: Мол. гв., 1991. — 462 с.

различия и политические пристрастия (симпатии), авторы сборника были единодушны в оценке феномена революции, которая заявила о себе в 1905-1907 годах как «проба пера». Ставка интеллигенции («критически мыслящих личностей») на экстремизм, террор и революцию рассматривалась как вторжение в естественный процесс общественного развития. Оценивая итоги революции, П.Б. Струве имел все основания заявить о том, что революция – это неоправданное вмешательство в исторический процесс. Результаты плачевны не потому, что революцию делали плохо, а потому, что ее вообще делали, вторгаясь в естественный ход событий и демонстрируя приверженность к крайним мерам.

Вторая погрешность интеллигенции заключалась в том, что она рассматривала людей как ударную силу революции и последующего переустройства общества, не принимая во внимание автономию личности в обществе, ее право выбора своего отношения к проблемам общества; ее уникальный и неповторимый мир, который складывается через конкретные формы освоения культуры, в результате чего формируется духовное богатство личности, определяющее духовное богатство общества, его потенциал, его Судьбу. Взгляд на людей как ударную силу революции и последующего переустройства общества, определялся концепцией «героя и толпы», где герой заявлял о себе в качестве революционера, демонстрируя готовность пожертвовать своей и чужой жизнью во имя блага народа. Но народ – это фантом, а есть население, где каждый индивид решает свои проблемы с учетом своих индивидуальных интересов (потребностей). Народ – это социально-политическая категория, которая становится реальностью только в крайних случаях опасности извне. Тогда «в одном окопе» оказываются люди разного возраста и пола, разной этнической и конфессиональной принадлежности, больные и здоровые, бедные и богатые, демонстрирующие готовность стоять до конца, защищая свою землю, культуру, язык, свое право на жизнь и свое право на волеосуществление. Исчезает опасность и народ трансформируется в население конкретного общества. Народ не принял

интеллигенцию «критически мыслящих личностей», ибо не было народа, а было население людей разных взглядов на мир и разных интересов; было структурно организованное общество, где складываются не отношения героя и толпы, а отношение личности и общества в системе общественных координат.

Не выдержало проверку и отношение новой интеллигенции к власти, где институт государства обеспечивает дееспособность права в статусе регламента жизнедеятельности людей. Желание уничтожить институт государства, когда оно не исчерпало потенциал своих полномочий, чревато опасностью разрушения общества как искусственной системы, взаимосвязанных, взаимодействующих и взаимообусловленных элементов. Государство как «авторитет власти» приняло эстафету «власти авторитета», но еще не пришло время передать эту власть в руки качественно иной «власти авторитета».

И, наконец, интеллигенция «критически мыслящих личностей» проигнорировала религиозное сознание, которое пробуждало совесть, холило ростки человечности в человеке. Интеллигенция разночинцев предпочла моральный нигилизм и нетерпимость, фанатизм и экстремизм. К этому времени просвещение отождествляется с образованием, рассматривается не как составляющая образовательной системы, а как синоним образования.

Что еще не учли авторы сборника? От «Вех» 1909 г. до революции 1917 года оставался всего лишь один шаг и он состоялся несмотря на прямые предупреждения этого не делать. Почему этот шаг был сделан? Этот вопрос продолжает привлекать внимание исследователей феномена интеллигенции и сегодня, сохраняя свою актуальность в условиях антропологического кризиса и тотальной глобализации мира. После выхода в свет аналитического сборника «Вехи» последовал поток эмоциональных публикаций, который условно можно разделить на критику и апологетику веховских идей. Представители критики и представители апологии опирались на свое представление о феномене «интеллигенция», искали и отстаивали свою правду, не прилагая особых усилий для того, чтобы исследовать сущность интеллигенции, понять причину ее востребованности.

В своем докладе на съезде Таврической национальной ассоциации 27 октября 1920 года В.И. Вернадский ставит вопрос о новой интеллигенции. «*Мечтать о реставрации (вчерашнего дня – И.К.) могут только люди, абсолютно лишённые чутья реальной действительности. Не вернётся и старая форма русской интеллигенции. Она погибла в обломках революции, и это хорошо, ибо вина за многое, что совершилось и совершается лежит на ней – старой русской интеллигенции.*

Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны – интеллигенция не понимала, подобно русской, всего блага, всей огромной важности государственности. Не ценя государственности, интеллигенция, несмотря на длительную борьбу за политическую свободу, не знала и не ценила чувства свободы личности. Живя в огромном государстве, со столь же огромными естественными богатствами, интеллигенция совершенно не была связана с производительными силами страны, ничего не делая для развития этих сил.

И ещё – русская интеллигенция была даже не атеистична, она была арелигиозна; она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их. Так было. Но так не будет. В огне и буре великой небывалой разрухи идёт процесс не только борьбы материальных сил, но и процесс огромного внутреннего перерождения. Создаётся новая интеллигенция. Только глухие и незрячие этого не замечают. Новая интеллигенция – для новой России. Новая Россия, будет ли она меньше в своих границах, чем раньше, как думают многие, или больше, как думаю я, - но она будет единой. Может быть, федеративной, может быть, с широкой областной автономией, но единой.

И новая русская интеллигенция будет понимать и ценить это единство. Новая интеллигенция отдаст свои силы, свои знания великой работе по развитию производительных сил государства.

Черты этой интеллигенции вырисовываются. Замечающийся сейчас интерес к религиозным вопросам, попытки возрождения реального православия являются фактом громадной важности. Напрасно многие боятся этого как симптома реакции и застоя. Нет. История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигать новое, а не топтаться на од-

ном месте, только если рядом с научным творчеством идёт широкое творчество религиозное. И теперешнее религиозное движение в России таит в себе залог будущего расцвета русской науки.

Итак, создаётся новая интеллигенция, и грядёт новая Россия. В ней не будет места Обломовым и героям Чехова»[159]. По своей сути это был манифест-«оглашение всенародного дела», от решения которого зависела судьба народа, сделавшего свой выбор. Впереди были тяжелые будни строительства Нового мира, где переплетались героизм и трагедии, романтизм и драмы. А еще были Отечественная война 1941-1945 года и праздник Победы со слезами на глазах вдов и детей войны, а также усилия по восстановлению народного хозяйства. Это была проверка на прочность народа и его интеллигенции. Не все получилось так, как мечтал В.И. Вернадский в 1920 году. Противостояние двух систем, война в Афганистане, декларации о победном шествии коммунизма и реалии нищеты привели к тому, что шкала ценностных ориентиров на строительство коммунизма рухнула. Страну захлестнула волна безысходности и безнадежности. Подобно «Титанику» Советский Союз погружался в бездну небытия, порождая растерянность и истерию на всех уровнях системы координат функционирования общества. Во всех этих драматических сюжетах за кадром оставался вопрос: от какого наследия отказываются те, кто поверил в идею коммунизма и защищал эту идею на фронтах Отечественной войны и в послевоенное время. Этот вопрос звучал как набат, свидетельствуя о наступлении очередного исторического вызова.

В 1997 г., в условиях поиска достойного ответа на очередной вызов истории, состоялась конференция «Роль русской интеллигенции в формировании картины мира». Итогом конференции стал еще один сборник статей, в котором представители разных направлений исследуют истоки феномена интеллигенции, рассматривают ее роль в прошлом и настоящем; раскрывают взаимоотношения интеллигенции с государством и народом. В целом, авторы этого сборника попытались ответить на вопрос, почему процесс Перестройки 80-х годов в Советском Союзе

159 Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – С. 568-569.

трансформировался в «катастройку»[160], почему интеллигенция не выполнила или не могла выполнить свое предназначение несмотря на то, что она складывалась как альтернатива мещанству, олицетворяющему застой, пошлость и самодовольство.

Претендуя на статус оппозиции по отношению к власти, интеллигенция заложила основы становления гражданского общества, хотя процесс формирования интеллигенции как особого социального образования протекал болезненно с перекосами, хотя имел антимещанскую направленность в условиях утверждения мещанства в ипостаси идеала западной (европейской) цивилизации. Об опасности мещанства в свое время предупреждал Д.С. Мережковский. Обращаясь к молодому поколению, он призывал бояться «рабства и худшего из всех рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — Грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам.[161]

Становление интеллигенции было обусловлено специфическими объективными условиями социальной действительности, а также субъективной деятельностью конкретных исторических личностей с их претензией на лидирующее положение в обществе. История сохранила как положительные, так и негативные оценки интеллигенции. Осуществляя их сравнительный анализ, можно сделать некоторые выводы:

Во-первых, интеллигенция не является целостным образованием общества. Каждый социальный фрагмент общества создает условия формирования собственной интеллигенции как группового субъекта защиты своих интересов и формирования своей идеологии. Чем сложнее социальная структура, чем актуальней проблемная ситуация внутри этого общества, тем разнообразнее интеллигенция этого общества. Примерами тому могут служить любые общества политического плюра-

160 См.: Роль русской интеллигенции в формировании картины мира. – М.: Наука, 1997. – 294 с.

161 См.: Мережковский Д.С. Грядущий Хам // В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. - М.: Советский писатель, 1991. - С. 375.

лизма, этнического и конфессионального многообразия. Не без основания, в контексте целого выделяют городскую и деревенскую интеллигенцию, а также интеллигенцию среднего класса.

Во-вторых, интеллигенция является неотъемлемым элементом любого общества, ориентированного на развитие. Она выступает душой культуры общества, его духовным наставником. Органически соединяя общее и единичное, интересы целого и части, интеллигенция закладывает основания идеологической платформы Общего дела, определяет перспективу общества, предлагая проекты его осуществления.

В-третьих, можно искать и находить специфику национальной интеллигенции. В каждой стране, в каждом фрагменте общества, как правило, есть свое интеллектуальное меньшинство, из которого формируется своя интеллигенция, призванная формировать идеологию решения актуальных проблем общественного развития.

В-четвертых, вероятно есть смысл искать различие между интеллигенцией и интеллектуалами. Поиск можно развернуть посредством оппозиции «мораль и нравственность», «долг и совесть». Термин «интеллектуал» вошел в словарь французского языка в 90-е годы XIX века, обозначив меру профессионализма. Интеллектуалы обеспечивают процесс производства идей и их осуществление в технологиях. Они обслуживают общество, обеспечивая его управление. Если интеллигенция – душа культуры, то интеллектуал – визитная карточка цивилизации. Интеллигент должен быть интеллектуалом, но интеллектуал далеко не всегда является интеллигентом.

В-пятых, интеллигенция не имеет прямого отношения к собственности на средства производства. Это создает для нее определенные трудности, а подчас и угрозу ангажированности. Любая форма ангажированности предполагает возможность трансформации интеллигенции в свою противоположность. Она рискует утратить свое содержание, свою идентичность, свою свободу, ибо находится на содержании, «кормлении». С другой стороны, отсутствие прямого отношения к средствам производства делает интеллигенцию представителем интере-

сов всех слоев общества. Ее ценностные ориентиры являются производными от общечеловеческих гуманистических ценностей, а ее поведение — это «ежедневное и ежечасное несение подвига ради общечеловеческого благоденствия» (А.Ф. Лосев).

В-шестых, что касается отечественной интеллигенции, то ее идеи и политические вкусы, как правило, заимствованы из европейского опыта, а не рождены своей культурой. Это «ахиллесова пята» отечественной интеллигенции, которая «в деле творчества национального стоит гораздо ниже азиатских народов, индусов, китайцев, мусульман, у которых все почти свое».[162] Есть еще одна слабость интеллигенции. Это ее безволие и нерешительность. Вероятно, в этом кроится «секрет» ее невостребованности в критических ситуациях.

В-седьмых, интеллигенция – это определенная группа лиц, объединенных идеей, совестью и чувством ответственности, демонстрирующих внеклассовость и внесословность, тягу к солидарности и справедливости, но лишенных структурной организованности, что чревато потерей единомыслия и отсутствия субъективного фактора.

В-восьмых, страстное желание свободы таило и таит возможность вырождения интеллигенции в своеобразную деспотию, сторонники которой востребовали экстремизм и террор, тяготели не к диалогу и компромиссу, а к жесткому противостоянию с властью, где народ из объекта внимания и заботы превращался в средство осуществления сомнительных прожектов.

Сделанные выводы позволяют ответить на вопрос, что может и что не может современная интеллигенция. Она может раствориться в служении Общему делу, но она не может преодолеть дистанцию, которая отделяет ее от массы. Она демонстрирует готовность служить на благо всего народа, но не конкретной национальности или конфессии. Положение интеллигенции определяется местом между «молотом и наковальней». Она ориентирована на гуманистические ценности, но в условиях, когда реальностью выступает не народ, а население (как меха-

162 Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М.: Наука, 1993. – С. 63.

нический конгломерат больших и малых групп различного основания), интеллигенция как интеллектуальное меньшинство одной из социальных групп общества вынуждена, в первую очередь, защищать интересы этой группы, а потом уже и интересы общества в целом. Такая практика, как правило, чревата коллизиями на уровне целого и части. *В целом, интеллигенция - это антимещанская, внеклассовая, структурно неорганизованная общность людей совести и ответственности, определенный ресурс модернизации общества, его духовный наставник, интеллектуальный поводырь, интеллектуальное меньшинство с ориентиром на поиск идей, которые должны лечь в основание ответа очередному историческому вызову.*

2.3.2. Гуманитарный дискурс интеллигенции

Осваивая общечеловеческий опыт и обеспечивая преемственность культуры, представители интеллигенции не без основания претендуют на статус продуцентов и вдохновителей гуманитарного дискурса, первооткрывателей путей к общечеловеческой цели, но эта деятельность интеллектуального меньшинства далеко не всегда воспринимается благожелательно.

Как правило, интеллектуальному меньшинству противостоят три силы:

любая власть тяготеет к консерватизму. Консерватизм обеспечивает власти стабильность и надежность в условиях ориентира на принцип «здесь и сейчас». Поэтому власть воспринимает новые идеи скорее враждебно, чем дружелюбно;

большинство населения также тяготеет к консерватизму. Даже в условиях «недожизни», когда люди не живут, а выживают, они предпочитают сохранять условия прожитого вчерашнего дня перед лицом новых идей, приумножающих неопределенность и непредсказуемость завтрашнего дня;

первооткрыватели родом из прошлого. Они несут на себе печать сложившихся ценностных ориентиров и стереотипов поведения. Поэтому далеко не все идеи трансформируются в идеалы с последующим оформлением в дееспособные проекты.

Иногда идеи обретают статус идола и прожекта (очередного тупика). В этом случае население в своем большинстве становится враждебным, демонстрируя готовность оскорблять и даже проявлять физическое насилие в адрес интеллигенции. Достаточно вспомнить время перестройки-«катастройки» 90-х годов XX века.

Деятельность интеллектуального критически мыслящего меньшинства абсолютно необходима, ибо без его усилий рутинное большинство превращается в толпу, рекрутируя в нее тех, кто обслуживает элиту. Элиту, в первую очередь, обслуживает интеллектуал. Как слуга триады «товар – деньги – капитал», он способен найти компромисс с любой властью. Как носитель знания (информации), интеллектуал ориентируется на рынок спроса и предложений, пополняя ряды мещанства, «дикарей высшей культуры» общества потребления. В качестве примера можно сослаться на состояние современных средств массовой информации, ориентированных на формулу «чего изволите» или состояние массовой культуры, организаторы которой живут исключительно для себя, или состояние вертикали власти, демонстрирующее отсутствие добротных идей и приумножающих политическую нестабильность. Ориентируясь на принцип «здесь и только сейчас» интеллектуал пребывает в иллюзии, что культура и власть – это «Я», от которого зависит настоящее, будущее и переписанное прошлое страны и народа. Интеллектуал – это субъект коммуникации отношений, встраивающихся в систему «субъект-объект», где «другой» выступает объектом интереса, а подчас и манипуляции.

Что касается интеллигента, то он *служит, а не обслуживает*. Он опирается не столько на долг, сколько на совесть. Если интеллектуалы – это определенный социальный слой общества с ориентиром на принцип «расчетливости», то интеллигенция ориентирована на осуществление гражданского благополучия. Нормой отношений интеллигента с окружающей средой является не коммуникация, а общение в системе «субъект-субъект», где «другой» является самоценностью, а не объектом манипулирования, где место приоритетных отношений занимают паритетные.

Для носителей интеллигенции характерны: вечное удивле-

ние и сомнение; анализ и самоанализ; ирония и самоирония, критика и самокритика; размышление о мире и о своем отношении к миру; глубокое чувство сострадания и милосердия; тяга к солидарности и справедливости; вопрошание что делать, чтобы сохранить честь и совесть, не разменяв долг служения на прислуживание, сохранив уважительное отношение к инакомыслию. Надежда на осуществление своего призвания не исключает трансформации притязаний в очередные иллюзии. Избежать этих трансформаций можно только через приобщение к общечеловеческому опыту, к гуманистическим ценностям в процессе гуманитарного образования.

Интеллигент – это всегда претензия на эталон. Как правило, это продуцент и вдохновитель гуманитарного дискурса; Просветитель с ориентиром на обретение истины, которая делает человека свободным; это связующее звено времени. Как особый посредник между будущим и прошлым, интеллигент находится на дистанции с настоящим временем, выступая критиком (оппонентом) сегодняшнего дня. Вероятно, этим объясняется невостребованность интеллигенции практически во всех сферах управления, тяготеющих к консерватизму и демонстрирующих конъюнктуру с ориентиром на осуществление принципа «здесь и сейчас».

Такие качества интеллигента как честность, порядочность и принципиальность обусловлены не моралью конкретного общества, а той нравственной ответственностью человека в обществе, которая складывается в процессе воспитания, просвещения и обучения через приобщение к наработанному гуманитарному опыту. Основу этого опыта составляют гуманистические ценности, подтвержденные многовековой практикой. Над ними уже не довлеет время. На них нет этнической, конфессиональной или социально-политической «печати». Они являются достоянием человечества, проложившего дорогу от биологической популяции к социальной общности людей; от человека как особого животного до существа с претензией обустраивать общественное бытие и брать на себя всю меру ответственности, подтверждая тезис о том, что человек – самопроектируемое существо. Он может подняться до заоблачных высот или опуститься до скотского состояния, но

далеко не все зависит от отдельно взятого человека, ибо он существо общественное и ему приходиться адаптировать правила общества, а иногда пребывать в статусе заложника этого общества или его отдельно взятого фрагмента. В обществе риска население не столько живет, сколько борется за выживаемость, используя любые средства, вплоть до выбора девиантного поведения. В этом обществе феномен «бомжа» или «бича» соседствует с «крестом» демографической депопуляции и массовой детской беспризорностью. Жизнь, как высшая ценность, трансформируется в феномен «недожизни». Как уже было отмечено, в своей транзитивности общество проходит три этапа: разрушение, поиск дееспособных идей выхода из тупика и осуществление этих идей. В этом процессе интеллигенция может и обязана занять свое место и выполнить свое предназначение, обеспечив «точку необратимости» на первом этапе, поиск идей достойного ответа историческому вызову – на втором, и осуществление дееспособной идеи – на третьем этапе, где решаются вопросы выхода общества из кризисного состояния.

Реальности сегодняшнего дня подтверждают, что есть проблема и ее нужно решать средствами гуманитарного образования. Если гумус – это тончайший слой земли, который обеспечивает жизнь на Земле, то гуманитарное образование – это тончайшая пленка, которая обеспечивает оптимальное решение противоречий между родовой, социальной и духовной сущностью человека. Каждая эпоха, каждый этнос, каждая конфессия вносили свой вклад в развитие системы гуманитарного образования, актуализируя вопросы: какие именно знания должно получать подрастающее поколение и какой наставник должен нести эти знания.

Жизнь показала, что субъект гуманитарного знания должен быть умным и честным, порядочным и принципиальным, воспитанным и образованным. Только в этом статусе Учитель обретает власть авторитета и способность влиять на подрастающее поколение. Другими словами, Учитель должен быть интеллигентом, а не только интеллектуалом[163]. Это не так просто в условиях информационного общества, которое обусловливает пересмотр сложившихся стереотипов, предлагая взамен

163 См.: Вернадский В.И. Дневники: 1917-1921 г. – К.: Наукова думка, 1994. – 270 с.

новые ценностные ориентиры, редактирующие смысл и образ жизни. Информационное общество порождает новые возможности самоосуществления индивида, что требует изрядных усилий по реализации проектов не только индивида, но и общества как среды его осуществления. Для информационного общества характерен переход важнейших прав человека (неприкосновенность личной жизни, свобода слова и выбора объединений по личному интересу) из области юриспруденции в сферу практической этики. Поскольку эти проблемы не решаются юридическими средствами, они должны решаться на путях нравственного воспитания, начиная с семьи. Современная семья в своей озабоченности и озадаченности все больше дистанцируется от общества и общественного мнения. Ее жилище за зеленой дверью превращается в электронный коттедж с ориентиром на индивидуальные запросы. Образовательная деятельность демассифицируется. Она уже не довольствуется стереотипами сложившихся моделей образования. Индивид демонстрирует свое конструктирование, подтверждая тезис о том, что человек самопроектируемое существо (М. Шелер). Радикальные изменения системы образования включают:

• угасание стереотипов школьного образования под натиском информационных технологий;

• в качестве ведущей формы образования заявляет о себе самообразование с учетом индивидуальных запросов и способностей;

• изменяется статус учителя. От него ждут не готовые знания, а консультации по вопросу, где, в каком объеме и качестве можно получить эти знания без учителя. Учитель уже не мастер (магистр) и даже не наставник, а скорее консультант, помощник. Вероятно, этим объясняется падение престижа и авторитета Учителя с большой буквы до уровня «училки». Это больно и оскорбительно, но эта тенденция имеет определенное основание в информационном обществе.

В условиях переходного периода, когда старые ценностные ориентиры не работают, а новые еще не сложились, общество без участия интеллигенции не имеет перспективы. Только интеллигенция может взять на себя ношу нравственного воз-

рождения того Отечества, в котором слышится «отец», «отчий дом» и молитвенное «Отче»[164]. Возрождая себя, интеллигенция возродит и общество. Она сможет преодолеть состояние «общества - спектакля», где законодателями моды выступают шоу-власть и шоу - право, где бал правят симулякры (тени) и где общество функционирует не за счет прибавочной стоимости товара, а за счет «эстетической» стоимости знака. К сожалению, раскрученный знак представляет ныне большую ценность, чем та вещь, которую он обозначает. В этих условиях теряется самоценность человека и труд для современного человека не рассматривается как возможность самореализации и самовыражения. Труд из положительного фактора антропосоциогенеза превращается в средство отчуждения человека от процесса производства, от результатов своего труда и от самого себя.

В условиях смены парадигмы общественного развития и перехода общества от индустриального к информационному, существенно девальвировал и второй фактор антропосоциогенеза – общение. Из средства субъектно-субъектного отношения, общение трансформировалось в коммуникацию субъектно-объектного отношения. Другой в статусе объекта рассматривается как объект интереса, манипулирования, использования. Он уже не другой, как зеркало для проекции и идентификации, а чужой. Отчуждение от труда усугубляется отчуждением человека на уровне межличностных отношений, открывая дорогу к одиночеству, ностальгии и депрессии. В итоге, среднестатистический человек уже не живет, а только выживает. Идет критическое накопление негативной энергии, накопление разрушительных сил.

Противостоять деструктивному процессу может только процесс гуманитарного образования и возрождения подлинной интеллигенции. Путь возрождения лежит, в первую очередь, через осуществление гуманистического дискурса образовательной системы. В свое время И.Кант сделал вывод о том, что просвещение — это своеобразный выход человека из состояния несовершеннолетия… Несовершеннолетие — это неспособность пользо-

164 Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – СПб.: изд-во РГПУ, 2006. – С.159

ваться своим рассудком без руководства[165]. Этот вывод не устарел и ныне, ибо гуманитарное просвещение, субъектом которого выступает интеллигенция, открывает возможность не только «устранить сумрак или муть» (В.И. Даль), наставлять на путь истины; развивать умственные и нравственные силы человека, но и воспитывать способность преодолевать страх перед проблемами жизни. Несовершеннолетнему нужен Учитель, чтобы пройти между крайностями и не оказаться заложником одной из них. Этим Учителем может быть только интеллигент, выступающий носителем гуманистических ценностей. Только с помощью Учителя «несовершеннолетний» может обуздать свое животное себялюбие, свой эгоцентризм и открыть глаза на свое призвание служить общему Делу, а не прислуживать частному интересу. Без помощи Учителя-интеллигента «несовершеннолетний» будет всегда потенциально опасным существом не только для общества, но и для себя.

Гуманистическая составляющая системы образования обеспечивает становление и развитие таких человеческих качеств, как порядочность и совестливость; патриотизм, гражданственность и уважительное отношение к жизни; предрасположенность к диалогу, компромиссу и уважительное отношение к другим; умение сопереживать, проявлять участное внимание, милосердие и благотворительность; умение отличать добро от зла, прекрасное от безобразного. Естественные науки изучают мир в многообразии его проявления в поисках ответа на вопросы «что есть что». Что касается гуманитарных наук, то они ориентированы не только на познание человека в мире. Просвещая, образовывая и созидая личность, они делают человека *челом своего века, субъектом своего времени.*

На уровне личности человек адаптирует нормы жизни общества, определяя свою меру их освоения. Там, где человек заявляет о том, что он есть мера вещей и обстоятельств, скрывается подлинная проблема гуманитарного образования и воспитания. В одном и том же обществе одни люди склонны к созиданию, демонстрируют ответственность за себя и тех, кто рядом

165 См.: Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Собр. соч. в 6 т. - М.: Мысль, 1966, Т. 6. - С. 25-36.

с ними, и считают, что «даже праведную цель нельзя творить неправедными средствами». Другие же рассматривают мир и окружающих их людей в качестве средства решения своих вопросов и удовлетворения своих потребностей (причем не только естественных, но и противоестественных). Одни с помощью гуманитарного образования и воспитания формируют духовный мир своей человечности, другие пребывают в состоянии бездуховности и нисколько не страдают по поводу собственного равнодушия и безответственности. Как тут не вспомнить мудрые слова о том, что не стоит бояться врагов и бывших друзей, но следует опасаться равнодушных, ибо, с их молчаливого согласия на земле творятся предательства и убийства.

Для того, чтобы стать челом своего века, «солью земли Отечества», или Человеком с большой буквы, нужно достичь того уровня духовного мира, который созидается не усилиями естественных наук, а средствами гуманитарного образования и гуманитарного просвещения. Они прививают ту человечность, без которой человек – это все, что угодно, но не человек. Размышляя о своем времени, Леонардо да Винчи грустно констатировал: «мало человеков в этом мире и много тех, кто проходит по реестру наполнителей нужников». Это не вина людей, а скорее беда общества, которое стало игнорировать гуманистические ценности, отдавая предпочтение звону «благородного» металла[166].

Несомненно, что и гуманитарное образование, и гуманитарное просвещение, и гуманитарное воспитание несут на себе печать исторической ограниченности, всегда обусловлены средой, обусловлены уровнем подготовки Учителя и настроем ученика. Всегда существует вероятность перекоса в соотнесении формы и содержания, особенно в условиях торжества той цивилизации, которая оттесняет подлинную культуру. К этому следует добавить и способность или неспособность учить, желание или нежелание учиться, быть или не быть на высоте своего предназначения. Учителю надлежит быть образованным, Воспитателю – воспитанным, но в реальной жизни всякое бывает. Один носил кирпичи, второй зарабатывал на хлеб и только третий, отвечая на вопрос, что делаете, сказал: «Храм строю». Ситуация усугубляется

166 См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. - М.: Республика, 1994. – 640 с.

необходимостью смены парадигмы образования в условиях перехода от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, когда акцентируется проблема «не учиться репродуктивно, чтобы знать», а «учиться, чтобы быть», демонстрируя адекватность перед ликом новых проблем и готовность их решать. Этот переход осложняется необходимостью преодолеть «удобные и привычные» стереотипы вчерашнего дня и выходить на уровень компьютерных и телевизионно-коммуникативных технологий информационного общества.

Только через гуманитаризацию образования можно сделать первые шаги к возрождению духовности человека. В этом процессе особое значение принадлежит той интеллигенции, которая выступает носителем гуманистических ценностей, демонстрируя, что она выше политических, национальных, религиозных и прочих пристрастий и симпатий; что она способна воспитывать граждан и патриотов своей Родины; воспитывать готовность к служению своему Отечеству.

Задача трудная, но она вполне под силу институтам гуманитарного образования и просвещения. Вертикаль власти должна обеспечить благоприятные условия воспроизводства интеллигенции, осознавая ее ценность как фактора передачи кода культуры. Следует также учитывать, что общество как искусственное образование, как система взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, является дифференцированным структурным образованием, включающим малые и большие группы людей. Люди отличаются друг от друга по полу и возрасту, политическим симпатиям и социальным пристрастиям и прочим признакам. Носителем идеологии этих многих общностей выступает своя интеллигенция. Как обеспечить в этих условиях диалог интеллигенций, освоить искусство компромисса, обеспечить идеологическую платформу Общего Дела? Ключ к этому только гуманитарное образование, просвещение и воспитание в условиях смены шкалы мировоззренческих ориентиров. Гуманитарное образование является фактором разработки дееспособных идей, а гуманитарное просвещение и воспитание призвано создать условия адаптации этих идей в общественном и индивидуальном сознании, благодаря чему эти идеи превращаются в подлинную силу оптимального обустройства общества.

Если общество идет по пути сокращения цикла социально-гуманитарных дисциплин в учебном процессе, оно лишается базы воспроизводства интеллигенции как консолидированного субъекта особой социальной активности. Это – еще один шаг к деградации человека разумного. Об этом постоянно напоминают тающее население, детская беспризорность, омоложение и наращивание потенциала преступного мира, распространение иждивенческих настроений и поиск врага, внутреннего и внешнего.

Без гуманитарного образования, просвещения и воспитания невозможна оптимальная преемственность поколений. Без интеллигенции не состоится тот средний класс, от усилий которого зависит судьба гражданского общества – надежда XXI века. Пока что приходится констатировать, что в постсоветском обществе отсутствует средний класс, но присутствует механический конгломерат больших и малых социальных групп, которые располагают своими основаниями и где господствует формула «обмани ближнего, пока он не обманул тебя».

Интеллигенция по своей сути есть субъект будущего в настоящем**.** Она формирует общественное мнение и несет ответственность за трансформационные процессы общества или отдельных его фрагментов. Поскольку интеллигенция родом из прошлого, то идеи (проекты ее носителей) могут, увы, оказаться идолами или прожектами. Все это только подчеркивает непростую судьбу интеллигенции с претензией на первопроходца и хранителя традиций и обычаев своей культуры.

Тем не менее, можно констатировать, что интеллигенция, с ее способностью расшифровать знаки будущего в прошлом, по своей сути есть не только субъект будущего в настоящем, но и субъект гуманитарного настоящего. Прививая человечность, интеллигенция помогает людям решать проблему самопознания и вырабатывать оптимальное отношение к миру, открывая смысл своей жизни и коррелируя его с образом жизни, поступками в повседневной жизни и даже с отношением к смерти. Воспроизводя себя, интеллигенция может продуцировать идеи достойного ответа очередному историческому вызову, осуществив свои притязания и выполнив свое призвание. Она может возродить

в новом облике тех, кто ратует за сохранение того природного и социокультурного пространства, где человек обретает чувство солидарности и надежду на справедливость, где он заявляет о своей самоценности, сохраняя за собой право, по необходимости быть средством или целью. Это особенно важно в условиях тотальной глобализации мира и сценария «Нового мирового порядка», где революция рассматривается как средство решения экономических и социально-политических вопросов в пользу авторов этого сценария. Создать социальную иммунную систему невосприимчивости к революции, как «инфекции» через формирование участного со-знания под силу только интеллигенции. Чтобы «сказка стала былью», вертикаль авторитета власти в лице института государства и первые ростки современного гражданского общества должны холить и лелеять интеллигенцию как продуцента и вдохновителя гуманитарного дискурса, решая проблему ее расширенного воспроизводства, воспринимая интеллигенцию в статусе субъекта идейной жизни; антимещанской и внеклассовой общности людей совести и ответственности за себя и окружающий мир. От сознания интеллигента люди ожидают радикальной реформы, необходимость которой подсказывает специфика постмодернизма – общества переходного периода. Мало заявить о своей принадлежности быть интеллигентом нужно еще и стать им, постоянно преодолевая себя, совершенствуя свою духовность и способность не только смотреть на мир, но и видеть пути-дороги оптимального решения актуальных проблем нашего времени, обеспечивая национальную безопасность.

Резюме: есть ли у отечественной интеллигенции возможность заявить о себе в статусе идейной составляющей субъективного фактора общественного развития, от которого зависит перспектива страны, Судьба народа? Есть, но только в том случае, если представители интеллигенции нашего времени смогут извлечь уроки становления и развития отечественной интеллигенции; оценить ее достоинства и недостатки; определить стратегию и тактику своей социальной активности с ориентиром на созидание человечного общества и общественного Человека в формате идеологии участного сознания.

§ 4 ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

2.4.1 К вопросу о понятии «политическая идеология»

Приступая к исследованию заявленного феномена необходимо принять во внимание, что содержание понятия «идеология» не имеет общепризнанной версии. Почти всегда бывает так, что пишущий автор при выборе определения своего предмета, руководствуется, прежде всего, собственной мировоззренческой позицией. В «Философском энциклопедическом словаре» говорится, что «идеология (греч. – учение об идеях), во франц. философии периода Великой революции, есть метод установления практических правил воспитания, этики и политики посредством точного познания физиологической и психической организации человека и физического мира… В настоящее время понятие идеологии употребляется почти исключительно как характеристика неистинного мировоззрения, предназначенного для обмана ради материальных, а также политических интересов. Однако марксизм утверждал, что все идеи, религии, мировоззрения, учреждения, правовые отношения и т.д. являются лишь выражением материальных отношений. Они возведены буржуазией в ранг духовных сущностей (идей), в то время как в действительности такого рода идей не существует и, следовательно, речь идёт … об идеологической надстройке над действительностью[167]». По мнению А. П. Кудряшова, идеология может быть по содержанию научной, истинной, революционной, ненаучной, ложной, иллюзорной, реакционной, консервативной и, в зависимости от этого, может оказывать ускоряющее или тормозящее влияние на развитие общества[168]. В связи с тем, что смысловое поле понятия «идеология» очень обширно, трудно однозначно ответить на важные для повседневной практики вопросы:

• возможна ли деидеологизация человеческой деятельности, особенно в областях политики, экономики, образования, вос-

167 Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1999. – С. 170.

168 Кудряшов А.П. О научных основах, содержании и формах идеологической работы партии в современных условиях// Коммунист Крыма. – 12 августа 1997. - №30 (214). – С. 2-3.

питания, культуры;

• существует ли идеологический вакуум или может возникнуть ситуация, при которой, когда теряет силу одна идеология, её место сразу же занимает другая;

• какое место занимает политическая идеология в социальной системе.

Чтобы получить ясные ответы на эти и другие вопросы, в рамках такого сложного и противоречивого объекта, как идеология, выделим предмет, допускающий однозначное толкование: «политическая идеология» или, говоря иначе, - «идеология как элемент структуры политической системы общества». В связи с этим, необходимо рассмотреть наиболее важные социально-политические категории «политическая система общества», «политический процесс», «политическое участие» и «политическая власть».

В максимально обобщённом виде политический процесс – это превращение входящих факторов («требования», «поддержка») в исходящие («решения и действия властей»). «Требования» - форма выражения мнения о правомерности обязывающего распределения национальных ресурсов (материальных и нематериальных) как со стороны внутренних групп интересов, так и со стороны внешних систем. Политическая система воспринимает эти требования (относительно распределения благ и услуг, регулирования поведения), а также «требования в сфере информации и коммуникации» через институты прямой и обратной связи, реагирует на них, принимая политические решения и проводя их в жизнь. Одним из фундаментальных свойств политической системы является её стремление к самосохранению. Система стабильна, если имеет социальную «поддержку», в том числе высокую степень добровольности при уплате налогов, оказание системе разного рода услуг со стороны объекта управления, законопослушание, непринудительное политическое участие, внимание и почтение к официальным актам и должностным лицам. Политические решения должны быть такими, чтобы политическая система была в состоянии обеспечить две основные функции:

А) эффективное распределение национальных ресурсов; в

данном случае эффективность означает, что каждому члену общества достаётся такая доля общественного богатства, которая, как минимум, достаточна для производства и воспроизводства жизни и рабочей силы: «…человек «по своей природе» не склонен зарабатывать… всё больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать,… сколько необходимо для жизни»[169].

Б) убеждение граждан в том, что существующее распределение ценностей, в данных обстоятельствах, является оптимальным: отход от такого распределения к другому может представляться вполне справедливым, но неизбежно ведущим к значительному ухудшению жизненных стандартов.

Исторический опыт и здравый смысл свидетельствуют, что в большинстве случаев вторую задачу решить куда легче, чем первую. Достаточно внедрить в массовое сознание идею, заставляющую людей ограничивать свои потребности, например, такую: «не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф. 6; 19 – 21). Существование в обществе мощных идей, переводящих значительную часть жизненной энергии людей из области вещественной в область нематериальную необходимо и ещё по одной причине. Это способствует сближению человека с человеком, образует обширную область общенациональных интересов. Существование сферы общенациональных интересов делает поведение людей и их объединений более или менее предсказуемым, позволяет очертить поле возможных «требований» известными рамками. Определённая идеальная модель реального мира, внедрённая в массовое сознание, даёт возможность до известного предела формировать сами «требования», а значит – гарантировать политической системе минимальный уровень «поддержки», консервировать положение правящей элиты и существующее

169 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма, // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. – С. 81.

распределение ресурсов даже тогда, когда эффективность политики не вполне приемлема для объекта управления.

Совокупность социальных идей подобного рода должна составлять непременный ресурс политической власти в обществе любого типа, наряду с другими важнейшими ресурсами проведения в жизнь властной воли: социальными, экономическими, финансовыми, информационными, демографическими и силовыми. Объективно, сужение ресурсной базы ослабляет политический режим, поэтому если в числе «требований» начинает усиливаться требование деидеологизации, это означает нарастание силы контрэлиты. Если контрэлита превратится в элиту, следует ожидать, что она принесет с собой новую политическую идеологию и, возможно, новый механизм её поддержания.

Обобщая различные толкования понятия «политическая идеология», данные такими авторами как М. Вебер, Т. Парсонс, В. Старк и другими, в контексте сказанного выше, можно согласиться, что «политическая идеология – это систематизированная совокупность идейных воззрений, выражающих и защищающих интересы той или иной общественной группы и требующих подчинения индивидуальных помыслов и поступков как можно большего числа людей соответствующим целям и задачам использования власти». Другими словами, политическая идеология - это доктрина, обосновывающая притязания какой-либо группы на власть или её использование и предусматривающая, поэтому ту или иную стратегию политических действий.

2.4.2. Функции политической идеологии

Для того чтобы раскрыть значение политической идеологии как ресурса властвования, понять её роль в политической системе, требуется рассматривать власть как реализуемую способность управлять политическим процессом, ставя определённые цели и достигая их. Важнейшей целью политической системы является эффективное и легитимное распределение национальных ресурсов. Необходимость в управлении возни-

кает, когда по тем или иным причинам достижение этих целей оказывается под угрозой. Для вхождения в управление необходимо выявить то, что несёт в себе нежелательное и неприемлемое, вообразив желаемое, очерченное в его взаимосвязях с объемлющими событиями. Следует выявить те события, на течение которых можно оказать прямое или опосредованное воздействие. Для описания и моделирования всех этих процессов, существует «достаточно общая теория управления» со специфическим понятийным аппаратом. Политическая идеология должна описывать в понятийно определённых терминах, однозначно соотносимых с объективно существующими категориями политической действительности, концепцию (доктрину) управления политической системой. В этом смысле политическая идеология должна быть научной. В противном случае добиться главных целей управления невозможно.

Другая функция политической идеологии – национальная интеграция, то есть содействие преодолению наиболее существенных различий между существующими в обществе национальными, культурными, экономическими и другими идентичностями с целью отождествления каждой из них с существующей политической системой. Это оказывается возможным лишь тогда, когда важнейшие положения идеологии соответствуют доминирующим взглядам граждан на то, что такое добро и зло, что для человека приемлемо, а что – нет. Успех интеграции зависит от того найдёт ли данная доктрина адекватные уровню общественного сознания формы интерпретации своих теоретических заключений. В действительности одновременно прокладывают себе дорогу в жизнь не одна, а несколько политических идеологий. Господствующая доктрина политического управления обязана предусматривать как механизм самоподдержания, так и средства защиты от проявления в жизни альтернативных доктрин, которые с ней несовместимы. В этом случае идеология покоится на научных основаниях.

Третьей функцией идеологии является овладение массовым сознанием. В структуру идеологической доктрины включаются иррациональные компоненты, которые население принимает на

веру. Впрочем, эти компоненты могут иметь вполне наукообразный вид, но в любом случае представляют собой набор мифов, легенд, обычаев, религиозных догматов, предрассудков и так далее вплоть до заведомой лжи. Политическая идеология создает привлекательные образы власти и её представителей, способствует позитивному восприятию общественностью проводимых правительством политического курса и экономической линии, воспитывает убеждённость в том, что правящая элита выражает и защищает жизненные интересы нации, а также и в том, что контрэлита (оппозиция) этому препятствует, отстаивая узкокорпоративные, эгоистические цели. Господствующая идеология, таким образом, служит ресурсом легитимации политической власти. На этапе разрушения империй и создания национальных государств, самым популярным оправданием претензий буржуазии на власть, является игра в полуправду: хотя эксплуатация человека человеком неизбежна, но наше правительство гарантирует более низкий уровень эксплуатации, чем тот, что существует со стороны имперского центра.

Конечно, идеология служит целям пропаганды тех или иных идеалов и ценностей, но, что гораздо важнее, она должна формировать в массовом сознании аксиологическую (оценочную) систему, выгодную правящей политической элите и, тем самым, создавать соответствующую мотивацию политического и экономического группового и индивидуального поведения. Предсказуемые мотивы социального поведения населения открывают перед элитой возможность сохранять минимальную базу поддержки в самых, казалось бы неблагоприятных обстоятельствах.

Структура политической идеологии обязательно содержит два ингредиента – концепцию политического управления и мобилизационный миф, поэтому сводить идеологию только ко второй составляющей было бы грубой ошибкой. Идеология является итогом накладывания культурного поля исторических традиций, национального характера, религиозных верований на политическое поле деятельности, ориентированной на будущее.

Эффективность идеологии, то есть её способность выполнять основные функции в политической системе, зависит от

обстоятельств:

А) насколько удачен выбор субъекта (носителя) идеологии, то есть индивидуума, социальной группы или общественного института, поддерживающего и распространяющего идеологию; носитель со временем может меняться по мере утраты доверия к одним учреждениям и лицам и укрепления доверия к другим.

Б) насколько точно компоненты идеологии и их фрагменты будут диверсифицированы (разграничены) между субъектом и объектом политического управления, в том числе между социальными группами последнего – социальными, этническими, религиозными, «средним классом», интеллигенцией.

2.4.3. Классификация политических идеологий

Мир идеологий обширен и многообразен. Каждый желающий может его пополнить, что время от времени и случается, если принять во внимание мифотворческий фактор их появления. Однако, политическим ресурсом идеология становится только тогда, когда содержит рациональный компонент, покоящийся на теории политического управления. Кроме того, «… всякая разумная программа, предлагаемая данному народу, должна иметь в виду данный народ, а не абстрактного хомо сапиенс, наделяемого теми свойствами, которыми будет угодно его наделить авторам данной программы»[170]. В этом смысле идеология очерчивает демографический ресурс власти: способ производства и сохранения национального богатства (экономическая линия) и версию механизма его распределения (политический курс) должны быть органичны «человеческому материалу» социума, исторически сложившемуся культурно-цивилизационному типу. Та или иная политическая идеология рождается не вдруг. Она появляется в результате длительного и противоречивого процесса становления. Приход в мир новой идеологии глобальной значимости свидетельствует о возникновении новой формации, либо нового мощного пассионарного этноса, либо, наконец, нового культурно-исторического типа.

170 Солоневич И.Л. Народная монархия. - М.: Феникс,1991. – С. 13.

Все политические идеологии можно условно разделить на западные и незападные в зависимости от ориентации политического курса и экономической линии. Существует так называемый «политологический круг», сводящий воедино базовые элементы всех основных политических идеологий[171], где правый политический курс имеет свои критерии: идеократия (власть идеи), этократия (власть обычаев и традиций), кастовость, иерархичность, патриотизм, национализм. Основными критериями левого политического курса являются «индивидуализм, прогрессизм, эгалитаризм (правовое равенство всех граждан), интернационализм, сциентизм (ведущая роль науки при выборе способа организации социальной жизни), эволюционизм, атеизм, «дух просвещения»». Сюда же следует отнести и номократию – власть формального закона. Термины идеократия, этократия и номократия принадлежат В.Кожинову[172].

Правая экономическая линия идеологии – это апология рынка, частной собственности, фритредерства (сведение к минимуму вмешательства государства в торговлю и экономику). Среди современных учёных, виднейшим теоретиком правой экономической линии является М. Фридман[173]. Левая экономическая линия идеологии напротив, ведёт к социализму, контролю над распределением к равному разделу результатов труда, ограничению частной собственности и, наконец, к коммунизму.

Различают идеологии элиты и контрэлиты. В первом случае идеология есть просто плод индивидуального или коллективного творчества, а во втором и третьем – важный технологический ресурс определеной политики. В своем завершенном виде идеология содержит, как правило, чёткую ориентацию на конкретные политический курс и экономическую линию. Политический курс и экономическая линия имеют максимальный набор соответствующих ингредиентов, который называется базовым. Мягкие экономическая линия и политический курс либо содержат немногие элементы базовых, либо базовые компоненты воплощаются на практике с низкой степенью ин-

171 Дугин А. Мировоззренческий код. // Евразийское вторжение. – 1998. - № 30.
172 Кожинов В. Судьба России. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 256 с.
173 Кораблёв С.А. Теория Фридмана // Дуэль. – Июнь 1998. - № 18. – С. 3.

тенсивности, а некоторые из них и вовсе замалчиваются. Чем ближе конкретная прагматическая идеология к базовой, тем она жёстче (строже). Например, с 1986 по 1991 годы, реформы в СССР проводились под лозунгом совершенствования социализма путём лишь некоторого увеличения объёмов экономических и политических прав и свобод. Речь о тотальной замене титула собственности (с общенародного на частный) вообще не шла. Идеологию реформ, на том этапе, можно было охарактеризовать как мягкий социализм. Позже этот «мягкий социализм» сменился «мягким либерализмом» и, с 1992 года нарастает жёсткость правой экономической линии.

Устойчивый, длительное время существующий набор элементов политического курса и экономической линии является признаком стабильности политической системы. Если же этот набор или интенсивность воплощения в жизнь его элементов (как со стороны существующего политического режима, так и со стороны оппозиции) обнаруживает устойчивую тенденцию к смягчению (ужесточению), либо хаотически меняется. Это свидетельствует о том, что:

• эффективность функционирования политической системы падает, и элита предпринимает шаги к расширению базы поддержки со стороны общества;

• происходят изменения в социальной структуре общества, а значит – и в соотношении сил главных участников политических событий;

• меняются степень и (или) знак внешнего воздействия на данную политическую систему;

• реализуются пункты или любая их комбинация.

Еще одним признаком неустойчивости политической системы может быть появление так называемых «идеологий-гибридов», когда экономическая линия и (или) политический курс содержат одновременно как левые, так и правые базовые элементы. Такое случается, когда:

• элите и контрэлите удалось достичь компромисса;

• базовая идеология внедряется в чужеродную ей социокультурную среду (например, марксизм и либерализм в Китае);

• меняется степень и (или) знак зависимости элиты и (или) контрэлиты от внешних систем.

Субъекты и носители политических отношений, руководствующиеся идеологическими ценностями и целями, образуют в политике своеобразное коммуникативное пространство, где осуществляется непрерывный обмен теми или иными подходами, оценками и суждениями об одних и тех же или различных политических событиях, что содействует усложнению мотивационной сферы политического поведения. Дискурс политических идеологий можно воспроизвести в формате «политологического круга» А. Дугина:

2.4.4 Либерализм и неолиберализм идеологии

Рождение идеологии либерализма связывают с именами Т. Гоббса, А. Смита, Дж. Локка. Классическая модель либерализма и различные её толкования сложились в эпоху буржуазных революций в Западной Европе, как результат компромисса между нисходящей, но ещё достаточно сильной аристократией и восходящей, но ещё недостаточно сильной буржуазией. Последняя стремилась к юридическому закреплению своей собственности. Господствующая ранее идеология поддерживала в сознании людей убеждение в том, что власть и собственность имеют божественное происхождение. Авторство этой идеи

принадлежит Августину Аврелию, учившему, что власть и собственность вручены Богом государю, с целью споспешествовать приведению подданных в Царство Небесное. С тех пор отношения монарха и аристократии строились по аналогии со служением Богу «ангельских чинов». Такой взгляд на природу вещей ни в коей мере не мог устроить буржуазию. Наряду с либеральными, стали распространяться и социалистические утопические доктрины, восходящие ещё к принципам общежития в раннехристианских общинах.

Классическая либеральная идеология включила в себя целый комплекс политических и экономических положений, в том числе: юридическая свобода личности, нерушимость частной собственности, идеал свободных конкуренции и рынка, дух предпринимательства, представление о договорной, а не о божественной природе государства, а впоследствии – прокламация свободной конкуренции в борьбе за власть профессиональных, экономических, религиозных, политических ассоциаций, ни одна из которых не должна иметь преобладания над другими.

Ортодоксальные либералы и сегодня рассчитывают на «изначально позитивную человеческую природу», на то, что политическая демократия, экономический успех и социальная стабильность, индивидуальное счастье являются «составляющими единого процесса, предвосхищают друг друга и наступают параллельно», на то, что «сила разума и рациональность человеческого поведения» порождают естественную гармонию интересов. Эти изменения могут произойти без особых трудностей при условии устранения искусственных преград со стороны государства и благодаря способности человека контролировать социальную и окружающую среду.

Классический либерализм – это, прежде всего, правая экономическая линия и левый политический курс. Либерализм был одним из доминирующих факторов в формировании интеллектуального климата на протяжении нескольких столетий. Однако достаточно скоро выяснилось, что и классический либерализм и классический социализм, в качестве прагматической концепции политического управления, малопригодны. В

настоящее время обе идеологии востребуются лишь в качестве мобилизационных мифов и социальных утопий.

С момента достижения буржуазией решающего преимущества перед аристократией (середина XIX века), в течение многих десятилетий, либералы, прежде всего в США, избегали термина «демократия», а возглавляемые ими политические режимы не отождествляли с демократическими, ибо укрепление буржуазии было связано с появлением и бурным ростом класса наёмных работников. Вслед за этим, в Западной Европе обрели популярность социал-демократические идеи. Тем не менее, за сто лет эта тенденция была «освоена, переварена и преодолена» и «чистый» либерализм уступил место неолиберальной (либерал-демократической) идеологии.

Либералы утверждают, что капитализм эффективен лишь при условии, что индивидуальному расчёту на получение прибыли будет разрешено действовать в свободном и на конкурентном рынке. В рамках классического либерализма, отдых является «полезностью», а работа – «бесполезностью», вознаграждение же работнику является ценой, за которую тот отказывается от отдыха. Труд превращается в обычный товар, подобно сапогам или спичкам. Такие понятия как мораль, справедливость, социальное партнерство либералы стараются не употреблять. Несомненно, что рынок и фактор прибыли играют важную роль в создании национального богатства. Это – правда, но, правда, не вся.

Рынок не существует сам по себе. Он окутан сетью социальных институтов, а поэтому ограничен социальными, правовыми, политическими нормами. Промышленные предприятия являются в равной мере и экономическими и социальными институтами. Последние не существуют без морально-этических нормативов. Любая частная фирма есть не только механизм для извлечения денег из карманов людей, но и сфера общественного производства. Само качество жизни, понимаемое как сумма цен товаров, находящихся в личном пользовании, понятие не абсолютное – оно ограничено «местными обычаями и нравами». Человеческие поступки нельзя сводить, как это

делают «чистые» либералы, только к экономическому расчёту. Рынок – не естественное, а общественное явление – поэтому он может и должен быть регулируемым и без национальных усилий здесь обойтись нельзя.

Доминирование правой экономической линии в современных неолиберальных концепциях смягчается тем, оно не охватывает весь объём политической системы. Правая линия покоится как бы на одной половине так называемого «механизма политических качелей». Неолиберальные идеи М.Фридмана, Б.Сорэза и других, лежат в основе партийной программы республиканцев (но не демократов) США. Правая экономическая линия присутствует в странах Запада лишь как элемент общей картины либерально-демократического политического ансамбля. Другим компонентом является левый политический курс, предусматривающий усиление социальной функции государства, ориентацию правительства на социальную справедливость, поддержку идей плюрализма элит, содружества и взаимодействия управляющих и управляемых, полиархии (широкого политического участия людей). До недавнего времени политический процесс в странах Запада, как правило, мог быть сведён к чередованию акцентов либо на правую экономическую линию, либо на левый политический курс.

В последнее десятилетие акцент на регулятивную роль государства в экономике стал вызывать раздражение среди приверженцев неолиберализма. Некоторые из них пишут даже о «марксизации» Запада. Вполне соглашаясь со взглядами А. Фон Хайека, современные неолибералы Г.Олсон, Д.Эшер и другие считают, что дальнейшее укрепление левого политического курса неизбежно приведёт к появлению механизмов перераспределения национального достояния с ущербом для богатого меньшинства, что в свою очередь, ставит под угрозу основополагающие принципы либерализма вообще[174].

С другой стороны, существует либеральный миф о том, что рынок – это саморегулирующаяся система. Процесс производства и потребления товаров стремится к точке «совершенного

174 Хайек А. Фон. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. - №№ 10,11,12.

баланса». Этот тезис выдвинул и защищал Л.Вальрас ещё в начале XX века («Элементы чистой экономики»). Позже он признал, что «фактор времени разрушает всю свободно-рыночную модель». Достижение совершенного состояния экономики за счёт способности экономической системы к саморегуляции оказалось невозможным как в теории, так и на практике. Многие правые либералы считают необходимым усиление регулирующей роли государства и, тем самым, смыкаются с современными либерал-консерваторами, которые полагают необходимость поддержать правую экономическую линию посредством вариации (влево или вправо) относительно базового левого политического курса.

2.4.5 Консерватизм и национализм

Существует и другой подход к проблеме сохранения правой экономической линии. Стабилизация последней ставится в зависимость от укрепления правого политического курса. Идеологии такого рода относят к консервативным. Здесь наблюдается некоторое отклонение от основополагающего принципа либерализма – приоритета индивидуального над коллективным. Такая – право – правая идеологическая платформа доминировала в российской империи, когда правая (рыночная) экономика сочеталась с правой, национал-консервативной политикой.

Несмотря на то, что консервативная идеология исторически возникла как антипод либерализма (Э. Бёрк. «Размышления о революции во Франции», 1790 года), в дальнейшем она стала служить главной цели либерализма. В настоящее время социальная база этой идеологии гораздо шире, чем аристократия в Европе XVIII – начале XIX века или только буржуазия сегодня. Правый политический курс, в числе прочего предусматривающий признание «…незыблемости естественным образом сложившегося порядка вещей», идеи «сохранения традиционных ценностей, связанных с семьёй, религией, сословными ограничениями», утверждения приоритета преемственности перед новациями, может служить интересам сохранения любой эко-

номической линии, позиций любой социальной группы, государства или нации, если этим позициям и интересам имеется реальная или воображаемая угроза. Главной чертой консерватизма является сохранение существующей экономической линии путём относительно небольших вариаций базового правого политического курса[175].

На этапе становления национальной государственности, особенно в случае, когда государствообразующий этнос еще очень молод, или же если этот этнос длительное время существовал в условиях угрозы потери национальной идентичности, консервация правой экономической линии требует жёсткого правого политического курса. При этом появление националистической идеологии является неизбежным.

Становление молодой нации – долгий и сложный процесс. Ссылаясь на жизненное правило Сократа, Н.С.Трубецкой высказал мысль, что долг каждого человека и каждого народа можно сформулировать в виде двух афоризмов: «познай самого себя» и «будь самим собой». От постижения своей собственной природы человек или народ путём углубления самопознания приходят к сознанию равноценности всех людей и народов, своей самобытности. Тот, кто самого себя не познал, - не может, не умеет быть самим собой». Такой национализм был назван истинным[176], но национализм бывает ложным, если он не исходит из самобытной национальной культуры, если целью националистов является лишь то, «чтобы их народ во что бы то ни стало, получил государственную самостоятельность, чтобы он был признан «большим» народом, «великой» державы. В таком национализме самопознание никакой роли не играет, ибо его сторонники вовсе не желают быть «самими собой», а хотят быть «как другие», «как большие», «как господа», не будучи подчас ни большими, ни господами. Такое подражание может привести «к полной утрате всякой национальной самобытности у народа, руководимого такими националиста-

175 См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.

176 Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Севастопольская новая газета. – июнь 1998. - № 12(33). – С. 3.

ми. Очень скоро самобытным остаётся только «родной язык», но и он, став «государственным» и приспосабливаясь к новым, чужим понятиям и формам быта, сильно искажается».

Вторым видом ложного национализма Н. Трубецкой рассматривал национализм как шовинизм, когда политическая идеология основана на тщеславии и отрицании равноценности народов и культур. Этот ложный национализм представляет угрозу другим народам, ибо ориентирует один народ на самовозвеличивание, на стремление силой распространить свои язык и культуру на «возможно большее число иноплеменников, искоренив в них всякую национальную самобытность».

Наконец, третьим видом ложного национализма является национализм, как ложный культурный консерватизм, когда идеология отождествляет национальную самобытность с культурными ценностями и не допускает изменение их даже тогда, когда они явно перестали выражать национальную психологию. Культуре придаётся абсолютное значение, независимое от её отношения к народу: не культура для народа, а народ для культуры.

Исторический опыт свидетельствует, что националистические идеологии всех трёх приведённых выше типов оправдывают дискриминацию не титульных этнических групп и претензии национальной буржуазии на власть. Первый и второй типы ложного национализма наблюдаются в странах, где в качестве модели политической модернизации используются либерально-демократические (западные) образцы. Иначе обстоит дело с третьим типом. Это прерогатива западных политических систем, когда национальная буржуазия ощущает угрозу ликвидации правой экономической линии. Угроза приоритета правой экономической линии может быть такой серьёзной, что для её сохранения требуется отказ от идеалов свободы, равенства и прогресса. Место свободы в этом случае занимает «послушание государству, призванному сохранить незыблемость институтов власти буржуазного общества». Если же требование такого послушания становится абсолютным, государство становится способным контролировать до 100% национальных ресурсов, а национальная дискриминация объясняется

правом биологически высшей расы (нации) контролировать биологически неполноценные расы (нации), то такая комбинация правоконсервативной и националистической идеологий рождает идеологию фашизма.

Появление классических фашистских доктрин в 20-х – 30-х годах XX века было отнюдь не случайным. В это время, в силу ряда причин (атомизация и маргинализация огромных человеческих масс, вызванных последствиями мировой войны и крайний эгоизм монополий), огромную популярность во всём мире приобрели лево-левые (социал-демократические) концепции. Образовалась «русская коммунистическая альтернатива», показавшаяся пролетаризованным массам Запада весьма привлекательным средством улучшения своего положения. Буржуазия в Западной Европе и в США столкнулась с теми же проблемами, что и аристократия в XYIII – начале XIX веков. Выход из положения был найден весьма оригинальный. В качестве основы «спасительной» политической идеологии была избрана крайняя лево-левая идеологическая комбинация, или, говоря иначе, тотальное обобществление ресурсов и их огосударствление плюс предельный интернационализм. Последний, выражаясь словами В.В.Маяковского, означает «…без Россий, без Латвий жить в едином человечьем общежитье». Именно второе слагаемое было заменено на нечто противоположное – модифицированный тезис Дж. Локка о преимуществе «расы господ» над «расой рабочих»[177]. В результате образовался идеологический «бинарный заряд колоссальной разрушительной силы», особенно проявивший себя в Германии.

Один из виднейших идеологов германского фашизма М. Ван ден Брук, в книге «Третий рейх», упрекнул левых за то, что они отвратили германский народ от идеи нации. Он объявил «фашистский манифест» с ориентиром считать:

- разорённую войной Германию пролетарской нацией;
- выдвинуть идею национал-социализма;
- канализировать классовую борьбу не вовнутрь (марксизм), а вовне.

177 Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. / - М.: Наука, 1960. – Т.2: - 623 с.

Фашизм в Италии (при Б. Муссолини), Испании (при Ф. Франко), Португалии (при А. Салазаре) не достиг «градуса» национал-социализма. Возможно, это произошло потому, что латинские народы не испытали в полной мере атомизированного влияния либерализма и чувства национальной ущербности. Для сохранения правой экономической линии оказалось достаточно основанной на католической культуре идеи классовой гармонии, социального партнёрства и корпоративности. Правда, далеко не все специалисты относят идеологию корпоративизма к числу фашистских.

Всем фашистским идеологиям присущ мощный мифологический, иррациональный компонент. Легитимность разного рода вождей, фюреров, дуче предельно харизматична. Каждый представитель «высшей расы» обретает право во имя торжества своей нации преступать не только нормы морали, но и общечеловеческие законы. Честным, терпимым, добрым, законопослушным «сверхчеловек» может быть только с равными себе. Активно употребляется тоталитаристская фразеология: исторический процесс обусловливается совместным действием двух факторов – эсхатологического и телеологического. Содержание первого фактора – эксплуатация мифа о счастливом конце истории. Второй фактор сводится к рассмотрению истории как закономерного движения к определённой цели, а также к ценностному приоритету цели над средствами её достижения.

Ныне фашистская идеология значительно утратила своё влияние, хотя её рецидивы встречаются в различных странах мира в виде расизма, антисемитизма и других политических движений, утверждающих превосходство тех или иных расовых, этнических, классовых, земляческих и иных сообществ. Не избежала известного влияния фашистских идеологий и Украина. Известный украинско-канадский политолог В. Полищук относит к числу фашистских появившуюся в 20-х годах прошедшего века доктрину интегрального национализма Д.Донцова. «Украинская нация это исходное положение каждого действия и целевое назначение каждого направления украинского национализма» - говорит-

ся в постановлении 1 конгресса ОУН 1929 года[178]. Комментируя идеологические положения «интегрального национализма», В. Полищук отмечает: «В философском смысле, в соответствии с доктриной Донцова, нация является видом в природе (species) и, как таковая, находится в постоянной борьбе за пространство с другими нациями…В соответствии с идеологией украинского национализма, структура нации представляет собой иерархическую лестницу, на вершине которой стоит «вождь нации». Ему подчинено «инициативное меньшинство», которое Донцов называет «орденом», «слоем лучших людей», «элитой» по отношению к остальному народу, который Донцов называет быдлом с обязанностью делать то, что прикажет «инициативное меньшинство».

Движущими силами интегрального национализма являются: воля, как ничем не ограниченное, независимое от разума желание; физическая сила (военная) нации, как антитеза экономической, культурной и силе; насилие сильнейшего по отношению к слабейшему по принципу: слабое следует подтолкнуть, чтобы упало для того, чтобы освободить место для сильнейшего; фанатизм, беспощадность, ненависть – обоснованные законом борьбы за существование и пространство (сравни: lebensraum из «Mein Kampf» А. Гитлера); аморальность – в соответствии с основанием: только то хорошо, что хорошо для украинской нации; определение врага – врагом является каждый, который принадлежит к иной, чем украинская, нации. В настоящее время модифицированная (вербальное признание плюрализма) идеология Д. Донцова находится на вооружении крайних националистов Украины.

Все перечисленные выше либеральные и правоконсервативные концепции общественного устройства явно или неявно подразумевают правомерность, и даже закономерность, деления общества на элиту и «массу», толпу. Стабильность такой конструкции зависит от того, насколько в каждом конкретном случае удается найти компромисс между первыми и вторыми. Считается, что предельный уровень эксплуатации, который

178 Poliszczuk Wiktor. Integralny nacjonalism ukrainski jako odmiana faszczysmu. Tom pierwszy. – Toronto, 1998. – S. 210 – 212.

социальные низы могут вытерпеть без бунта, определяется наличием у них минимального перечня функциональных характеристик, именуемых «правами человека». Все это заставляет вновь обратиться к «политологическому кругу» А. Дугина.

«Либерал-демократия является для атлантистских (западных) политологических моделей абсолютным центром. Справа от этого центра располагаются «республиканцы», т.е. те, кто к правой рыночной экономике стремятся добавить консервативную политику, а слева от него – «демократы», на своём крайнем фланге заигрывающие с социализмом». На «политологическом круге» ясно видно, что для атлантистского центра, всякое зашкаливание за черту социал-демократии слева или либерал-консерватизма справа представляет собой политический экстремизм. Здесь вновь мы встречаемся с «политическими качелями», в основе механизма которых лежит принцип сохранения право-левого экономико-политического баланса. Стабильность западных политических систем сохраняется за счёт чередования у власти политических сил, идеологии которых очерчивают органичный для этих систем «разрешённый» сектор политической активности. У власти чередуются левые и правые компоненты западных политических элит: демократы-республиканцы в США, лейбористы-консерваторы в Великобритании, социалисты-голлисты во Франции и т.д.

Каковы перспективы у либерализма? С учётом того, что темпы экономического роста на Западе вряд ли превысят 2% в год, можно прогнозировать прогрессирующий рост безработицы и усиление социальной напряжённости и в Северной Америке, и в Западной Европе. Народы стран Запада отвыкли от самоограничения. С начала 50-х и по 60-е годы XX века, в условиях экономического бума, в сознании людей сформировалась устойчивая взаимосвязь между производством и потреблением. Реклама превратилась в идеологический механизм формирования искусственных потребностей. Средние слои на Западе и высшие страты в «третьем мире» «заражены» страстью не просто к потреблению, а к «престижному потреблению». Всё остальное, в том числе уровень благосостояния малообеспе-

ченных групп населения их почти не интересует. Профессор З. Бжезинский ещё в 1993 году, в книге «Вне контроля» писал, что либерализм, как господствующая западная доктрина, оказывается ныне не слишком привлекательной. Нужны новые идеи, так как неравенство становится всё менее терпимым.

2.4.6 Социал-демократия

Со времен Августина Аврелия и вплоть до Флорентийского собора 1439 – 1440 годов считалось нормой, что не более 5% населения составляют правящий политический класс, представляющий собой клан привилегированных семейств. Эти семейства, правящие обществом по своему капризу и произволу с высокомерием, приписываемым лишь олимпийским богам, составляли некую верхушку общества – олигархию. Относительно малая часть остального населения (клерки, священники, военные, торговцы) занимались обслуживанием олигархов – аристократов, а прочие составляли «сирую и убогую» массу, толпу. Такая модель общественного устройства называется олигархической, аристократической или «толпо – элитарной»[179]. Однако, многие мыслители полагали, что человек приходит в этот мир вовсе не для того, чтобы создавать «Царство Божие на земле» для правящего меньшинства, а самому существовать на грани голодной смерти. Флорентийский собор, по мнению Л. Ларуша, стал отправной точкой процесса создания антиолигархической концепции общественного устройства и управления. Первым опытом такого рода было становление в эпоху Людовика XI во Франции прообраза современного «государства-нации», которое принимало на себя ответственность за направления и содержание развития народного образования, за развитие базовой экономической инфраструктуры и за активизацию участия населения в научных, технологических процессах как индивидуального, так и общественного характера. С тех пор история европейской цивилизации может быть

179 Ларуш Л. Меморандум «Перспективы возрождения народного хозяйства России» // М.: Шиллеровский институт науки и культуры, 1995. – Бюллетень № 5. – С. 7.

интерпретирована как постоянная борьба между последователями традиции государства-нации и олигархически настроенными противниками этой традиции.

Со временем возникли две ветви антиолигархических идеологий. У истоков первой стояли Г. Лейбниц (концепция естественного закона), Ж. Боден («Шесть книг о республике»), первый министр финансов США А. Гамильтон, немецкий экономист Ф. Лист. Их последователями в России были С.Витте и Д.Менделеев. Этих мыслителей объединяла общая идея: олигархический способ общественного управления изменить нельзя, но правящую олигархию можно сделать такой, которая будет служить интересам всего общества. Для этого нужно создать социально-приемлемую экономическую линию, элементом ее контроля будет определенная денежная политика. Деньги выпускаются правительством только как кредитный инструмент и только для обращения в народном хозяйстве. Государственные банкноты изначально мыслились как беспроцентные и неинфляционные, так как по масштабам эмиссии они должны поспевать за объёмами растущего производства товаров, которое поддерживается этой эмиссией. Физические объёмы промышленной продукции должны быть достаточными для производства и воспроизводства жизни и рабочей силы большинства населения. Эти идеи подрывали концептуальные построения эмпириков А.Смита и Дж. Локка, полагавших, что общественное богатство создают политика невмешательства государства в экономику и свободная торговля.

Классический либерализм, оправдывающий господство финансовых олигополий, исходит из того, что прибыль идёт не от производства, а от даров природы. Любое вмешательство государства мешает установлению равновесия общества и природы. Этот тезис был поставлен под сомнение, породившее впоследствии целый веер идеологических построений – от европейской версии социал-демократии до социал-консерватизма и евразийства.

Вторая, радикальная, ветвь антиолигархических концепций исходила из принципа: олигархическая модель не может быть улучшена. Она, как таковая, является абсолютным злом и под-

лежит уничтожению. Этот принцип уже не является чисто экономическим. Он носит комплексный, экономико-политический характер. Идеологии такого рода нам известны как марксизм, социализм, ленинизм, радикальные течения в социал-демократии, доктрины национально-освободительных движений.

Тем не менее, любые социал-демократические построения не согласны с жёстким делением общества «по локковски» - на «расу рабочих» и «расу господ». Ж.Ж.Руссо писал, что возникновение частной собственности разделило людей на богатых и бедных. Первые при этом заставили вторых поступиться своей свободой, навязав «общественный договор». Абсолютно ненормально, когда один человек – раб другого человека. Нормально иное: человек человеку – друг, товарищ и брат по духу, а «преступны поползновения к порабощению других вне зависимости от благовидных предлогов и средств, употребляемых для навязывания и осуществления рабовладения»[180]. По этому поводу И. Кант отмечал, что личность совершенна и не может быть средством, даже если она преследует цель всеобщего блага. На этих основаниях постепенно сформировалась левая альтернатива правой экономической линии.

Может ли государство, основанное на идее «общественного договора» и делегирования полномочий народом – источником власти – в адрес политической элиты, гарантировать проведение в жизнь левой экономической линии? Руссо так не считал. По его мнению, гарантию прав и свобод человека может дать только «народный суверенитет», который всегда коллективен (воля большинства). Суверенитет народа основан на естественном праве, а потому – неделим и не может быть ни передан частному лицу, ни ограничен никакими законами. Власть осуществляется народом непосредственно. Если государство большое, тогда для удобства управления население избирает делегатов (но не депутатов). Делегаты разрабатывают законопроекты, становящиеся законами лишь после всенародного референдума. Разница в содержании понятий «депутат» и «делегат» заключается в том, что: первый является временным

180 Вопрос о власти // Знание – власть! 1998. - №36 (75). – С. 1 - 2.

носителем части народного суверенитета, а второй – нет. Так складывалась левая политическая составляющая идеологии лево-левого экономико-политического типа – социал-демократии.

Понятие «социал-демократия» употребляется в двух различных аспектах, соотносящихся между собой как общее и частное. С одной стороны, социал-демократия охватывает весь левый спектр политических идеологий, а с другой – так именуют идеологию европейских партий, которые в свое время отказались от крайней левизны коммунизма. В настоящее время европейская социал-демократия является правым флангом лево-левых идеологий от демократии до «мягкой» либерал-демократии. Эта расплывчатость отнюдь не случайна. Считается, что во имя классового мира, внимание буржуазии и наёмных работников не должно акцентироваться на какой-то конкретной цели, на фиксированном состоянии общества в будущем. Поскольку присвоение прибавочного продукта – родовая черта капиталистов, то взаимно приемлемой цели быть не может. Невозможно создать идеологию, способную объединить тех, кто отбирает и тех, у кого отбирают. Тем более что отбирают-то у большинства. В соответствии с крылатым выражением Э. Бернштейна «цель – ничто, движение – всё», социализм – это не конкретный общественный строй, а процесс внедрения социальной справедливости в общественную жизнь. Этот процесс не имеет конкретно-экономических и политических ограничителей и длится вечно. Отсюда – приоритет ненасильственных межклассовых отношений и пропаганда социального партнёрства, оправдание государственного вмешательства в перераспределение дохода в пользу малоимущих, политика развития государственного сектора экономики и социальных фондов.

Доктрина «евросоциализма» особенно отчётливо материализовалась в так называемых «шведской» и «германской» моделях. В Швеции на социальные нужды тратится не менее 30% валового национального продукта, в Германии – 24% (для сравнения: в США – 14%). То, что достигалось сравнительно легко в период экономического роста, в условиях ухудшения

экономической конъюнктуры оказалось очень трудным. Появилась и обратная сторона государственного регулирования воспроизводства капитала. Помимо тех областей, где отсутствие стимулов для частного капиталовложения традиционно (производство товаров и услуг общего пользования, дороги, гидрологические сооружения, общественный транспорт, народное образование, здравоохранение), снизилась мотивация для частного предпринимательства и в других областях. Усилился лишь бюрократизм и в ряде случаев власть перешла к консерваторам.

С целью избежать утраты своих позиций, европейские социал-демократы ищут выход в пополнении национальных ресурсов за счёт внешних источников, за счет мифического внешнего врага. Не либерал-демократы, не консерваторы и не националисты Европы, а именно социал-демократы санкционировали в конце XX века войну в центре Европы – агрессию НАТО против Югославии.

Есть ли будущее у социал-демократии европейского образца? Преобразования в плане «нового социализма» на Западе будут сопровождаться периодическими структурными кризисами капитализма. Скорее всего к середине XXI века развитые страны, как и сегодня, будут иметь смешанную экономику». Экономика, возможно, будет более человечной, но это надежда, которая умирает последней.

2.4.7 Коммунистическая идеология (Марксизм. Троцкизм. Ленинизм)

Социалистическая модель организации общества может быть и качественно иной. Более последовательное, социал-демократическое учение сложилось под влиянием идей обустройства жизни по принципам раннехристианских общин. У истоков этой версии социализма стояли так называемые «социалисты-утописты» Т. Кампанелла, Т. Мор, Р. Оуэн, А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Ж. Ж. Руссо. Политические модели утопистов носили откровенно сказочный характер, а попытки их реализации неизменно проваливались, но они послужили К.Марксу

и Ф. Энгельсу в качестве прообраза будущего социалистического общества. К. Маркс считал, что социализм может возникнуть не в результате случайного прозрения, где и когда попало, но лишь под воздействием определённых объективных факторов на определённом этапе общественного развития. По Марксу, социалистическая доктрина должна базироваться на строго объективных основаниях и строиться по законам формальной логики, то есть должна быть научной. У английского экономиста А. Смита К. Маркс позаимствовал тезис «труд – источник всякого богатства». Если это так, то социально-политические симпатии следует отдать тому классу, который эти богатства и создаёт. Немецкий автор считал, что в современных ему обстоятельствах (Западная Европа, середина XIX века), только класс наёмных рабочих является движущей силой социального прогресса. Ещё один источник марксизма – немецкая классическая философия, основу которой составляло самоосуществление Абсолютной идеи – Идеи Блага. По Гегелю, история – процесс объективный, демонстрирующий «хитрость» Мирового Разума.

К. Маркс стал искать ту область человеческой жизни, которая концентрировала бы то объективное начало, из которого исходят импульсы общественного развития. По мнению Маркса, такой областью является экономика, производство материальных ценностей. Экономическая линия и политический курс связаны в марксизме теорией общественно – экономической формации. Каждая конкретная формация соответствует определённому этапу исторического развития и включает производительные силы (средства труда, предметы труда, рабочая сила) и производственные отношения (отношения собственности на средства производства, принципы распределения благ между классами, слоями и социальными группами). Государство при этом выполняет роль надстройки над экономикой, способной активно влиять на способы производства и распределения произведенных благ. В идеале производительные силы должны соответствовать производственным отношениям. В действительности это так далеко не всегда.

Развитие, по мнению Гегеля, есть процесс разрешения противоречий, проходящий три стадии: тезис (исходное состояние), антитезис (возникающее внутри тезиса его отрицание), синтезис. Синтезис – это некоторая целостность, состоящая из переходящих из прошлого в настоящее частей тезиса и антитезиса. Под влиянием жестокой классовой борьбы 30 – 40 годов XIX века, К. Маркс склонился к идее непримиримости общественных противоречий и их революционному разрешению в высшей фазе конфликта. В отличие от «евросоциалистов», К. Маркс отвергает «органический» социальный синтез, но сохраняет положение о противоречиях как источнике общественного развития. Он полагал, что господствующие классы заинтересованы только в консервации своего привилегированного положения. Государство, в его интерпретации, служит именно этой цели. Поскольку развитие производительных сил всегда опережает динамику производственных отношений, то класс, развивающий производительные силы, заинтересован в изменении существующего положения. Следовательно, разрешение социальных противоречий имеет форму классовой борьбы, а революция есть та грань, за которой производственные отношения догоняют производительные силы и, тем самым, изменяют формацию. В этом потоке смены формаций традиционно различают: неэксплуататорскую первобытнообщинную, три эксплуататорских (когда эксплуататор присваивает большую часть производимого эксплуатируемым продукта) – рабовладельческую, феодальную и капиталистическую, а также коммунистическую – опять-таки, неэксплуататорскую. В капиталистической формации прогрессивным рассматривается рабочий класс. Он стремится преодолеть отчуждение от средств производства, с которыми буржуазия неуклонно теряет связь. Разрешение этого противоречия должно произойти одновременно в наиболее развитых странах мира. Так совершается переход от первой неэксплуататорской фазы первобытно общинного развития к другой – коммунистической. Абсолютная идея возвращается к самой себе, замыкая исторический цикл в системе «тезис-антитезис-синтез» (новый тезис).

Отказавшись от анализа роли отдельного человека как субъекта истории, К. Маркс превратил человека в объект истории. При этом, осталось в стороне, что эволюция общества идёт не только в направлении развития производительных сил, но, в не меньшей степени – в направлении раскрепощения человеческого духа. Политические структуры складывались как равнодействующая этих двух факторов. Освобождая своё творческое начало, человек сам движет вперед производительные силы, ибо любая созданная человеком вещь – это материализованное человеческое знание, область развивающегося духа.

Исторический процесс объективен и субъективен. Это объединение весьма причудливо, и нет оснований утверждать, что человечество смогло его адекватно оценить. Кровь, насилие – обязательные следствия внедрения в практику любых социальных теорий, основанных на неполной информации. Всякая социальная теория есть некоторое приближение, схема реальности и для того, чтобы вместить человека в прокрустово ложе подобной схемы, его неизбежно приходится «обламывать». В этом смысле доктрина Л. Троцкого явилась последовательной лево-левой реакцией на правые отклонения в ленинизме (признание возможности победы социалистической революции в отдельно взятой, да ещё и экономически слабой стране), а также в сталинизме (лево-правая идеология). Л. Троцкий принимал попытки наладить конкретно-политическое управление идеалами социализма и ориентировал своих сторонников бороться за «мировую революцию».

Установка на мировую революцию нацеливала людей на пересоздание всей системы общественных отношений по всему миру на принципах чрезвычайного положения, осуществляемого и поддерживаемого люмпенизированными группами (антиэлитой) методами прямого террора. Создание «пролетариата» как социального слоя, который отличается аморфностью, дезориентированностью, ненавистью ко всем остальным общественным слоям и группам ввиду наличия у них стабильности жизненного уклада было неотъемлемым требованием троцкизма. Его принципы получили широкое распростране-

ние во всем мире, частично применялись на практике в России, Мексике, Китае и по сей день признаются руководящими как «новыми левыми», так и ультралевыми радикалами, прежде всего в США и Западной Европе. Троцкистские мобилизационные мифы эсхатологичны и телеологичны. Не случайно, многие обществоведы считают, что в основании идеологий современных форм тоталитаризма лежат, с одной стороны, идеологические построения Джентиле, Муссолини, Розенберга, Гитлера, а с другой, - идеи «левых коммунистов», прежде всего Л.Д. Троцкого. Троцкизм является идейной платформой группировок, объединённых так называемым IV Интернационалом. С точки зрения классического марксизма, Российская Империя была наименее подходящим в Европе местом для социалистической революции. Страна была, по преимуществу, крестьянской, а современная началу XX века промышленность и, следовательно, рабочий класс, были на этапе своего становления. К. Маркс давно уже понимал социальные особенности России и в письме к В. Засулич[181] предупредил русских марксистов о том, что социализм в России возможен, но не на основе прихода к власти пролетариата, а путём развития крестьянской общины. Однако случилось так, что эту мысль К. Маркса подхватил не В. Ленин, а Мао Цзэдун (маоизм). Ленин же пошёл «иным путём».

Изначально ленинизм был экономически левым. Однако после завоевания власти, Ленин быстро избавился от иллюзий: «…никогда миллионы людей не будут слушать советов партии, если эти советы не совпадают с тем, чему учит их опыт собственной жизни». Жёсткость левой экономической линии была резко снижена. В статье «О кооперации» Ленин писал, что социализм возможен лишь на основе высокоразвитых товарно-денежных отношений как ассоциация свободных производителей, совладельцев и сораспорядителей социалистической собственности, сообщество цивилизованных кооператоров. В.И. Ленин признал необходимость создания многоукладной

181 См.: Маркс К. Письмо к Вере Ивановне Засулич от 8 марта 1881 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 35: - С. 136-137.

экономики при преимущественно общественной собственности на средства производства (так называемая новая экономическая политика – НЭП). По его мнению, только в такой организации общественной жизни можно найти «ту степень соединения частного интереса с общественным, которая является необходимым и достаточным условием строительства социализма». Тем не менее, левая определённость экономической линии была сохранена. Это проявилось в экспроприации частной собственности, обобществлении производства, коллективизации села.

Традиционные представления о политическом курсе ленинизма включают: теорию социалистической революции в России, учения о диктатуре пролетариата и о коммунистической партии, как передовом отряде рабочего класса, построенные на фундаменте методологии К. Маркса. Большая часть ленинских трудов по указанным проблемам была создана до 1917 года. В настоящее время ленинизм сводят исключительно к эксцессам ликвидации буржуазно-демократических институтов, «военного коммунизма» и гражданской войны. Однако, было бы неверно оценивать эти пять лет российской истории только как следствие политического курса ленинизма. К событиям 1917 – 1922 годов «приложил руку» не только Ленин, но также ряд индивидуальных и коллективных политических агентов: правительства США, Англии, Франции, Японии, деятели белого движения, а также Л. Троцкий и И. Сталин. Сакрализация и демонизация В.И. Ленина и его трудов одинаково непродуктивны, так как при этом нельзя получить ответы на очень важные вопросы:

- если В.И. Ленин не мог воспользоваться теоретическими положениями К. Маркса о пролетарской революции, то, на каких основаниях построена ленинская политическая стратегия для России;
- если предположить, что ленинизм был политически чуждым России явлением, то, как объяснить неудачу либерально-демократических институтов;
- как представлялся Ленину политический курс страны по-

сле окончания гражданской войны и, в связи с этим, каковы могли бы быть пути формирования политической элиты;

• как соотносятся между собой структуры двух идеологий – ленинизма и сталинизма.

Есть основания предполагать, что в части политической стратегии, В.И.Ленин был преемником не только К.Маркса, но и другого выдающегося немецкого экономиста XIX века, автора одной из антиолигархических доктрин Ф. Листа. Этот учёный на примере Англии показал, что «…либеральная открытость экономических систем двух обществ неизменно приводит к тому, что ею в полной мере может воспользоваться только одна из сторон – та, которая имеет более развитую, укоренённую, отлаженную и давнюю рыночную инфраструктуру… А те государства, которые по каким-то причинам развивали свою хозяйственную структуру, следуя иными путями, обречены в случае либерализации на утрату суверенитета и попадание в зависимое, подчинённое положение относительно более «продвинутых» на рынке соседей»[182]. Поэтому для России, как единого целого, не подходили ни социал-демократическая (в европейской версии), ни правоконсервативная, ни, тем более либерально-демократическая концепции. Ф. Лист предложил для развивающихся систем стратегию автаркии больших пространств. Первый этап реализации этой стратегии – создание крупного экономического континента, объединённого единой таможенной границей, которая позволяет избежать двух опасностей – излишней открытости, с одной стороны, и изоляционизма – с другой. Таможенная граница, по Листу, это особого рода стратегический «полупроводник», поддерживающий только такой обмен с внешней средой, который способствует экономическому росту. Современная Листу Германия была слабой, раздробленной страной. Ф. Лист не сомневался в том, что созданию единой Германии должно предшествовать создание единого экономического пространства, ибо формирование экономического континента требует концентрации ресурсов нации, на которую ни одно отдельно взятое государ-

182 Дугин А. Изоляция // Евразийское вторжение. – 1998. - № 14. – С. 6.

ство не способно. Второй этап проведения в жизнь стратегии автаркии больших пространств – ускоренная индустриализация, предпринимаемая с целью догнать передовые державы по уровню промышленного развития, после чего возможен равноценный обмен с внешним миром без угрозы национальному суверенитету. Концепцией Ф. Листа воспользовались многие практические политики и экономисты – от Кейнса до Ратенау, а в настоящее время на ней теоретически базируются все три создаваемые в мире мощные геоэкономические системы – в Северной Америке, Западной Европе и Юго-Восточной Азии.

Неэффективность право-правой модели в России проявилась в том, что 2/3 крестьян, в начале XX века, едва дотягивали до нового урожая. Сотни тысяч из них искали работу по всей стране, только чтобы прокормиться, а оставшиеся мечтали о «чёрном переделе» земли (по количеству «едоков»). За период с 1891 по 1913 годы страна пять раз переживала голод и вспыхивающие один за другим «голодные» бунты. Техническая, организационная и военная отсталость привели к тяжёлому поражению в войне с Японией и утрате части национальной территории. За двенадцать лет Россия пережила три революции, а к 1917 году и без того слабая экономика была окончательно подорвана мировой войной. Создалась реальная угроза распада государства. К началу 1917 года поддержка монархического режима Николая II упала до нуля.

Политический спектр страны включал полуразложившуюся аристократическую элиту, слабую буржуазию и крестьянство, представленное рядом мелких буржуазных партий – кадетами, партией народной свободы, а также социал-демократами и социалистами-революционерами (эсдеками и эсерами). После падения монархии эти силы сформировали Учредительное собрание и Временное правительство. Эсдеки и эсеры (кроме крайне левых из них) занимали мягкую аниолигархическую позицию, отстаивая компромисс с буржуазией и аристократией, стремясь к консервации экономических отношений, сложившихся после февраля 1917 года.

На жёсткой антиолигархической позиции стоял В.И. Ле-

нин. Он сделал ставку на антисистемные (по отношению к либерал-демократии) силы – рабочих, беднейших крестьян и давно утративших боевой дух солдат. Следует отметить, что большую часть своей политической деятельности Ленин посвятил отнюдь не борьбе с царизмом, а межфракционным схваткам в социал-демократической среде и созданию небольшой, но сильной организации – той самой, о которой он писал в работе «Что делать?»: «…дайте нам организацию революционеров и мы перевернём Россию». Главная задача этой революционной партии заключалась в «разогреве» политической системы, дезорганизация которой была значительно облегчена затянувшейся мировой войной, утратой доверия населения к право-правой экономико-политической системе и легальным политическим партиям.

Ленину удалось определить момент утраты легитимности Учредительным собранием и Временным правительством. В 1920 году он писал: «Эсеры и меньшевики проделали опыт, нельзя ли обойтись с капиталистами по мирному и перейти от них к социальной реформе, только чтобы не обижать капиталистов. Они забыли, что господа капиталисты есть капиталисты и их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием»[183].

Время и полномочия для проведения реформ у социал-демократов действительно были. Даже такой убеждённый монархист, как И.Л. Солоневич, отмечал: «Сейчас эмиграция строит кумиры и подобия их на пустом месте, лишённом мыс-

183 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 40. – С. 178 – 179.

ли и людей: на чём попало. Берут бревно и делают из него кумира. Берут палец и высасывают из него «идеологию», достают ротатор и становятся вождями»[184]. Требования крестьянской массы были оформлены в виде наказа социалистам-революционерам на первых выборах в Учредительное собрание. Социалисты обязались выполнить наказ и, благодаря этому, победили. Однако своего слова они не сдержали. Не сделали того же и правые. По этому случаю Л.Д. Троцкий писал: «Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг «кулацкого царя», - мы не удержались бы и двух недель»[185]. Белые не догадались, зато догадались красные. «Декрет о земле» почти текстуально был аналогичен наказу. Воистину – «молчание народа – урок королям» (Мирабо). Таково наиболее вероятное объяснение тому, что народ отказал в поддержке как социал-демократам, так и белому движению (либерал-демократии).

Какой могла бы быть политическая система России, проживи Ленин дольше 1924 года – об этом можно только строить более или менее обоснованные догадки, но кое-что можно сказать определённо. Ленин сознавал определяющее значение государственного регулирования производства и распределения товаров в российских условиях, а в переходный период – особенно. С другой стороны из последних ленинских писем ясно также, что не меньшую важность премьер-большевик придавал интенсивному развитию «демократизма снизу», в том числе в форме местного самоуправления.

Несомненно, роль правящей партии должна была радикально перемениться. Давно и хорошо известно, что, оставаясь у власти, профессиональные революционеры начинают бороться уже против нового революционного режима. Они не столько убеждённые сторонники нового общественного строя (любого), сколько противники всякого упорядоченного общества. Такова социальная роль антиэлиты. Пример левых эсеров и Л.Троцкого – хорошее тому подтверждение. Вот почему в своём «политическом завещании» В.Ленин ставил компетентность

184 Там же. – С. 31.
185 Там же. – С. 33.

руководителя выше, чем принадлежность к правящей партии и требовал привлечения к государственному и экономическому строительству профессионалов: «нужно научиться ценить науку», отбросив «коммунистическое чванство», дилетантов и бюрократов. Он хотел, чтобы его последователи научились торговать и хозяйствовать. Можно предположить поэтому, что «позднеленинский» политический курс мог бы дрейфовать в сторону социал-демократии, но в России это завещание осталось втуне. Чего нельзя сказать о Китае. Наследниками «раннего» Ленина в этой стране стали Сунь Ятсен и Мао Цзэдун, а «позднего» – Дэн Сяопин.

2.4.8 Идеология государственно-политического управления (сталинизм)

Если ленинизм, с некоторыми оговорками, ещё можно назвать социал-демократической идеологией, то сталинизм, как доктрину государственно-политического управления, - определённо нет. Эту идеологию следует отнести к совершенно особому классу. Структурно сталинизм представляет собой сочетание левой экономической линии и правого политического курса со специфическим набором мобилизационных мифов.

В феврале 1917 года право-правая имперская элита России окончательно разложилась. На её место претендовала ещё весьма слабая буржуазная элита, стоявшая на либерально-демократических (право-левых) экономико-политических идеологических позициях. Это соответствовало повороту на 90 градусов влево относительно платформы царизма. Однако, социальная база либерал-демократов была весьма узкой, ибо промышленность сосредоточивалась, главным образом, в столицах и крупных городах. Мировая война и отчуждение полуторастамиллионной крестьянской России от собственности и власти не давали никаких оснований считать, что «февральская» элита окажется открытой. Классический ленинизм представлял собой высокоэффективную мобилизационную доктрину, каждый элемент которой был ясно выраженным и внешне достоверным ответом

на требования главнейших социальных групп. «Мир народам» - этот компонент давал солдатам перспективу не сгнить в окопах всем опостылевшей войны, а их семьям – увидеть мужей и отцов живыми. «Земля – крестьянам» - чего же еще может требовать крестьянская масса, грезящая о «черном переделе»? «Фабрики – рабочим» - лозунг, вполне отвечавший марксистскому представлению о ведущем революционном классе, был понятен не только потомственным рабочим, но и тем миллионам бывших крестьян, волею судеб оказавшихся в городах. Согласование этих лозунгов и обеспечение единства власти мыслились В. Лениным при посредстве Советов – политических институтов, соединявших законодательную и исполнительную власть. Для этого требовался разворот системы экономико-политических координат ещё на 90 градусов влево, что и произошло в октябре 1917 года. Контрэлита лево-левой ориентации сложилась из представителей национально-пассионарных элементов, агрегированных в ВКП (б) – подрывную организацию с широко разветвлённой агентурой. Инерция революции и гражданской войны занесла политическую систему страны ещё левее – вплоть до коммунизма и троцкизма. Этот экстремизм отвечал только одной задаче – тотальному изъятию собственности у аристократии и буржуазии.

Мобилизующая сила ленинизма заключалась в открытии перспектив на резкое повышение социального статуса миллионов людей. Ленин писал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка неспособны сейчас же вступить в управление государством. Но мы требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники». Возник мощный класс людей, ясно увидевших перспективу занять практически любое место в новой социальной иерархии. Многие из этих людей искренне верили в своё предназначение – положить конец эксплуататорской фазе истории и проложить дорогу к бесклассовому обществу – аналогу Царства Божия на земле. На пути к этой цели нужно было преодолеть «мировое зло» буржуазного общества и сопротивление свергнутых клас-

сов. Локомотивом новых идей стало поколение, воспитанное и получившее образование в послереволюционный, но предвоенный период. А. Зиновьев пишет о том, что было поколение страстных идеалистов-романтиков в системе ценностей которых доминировали высшие моральные идеалы и жертвенность во имя будущего. Разумеется, не все советское общество было таким, но в нем ясно обозначилась «элита львов», энергия которой была колоссальной. При минимуме личных потребностей, этой энергии хватило для индустриализации страны, победы над фашизмом и восстановления народного хозяйства[186].

Концептуальную часть идеологии сталинизма нельзя понять, не поставив себя на место её создателя. В постленинскую эпоху И.В.Сталину «досталась в наследство» страна, предельно ослабленная гражданской войной и переделом собственности, с разрушенной системой политического господства и усиливающимися региональными и этническими элитами, с высоким уровнем социальной мобильности населения. Кроме того, само существование Советского государства было сильнейшим раздражителем для западных политических систем. Каким требованиям должна была удовлетворять политическая система страны в описанном выше состоянии, чтобы сохранить независимость и территориальную целостность?

Очевидно, что политическая система должна обеспечивать хотя бы минимальные материальные потребности населения и обладать максимально высокими мобилизационными и экстрактивными (привлечение и концентрация ресурсов в кратчайший срок) возможностями. Помимо этого, все регионы страны должны быть поставлены приблизительно в равное положение относительно доступа к материальным ценностям. Какой должна при этом быть экономическая линия? Условием выживания страны была концентрация материальных ресурсов в руках одного социального института – государства. В противном случае, в сложившихся обстоятельствах, нельзя было обеспечить индустриализацию, укрупнение сельскохо-

186 См.: Зиновьев А. Глумление. От Великой Победы к позорной капитуляции // Посткоммунистическая Россия. – М.: Республика, 1996. – С. 294.

зяйственного производства и контроль над распределением. Сосредоточение какой-либо заметной части собственности в других руках было равнозначно возникновению параллельных центров власти. Таким образом, экономическая линия должна быть однозначно левой, тем более что существовало убеждение граждан в оптимальности существующего распределения ресурсов, работал мобилизационный миф – о равном распределении результатов труда во имя всеобщего блага.

Структурная категория, именовавшаяся рабочим классом и составлявшая согласно господствующей идеологии, основной элемент стратификационной сетки, объединяла наёмных работников физического труда. Сельское население, за исключением наёмных работников государственных сельскохозяйственных предприятий и бюджетников, занятых в сфере образования и здравоохранения, определялось как колхозное крестьянство. По профессиональному и образовательному показателю (профессии нефизического труда, высшее образование) выделялась социальная группа (прослойка) трудовой интеллигенции. Рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция были элементами всеохватывающего государственно-патерналистского механизма. Общественная жизнь всех граждан протекала в такой системе, где государство выступало в качестве единственного собственника, единственного гаранта социального благополучия и даже единственного толкователя духовных ценностей. По этим параметрам все социальные слои находились в одинаковом положении[187]. Такая «стандартизованная» структура общества была необходима для того, чтобы обеспечить высокую эффективность системы, которая длительное время функционировала в мобилизационном режиме. Государство, располагая монопольным правом на внешнюю торговлю, могло работать как описанный выше «полупроводник», допуская в страну лишь передовые технологии из Англии, Германии, США. Эффективность советской экономической линии ока-

187 См.: Галкин А.А. Тенденции социальной структуры // Социологические исследования. – 1998. - № 10. – С. 85.

залась настолько высокой, что побудила президента США Ф.Д. Рузвельта прибегнуть к изучению и использованию некоторых аспектов сталинского опыта государственного управления экономикой. С этой целью в Госплан СССР был направлен профессор Гарвардского университета Р. Тагуэлл. Рекомендации учёного способствовали скорейшему выводу экономики США из Великой депрессии и «полевению» либеральной экономической линии – политике «нового курса»[188].

В качестве целевой функции управления, И.В.Сталин использовал известное марксистское положение о том, что производительные силы общества и производственные отношения должны соответствовать друг другу и обеспечивать стабильность политической системы. Но была угроза извне. Профилактика этой угрозы осуществлялась посредством создания автономного экономического континента (автаркии большого пространства). Здесь И.В. Сталин был последовательным продолжателем воплощения идей Ф. Листа и В. Ленина. Внутри страны дестабилизирующее воздействие могли оказать (и оказывали) как остатки «отживающих классов», так и антиэлита – сторонники «перманентной революции» и соратники Л.Д. Троцкого. Те, и другие беспощадно искоренялись в полном соответствии с рекомендациями Н.Макиавелли. В результате Сталин в экономической политике оказался левее «позднего» Ленина. В 1947 году известный тогда экономист Н.А.Вознесенский в книге «Военная экономика СССР в годы Великой Отечественной войны» писал, что «… стоимость средств производства…должна в известной степени определяться планом». Будучи председателем Госплана, в 1949 году он попытался поправить чрезмерную жёсткость левой экономической линии тем, что включил в государственный план право руководителей предприятий, производящих средства производства, продавать на рынке 3 – 5% от стоимости произведённой ими продукции. На такую же долю уменьшался для них и государственный план. Сталин отменил это

188 См.: Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та,1990. – 544 с.

распоряжение и отстранил Вознесенского от должности[189].

Ни один из ранних советских политических институтов не мог исполнять целевую функцию управления. Созданные В. И. Лениным Советы вобрали в себя русские традиции прямой демократии – сельского схода, но для руководства полномасштабной индустриализацией они были явно непригодны. Требовались более централизованные и высокомобильные органы управления. Уже Ленину было понятно, что созданная им партия не может в прежнем виде входить в их число – ни количественно, ни организационно, ни идейно, ни психологически. В новых условиях была нужна новая организация, подобная по некоторым признакам партии, но являющаяся качественно новым феноменом – стержнем системы государственности и ядром социальной организации коллективов. Своё детище – «орден советской аристократии» - партийно-хозяйственную номенклатуру и её армию – рядовых коммунистов – Сталин создавал, преодолевая мощное сопротивление как со стороны сторонников раннего Ленина («ленинской гвардии»), так и со стороны представителей государственного аппарата. Руководитель СССР был хорошо знаком с теорией элит В. Парето. Поэтому можно предположить, что так называемые «сталинские репрессии», в числе прочего, преследовали цель «взбодрить» элиту и, тем самым, воспрепятствовать её вырождению.

Руководящая партия долго сохраняла ленинское название – ВКП (б), но, по сути, это уже была пронизывающая все советское общество организация, служащая двум важнейшим целям: государственному и экономическому управлению и поддержанию всеобщей уравнительной «этики солидарности». Партия заявляла о своей приверженности интернационализму, однако интернационализм этот понимался не в этническом, а скорее в классовом и гражданском смысле. Иначе говоря, интернационализм внутри страны служил формированию гражданской нации, а вне Советского Союза выступал как «классовый национализм». Провозглашался атеизм, но на деле партия занималась поддержкой комплек-

189 См.: Белицкий А. Ответ на критику «неприсоединившихся коммунистов» // Буревестник. – 1999. - № 2(28). – С. 2-3.

са мобилизационных мифов, главным из которых – построение коммунизма – общества высшей справедливости – аналога Царства Божия на земле. О таких чертах левого политического курса, как индивидуализм и эволюционизм, не было и речи. Таким образом, политический курс, проводимый Сталиным, представлял собой гибрид, как левых, так и правых черт. Его цель – «удовлетворение потребностей советского общества как целостности». В отдельные периоды истории СССР (особенно в годы Великой Отечественной войны) политический курс был жёстко правым.

Описывая политическую систему и государственную идеологию СССР времён И.Сталина, нельзя не указать на наличие свойственного всем традиционалистским обществам особого «разделения» властей. Оно понималось не как раздел ресурсов властвования, а как раздел специализаций. Иначе и быть не могло, ибо всё советское общество представляло собой в сущности одну группу интересов. Существовал, впрочем, и «механизм сдержек и противовесов», «хирургически» регулирующий раздел объектов ведения между частями правящей элиты. Институтом, осуществлявшим эту функцию, был карательный аппарат НКВД. Показателем эффективности работы последнего является тот факт, что до 1953 года ему удавалось не допустить сращивания партийного и государственного аппаратов.

В те времена политическая элита находилась под жёстким державным контролем концептуальной (идеологической) власти, субъектом которой был сам Сталин. Это позволяло держать открытыми достаточное количество каналов вертикальной мобильности, что само по себе консервирует политический режим. «Для эпохи сталинизма было в порядке вещей, если квалифицированный рабочий зарабатывал больше, чем директор завода, где он работал. Это означало, что принципы построения оплаты труда в те времена стимулировали рост квалификации в каждом виде деятельности, но не порождали зависти к тем, кто, будучи занят другим видом деятельности в общественном объединении труда, имел доход побольше»[190].

190 Сталинские наркомы, ельцинские министры – в чём разница? // Знание – власть! - июнь 1998. - № 26(65). – С. 2.

Высокая степень нестеснённости развития личности стимулировала возможности политической системы, что, в свою очередь положительно отражалось на росте производительности труда. Это позволило сократить послевоенный восстановительный период до минимума и переориентировать средства бюджета на удовлетворение социальных нужд. Карточная система в СССР была отменена в 1947 году, то есть почти на десять лет раньше, чем в Англии. Последовательное ежегодное снижение цен на продукты и предметы массового спроса породили ощущение того, что каждый человек, поддерживая своей работой общественное объединение труда, знал, что через год его потребительские возможности будут выше, чем они были год назад, по какой причине был уверен в завтрашнем дне и мог планировать развитие своей семьи. В то же время каждый «элитарий понимал, что далеко не всякая его оплошность будет сочтена просто ошибкой, а не преступной халатностью, саботажем или контрреволюцией, что заставляло «красных директоров» буквально «гореть на работе»»[191].

Для такой лево-правой (евразийской) идеологии экстремизмом было всё то, что приближалось к социал-демократии слева и к либерал-консерватизму справа. Именно поэтому сталинизм не терпел не только евросоциализма, но и крайностей коммунизма. Вот что писал по этому поводу сам Сталин: «Новая буржуазия выдвинула свою идеологию,…, состоящую в том, что по её мнению, коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причём незаметно для нас. Мы, большевики, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог и с помощью какого-нибудь «цезаря», который выдвинется не то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики». С другой стороны, «есть люди, думающие, что ленинцы обязаны поддерживать каждого левого крикуна и неврастеника, что ленинцы являются везде и во всём присяжными левыми среди коммунистов. Это неверно… Мы ле-

191 Там же.

вые в сравнении с некоммунистическими партиями рабочего класса. Но мы никогда не обязывались быть левее всех, как требовал этого одно время покойный Парвус, и за что он получил тогда же нахлобучку от Ленина. Среди коммунистов мы не левые и не правые – мы просто ленинцы»[192]. Ленин знал, что делал, когда он боролся на два фронта: и против левого уклона в коммунизме, и против правого уклона. Недаром одна из лучших брошюр Ленина написана на тему о «Детской болезни левизны в коммунизме».

В приведённых цитатах вряд ли следует буквально понимать слова «большевики» и «ленинцы». Сталинизм не был ещё абсолютно лево-правой идеологией. Он был лишь вторым шагом на пути формирования её общей теории и, в этом смысле, «Сталин продолжил дело Ленина». Сегодня разные версии лево-правой идеологии имеют хождение там, где непременным условием и целью любых преобразований является полное сохранение геополитического, экономического, правового и культурного суверенитета, верность корням, поддержание национальной идентичности. При этом политическое и экономическое развитие – задача номер два. Политический (а не только формально-правовой) суверенитет является безусловным императивом, поступиться которым невозможно ни при каких обстоятельствах, а тем более ради сиюминутных политической целесообразности, экономической выгоды или личной корысти. Указанное верно для стран, стоящих на пути выбора своей политической идеологии.

Резюме: термин «политическая идеология», функции политической идеологии, а также классификация её по идейным основаниям заслуживают особого внимания со стороны исследовательской практики, ибо политическая идеология зявляет о себе как предпосылка включённости в политическую жизнь общества, где человек заявляет о себе как средство и цель, а не только как самоценность в экзистенции повседневного бытия.

192 Сталин И.В. Сочинения. – М., 1947. –Т.7. – С. 341.

§ 5 ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Античные греки, так же как и нынешние, умеют найти в полезном приятное. Анонсируя предстоящий критский полилог «по дороге из Кноса к гроту и святилищу Зевса» как непростое путешествие, мудрый Афинянин, обращаясь к критянину Клинию и спартанцу Мегиллу, предполагает, что «… по пути, верно, встречаются тенистые места под высокими деревьями, где можно будет отдохнуть от этого зноя» (625 b) [Здесь и далее Платон цитируется по:[193]]. Абориген Клиний подтверждает это: «… когда мы немного пройдем вперед, нам встретятся в рощах удивительно высокие и красивые кипарисы, а также и луга, где мы сможем передохнуть и побеседовать» (625 c)[194]. Несложно дополнить эту картину овечками и пастушками… В антураже подобной пасторали развивается идея тоталитарной идеологии, к несчастью, многократно и повсеместно воплощённая в жизнь, но к счастью, лишь отчасти, в виде отдельных фрагментов. Впрочем, это не означает, что Платон так востребован и читаем, и что вообще он причастен к практическому осуществлению каких-либо идеологических построений. Идеи действительно витают в воздухе и похоже – давно.

Среди идей, по Платону, доминирует Идея Блага. Она оказывается истоком моделирования («идеи как порождающие модели»), а в своём идеальном воплощении становится нравственным образцом. Идея процесс моделирования (дорожная карта пути к результату) идеал, нравственный образец (цель, мыслимый результат). Развёрнутая и детализированная Идея Блага становится в его «Законах» идеалом государственного устройства, справедливого законодательства и разумного правителя. Она претендует на своеобразную линию горизонта для тех, кто в пути, в поисках истины.

Всё вроде бы разумно и хотелось как лучше (особенно,

193 Платон. Законы / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова и др.; Авт. ст. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль.– 1999. – 830 с.

194 Там же.

если полагать, что люди – куклы, игрушки богов или судьбы? (644 d – 645 c)[195]. А получилось как всегда – идеология тоталитаризма. В конце концов, всякий идеал общественного устройства, полагаемый, признаваемый и узаконенный как идеал, вырастает в идеологию. Идеология, по определению тоталитарна, так как подается её носителями и пропагандистами как тотальное благо для большинства, для народа. При этом любое меньшинство с той или иной степенью прямоты нарекается врагами, поскольку они есть у любой идеологии: люди и группы, её не признающие или, ещё хуже, признающие иную идеологию.

Понятие «идеология» и сопутствующие определения очень разнообразны. Наиболее общие варианты этого понятия: «господствующая идеология», «политическая идеология», «государственная идеология», «классовая идеология», «буржуазная идеология», «национальная» или «общенациональная идеология», «общероссийская идеология», «интегральная идеология». Известные типы идеологий: «либеральная» («неолиберальная»), «консервативная», («неоконсервативная»), «социалистическая (коммунистическая)», «анархическая», «националистическая», «праворадикальная» – («нацистская», «фашистская»), «тоталитаристская», «радикальная» («экстремистская»). Производные понятия: «идеология войны», «идеологический бум», «идеологическая доктрина», «идейно-целевая доктрина»; «идеологические течения: коммунистическое, национально-патриотическое и либерально-демократическое», «радикальный либерализм», «консервативный либерализм», «социал-либерализм»…

Известно много попыток определить сущность идеологии. Можно классифицировать их по разным основаниям. Например, автор термина сенсуалист А. Л. К. Дестют де Траси видел в идеологии систему знаний первооснов морали, политики, права; К. Маркс, К. Маннгейм и другие подчёркивали ложность, иллюзорность и классовый характер идеологии[196]. Современные словари определяют идеологию как «совокупность идей,

195 См.: Платон. Там же.

196 Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун.– 1998. – 896 с.

мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций…»[197], «систему политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности»[198], Пытаясь смягчить классово-политический контекст и контраст содержания понятия «идеология», М.М. Бахтин представил идеологическое как семиотическое, знаковое: «Ко всякому знаку приложимы критерии идеологической оценки (ложь, истина, справедливость, добро и пр.). Область идеологии совпадает с областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак – там и идеология»[199]. Идеология – это феномен переноса «внутреннего знака» и «внутренней речи», т.е. психологических феноменов, вовне – в знак, в социальность, в явление внешнего мира[200]. Для обозначения объективно существующих форм идеологии М.М. Бахтин, а вслед за ним Ю. Кристева, использовали термин «идеологема»[201].

Современные авторы стараются избегать идеологически нагруженных конструкций, пытаясь определить понятие «идеология». С.Г. Кара-Мурза видит в идеологии «комплекс идей и концепций, с помощью которого человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе и в мире»[202], Л. Дюмон называет идеологией «совокупность идей и ценностей, признанных в данном обществе»[203]. С. Жижек характеризует идеологию в нескольких аспектах: как совокупность идей, взглядов, теорий и систем аргументации; как идеологический аппарат государства; как нечто спонтанное, трудноуловимое[204].

197 Там же, с.405.

198 Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . – 2-е изд., перераб. и доп . – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000 . – 1456 с.

199 Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи.– М.: Лабиринт, 2000. - С.354

200 См.: Там же.

201 Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / Пер. с фр. Э.А. Орловой. – М.: Академический Проект, 2013. – 285 с.

202 Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать её наука. – М.: Алгоритм, 2002.– С.1.

203 Дюмон Л. Homo aequalis: Генезис и расцвет экономической идеологии. – М.: Nota Bene. 2000.– С.5.

204 См.: Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии.– М.: Художественный журнал /. Перевод с английского: Владислав Софронов. 1999. – С.52.

Несомненно, третий аспект является для него наиболее интересным: «Для меня идеология – не просто система идей. Идеология для меня, на самом элементарном уровне, – это что-то интимное, спонтанное, она – в том, как вы ощущаете окружающий вас мир, как вы организуете свою жизнь, в чем вы видите ее смысл. Поэтому я считаю, что сегодня мир идеологизирован более, чем когда-либо раньше. Для меня идеология – это вовсе не Большая Система типа коммунизма, капитализма и так далее, идеология проявляется в самых интимных отношениях. Идеология – в том, почему вы что-то принимаете, а что-то нет, в манере вашей речи, в том, как вы готовите ужин, как вы развлекаетесь и так далее»[205].

Конечно, необходимо рассматривать идеологию как особую форму общественного сознания, его стратегию и идеологию, как ядро мировоззрения отдельного человека, то есть идеологию как стратегию его повседневного бытия. Несомненно, индивидуальная идеология является, в определённой мере, отражением общей идеологии. Однако, эту меру невозможно точно определить, так как в большинстве обществ нет единой идеологии, а если где-то декларируется, что какая-то одна является государственной и обязательной, то это вовсе не означает, что не существует других идеологий. Скорее всего, именно запрет на иную идеологию провоцирует формирование и формулирование оппозиционной идеологии, поскольку она становится основанием и обоснованием захвата, удержания и использования политической власти. В любом случае, характеризуя идеологию как стратегию общественного сознания, приходится признать, что она относится к категории множества, а не единичного. Индивидуальная концептуализация действительности отражает различия между людьми при всём возможном сходстве мировосприятия отдельных личностей. Поэтому так сложно определить влияние идеологии на особенности индивидуальных идеологий: для этого необходимо вычислить соотношение двух неопределённых множеств. Различается также

205 Корецкий В., Рузаев Д. Славой Жижек: «Идеология – пустое слово, именно поэтому она и работает» [Электронный ресурс] / 24 апреля 2013. Режим доступа: http://archives.colta.ru/docs/20836

качество идеологии: её проработанность, последовательность, внутренняя согласованность, логика, целостность и проч. Например, об индивидуальной идеологии как концептуализации можно говорить лишь условно. Вероятно, у большинства людей идеи относительно ценностей бытия, мироустройства в целом, вовсе не представляют какую-либо целостность, а существуют в форме отрывочных представлений, взглядов.

Идеология – это форма концептуализации прошлого, настоящего и будущего. При этом, возможна рефлексивная концептуализация (если это касается далёкого прошлого или *только-что-произошедшего*, т.е, называемого настоящим) или трендовая (если это касается прогностической концептуализации). Однако и тот, и другой вариант базируются на *в-данный-момент-существующих* представлениях.

Несмотря на существенные различия в содержательном плане, у всех идеологий есть общие характеристики. В первую очередь, это присущий им антогонизм относительно любых других идеологий. Этот антагонизм может быть явным и очень сильным, может быть скрытым, завуалированным или даже маскирующимся под уважительное отношение. Даже если форма отношения к другой или другим идеологиям в той или иной степени толерантна, то это не отменяет антагонизма по существу. В этой необходимости противостояния и кроется, на наш взгляд, психологическое содержание идеологий.

Идеология – это рациональное обоснование глубоких, возможно, архетипических программ поведения человеческих сообществ и отдельных людей. Если отдельные личности могут преодолеть свой вполне человеческий эгоцентризм или находиться на этом пути, то для сообществ это, по-видимому, невозможно.

Архетипические ситуации, герои, являються ядром мифологии, которая только притворяется застывшей в текстах. Миф так же живуч, по-прежнему более глубинен, первичен и, пожалуй, сильнее затрагивает сущность человека, чем религия и, тем более, философия. Идеология, конечно, продукт общественного или политического развития с печатью мифотворчества. Конвенциальность, этикет, конформизм – одёжки, в

которые с помощью научного дискурса упаковано нагое тело мифа, с биркой «Идеология». Идеология лишь оболочка мифа и его инстинктивной основы. Ценности, которые декларируются так называемыми идеологиями, вторичны, а первичны инстинкты, поэтому ядро идеологий вовсе не сознание, тем более, общественное, а, скорее, коллективное бессознательное, то есть некая констелляция[206] архетипов, способных мутировать, приспосабливаясь к современности, вроде мутации микроорганизмов: бактерий или вирусов, самосоздающих новые штаммы. Однако с помощью генно-инженерных процедур, штаммы можно модифицировать в заданном направлении. Если использовать эту метафору для определения идеологии, то получается, что **идеология - это смоделированная и проведённая с применением разнообразных методик и инструментов, процедура трансформирования определённой конфигурации архетипов в заданном направлении.** Цель идеологии: интенсифицировать и сделать более точечным влияние полученного политико-идеологического «штамма» (идеологии, идеологемы, мифологемы, концепта, лексемы и проч.) на общественное сознание и, в конечном счёте политическое поведение той или иной социальной или субкультурной группы людей.

Есть множество имён заумного притворства, но меньше фальши там, где инстинкты прорываются, обнажая ту или иную свою часть. Например, ценностные основы идеологий итальянского фашизма или немецкого национал-социализма откровенно биологичны (или зоологичны): превосходство высших над простейшими (в той или иной степени). Логика нацизма проста: поскольку нельзя считать льва, паука или амёбу одним видом, то немца, негра или еврея так же невозможно объединить в один вид. Переживание страха «чужого», то есть представителя «псевдовида», по Э.Эриксону, биологически инстинктивно и по-человечески мифологизировано. Казалось

206 Констелляция а) Вообще – любая хорошо организованная матрица ассоциаций, идей, образов, эффектов и т.д. б) Специальное значение: в психоанализе, невытесненный набор взаимосвязанных идей, несущих эмоциональную нагрузку. См.: Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin).Том 1 (А-О): Пер.с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000.– С.359..

бы, религия как идеология была попыткой преодоления мифа, осознания и признания единства человеческого вида, но практика религии ничего не изменила: «Великие религиозные деятели пытались добиться этого осознания, но церковь не противостояла, а скорее солидаризировалась с той тенденцией, которую мы имеем в виду, а именно с глубоко укоренившимся убеждением в том, что провидение поставило данное племя, нацию, касту или даже религию – «естественным образом» выше других… Ему [ребёнку] внушают убеждение, что именно его «вид» входил в замысел творения всеведущего Божества, что именно возникновение этого вида было событием космического значения и, что именно он предназначен историей стоять на страже единственно правильной разновидности человечества под предводительством избранной элиты и вождей. Слово «псевдо» подразумевает псевдологию, вид лжи, когда лгут, будучи, по крайней мере, временно убеждены в том, что говорят правду»[207].

Подчинение интересов личности интересам государства (так же как ранее, племени, касты, нации) тоже откровенно манифестируются в ряду ценностей тоталитарных идеологий (фашизма, коммунизма), консерватизма, но умело прячутся в бессознательной подоплёке прогрессивных идеологий социал-демократии и либерализма. Когда в политической практике европейских государств реализация либеральных ценностей в правовом поле привела к противоречиям в общественной жизни, некоторые декларируемые принципы начинают осторожно пересматриваться. Например, вполне соответствующая этим ценностям политика мультикультурализма объявляется неудавшейся, а лидеры Франции и Германии называют её результаты «крахом». Тут же националистические силы усиливают своё влияние. Те же примеры можно привести относительно «сотрудничества» других социальных страт и групп (скажем, огрубляя: «богатых» и «бедных»). Такое впечатление, что люди прикреплены к мифу мощной пружиной и чем более они отда-

207 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. - М.: Прогресс. 1996.– С. 310-311.

ляются от него, тем сильнее происходит сжатие и возврат.

…Насколько проще выглядит антагонизм у животных! Враг – тот, кто может тебя или твоих детёнышей догнать (достать, если это кладка яиц) и, тем или иным образом, убить. Чаще – съесть. Если бы у животных была точка зрения и возможность её выразить, то они наверняка бы заявили, что совсем не нуждаются во врагах. Они чувствовали бы себя прекрасно, если бы им не приходилось убегать от тех, кто выше их в пищевой цепочке. Они бы плодились и размножались. Правда, объективно, с позиции теории эволюции наличие естественного «врага» позволяет сохранять равновесие в мире фауны, а животным держаться в хорошей «спортивной» форме. Только появление противоестественного, то есть неприродно сильного врага – человека, да ещё технически оснащённого, ломает баланс и нередко приводит к вымиранию того или иного вида.

Возможно, в этом есть действие некой высшей справедливости, но человек наказан необходимостью иметь врага (хотя, обычно люди этого не признают). Некоторые религиозно-философские системы теоретически пытались преодолеть эту неизбежность, призывая к состраданию, любви. Одинаково красиво звучит и на греческом, и на церковнославянском призыв возлюбить врагов, благословлять проклинающих, творить им добро, молиться за них: «Азъ же глаголю вамъ: любите враги вашя, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящымъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгонящыя вы…»[208]. Впрочем, история практического воплощения этой идеологии весьма скудна примерами. Скорее, наоборот, враги не только чётко обозначались и фиксировались, но и уничтожались – в прежние времена исключительно физически, в нынешние – чаще морально или организационно, хотя. А всё потому, что враг нужен по разным причинам. Оставляя в стороне геополитические, экономические и прочие, остановимся лишь на психологических:

- чтобы почувствовать себя праведником или, по крайней

208 Евангелие от Матфея 5:44. Новый Завет. Библия.

мере, не таким грешником, как враг;

• чтобы иметь моральное право искоренить грехи в душе ближнего нашего, злодея и супостата;

• чтобы иметь возможность победить зло (чинимое врагом) добром: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»[209];

• враг, как громоотвод или способ «выпустить пар», сбросить агрессию не на близких или самого себя, а вовне;

• враг как отличное средство диагностики собственных слабостей – уж он-то не упустит возможность ткнуть в больное, слабое или недоразвитое.

В психоаналитической традиции принято считать агрессию инстинктом, а её крайнее проявление – войну – одним из способов самореализации. В частности, это отмечает известный постюнгианец Энтони Стивенс: «Война мобилизует наши глубинные источники любви, сострадания, самопожертвования, сотрудничества и одновременно порождает ненависть, жестокость, разрушение. Она временно устраняет конфликты, существующие в обществе, возрастает сплоченность сообщества, значимость каждого ее члена, повышается способность его членов ко всеобщей идентификации, люди временно освобождаются от рутины и ответственности»[210].

Если смотреть ещё глубже, то можно говорить о вечной проблеме человека, которая, как и все прочие проблемы, есть результат наличия сознания, самосознания, рефлексии и бессознательного, а также производных от этого микса: культуры, морали, совести, идентичности… В каком-то смысле, для человека так же естественно жить в ситуации внутренних конфликтов (например, между инстинктами и моралью, желанием и совестью), и соответствующим образом это переживать и реагировать на уровне поведения, как для животного жить без внутренних конфликтов, руководствуясь лишь инстинктами и адекватно реагируя на ситуацию.

Необходимость иметь врага и его ценность для отдельно-

209 *К Римлянам 12:21. Новый Завет. Библия.*

210 Стивенс А. Корни войны в перспективе архетипической концепции К.Юнга / Конфликтология. Хрестоматия (для студентов политологических отделений и факультетов университетов) // Составители В.Н.Рябцев и М.А.Шитив. – Ростов-на-Дону. – 2001. – С.148.

го человека и для группы, состоит в том, что это позволяет из мира внутренних конфликтов, которые, по определению:

• разрушают изнутри и никогда не могут быть полностью изжиты;

• ввергают в отчаяние;

• вызывают тревожность, агрессию, в том числе, аутоагрессию,

• вынести эти конфликты вовне, освободиться от вечного напряжения, перенести его в плоскость деятельности, пусть разрушительной. Если человек не рефлексивен, напряжение стремится найти выход в спонтанном действии и тогда, точно направленный в его дремлющее сознание и всегда активно живущее бессознательное, лозунг (как сгусток идеологии), является импульсом, включающим его в «мы», с которым он автоматически идентифицируется. Человек с иной когнитивной организацией, блуждая в лабиринтах рефлексии, испытывает чувства неопределённости, незавершённости, неизбывности внутренних проблем, постоянно мучим вопрошанием: «Что делать»? Впрочем, нередко, всё заканчивается тем же благостным слиянием с группой и погружением в соответствующую идеологию. Вечный псевдозащитный механизм проекции, позволяет не видеть «бревна в своём глазу» и автоматически приписывать эти «брёвна» другим-чужим-врагам. Будоражащая чужесть Другого уравновешивается умиротворяющей близостью к Своему. Искомый баланс достигнут, но он должен постоянно поддерживаться идеологией и действиями. То и другое предлагаются сегодня в избытке. Как на уровне идеологий, так и в форме их практического воплощения: локальных конфликтов (в том числе, замороженных, тлеющих и проч.), войн.

Объединяя миф и идеологию, Р.Барт определял их как «вторичные семиотические системы», «вторичные языки», «метаязык», а смысл идеологии видел в том, что она является инструментом введения мифического построения в рамки всеобщей истории и определённых социальных интересов[211]. Идеологемы, как некие концепты, концентрирующие какие-то ключевые

211 См.: Барт Р. Мифологии. Mythologies / Зенкин С. (пер. с фр.). – М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2000. – 320 с.

фрагменты идеологии, служат определённой цели. Точнее, они проявляют и отражают содержание бессознательного – скрытые комплексы, мотивы, влечения, импульсы, страхи… Есть случаи, когда чтобы подавить, унизить врага и/или снизить собственную напряжённость, тревогу или страх, необходимо противопоставить его идеологии свою. Тогда декларируется противостояние идеологий: этноцентризм или его крайние формы – нацизм, фашизм с одной стороны и интернационализм, либерализм – с другой. Противопоставляются и соответствующие идеологемы. Нередко, противники бывают или идеологически близки, или равно нейтральны идеологически. В этом случае действия сторон определяются не идеологией, а политикой, использующей схожие идеологемы, концепты, лексемы. Фактически, происходит обмен, перебрасывание одного и того же «мяча» на территорию противника. Или это напоминает стремление не очень уверенного в себе игрока в шахматы путём наивного повторения ходов, *во всяком* случае, *не проиграть*, поскольку он не знает, как выиграть. Например, характерные для определённого периода и возобновляемые время от времени некоторыми украинскими политиками обвинения в геноциде украинского народа во время так называемого Голодомора – весьма раздражающая Россию лексика, достаточно длительное время применявшаяся в ходе информационной войны со стороны Украины. Россия защищалась, зачастую, оправдываясь: это был не искусственно созданный голод, а естественный; был голод в других регионах СССР; даже если это и был искусственно созданный голод, то он касался не только Украины; даже если этот искусственно созданный голод и касался только Украины, то в этом виноват не русский народ, а сталинизм, большевики и проч. Понятие «геноцид» всячески развенчивалось, как неприменимое к данной ситуации. Всё это нисколько не влияло на политиков, политологов, СМИ Украины. Одни из кожи вон лезли, чтобы доказать, другие выдавали гипотезы за аксиомы, третьи просто и без всяких затей повторяли одно и то же. Эта дразнилка звучала однообразно и громко.

Прошло время и пришло время, когда в связи с драматическими событиями на Юго-Востоке Украины обвинения в геноциде русских звучат в адрес Украины и, несомненно, подкрепляются определёнными фактами. В целом, для отношений между Россией и Украиной в настоящий момент характерен также обмен такими экспрессивными лексемами как: фашизм, нацизм, хотя большинство населения этих стран, по понятным причинам одинаково негативно относится к этим явлениям и соответствующим историческим событиям. Во всяком случае, никто ОТКРЫТО не исповедует ни фашистскую, ни нацистскую идеологию. Другие знаки взаимных обвинений связаны с весьма эмоционально насыщенными понятиями: агрессия, терроризм, бандитизм. Вот наиболее часто встречающиеся слова и обороты:

- сепаратисты, боевики, наемники, террористы, российско-террористические войска, терракты, «колорады», «ватники» – в сторону воющих со стороны Донбасса людей (сами они называют себя ополченцами) и мирного населения;

- каратели, бандеровцы, «укропы», нацисты, фашисты – по отношению к правительственным силам (которые называют себя Антитеррористическими силами, украинскими военными (Вооружёнными) силами, Нацгвардией) и части населения Украины.

Однако, как будет восприниматься эта ситуация через несколько лет или несколько десятков лет? Трудно прогнозировать вероятное будущее, но можно попытаться реконструировать возможное прошлое…

…Знойным июньским днём 1938 года Йозеф Гёббельс, волею судьбы и фюрера заброшенный на Родос[212], вкусив в уютном ресторанчике отеля Anastasia (особняк в итальянском стиле, построенный в 1932 году) фирменное блюдо – запечённого

212 Пауль Йозеф Гёббельс – рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии (1933–1945), рейхсляйтер по вопросам пропаганды НСДАП (с 1930 года), президент имперской палаты культуры (1933–1945), гауляйтер Берлина (1926–1945), В 1938 году Магда Геббельс была готова подать на развод из-за любовной связи мужа с чешской актрисой Лидой Бааровой. Геббельс серьёзно думал об отставке, но Гитлер наложил на развод своё вето, отправив министра на несколько месяцев на Родос. Harlan H. Im Schatten meiner Filme [Electronic resource] / Sigbert Mohn Verlag, Gütersloh 1966, S. 82-86 – Mode of access : https://ru.wikipedia.org/wiki.

ягнёнка, наслаждался тишиной в прилегающем к отелю саду. Однако недолго, так как на другой конец длинной и удобной скамьи присели двое местных и неспешной, но громкой беседой привлекли его внимание. Через некоторое время, вслушиваясь в странный гул чужого языка, Йозеф стал различать отдельные слова, затем фразы и вдруг осознал, что понимает всё.

Некий Элпидайос[213] выглядел как ученик, так как был молод и больше слушал. Другой был мужем зрелым, бородатым и звали его Софос[214]. Вот с этого места Гёббельс стал понимать греческий.

Э. Скажи, учитель, является ли сущее должным, если мы говорим об устройстве общества?

С. Нет, конечно, ибо должное – это идеал совершенства, а такого общества нет. Возможно лишь стремление к нему приблизиться и, в той или иной степени, правильно к нему продвигаться.

Э. Но разве должное всегда истинно, то есть объективно совершенно?

С. Совершенство объективно только в том случае, когда его воплощение полностью идентично его определению, то есть, безальтернативно совпадает с идеей. Например, шар совершенен как шар, если он идеально правилен и не имеет никаких отклонений от формы шара. Именно эту форму мы считаем идеальной или эталонной для того, чтобы описать её как шар.

Э. Но ведь тогда совершенство касается лишь формы, так как форму можно измерить и сверить с эталоном, но можно ли измерить содержание?

С. Иногда можно, иногда нет. Это же касается и формы. Иную форму невозможно измерить. Точнее, и форму и содержание закрытой системы, на первый взгляд, можно измерить и определить, насколько они близки к идеалу, который существует сейчас. Скажем, можно измерить все компоненты и свойства сковороды и счесть её совершенным предметом относительно наших представлений об идеальной сковороде сей-

213 Элпидайос (греч. муж. имя: «надежда»)

214 Софос (греч. муж. имя: «умный, квалифицированный»)

час, однако, вероятнее всего, наш идеал сковороды будет меняться, и её сегодняшнее совершенство будет подвергаться сомнению и как-нибудь внезапно исчезнет. Объективно может быть лишь стремление к совершенству или движение к совершенству. То есть, объективен лишь процесс, но его содержание субъективно, так как то, что выглядит идеалом для одних, не является таковым для других. Так, не исключено, что есть люди, у которых уже сейчас есть иной идеал сковороды, поэтому они не считают её совершенной уже сейчас. Впрочем, сам процесс движения к совершенству также может иными восприниматься как регресс… Тем более, всё это относится к открытым системам, все компоненты которых не могут подвергнуться исчислению и измерению.

Э. Может быть, Бог совершенен?

С. Настолько же, насколько совершенна сковорода. Для одних – он совершенен, для других – он идея совершенства, для третьих, полное воплощение идеи совершенства, для четвёртых – идея инициирования движения к совершенству, для пятых, его нет ни как совершенства, ни как идеи. Его просто нет. В отличие от сковороды…

Э. Общества и те или иные общественные устройства несомненно есть и они различны.

С. Как сказать…, возможно, есть лишь наши представления о реальном существовании обществ. Например, являются ли греки реальной нацией? Вот Бенедикт считает, что мы – воображаемое сообщество[215].

Гёббельс, которого на родине в народе звали попросту «Сморчок» во время этой возвышенной и высоконаучной беседы ёрзал[216] по скамейке и, наконец, встрял:

Г. Бенедикт, Барух, что за имена…[217] Не знаю насчёт греков,

215 Странно, ведь Бенедикт Ричард О'Горман Андерсон к этому времени не достиг и двухлетнего возраста – ЕЧ

216 Слово «ёрзать» точно отражает личностные особенности Геббельса. Вообще, это типично русское слово, является производным от существительного «ерза», что означает «непоседа, проныра, а также волокита». Сам глагол имеет значение «беспокойно ворочаться». В других языках встречаются слова со схожим корнем, но со значением, отдаленно напоминающим значение русского слова. Это литовское слово «arzus» (похотливый) и латышское – «erzelis» (жеребей) [Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. – М.: ЮНВЕС.– 2003.– 704 с.].

217 Бенедикт (рожд. Барух) Спиноза уже 261 год как умер. Такова непознанная природа ассоциаций… – ЕЧ

но мы – немцы, совершенно реальное общество, воплотившее, кстати, идеи вашего Платона.

Э. Что Вы хотите этим сказать, чужестранец?

Г. Начнём с приятного и близкого мне, как человеку, вплотную связанному с культурой, просвещением и пропагандой – с праздников. Мы, так же как Платон, считаем, что необходимым условием правильного функционирования истинного законодательства является «образованность и воспитанность гражданина, чему свидетельством является его умение участвовать в хороводах (652a – 654b)[218]. Хорошо «воспитан только тот, кто в своей песне и пляске изображает прекрасное (654c – 655b), причем это прекрасное каждый может понимать по-разному, лишь бы хоровод не изображал пороков, но изображал только добродетель (655b – 656d), придерживаясь вечных законов (II 652a – 674c) и всякое удовольствие должно быть глубочайшим образом согласовано с требованиями закона и добродетели (659d – 660d)».

Поэтому мы организовываем массу наших праздников, где искусство хоровода и пения проявляются во всей красе, символизируя прекрасное и добродетельное. 20 апреля – День рождения Гитлера. Кроме того, что в этот день по всей стране выставляют и вывешивают миллионы фотографий и портретов мудрого и разумного правителя, фасады домов украшаются красно-бело-черными флагами, устраиваются грандиозные факельные шествия, массовые выступления фольклорных коллективов, происходят обряды посвящения. 1 мая – Национальный день труда: в городах проводятся манифестации и факельные шествия, в сельской местности устраиваются танцы вокруг майского дерева, разжигаются огромные костры, выступают народные коллективы в национальной одежде. Также в этот день ежегодно устраиваются военные парады. В День летнего солнцестояния разжигаем огромные костры, в которые бросаем венки в честь партийных «мучеников» и героев войны. Устраиваются танцы, выступают хоровые коллективы, участники праздника прыгают через костры…[219].

218 Здесь и далее цит. по: Платон. Законы / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова и др.; Авт. ст. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль.– 1999. – 830 с.

219 См.: Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С. Воропаев.– М.: Локид, Миф. – 1996 – С.200.

Марши, факельные шествия и песнопения – это наша ненасытная страсть. Вот и Платон о том же: «...каждый человек, взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина – словом, все целиком государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни, в которых будет выражено все то, что мы разобрали. Они должны и так и этак постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям» (II 665 c)[220]. «Божество по своей природе достойно всевозможной блаженной заботы, человек же, как мы говорили раньше, это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением. Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекраснейшие игры, хотя это и противоречит тому, что теперь принято» (VII 803 c). «Надо жить играя. Что ж это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы уметь снискать к себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах» (803 e).

Это очень точно сказано – мы давно и уверенно идем по этому пути. «Факельное шествие. Наши мальчики играют и веселяться. Эти юноши всюду пройдут. Они подлинные завоеватели жизни» (Из дневника Гёббельса, 1928 год)[221]. Так и надо. Прекратить пустое созерцание – действовать, действовать. В этом смысле мне очень близок парень, книги которого мы совсем недавно спалили: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»[222].

Впрочем, я согласен и с другим парнем, родственником предыдущего:

«*Das war ein Vorspiel nur, dort, wo man Bücher Verbrennt, verbrennt man auch am Ende Menschen*»[223]

220 Здесь и далее цит. по: Платон. Указ.соч.

221 Здесь и далее дневники Гёббельса цитируются по книге: Ржевская Е. М. Геббельс: Портрет на фоне дневника / [Елена Моисеевна Ржевская]; [Пер. фрагм. дневников Й.Геббельса Л.Сумм; Ред. Г.Дзюбенко] . – М. : АСТ-Пресс книга. 2004. – С.71.

222 Маркс К. Тезисы о Фейербахе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. - М.: Политиздат.– Изд.2. Т.3.– С. 4.

223 «Это была лишь прелюдия, там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей», цитата из трагедии Генриха Гейне «Almansor». Теперь – одна из надписей на мемориале Versunkene Bibliothek (1995), на площади в Берлине, где 10 мая 1933 года сжигали книги. Гейне действительно был дальним родственником Маркса по материнской линии и

Э. Ну, ладно, праздники, парады, славословия… А дело?

Г. Вот-вот, именно мы изменяем мир. И ваш Платон, который не верил, что это возможно, приятно удивился бы, увидав по-настоящему совершенное общество. Если вернуться в русло вашей содержательной беседы, то можно заключить, что совершенство есть – это наше сегодняшнее общество, воплощение благородных идей античного мудреца. «Участие в государственном заговоре карается смертью (IX 856 c)… эта смерть устанавливается для главарей самовольных действий отдельных групп в государстве, будь то мирных или военных (XII 955 c), или за укрывательство изгнанника (955 b)». Знаете, если я просто начну перечислять… Как раз в эту пору четыре года назад даже Эрнста прикончили, чтобы даже не думал…[224]

«Оскорбление богов, родителей и государства – здесь одной смерти даже мало, а нужны вечные муки, вроде тех, что в Аиде (IX 854 e, 881a-e)».

Ну, насчёт богов и попов у нас особое мнение. «Что такое для нас христианство? Национал-социализм – это религия. Нам не хватает только религиозного гения, который отверг бы старые, изжитые формулы и построил бы новые. Нам не хватает ритуала. Национал-социализм должен стать государственной религией немцев… Моя партия – моя церковь» (Дневник от 16.10.1928)[225]. Опять же, не знаю как у вас, но: «Католическая церковь – банда педерастов» (11.10.1936)[226].

Некоторые высказывания Платона мы интерпретируем в соответствии с нашими реалиями. Вот, скажем, не любим мы критику. «Штрейхер ругает критику. Не без оснований. Я с ней покончу. Последний пережиток из демократических времён. Долой его!» (29.10.1936)[227]. О том же и Платон: за злословие,

они были друзьями. Кугельман Ф. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса с.159-195 / В кн.: Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 2 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 3-е изд., доп. - М.: Политиздат, 1988 – 398 с. - С.166.

224 30.06.1934 в «Ночь длинных ножей» Эрнст Рэм – (организатор и руководитель СА – штурмовых отрядов – ЕЧ) и его ближайшее окружение были арестованы. Отправлен в тюрьму Штадельгейм. Была предпринята попытка заставить его покончить жизнь самоубийством, но Рэм отказался это сделать. После этого 2 июля был застрелен в камере эсесовцем Т. Эйке.

225 Ржевская. - С.81.

226 Там же. - С.176.

227 Там же. - С.180.

крик и ругань тоже избиение (XI 935bc)[228]. За препятствие приводить в исполнение решение суда – смерть (XII 958bc)[229].

Главное, не сомневаться, не отступать и даже не оглядываться: добродетель должна внедряться в общественную жизнь педантично и безжалостно: «В «Законах» то, что Платон называет добродетелью, декретируется до мельчайших подробностей. Ни одна мелочь человеческой жизни не остается без регламента. А так как люди, по убеждению Платона, плохи, слабы, неумны, часто мелки и безнравственны, то нужно с корнем вырвать все это несовершенство человеческой жизни на основании идеального первопринципа, с помощью абсолютного законодательства»[230].

И это точно: «90% людей канальи, 10% сносны. Эти десять процентов должны править 90%, чтобы стояло государство. Тайна диктатуры» (24.09.1924). «Большинство людей свиньи. Лишь немногие – люди. Гофманн всё ещё сидит в либералистской скорлупе. Его идеал – человечество, счастье, довольство. Я разрушу его идеал беспощадно» (4.10.1928) [17, с.74].

Согласны мы с Платоном и в том, что народ нужно убеждать, но не нечестивцев, как он предлагает. Впрочем, те из них, которые неисправимы, по Платону, должны караться смертью (XII 957e – 958a). А когда нечестивый маскируется и лицемерит, желая принять благообразный вид, то для таких даже мало одной или двух смертей (X 908e). Увещевать, терпеливо разъяснять законы и установления, воздействовать на разум и понимание всеми подчинёнными законов… даже перед смертной казнью увещевать, убеждать и морально исправлять преступника с надеждой на его возвращение к нормальной жизни (IV 722b – 724b, X 885e, X 890b – 893a и др.).

Вот это я и называю пропагандой. Идеология должна быть внедрена в сознание людей, всех людей. «Я не согласен с тем, что пропаганда является чем-то низкопробным, ведь мы сегодня не сидели бы в министерских креслах, если бы не были

228 Платон. Указ.соч.
229 Там же.
230 Там же.

великими художниками пропаганды. И мы не проиграли бы войну, если бы немного лучше владели искусством пропаганды (Первую мировую войну – ЕЧ). Вот в чем состоит секрет пропаганды: того, кого хочешь подвергнуть пропаганде, надо насквозь пропитать идеей пропаганды так, чтобы он даже не заметил, что он ею пропитан» [24, s. 95].

Конечно, кое в чём мы пока отстаём, например:

«За нежелание жениться до 35 лет – штрафы и бесчестья (774a-c)».

«За бесчестное выступление адвоката на суде в случае корыстолюбия – смерть (XI 937d – 938c)».

И, заметьте, как он последователен. «Уже и в «Государстве» проповедовались такие концепции, как, например, учение об общих женах и детях, о государственном декретировании браков, об отмене частной собственности у воинов, об их аскетизме, о строгой цензуре для всех произведений искусства и даже об отрицании всякого искусства, если оно не содействует моральному совершенствованию. Весь этот абсолютизм, сформулированный в «Государстве» только принципиально, а в деталях проводимый только кое-где и кое в чем, в «Законах» не имеет никаких пределов»[231].

Но кое в чём и опережаем: «Обсуждал проблему тихой ликвидации душевнобольных. 80000 уже убраны, надо убрать ещё 60000. Трудная, но необходимая работа» (31.01.1941)[232].

Э. Итак, всё должно быть под присмотром?

Г. Разумеется, surveiller et punir, как говорят эти… французы…[233]

«Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника – ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению; нет, всег-

231 Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона. Компиляция из четырехтомного издания диалогов Платона. [Электронный ресурс] – М.: Мысль.– 1990-1994.– К.: PSYLIB, 2005. . – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/losew06 Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона. Компиляция из четырехтомного издания диалогов Платона. [Электронный ресурс] – М.: Мысль.– 1990-1994.– К.: PSYLIB, 2005. . – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/losew06

232 Ржевская. - С.241.

233 Surveiller et punir: Naissance de la Prison (Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы – книга, написанная Мишелем Фуко. Издана в 1975 году.

да – и на войне, и в мирное время – надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например, по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. Даже в самых опасных обстоятельствах нельзя преследовать врага или отступать иначе как по разъяснению начальников. Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей. Ибо нет и никогда не будет ничего лучшего, более полезного и искусного в деле достижения удачи и победы на войне. Упражняться в этом надо с самых ранних лет, и не только в военное, но и в мирное время. Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям» (XII 942a-d)[234].

С. Неужели все немцы согласны с ним?

Г. Нет, некоторые не понимают… «Они там не понимают… что мы, в самом деле, стремимся к тоталитарности государства и должны иметь всю власть». (8.02.1932)[235]. Ну, есть такой Карл[236], австриец, конечно… Имеет наглость критиковать Платона: «Сильно сказано. Никто никогда не выражал более честно свою враждебность по отношению к личности. Эта ненависть глубоко укоренена в фундаментальном дуализме философии Платона. Личность и ее свободу он ненавидит так же сильно, как смену отдельных впечатлений, разнообразие меняющегося мира чувственных вещей. В сфере политики личность для Платона – сам сатана. Изложенную по сути своей антигуманистическую и антихристианскую установку Платона постоянно

234 Платон, указ. соч.

235 Ржевская. - С.129.

236 Сэр Карл Раймунд Поппер (Karl Raimund Popper; 28.07. 1902 – 17.09. 1994) — до 1937 года жил и работал в Вене, затем стал британцем, с 1946 до середины 1970-х – профессор Лондонской школы экономики и политических наук. Названная книга издана в Лондоне, в 1945 году, однако Гёббельс предчувствует настолько хорошо, что даже цитирует.

идеализируют. Ее считали гуманной, отвергающей себялюбие, альтруистической и христианской»[237].

Теперь, о главном, – о рабах. Это для нас особый случай. Рабами должны стать все, кто не принадлежит арийской расе: «никоим образом и никогда не надо шутить с рабами – ни с женщинами, ни с мужчинами... Почти каждое обращение к рабу должно быть приказанием» (VI 777e – 778a)[238].

Здесь к господину Гёббельсу подбежал молодой человек и протянул ему тёмно-серый пакет с внушительной сургучной печатью. Гёббельс нервно разорвал конверт и внимательно прочёл несколько машинописных строк вверху белоснежного листа.

– Мне приказано прибыть в Берлин немедленно. Нас ждут великие дела…

Существует вечный разрыв, дистанция между идеей и её воплощением, между идеологией и её осуществлением в системе государственного устройства и практике общественной жизни. В определённом смысле, идеи социального устройства не только тоталитарны, полагая самоё себя истинным, но и утопичны per se… В процессе овладения массами, становящаяся материальной силой идея (выросшая в идеологию), теряет свою теоретическую чистоту и трансформируется, наполняясь психологическим содержанием:

- массовым сознанием, различающимся у представителей разных социальных групп, т.е. ментально проработанным (осознанным) отражением внешней реальности, в том числе, политической;
- результатами рефлексии со стороны представителей социальных страт и групп собственного бытия в обществе;
- бессознательными и неосознаваемыми комплексами, сформированными в процессе прорыва инстинктивных импульсов, придающих силу и корректирующих движения масс в сторону биологически и психологически комфортного существования;
- коллективным бессознательным, структурированным

237 Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 1992. - С.142.

238 Платон, указ.соч.

культурно обусловленным архетипическим и мифологическим содержанием.

Поскольку инструментальна сама идеология, как орудие захвата и удержания власти, точкой приложения других орудий является и наполняющее идеологию содержание. Влияние медиапространства целенаправленно, а в случае профессионального подхода и весьма эффективно. Умелое использование имеющихся мифологем и создание новых, отвечающих целям и требованиям заказчика, предполагает глубокое понимание архетипической природы коллективного бессознательного и точного «попадания» образа (продуцируемого словом ли, видеорядом или чем-то иным – не имеет значения) в подготовленную аудиторию, состоящую из людей, объединённых исторической памятью, схожим настоящим и общими мифами.

Резюме: в последнее десятилетие наблюдается некоторое регрессивное движение массового сознания в сторону мифологизации, восприятия событий современности сквозь призму архетипических ситуаций и мотивов. Есть все основания связывать этот процесс и прогнозировать его интенсификацию с использованием новых манипулятивных возможностей медиапространства – социальных сетей, всё более профессиональной работой производителей видеосюжетов (режиссеров, журналистов, видеотехников, IT-специалистов), а также совершенствованием техники и технологий, что существенно усиливает востребованность идеологии как стратегии общественного развития.

ГЛАВА III
СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ

§ 1 СМИ: НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ

Любая идея, прежде чем стать идеологией, должна обрести крылья – стать понятной не только самому источнику (субъекту, автору), но и обрести форму, не только понятную другим людям, но и востребованную ими. Наконец, «бестелесная» идея должна получить сугубо материальный механизм распространения – быть «посаженной» в благоприятную социальную почву, укорениться на определенном информационном пространстве, получить реальные средства распространения. При этом желательно, чтобы эти средства имели статус социального института. Вот здесь-то и выходит на сцену истории человеческих идей такой «актер», как средства массовой информации.

Начинали они свою жизнь с небольшой роли, вроде «кушать подано», а превратились в одного из главных героев человеческой комедии. Вот как комментируют это превращение исследователи. Прежде всего, энциклопедические источники[239] обращают внимание на сущностные особенности СМИ, в частности на их массовость, общедоступность, периодичность, ориентацию на определенную аудиторию, способность оказывать идеологическое, политическое, экономическое или организационное воздействие на формирование мнения и поведения человека. Разного рода способы передачи и распространения информации использовались еще в глубокой древности. Об этом свидетельствуют наскальные надписи и рисунки, найденные археологами в самых разных уголках планеты. Об этом говорят глиняные таблички древних шумеров и египтян. Позднее в качестве «человеческих рупоров», доводивших до обывателя разного рода предписания и указы, а также новости, важные, с точки зрения власть предержащих, выступали «глашатаи», «герольды», «бирючи», «возвестники».

239 См.: Большая актуальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://greater_political.academic.ru/174/СМИ

В современном понимании СМИ возникли лишь в конце XVI – начале XVII вв., с расширением торговых и культурных контактов между европейскими странами, которые потребовали создания особой системы обмена информацией.

Прообразы газеты, avvisi, появились в Венеции во второй половине XVI в. Первоначально они были рукописными и отличались невысокой ценой (1 газетта за экз. — название этой мелкой монеты вошло во многие языки мира). Значительный толчок развитию СМИ дало изобретение книгопечатания (1440-е гг., И. Гуттенберг), сделавшего технологически возможным массовое обеспечение сообщений. Широкое распространение многотиражных печатных изданий, в т. ч. газет, позволило «перебороть сложности древнего феодального и устного общества» и привело к развитию национальных языков и государств, а в дальнейшем – к промышленной революции. Первая печатная газета была выпущена в Страсбурге (Германия) в январе 1609 г. К 1630 г. еженедельные газеты появились уже в 30 городах Европы. Политики быстро оценили возможности печатных СМИ как инструмента систематического воздействия на общественное мнение. Так, кардинал Ришелье в 1624 г. взял под свой контроль популярнейший альманах «Французский Меркурий», а в 1631 г. — вновь созданную газету «La Gazette». 13 января 1703 г. согласно именному указу Петра I вышла первая русская печатная газета — «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестностях страны». В конце XVIII в. во Франции родилась концепция СМИ как «четвертой власти», эффективного и относительно независимого канала влияния. Известный французский журналист Камиль Демулен утверждал в те годы: «Сегодня журналисты — общественная власть. Они разоблачают, декретируют, управляют удивительнейшим образом, оправдывая или осуждая. Каждый день они поднимаются на трибуну… они среди тех, чей голос слышат 83 департамента»[240].

Силу прессы хорошо понимал Наполеон, заявлявший, что

240 Камиль Демулен - журналист Великой французской революции [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://samlib.ru/w/woronkow_p/desmoulins.shtml

«три враждебно настроенные газеты опаснее ста тысяч штыков». Еще в 1807 г. он начал активную борьбу с оппозиционной прессой, а к 1811 г. в Париже остались всего 4 ежедневные газеты»[241].

Однако, средства массовой информации, прежде всего, газеты, в качестве инструмента идеологии власти или оппозиции оформились только к началу XX века. В.И. Ленин и другие лидеры тогдашней оппозиции власти уделяли прессе первостепенное внимание, понимая, что именно газета может стать «не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором» революции, переворота, победы на выборах[242]. В 1912 году В.И. Ленин писал, что «политическая газета есть одно из основных условий для участия любого класса современного общества в политической жизни страны вообще, а в частности и для участия в избирательной кампании»[243]. Свое понимание важности средств массовой информации для распространения соответствующих идей революционеры основывали на нескольких апробированных положениях:

• печатному слову могут поверить не особенно грамотные люди, которые наивно полагают, что «ежели написано, то это – правда». (*Увы, до сих пор некоторые категории населения именно так воспринимают публикации в «газетах-однодневках», чем пользуются не только политики, но и различного рода «целители», «пророки-изобретатели», «ясновидцы»);*

• с помощью информационного воздействия можно компенсировать недостатки усилий партии, политической силы или политического лидера. Как отмечает цитированный выше источник, «газета идеально подходила для схематического изложения и публицистических упрощений идей, в которых нуждаются обыватели, очевидны были и ее мобилизационные функции». Исследования информационного пространства различных регионов Украины в периоды избирательных кампаний только подтверждают эти выводы. Сто́ит вспомнить абсолют-

241 Большая актуальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://greater_political.academic.ru/174/СМИ

242 См.: Ленин В. И. С чего начать? // Полн. собр. соч. Т. 5. - С. 9; Ленин В. И. О журнале «Свобода» // Полн. собр. соч. Т. 5. - С. 358; Ленин В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. - С. 171; Ленин В. И. Итоги полугодовой работы // Полн. собр. соч. Т. 21. - С. 427-440 и др.

243 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. - С. 434.

но фантастические заявления Н. Витренко, Ю. Тимошенко, Н. Королевской о выходе страны на мировой уровень за 2-3- года или пенсиях в 500-1000 евро. Впрочем, мужчины-политики не отставали от своих коллег-женщин. Важно было обеспечить преимущество в информационном пространстве, а там печально известные заявления Геббельса о воздействии многократно повторяемой лжи на обывателя подтверждались на практике.

Особенно действенным и часто разнонаправленным становилось воздействие СМИ на людей с массовым распространением радио и телевидения, а впоследствии и Интернета. Все эти высокотехнологичные средства распространения массовой информации обеспечивали действительную или кажущуюся оперативность передачи самой разнообразной информации, изменяли характер и масштабы событийности, делая потребителей информации «участниками событий». Сеть современных СМИ становится «единой нервной системой человечества», и возвращение прочного контакта с окружающими на основе электронных средств возрождает родоплеменную общность, превращая, словами Г. Маклюэна, мир в «глобальную деревню»[244]. Однако, для этого СМИ, как мы видим, должны были пройти непростой путь, превратившись в институт власти (в нашем случае – власти информационной), ибо «...общества хранятся не автоматически», а благодаря совместным усилиям членов социума, которые «…осуществляются социальными институтами», назначение которых заключается в удовлетворении социальных потребностей людей[245].

Подчеркивая объективную реальность социальных институтов, социологи П. Бергер и Т. Лукман, пишут, что они владеют «собственной реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактором». Именно поэтому социальные институты, как «громадные социальные системы, которые постоянно развиваются», гарантируют стойкость социальной структуры и возможность удовлетворения

244 Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. — 464 с.

245 Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – С. 79-80.

базовых социальных потребностей людей, и следовательно способствуют выживанию и функционированию любого общества[246]. Рассматривая социальные институты, социологи, в первую очередь, акцентируют внимание на их социальных функциях и ценностно-нормативной структуре. Из этого следует, что каждый социальный институт имеет свою систему ценностей, норм, правил, которые способствуют достижению цели его деятельности. Р. Мертон предложил различать «явные» и «латентные» (скрытые) функции социальных институтов. Он пишет: «В основе разграничения между явными и латентными функциями лежит такое: первые принадлежат к тем объективным и умышленным следствиям социального действия, которые способствуют приспособлению или адаптации какой-то социальной единицы (индивидуум, подгруппа, социальная или культурная система); вторые принадлежат к неумышленным и несознательным последствиям того же таки порядка»[247] Основной и важнейшей функцией социальных институтов, по мнению большинства социологов, является функция удовлетворения социальных потребностей, для осуществления которой необходимо выполнять определенные функции:

- функцию закрепления и воссоздания общественных отношений;
- регулятивную функцию;
- интегративную функцию;
- транслирующую функцию;
- коммуникативную функцию.

В 30-х годах XX века Э. Сепир высказал актуальное на сегодня мнение о том, что «общество только кажется статичной суммой социальных институтов; в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, кото-

246 Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П.Бергер, Т.Лукман. – М.: МЕДИУМ, 1995. – С. 98; Кравченко А.И. Социология: учебник для вузов / А.И. Кравченко. – М.: Логос, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – С.337.

247 Мертон Р. Явные и латентные функции / Р. Мертон // Американская социологическая мысль: Р.Мертон. Дж.Мид, Т.Парсонс, А.Шюц: Тексты / Сост. Е.И.Кравченко / Под ред. В.И.Добренькова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С.427.

рые имеют место между его членами»[248]. Современная массовая коммуникация характеризуется всеобъемлющим характером. Неся в себе социальную информацию и проникая во все сферы общественной системы, она способствует не только сохранению, развитию и «превращению» социума, но, прежде всего, обеспечивает существование самого человека и даже «в определенной степени видоизменяет саму природу человека»[249]. Исследуя проблемы массовой коммуникации, социологи акцентируют внимание на том, что ее объектом является общество как «всеобъемлющая социальная система», которая состоит из социальных институтов и практик, и осуществляется она с помощью специальных технических средств (масс-медиа).

К институтам масс-медиа принадлежат «средства распространения не любой информации, а именно массовой, признаком которой является то, что она рассчитана на численно большую аудиторию, отличается регулярностью распространения и скоростью потребления. СМИ предназначены для широкого обмена сообщениями в рамках всего общества или, по крайней мере, достаточно широкие социальные сообщества»[250]. Исходя из вышесказанного, приходим к выводу, что масс-медиа - это «технически оборудованные», «специализированные» социальные институты (пресса, кино, радио, телевидение, Интернет), которые выступают в роли коммуникаторов (акторов), благодаря которым осуществляется коммуникация. И, тем не менее, следует отметить, что масс-медиа как социальный институт в последние годы подвергаются все более острой критике. Могут ли масс-медиа претендовать на самостоятельность в ситуации, когда большие (глобальные) корпорации / государственные структуры практически полностью взяли их под свой контроль, который выражается в покупке СМИ и образовании медиа-холдингов, или покупке отдельных журналистов

248 Сепир Э. Коммуникация / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М.: Прогресс-Универс, 1993. - С.152.

249 Шаповалов В.Ф. Являются ли „масс-медиа" средствами коммуникации? Опыт теоретической деконструкции / В.Ф. Шаповалов // Медиаскоп. - №2. - 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www. mediascope. ru.

250 Милехин А.В. Социологический мониторинг средств массовой информации и электорального поведения / А.В. Милехин, Ф.И. Шарков. – М.: Прометей, 2003. – С.62.

(вспомните Гусинского и Березовского в России или Коломойского и Порошенко, владеющих СМИ в Украине)? Могут ли СМИ эффективно выполнять функции социального института, став на путь безоглядной коммерциализации и руководствуясь часто рассуждениями прибыли, а не гражданской ответственностью? Заслуживает внимания мнение Е.Г. Дьяковой и А.Д. Трахтенберг, которые, выражая обеспокоенность ситуацией в масс-медиа, пишут: «СМИ оторвались от локальной среды и локальных интересов, <...> потеряли «чувствительность» к жизненным проблемам <...> и превратились в «средства массовой информации без масс», полностью подчиненные диктату рекламодателей и рассуждениям добывания прибыли. Они затушевывают противоречия и стерилизуют ту реальность, которую они призваны объективно освещать»[251].

Критика института масс-медиа утверждает, что из индикатора демократичности и открытости общества этот социальный институт трансформировался в инструмент манипулирования, поэтому он не может обеспечить реальные (объективные) социальные потребности, а действует в соответствии с корпоративными интересами определенных групп людей, что, бесспорно, приводит к дисфункции СМИ.

Рост недоверия граждан к СМИ, нарекания относительно необъективности подачи информации, ангажированности, бесспорно, влияют на восприятие масс-медиа как единственного социального института и угрожают общественными санкциями со стороны других социальных институтов, но, как отмечает О. Л. Вартанова, нельзя исключить и того, что социально-экономическая ситуация под воздействием определенных причин (например, «актуальности понятия рынка») изменилась, и СМИ необходимо рассматривать не столько как социальный институт, сколько как «рынок идей»[252]. Отсюда вытекает, что проблема самостоятельной роли института

251 Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация: модели влияния. Как устанавливается повестка дня? / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. Институт философии и права УрОРАН, 2001. - С.31.

252 См.: Вартанова Е.Л. Чем управляют менеджеры СМИ? О природе современного медиаменеджмента / Е.Л. Вартанова // Медиаскоп. – 2007. - №1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www. mediascope. ru

масс-медиа в обществе чрезвычайно актуальна и злободневна и, более того, единства по отношению к ней в научном мире нет.

Если говорить о функциях масс-медиа, то это, прежде всего, выполнение (или невыполнение) заданий (иногда специфических) в системе массовой коммуникации, которая является элементом социальной системы. В социологической литературе зафиксирован ряд подходов и концепций, которые затрагивают вопрос функций СМИ, основная разница которых связана со степенью развернутости/детализации характеристик, которые отображают разное понимание актуальности и важности целей и задач СМИ в современном обществе.

В отечественной социологии одна из ведущих исследователей массовой коммуникации В. П. Конецкая, опираясь на базовую функцию коммуникации - влияние, - выделяет три основных социально значимых функции СМИ - информационную (оптимизация деятельности общества и индивида), регулирующую (социализация индивида) и культурологическую (интеграция общества)[253]. Следует предположить, что изменения в перечне функций масс-медиа у социологов связаны, прежде всего, с социально-экономическими трансформациями в социуме, расширением возможностей СМИ и повышением их роли в обществе, спецификой социального развития конкретных стран. Изменяется мир - появляются новые функциональные возможности медиа. Анализ функций масс-медиа показывает, что их можно объединить в несколько обобщенных блоков:

- информационный;
- аналитический;
- коммуникативный;
- социализационный;
- регулирующий;
- мобилизационный;
- рекреативный / развлекательный;
- организационный;
- ценностно-ориентирущий;

253 См.: Конецкая В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая. – М.: Международный университет бизнеса и управления „Братья Карич", 1997. – С.202.

- критики и контроля;
- культурный / обеспечения преемственности;
- воспитательный;
- утилитарный (рекламно-справочный);
- инновационный;
- оперативный;
- формирования общественного мнения;
- «наблюдение наблюдателей».

Средства массовой информации избирательно действуют на различные группы реципиентов – возрастные, образовательные, поселенческие. Например, в молодежной среде фиксируются ряд специфических функций.

Функция **культурной диффузии** - в условиях культурной глобализации конструирует новую систему ценностных ориентаций, представлений, стилей жизни, способствует распространению и генерации, не свойственных раньше данной культуре, идентификационных образцов и практик.

Функция **виртуализации действительности** – обеспечивает упрощенный информационный образ общества, в котором выбираются и интерпретируются события и факты, способствующие возникновению специфического «облегченного» типа поведения, для которого характерно «...неполное осознание грани между реальным и мнимым миром…»[254]. Потеряв чувство реальности, индивид приходит к проблеме истины, потому что его исходные знания, выступающие в качестве критериев истинности, имеют не материальную, а виртуальную основу. Виртуальная реальность играет огромную роль в жизни современной молодежи. Во время компьютерных игр или «путешествий» в Интернете молодые люди, физически находясь в реальном мире, сливаются с симулякром виртуального мира и ментально углубляются в волшебный мнимый мир, где все зависит якобы от их усилий, отрываются от повседневной реальности, в которой они чаще всего только пассивные наблюдатели, а не соучастники.

Манипулятивная функция - выполняет социальный за-

254 Братимов О.В. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / О.В. Братимов, Ю.М. Горский, М.Г. Делягин, А.А. Коваленко. – М.: ИНФРА – М, 2000. – С.60.

каз ангажированных групп, использующих манипулятивные практики при освещении определенных событий, например, на Юго-востоке Украины. Подавая ту или иную информацию, масс-медиа закладывают у нее свою интерпретацию действительности. Медийная манипуляция приводит к появлению у объекта влияния «некоторого стимула к модификации своего поведения угодным тому, кто манипулирует, способом, который представляется тому, кем манипулируют, внутренним, таким, который возник в результате какого-то самостоятельного рассуждения, душевного позыва»[255].

Функция **регулятора массового сознания** - оказывает влияние на сознание и социальное поведение больших масс людей (в первую очередь, молодежи), формируя отношение людей к тем или другим социокультурным событиям и явлениям, констатируя или корректируя их ценностные представления, ориентации, генерируя социальные поведенческие императивы, которые интерпретируются медийными агентами / творцами.

Функция «**нормализации**» повседневности формирует определенное отношение к социальным проблемам, «заговаривает» их бесконечным повторениям. Увеличивая объем информации о насилии, агрессии, отчаянии, она вызывает у аудитории привыкание, безразличие и эффект «усталости страдать».

Функция **популяризации / рекламирования / экстраполяции ценностей массовой культуры** - стремясь к коммерческому успеху, удовлетворяет потребительский спрос массовой аудитории и ориентируется, прежде всего, на примитивные обывательские интересы, «вульгарные культурные смыслы» (А. В. Соколов), «шлягерность» (А. Шнитке), порождающие агрессивную культурную среду, стандартизирующую социокультурные ориентации, потребности и формирующую культурную маргинальность.

Функция **формирования актуальности / повестки дня** - акцентирует внимание на актуальных, острых, социальных явлениях, событиях, фактах, учитывая специфику социокуль-

255 Киуру К.В. Речевое воздействие в рекламе и проблема толерантности / К.В. Киуру // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия / Под ред. Л.М.Макушина. – Екатеринбург, 2002. – С.78.

турной ситуации в стране и мире. По существу она ранжирует общественные проблемы по степени их значимости, на усмотрение медиа-агентов, формируя / корректируя ориентиры общества в желательном направлении.

Исходя из анализа понятия «социальный институт», складывается понимание того, что масс-медиа, как и любой другой общественный институт:

• возникает в связи с объективной потребностью общества в получении, использовании и накоплении регулярной информации;

• его формирование происходит постепенно в соответствии с социокультурными изменениями в обществе;

• его функционирование предопределено техническими и социальными инновациями.

Невзирая на обозначенные проблемы, можно констатировать, что масс-медиа - это организационно-технологическое единство с определенным общепризнанным назначением, которое выражается в создании, хранении, распространении массовой информации, органично входит в общественную систему и функционально связано с политическими, экономическими, культурными, техническими формообразованиями. Оно действует в соответствии с нормами, правилами, установками в определенный временной период. Масс-медиа являются продуктом целеустремленной совместимой деятельности профессионально подготовленной группы людей, которые реализуют свои способности для удовлетворения социальной потребности, обусловившей появление этого института. Нельзя не отметить позитивную роль масс-медиа в обществе: в современных условиях. СМИ - главный источник информации для людей. Развитие компьютерной и цифровой техники расширяет возможности человека в экономической, социальной, культурной и научной сферах. Но, одновременно, фрагментируя и мифологизируя информацию, мысли и действия, манипулируя идеями и обидами, представлениями и желаниями, масс-медиа формируют человека – «мимикрианта», приспособленца-потребителя, потерявшего связь с реальностью и своим настоящим «Я». Он чувствует дефицит реального меж-

личностного общения. Он больше похож на «глухого зрителя из последних рядов» (У. Липпман), чем на активного строителя своей и общественной жизни.

Все отмеченные противоречия объясняются дуалистической природой института масс-медиа. Отображаясь в общественном сознании (особенно в сознании молодых людей), СМИ приводят их к амбивалентности ценностей и ценностных ориентаций, повышают уровень неопределенности социальной позиции.

Проблема влияния социокультурной среды на ценностную систему современного человека с помощью масс-медиа сегодня приобретает все более актуальное значение. Известный ученый Дж. Лалл, говоря о влиянии СМИ на формирование ценностного сознания личности, утверждает, что «...масс-медиа играют существенную роль в формировании сознания», они «...принадлежат к самым известным и самым эффективным распространителям идеологии и определителям социальных правил и норм, <...> стимулируют краткосрочные шаблоны поведения и долговременные конвенции, которые влияют на все общество»[256]. О силе влияния газеты на «движение человеческой мысли» пишет издатель Дж. Г. Беннет: «Газета может отправить на Небо и спасти от Ада больше душ, чем все церкви и часовни Нью-Йорка, и в то же время зарабатывать на этом деньги»[257].

Необходимость исследования специфики влияния СМИ на формирование ценностных ориентаций продиктована тем, что влияние медиа на человека, на целые группы общества может быть как позитивным, так и негативным. Оно может способствовать укреплению социальной системы и консолидации общества, а может привести к ее распаду, в результате разрушения общезначимых паттернов поведения и внедрения в массовое сознание негативных ценностных преимуществ. Важным аргументом в пользу неотложной потребности постоянного

256 Лалл Дж. Мас-медіа, комунікація, культура: глобальний підхід / Дж. Лалл / Пер. з англ. О. Гриценко, С. и Т. Гарастович. – К.: К.І.С, 2002. – С.88.

257 Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация: модели влияния. Как устанавливается повестка дня? / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. Институт философии и права УрОРАН, 2001. - С. 31.

учета данного обстоятельства является то, что социокультурная действительность постоянно изменяется. Неограниченные информационные потоки не только активно трансформируют систему масс-медиа, но и, прежде всего, расширяют ее возможности в сфере влияния на ценностно-нормативные представления общества, и, в первую очередь, молодежи. Ценности - «пусковые механизмы» (В. А. Ядов) активности индивида. Они влияют на содержание его общественной деятельности и жизненный выбор, а если говорить о молодых людях, то ценностно-нормативный контекст их поведенческих практик определяет будущее общества, его ценности и культуру.

Проблема влияния масс-медиа на сознание индивида всегда вызывала острый интерес как зарубежных, так и отечественных исследователей. Трудно найти социально-философскую или социологическую школу, философа или социолога с именем, который не касался бы данного вопроса, рассматривая его с самых разных сторон. В работах зарубежных исследователей наметились два подхода к проблеме медийного влияния: «сильного и минимального влияния»[258] Представители первого подхода делают акцент на тотальной силе влияния СМИ, их «всемогущества» в процессе навязывания стереотипов массовой культуры и формирования пассивности аудитории. Так, Элизабет Ноэль-Нойманн убеждена во всемогуществе СМИ, Сандра Болл-Рокич и Б. Дефлер указывают на изменение системы мыслей, позиций, убеждений индивида под воздействием медиа, Ю. Хабермас склоняется к мысли, что СМИ - орудия манипуляции, а медийная аудитория - пассивный объект использования манипулятивных технологий. М. Хоркгеймер и Т. Адорно определяли масс-медиа (в частности радио) как «инструмент надувательства масс»[259]. По мнению Г. Маркузе, само медийное манипулирование общественным сознанием порождает такое явление, как «одномерный человек», который имеет «ошибочное сознание, наделенное иммунитетом от собственной

258 Деннис Э. Беседы о масс-медиа / Э. Деннис. – М.: Вагриус, 1997. – С.139.

259 Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М.Н. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. - М.: Изд-во МГУ, 2003.

неправильности. Ж. Бодрийяр, характеризуя основные черты масс-медиа, отмечает «небывалый до этого уровень опосредствования опыта людей средствами массовой коммуникации, особенно телевидением, и расцвет потребительского общества»[260] .

Социолог А. Моль, не без основания, утверждает, что не система образования формирует знание современного человека, а масс-медиа, которые «фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее сквозь свои фильтры. Они выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особую значимость, повышают ценность одной идеи, обесценивая другую; поляризуя, таким образом, все поле культуры. То, что не угодило в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не влияет на развитие общества». СМИ формируют «мозаичную» культуру, сутью которой является то, что современный человек накапливает знания, которые представляют собой «разрозненные отрывки, связанные простыми, случайными отношениями близости во времени, в созвучности идей или ассоциаций», потому что приобретены они не путем целеустремленной деятельности, а в результате «непрерывного, неблагоустроенного, избыточного, случайного» потока самой разнообразной информации», которая «заставляет <...> оставаться на поверхности вещей, ни во что не углубляясь»[261].

Основателями другого подхода к проблеме медийного влияния, которое получило в научной среде название «парадигмы эффектов», стали американские социологи Б. Берельсон, Дж. Клеппер, П. Лазарсфельд, Г. Лассуэлл, Р. Мертон и другие. П. Лазарсфельд обосновал положение о том, что влияние масс-медиа на общество носит опосредствованный характер. Идеи часто передаются от радио и газет к лидерам общественной мысли, а от них - к менее активным слоям населения. Их передача осуществляется по схеме «СМИ => лидер общественной мысли => индивид, который ориентируется на этого лидера»[262]. Ауди-

260 Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М.М. Назаров. – М., 1999. – С.68.

261 Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – С.39.

262 Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация: модели влияния. Как устанавливается повестка дня? / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг. – Екатеринбург: Гуманитарный университет.

тория воспринимает мнение медиа как мнение профессионала-эксперта, потому «любое упоминание о человеке или явлении в СМИ повышают их статус, престиж и власть», более того, именно медиа способны публично подтвердить, а значит и укрепить моральные требования / ориентиры общества[263].

Следовательно, можно отметить, что общей точки зрения на проблему влияния масс-медиа на сознание и поведение индивида в социологической литературе нет, но, тем не менее, четко прослеживается тенденция: современные масс-медиа являются значимым социальным институтом, который мощно влияет на формирование общественной мысли и массового сознания, нередко манипулируя ими в интересах определенных финансово-политических групп, что особенно проявляется в периоды избирательных кампаний. Кризис традиционных духовно-моральных ценностей, пропаганда и культивирование массовой культуры в масс-медиа, особенно отражается на мировосприятии и поведении молодежи. В «кризисном социуме» (Н. И. Лапин) возникают и заостряются конфликты, распадаются социальные связи. Все это отражается на деятельности и развитии социальных институтов, традиционно связанных с социализацией личности (семья, воспитание, образование). Проявление этой тенденции объясняется динамическими процессами, происходящими в политической, экономической сферах общества, изменением культурных, бытовых стандартов, что ведет к разрушению авторитета взрослых (родителей), к серьезным противоречиям в ценностных ориентациях «родителей» и «детей». Под сомнение попадает преемственность поколений. Польский ученый Р. Капучинский объясняет это специфическим развитием масс-медиа и информационных технологий. Электронная революция второй половины XX ст. проложила глубокую бездну между двумя поколениями, обладателями двух разных менталитетов. Эта революция создала новый мир - мир компьютера, медиа, Интернета, виртуальной реальности, с которыми идентифицируется новое поколение.

Институт философии и права УрОРАН, 2001. - С. 38-39.

263 Сафарян А.В. СМИ как „четвертая власть" и институт социализации" / А.В. Сафарян // Общенацион. научн.-полит. журнал „Власть". – М.: Б/И., 2008. - №5. – С.64.

Старшее, «довиртуальное» поколение или уже не чувствует себя способным к изменениям, или не может пробудить в себе интерес к кибернетизированному пространству. В результате два поколения сосуществуют рядом, но проживают в двух разных реальностях[264].

Кризис переживает также институт направленной социализации - система образования. Она не в состоянии подготовить молодежь к стремительному темпу жизни в условиях социокультурных трансформаций. С приходом постмодерна, отмечает С. М. Одинцова, фраза «современный учитель - защитник моральных и эстетических ценностей» воспринимается как надоевшая архаика[265]. То же касается книг. Один из авторов этого раздела в своих исследованиях неоднократно фиксировала, что значение и статус книг, которые заменил Интернет, телевидение, значительно снизились в молодежной среде и потеряли бывшую воспитательную роль[266]. Молодые люди, активно усваивая рекламируемые в медийном пространстве программы развития общества и включая их в свою ценностную основу, в конце концов, попадают в зависимость от глобальной информационно-коммуникативной системы.

Нельзя не признать, что институт масс-медиа, благодаря всепроникающему характеру и всеобъемлющему вниманию, способности распространять разноплановую, эмоционально привлекательную информацию и оперативно реагировать на изменяемые условия, возможности использовать весь спектр психологических приемов, существенно влияет на ориентацию индивида в динамичном мире. О. Тоффлер, говоря о роли медийного пространства в социуме, сравнивает его с «информационной бомбой», которая «взрывается в самой чаще людей, осыпая нас шрапнелью образов и коренным образом изменяя

264 См.: Геруля М. Возможности и опасности развития информации в современном обществе / М. Геруля // Журналистика и медиаобразование – 2008: сб.трудов III Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 т. - Т.1 / Под ред. А.П.Короченского. – Белгород: БелГУ, 2008. – С.28.

265 Одинцова С.М. Кинообразование в педагогическом институте / С.М. Одинцова // Проблемы современной кинопедагогики / Под ред. А.П.Черняева, И.С.Левшина. – М.: Изд-во Ассоциация деятелей кинообразования РФ, 1993. – С.113.

266 См.: Чигрина Н.В. Чтение: социально-коммуникативная составляющая : монография / Н. В. Чигрина. – Мелитополь : Издательский дом Мелитопольской городской типографии, 2013. – 208 с.

и восприятие нашего внутреннего мира, и наше поведение»[267].

Конструируя информационный образ действительности, претендующий на реальность, но принципиально отличающийся от повседневной жизни и предлагающий готовые для усвоения социокультурные паттерны поведения, масс-медиа создают в массовом сознании особую картину аксиологии мира, приобретая социализирующее значение в обществе. Более того, можно сказать, что масс-медиа в определенной степени контролируют процесс социализации, поскольку берут на себя функции других социализирующих агентов, которые не всегда отвечают вызову времени, а значит, и не способны подготовить молодых людей к решению инновационных ситуаций, возникающих в модернизирующемся социуме. Увы, часто эти предложения носят иррациональный характер. Поток информации, направленный на современного человека, весьма неоднозначно влияет на его духовно-моральное здоровье, в результате отсутствия в нем достоверности и всесторонности. В этом, по существу, проявляется мимикрическая функция масс-медиа. С одной стороны, современные масс-медиа играют конструктивную роль в обществе, являясь важным источником знаний о мире. По оценкам социологов почти 80% информации дети и подростки получают благодаря СМИ. С другой стороны, масс-медиа играют абсолютно деструктивную роль. Под видом информационной функции, выполняя социальный заказ, они сознательно апеллируют, прежде всего, к чувствам и эмоциям людей, навязывают свою интерпретацию событий, повседневной бытийности. По словам С. Г. Кара-Мурзы, СМИ «отливают умы в одинаковые, стандартные формы и обеспечивают каждой человеческой единице соответствие заданной модели»[268].

Профессор Л. А. Мясникова, исследуя деятельность СМИ, в частности Интернет, тоже акцентирует внимание на манипулятивных технологиях современных масс-медиа и заявляет, что они являются «главным наркотическим средством управления людьми, манипуляции сознанием через пространство

267 Цит. по: Гуревич П.С. Философия культуры / П.С. Гуревич. – М.: Nota bene, 1995. - С. 9-10

268 Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – С.242.

символов, создания виртуальной толпы, которая состоит из автоматизированных, извне ориентированных «одномерных людей»»[269]. Мониторинговые исследования Института социологии НАН Украины в 2003 году, выявили, что свое свободное время 80,7% граждан проводят за просмотром телепередач, 61,1% - за чтением прессы, 42,9% - слушают радио[270].

Исследования, проведенные авторами этого фрагмента монографии в Кривом Роге и Симферополе, показали, что более ¾ респондентов разного возраста и образования смотрят телевидение практически всю неделю, особенно в выходные дни. В исследованиях российских социологов зафиксировано, что уже в начале XXI века 91% горожан России ни одного дня не проводили без телевизора[271]. Ворвавшись в суверенную сферу повседневной жизни, телевидение, пропитанное духом коммерции, а значит ориентированное на массовую культуру, активно пропагандирует «сверхчеловеческие отношения» (А. Зиновьев). В результате ослабляется значение традиционных добродетелей человека, акцентируется внимание зрителей на примитивно-прагматичном аспекте поведения, для которого характерны безмерное потребление и внутреннее освобождение от духовно-моральных ограничений. По существу конструируется модель саморазрушения личности. Интеллектуально-познавательные телевизионные программы, направленные на развитие и накопление фундаментальных знаний скупо представлены на телевидении. Умышленная фрагментация, иллюзорность, «поверхностность», стереотипность информации и одновременно отсутствие системных фундаментальных знаний «делают свое дело», деформируя сознание молодых людей. Мировоззрение рядового молодого человека, сформированное медиа, - мозаика случайных, плохо связанных между собой понятий и ассоциаций.

Если говорить о глобальной сети Интернет, которая поль-

269 Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности / Л.А. Мясникова // Вопросы философии. – 2002. - №7. – С.6.

270 См.: Українське суспільство – 2003: Соціологічний моніторинг / За ред. В.М.Ворони, М.О. Шульги. – К., 2003. – С.610.

271 См.: Зоркая Н.В. Чтение в контексте массовых комуникаций / Н.В. Зоркая // Мониторинг общественного мнения. - 2003. - №2. – С.68.

зуется огромной популярностью в молодежной среде, то, с одной стороны, - это уникальная возможность открыть себе мир, познакомиться с интересными людьми, приобрести новые знания, но с другой стороны, - это огромная разрушительная сила, пропагандирующая аморальность, жестокость, агрессию, культурные эрзац-продукты. Вошедшая в Интернет реклама, охватившая практически все сферы жизнедеятельности человека, даже те, о которых традиционно никогда не говорили вслух, не только стимулирует аудиторию на потребление и гедонизм, но, прежде всего, создает и поощряет определенные стандарты / стили жизни, сценарии поведения, пропагандирует нормы и ценности (скорее, подменяет духовные ценности символами потребления). По существу, реклама навязывает мировоззрение владельцев медиа. Возникают стандарты отдыха, моды, продуктов, стандартизируется само потребление, которое способствует деперсонализации поведенческих практик. Молодежь относится к той части населения, которая наиболее активно воспринимает рекламу, тем более что неустанно поставляя новые яркие варианты стилей жизни, реклама нацелена, прежде всего, на молодых людей. Учитывая то, что в молодежной среде наивысший уровень безработицы и, в целом, молодежь относится к экономически неустроенной и наиболее бесправной части населения, реклама способствует падению престижа честного труда, формирует чувство неполноценности и вынуждает молодых людей ориентироваться на нетрудовые доходы. Жизнь современных людей переполнена рекламной и «желтой» продукцией масс-медиа. Современные мегаполисы изобилуют визуальными медийными образами, которые изымаются из контекстов теле-аудио-фото произведений и вносятся в новые символические информационные потоки. Согласно социологическому исследованию, в ходе которого было опрошено 1000 молодых людей от 14 до 30 лет, 86% опрошенных отметили, что «реклама сообщает информацию о новых, модных теперь товарах и услугах, влияет на стиль жизни общества», 62% молодых людей отметили, что они ценят юмор в рекламе, 60% заявили, что она «подается более ярко, чем

любые культурные или образовательные передачи». Следовательно, приходят к выводу социологи, рекламная информация неявно влияет на установки и ценностные ориентации молодежи[272]. Реклама оставляет в стороне ценности самоотверженного труда, традиционно признанные обществом личностные качества, но настойчиво пропагандирует слабоалкогольные и спиртные напитки (в Украинских СМИ), распространяя в молодежной среде «пивной» алкоголизм. К счастью, в российском медиа-пространстве такая реклама запрещена Законом.

Ученые озабочены ролью масс-медиа относительно усиления тенденции к агрессивности молодежи. Дж. Гербнер, рассуждая об агрессивной модели поведения, сетует: «В истории человечества бывали и более кровавые эпохи, но ни одна из них не была настолько пропитана образами насилия, как наша. И кто знает, куда нас отнесет этот ужасный поток зримого насилия, <...> что просачивается в каждый дом через экраны телевизоров в виде сцен безукоризненно срежисированной жестокости»[273]. Систематический поток информации криминальной тематики, которая обрушивается на аудиторию, способствует привыканию молодежи к насилию и агрессии, формирует у нее представление, что это нормальные составляющие демократического общества. Эскалация негативной информации способствует росту в молодежной среде чувства страха, неуверенности, невротической агрессивности и, в целом, неустойчивости в поведенческой практике. Все чаще молодые люди, на первый взгляд полностью благополучные, цинично убивают своих одноклассников и учителей. До сих пор такие случаи зафиксированы в США и Западной Европе, но и в наших школах уже активно растут ростки жестокости внутри ученических коллективов, увеличивается количество случаев молодежной преступности.

Таким образом, можно отметить неоднозначное влияние масс-медиа на сознание людей. С одной стороны, осуществля-

272 Толмачева С.В. Реклама глазами молодежи / С.В. Толмачева, Л.В. Генин // Социс. - 2007. - №4. – С.56-60.

273 Цит. по: Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс / Перев. с англ. С.Меленевская, Д. Викторова, В. Гаврилов, С. Шпак. – СПб.: Питер, 1999. – С. 521.

ется позитивное влияние медиа на процесс социализации, которое выражается в предоставлении разной информации, способствует эффективной самореализации личности; позволяет качественно трансформировать (изменить) свое положение в социальной структуре и приобрести значимость в динамичном мире. С другой стороны, - четко прослеживается деструктивное влияние СМИ. Подрывая духовно-моральные основы современного человека, искривляя, фальсифицируя исторически сформированную общечеловеческую и национальную иерархию этико-эстетических ценностей, СМИ предлагают ограниченный набор образцов заданных социальных ролей. Они способствуют кризису идентичности, пропагандируют и культивируют массовую культуру, которая, особенно в молодежной среде, становится по существу одним из инструментов первичной социализации. У молодежи формируется эклектическое сознание с расплывчатыми, неустоявшимися, противоречивыми ценностными ориентациями и жизненными приоритетами. Это ведет к тому, что молодежь становится заложником современного масс-медийного пространства. Как правило, возникает социально-психологическая зависимость (болезненная тяга) или независимость; подверженность, притупление аналитических способностей (отсутствие критичности) или самостоятельность (амбициозность, безапелляционность); агрессивность (снижение порога чувствительности) или подавленность, желание погрузиться в сферу иррационального, что неминуемо влияет на социальные повседневные практики жизнедеятельности людей.

В связи с трансформацией социума, СМИ усиливаютт свою позицию в качестве традиционного агента социализации, но при этом, играют неоднозначную роль в динамике общества, особенно в молодежной среде. Они изменяют характер социализации в необходимом для масс-медиа и их медиа-агентов (владельцев, заказчиков) направления, навязывают молодежи социокультурные модели, стили, сценарии поведенческих практик, и, таким образом, в нарушение их свободы и творчества (креативность) в сфере жизнедеятельности, тормозят ин-

тенсивное развитие личности, превращают молодых людей в объект управления, а часто и манипулирования.

Анализ содержательного наполнения понятия «масс-медийное пространство» позволяет сделать определенные выводы. Сегодня происходит трансформация масс-медиа в глобальном и национальном контексте. Из технического средства передачи информации СМИ превратились в организованную по сетевому принципу сложную многоуровневую институциональную систему, которая состоит из взаимозависимых и взаимоувязанных структурных элементов, обеспечивающих друг другу коммерческий успех. Эта система имеет большой интерактивный потенциал, выражающийся в значительном расширении аудитории потребителей. Одновременно СМИ являются специфическим актором, который конструирует особую символическую реальность - масс-медийное пространство, вбирающее в себя часть социального пространства и социальных практик, мировоззренческие представления и ценностные стремления медиа-агентов (владельцев транснациональных корпораций, финансово-политических групп или бизнес-элиты, государственных структур, творцов медиа-продуктов) и их потребителей, символический информационный код - альтернативный виртуальный мир. Этот мир состоит из вербальных знаков, символов, речевых потоков, культурных смыслов, «набора» стандартизированных образов и мифов. Он вызывает суггестивное влияние на ценностную систему массовой аудитории и преодолевает любую рефлексию. В период стихийного рынка логика товара пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. Все является объектом коммуникации и имеет рыночное измерение, информация также становится нужным товаром, благодаря которому владельцы медиа и творцы медиа-продуктов приспосабливают свои цели (завуалированные интенции) к настроению аудитории.

Особенности современного масс-медийного пространства – тотальность влияния и стремления к контролю сознания, экспансия норм и ценностей Запада; адаптивность и жизнестойкость; доступность и самодостаточность; ори-

ентация на символическое внушение и манипулирование сознанием; отсутствие адекватной обратной связи; стремление к глобализации во вред национальной самобытности и культурной идентичности; создание мифологического стереотипного конструкта; превращение виртуальности в реальность; стихийность, неограниченность и агрессивная навязчивость; определение актуальности; превращение социальной действительности в «рынок» информации; упрощение коммуникации и осложнение / сокращения социальных отношений и связей; осуществление мобилизации общества в глобальных масштабах; ограничение способности индивида к логическому анализу явлений, процессов социальной жизни; стремление поверхностно рассматривать социальные проблемы и публично утверждать социальные нормы в обществе; легитимация социального статуса; стремление аккумулировать настоящие достижения мировой культуры; поляризация визуализации; «примитивизация». Всё это не исключает противоречивый характер современного института масс-медиа в условиях глобализации мира.

Резюме: масс-медиа не только обеспечивают преемственность поколений, формируют гуманистическое мировоззрение, но и порождают (особенно в молодежной среде) амбивалентность ценностных ориентаций, неопределенность социальных позиций, и, в целом, вызывают кризис идентичности, формируя в молодых людях эклектическое сознание, превращающее их в заложников медийного пространства, что актуализирует проблемный характер СМИ и требует особого внимания к их деятельности, как проводнику идеологии.

§ 2 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

На всех этапах развития человеческой мысли ученые обращались к проблеме происхождения и сущности власти, включая пути и способы ее обретения и функционирования. Осмысление этой проблемы постепенно становилось предметом исследования философской, социологической, политической, экономической, морально-этической, правовой и психологической мысли. В науке никогда не прекращались дискуссии о сущности власти и условиях ее оптимального осуществления, в первую очередь, через уяснение роли идеологии в этом процессе.

Длительное время в нашей стране проблемы идеологии, как и проблемы политической власти, изучались односторонне, когда отождествлялись понятия «политическая власть» и «государственная власть», подчиненные единой идеологии. При этом, проблема выборов как формы проявления гражданской позиции людей в политике, выражения своих идеологических позиций, а, тем более, проблема модели электорального поведения и факторов формирования электорального выбора идеологически сводилась к «выражению единства позиций рабочих, колхозников и интеллигенции, коммунистов и беспартийных». Безальтернативность власти и коммунистической идеологии, а, следовательно, безальтернативность голосования исключили, на длительное время, это направление социологии из спектра научных исследований. Между политическим участием наших граждан, которое в любом обществе является результирующим показателем политической самоидентификации личности, и состоянием общественного сознания нельзя было ставить знак равенства. Прежде всего, это относилось к выборам. Рядовые граждане СССР шли к избирательным урнам и отдавали свои голоса «блоку коммунистов и беспартийных» либо безальтернативным кандидатам. В такой ситуации формула американского политолога Дж. Нагеля, в соответствии с которой участие в выборах может трактоваться как действия, с по-

мощью которых рядовые члены любой политической системы пытаются влиять на результаты ее деятельности[274], теряла свой смысл, ибо в общественном сознании советских граждан укоренился стереотип о предопределенности результатов выборов. В изменившейся ситуации избиратель, по существу, впервые сталкивается с новой, непривычной для себя ситуацией, когда выборы обретают альтернативный характер, когда он может выбирать между партиями и их платформами или отдельными кандидатами, либо вообще не идти на выборы. В этом смысле действия избирателя приобретают инновационный характер, к которому не привыкло большинство наших сограждан.

Как известно, демократические выборы являются одним из важнейших показателей отношения населения к политическим институтам общества. Именно избиратели должны сопоставить идеологические платформы партий и их кандидатов, оценить предлагаемые ими программы решения социально-экономических и политических, общенациональных и региональных задач и определить на этой основе шансы соискателей, претендующих на избрание. Многовековая практика выборов показывает, что сделать такой выбор рядовому человеку достаточно нелегко, а потому политиками и учеными, специализирующимися в этой области, изучаются различные типы электорального поведения, анализируются составляющие этого поведения, на основе которых предлагаются некоторые модели. Методологические положения М. Вебера об электоральном поведении как сознательном, субъективно мотивированном индивидуальном действии избирателей, нашедшие свое отражение в сформировавшейся на Западе на стыке политологии, социологии и психологии – псефологии (psephology), в постсоветской науке ожидаемо стали предметом поиска различных научных дисциплин. На наш взгляд, это связано с рядом объективных и субъективных обстоятельств.

Во-первых, - это переходное состояние постсоветского общества, при котором именно политическая сфера впитывает в себя противоречия экономической, социальной и

274 Nagel J.N. Participation. – N.Y. – 1976. – P. 1-3.

духовной сфер развития общества и ретранслирует эти противоречия в виде часто противоположных идей, концепций и доктрин, а в итоге – моделей политического поведения и политического участия.

Во-вторых, - это экономическая, политическая и социальная неструктурированность переходного общества, в условиях которой крайне трудно, с позиций одной науки, найти и сгруппировать рациональные зерна электорального поведения подавляющей массы населения, вследствие потенциальной или реальной маргинальности его статусов.

В-третьих, - это существенные различия в экономических, социальных, политических, (включая геополитическую составляющую) и идеологических стартовых условиях государств, образовавшихся на территории бывшего СССР. Отсюда вытекают и поиски вариантов политических систем, отражающих эти условия и приемлемых для конкретного государства и, соответственно, идеологий, на которых эти системы строятся.

В-четвертых, можно с уверенностью говорить об имевшей место неопределенности междисциплинарных связей наук, образовавшихся «на развалинах» марксистско-ленинской теории, прежде всего, исторического материализма и научного коммунизма.

Говоря об идеологическом аспекте электорального поведения, следует учесть, что именно электоральное участие представляет собой наиболее распространенную в переходном обществе форму активности рядового гражданина в политической жизни общества, страны.

Попробуем сформулировать две научные проблемы, решение которых позволило бы в концентрированном виде сформулировать концепцию роли идеологии в электоральном поведении людей в условиях общества переходного периода, которое некоторые ученые именуют «транзитивным».

Первая проблема заключается в выяснении вопроса, — в какой степени поведение избирателя во время выборов является отражением его стремления к личностному участию в политической жизни; выполнению гражданского долга; какова мо-

тивация избранного типа электорального поведения; а также, какова доля идеологической составляющей в электоральном поведении людей и их электоральном противоборстве.

Вторая проблема состоит в выяснении вопроса, — какие модели электорального поведения граждан являются наиболее характерными для переходного общества; какие факторы, и в какой степени определяют эти модели; имеются ли различия в моделях электорального поведения граждан стран, входящих в постсоветское пространство.

При этом можно вести речь о том, что к настоящему времени каждая из наук, занимающихся изучением политического поведения людей, обладает «своим набором» концепций наиболее вероятного электорального поведения. Суммируя эти концепции относительно объекта и предмета исследования, их можно определить следующим образом:

• социологические или статусные, которые связываются с именами Б. Берельсона, П. Лазарсфельда, М. Липсета, С. Роккана и других авторов, определяющих электоральное поведение избирателей их солидарностью с определенными социальными группами;

• социально-психологические, делающие упор на то, что в основе электорального поведения людей лежат сугубо личностные характеристики (Р. Вольфингер, С. Розенстоун), что солидарность избирателей с определенными партиями и их идеологиями формируется уже в процессе ранней социализации (А. Кемпбелл, Ф. Конверс, В. Миллер, Э. Стокс). К ним примыкает концепция, в соответствии с которой избиратели психологически подразделяются на тех, кто голосует бессознательно, полусознательно и вполне сознательно на базе сложившихся интересов и ценностей (Г. Рамонд);

• теория рационального выбора, которая связывает выбор электоратом определенных партий и кандидатов с социально-экономическими интересами избирателей[275].

Однако ряд исследователей настаивает на том, что социо-

275 См.: Вишняк О.І. Електоральна соціологія: історія, теорія, методи. – К.: Ін-т соціології НАНУ, 2000. – С. 153-211.

логические и социально-психологические концепции могут быть объединены, ибо они имеют общую ключевую категорию «солидарность». Если в соответствии с социологической (статусной) концепцией elektor (избиратель) в своем поведении солидаризуется с определенной социальной группой, к которой он принадлежит, то социально-психологическая концепция, не отрицая значимости социально-экономических характеристик избирателя, доказывает, что солидаризуется он не с группой, а непосредственно с определенной партией. В связи с этим, Ю.Д. Шевченко предложила операционализировать социальный статус избирателей таким образом, чтобы «данную переменную можно было инкорпорировать в социально-психологическую концепцию голосования»[276]. Она предлагает называть эту концепцию «экспрессивной» вследствие преобладания в поведении избирателей социально-психологических моментов. В своем интегрированном виде она получила название теории «расколов» и была предложена М. Липсетом и С. Рокканом[277]. Анализируя ее, Е.В. Попова подчеркивала, что основным объяснением здесь служат исторически складывающиеся структурные конфликты на социетальном уровне (не без участия идеологии), которые «замораживаются» в политической системе и определяют структуру политического соревнования и электоральных предпочтений[278]. Автор справедливо утверждает, что заявленная концепция приемлема только для стабильных, жестко структурированных обществ. В условиях переходного посткоммунистического общества ее объясняющая способность при анализе электоральных процессов, в частности, электорального поведения людей, существенно снижается. Взамен этой концепции была предложена теория так называемого проблемного подхода, при котором идеологическая составляющая становится «одной из…». В основе этого подхода лежит концепция Э. Даунса, согласно которой изби-

276 Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России. ПОЛИС. – 1998. - №1. – С. 130-136.

277 Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments. – Mair P. (ed.) *The West European Party System.* – Oxford. – 1990.

278 См.: Попова Е.В. Проблемные измерения электоральной политики в России: губернаторские выборы в сравнительной перспективе. – ПОЛИС. – 2001. №2. – С. 47-57.

ратель в своем поведении руководствуется двумя основными соображениями – близостью своих проблемных позиций к аналогичным позициям партии или кандидата и рациональным определением возможной выгоды от победы той или иной партии или кандидата[279]. Несмотря на внешнюю привлекательность этой концепции, можно однозначно констатировать, что в условиях переходного общества, не говоря уже о характере конкретных выборов, она не может претендовать на всеобщее объяснение электорального поведения людей.

Во-первых, переходный характер общества от выборов к выборам формирует массу проблем, которые в разной степени касаются конкретных слоев общества, к слову, часто – маргинализованных, а, следовательно, порождают всплески и падения интереса к ним со стороны разных групп избирателей. Идеология здесь отходит на второй план.

Во-вторых, и сами проблемы, и предполагаемые выгоды от их решения весьма неоднозначны на выборах, скажем, общенационального, или регионального характера. Недаром существует расхожее выражение политтехнологов – «канализация беспартийна».

Вследствие этого в научных кругах стали формироваться новые подходы к попыткам обобщенного анализа электорального поведения. Речь, в частности, может идти о маркетинговой концепции электорального поведения, которая востребуется при анализе электорального поведения. В основе ее методологии лежат понятия политического рынка, субъектов создания и продвижения политического «товара», средств и методов его «продвижения»[280].

Поэтому представляется необходимым осуществить анализ основных моделей электорального поведения, применительно к заявленным выше концепциям, предпослав описанию наиболее распространенных ныне моделей электо-

279 Downs A. An Economic Theory of Democracy. – N.Y. - 1957.

280 См.: Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1993; Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. – М.: РОССПЭН, 1998; Полторак В.А. Политический маркетинг. – Днепропетровск: Изд-во ДАУБП,2001; Его же: Социология и политический маркетинг (Размышления о судьбе практической функции социологии в современной Украине). – Социология: теория, методы, маркетинг. – 2003. - №2. – С. 5-15; Недяк И.Л. Политический маркетинг. Основы теории. М.: Издательство «Весь мир», 2008.

рального поведения, несколько замечаний методологического и методического характера.

Во-первых, любая модель, в том числе и модель электорального поведения должна пониматься как «представление об объекте, системе или идее в некоторой форме, отличной от самой целостности»[281]. По мнению Ч. Лейва и Дж.Марча, любая модель всегда проще тех явлений, которые она отображает или объясняет[282].

Во-вторых, для научного анализа стратегического планирования избирательных кампаний модели электорального поведения следует рассматривать исключительно в контексте электорального пространства (поля), подобно тому, как это сделано П. Бурдье[283].

В-третьих, вслед за К.В. Симоновым, следует признать, что модели электорального поведения, как и любые другие политические модели носят, по преимуществу, аналоговый характер, представляя видимый аналог, который «ведет себя» как реальный объект, но не выглядит как таковой[284].

Электоральное поведение есть *комплексное типологизированное отражение реального поведения избирателей, определяемого совокупностью внутренних и внешних, объективных и субъективных мотивов участия в выборной кампании, итогом которого является акт голосования или отказа от него.*

Почему столь серьезное внимание уделяется характеристикам электорального поведения? Дело в том, что альтернативные выборы предполагают определенное противостояние идей и действий, противостояние моделей поведения избирателей. Рассмотрев эти модели, можно выявить в них идеологические составляющие, поскольку сегодня упрощенное понимание идеологии, проявляющейся в социальных, а, следовательно, в электоральных практиках, представляется неуместным. Недаром в одном из многочисленных определений идеологии содержится весьма интересное замечание: «…люди осмысливают свой внутренний опыт, а он всегда частичен. К частич-

281 Shannon R. System Simulation – The Art and Science. Engelwood Cliffs. – N.Y. – 1975. – P. 5

282 Lave Ch., March J.G. An Introduction to Models in Social Sciences. – N.Y.: Harper and Row. – 1978. – P. 3

283 См.: Бурдье П. Цит. соч. – С. 48-58.

284 См.: Симонов К.В. Политический анализ: Учебное пособие. – М.: Логос, 2002. – С. 95.

ности опыта присоединяются ценностные ориентации и цели деятельности людей и их различных корпораций, которые модифицируют содержание знания об общества.

Развитие свободы в Западной политике привело к возникновению либерального сознания, которое становится оппозиционным по отношению к господствующей государственной ментальности, которая до этого момента была доминирующей. Возникает дихотомия официальной и оппозиционной идеологии, которые взаимодействуют сложным образом, в зависимости от соответствия общества и государства»[285].

Анализируя весьма поучительную статью Отто Кирххаймера «Трансформация партийной системы Западной Европы»[286], следует обратить внимание на его замечание, в соответствии с которым партии вынуждены отходить от жесткой идеологической платформы. И. Л. Недяк также обратила внимание на данный аспект политического и электорального поведения избирателей, отмечала, что этот отход продиктован размыванием социально-классовых границ, фрагментацией общества, «деполитизацией политики», деидеологизацией,… индивидуализацией и рационализацией поведения избирателей»[287].

Поэтому сегодня было бы неправомерно рассматривать идеологическую составляющую электорального противоборства в ограниченном пространстве «левые ↔ правые». Необходимо разобраться в действующих моделях электорального поведения и противостояния.

Наиболее простой выглядит *социально-демографическая модель*, которая объясняет электоральное поведение избирателей принадлежностью к определенным социально-демографическим группам, имеющим общие признаки: половозрастные, образовательные, этнические, семейные, нередко – поселенческие и региональные. Очевидно, что эта модель не может восприни-

285 Политология. Словарь. — М: РГУ, 2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/62/Идеология.

286 Otto Kirchheimer. The Transformation of the Western European Party Systems // Joseph La Polombara and Myron Weiner (eds.), Political Parties and Political Development, Princeton University Press, 1966.

287 Недяк И.Л. Политический маркетинг. Основы теории. М.: Издательство «Весь мир», 2008. – С. 228.

маться как однозначно эффективная. На ее основе достаточно редко удается исчерпывающе объяснить различия в поведении тех или иных групп избирателей. Однако, утверждать, как это делают некоторые исследователи (например, А.И. Вишняк и др.), что эти признаки не влияют на содержание и характер электорального поведения людей, было бы, по нашему мнению, неправомерно. Так, неоднократными исследованиями центра «Социо» выявлена закономерность, в соответствии с которой гендерный признак влияет на параметры электорального поведения:

• принятие окончательного решения о выборе той или иной партии или кандидата с большей степенью устойчивости присуще мужчинам, нежели женщинам. Любые, часто самые незначительные причины (компромат, мнение знакомых и друзей, появление симпатий к другой политической силе или к кандидату), как правило, повышают подвижность «женской части» избирателей;

• женщины, как правило, в большей степени, чем мужчины, голосуют по гендерному признаку. Так, в 62% базового электората Н. Витренко составляли именно женщины, а на выборах по многомандатному округу в составе базового электората «Жінок за майбутнє» (Женщины за будущее) они составляли 82,7%. Позднее женщины активнее мужчин поддерживали Ю. Тимошенко, Н. Королевскую и других.

Думается, что сводить ситуацию к простой женской солидарности было бы неправомерно. О.Н. Пищулина, которая изучала эту проблему в начале 2000-х гг., отмечала: «Мы можем предположить, что электоральное поведение, политическая активность, какие-либо формы его проявления, а также способы описания находятся в зависимости не только от культурного типа, но и доминирующей гендерной парадигмы в общество т.е. определенная модель мужественности и женственности находит отражение в гендерных ролях, и это отражение, со всеми его атрибутами, проявляется в общественном сознании, как в вербальных, так и невербальных формах выражения»[288].

288 Пищулина О.Н. Гендерный аспект структурирования политического пространства Украины. - Вісник Харківського національного університету ім. Каразіна 489/2000. – с. 61-67.

Наши исследования 2002 года (7 областей Украины) показали, что в электоральном поведении начинают просматриваться элементы своеобразной маскулинной и феминной идеологий. При этом в слабоструктурированном украинском обществе мы фиксировали случаи поддержки мужчинами симпатичных женщин-кандидатов и наоборот. Формулируя характер влияния возрастного признака на электоральное поведение, мы исходим из межпоколенных различий, которые существенно воздействуют на все основные его параметры – от электоральной активности до определенности и устойчивости выбора. Для нас ясно, что возрастные параметры в электоральных исследованиях предполагается увязывать с социальной и электоральной практикой общества. Эта увязка была осуществлена в следующих гипотезах исследований, предшествовавших написанию этого фрагмента монографии.

Во-первых, возрастная, а точнее – поколенная, принадлежность избирателей оказывает существенное влияние на их электоральную активность. Поколение 18-30-летних избирателей практически не столкнулось с тотальным голосованием, принятым в СССР, а попытки применения административного ресурса в плане обязательного прихода на участки на это поколение избирателей, особенно в городах, особого воздействия не оказывают. Примерно так же «активны» и представители поколения, приобретшего свой социальный статус «в конце социализма» и ухудшившего этот статус за десятилетие транзитивного развития общества и страны, т.е. люди в возрасте от 31 до 40 лет. Их весьма остроумно назвал «потерянным ремарковским поколением» в своей диссертационной работе С.А. Белоусов, с которым мы совместно, в рамках региональной программы исследований центра «Социо», осуществляли репрезентативные опросы общественного мнения в Днепропетровской и Запорожской областях в 1998-2003 гг.[289].

Наши, более поздние, исследования подтвердили сделанные выводы. Уровень электоральной активности растет сообразно

289 См.: Білоусов С.А. Об`єктивна основа і суб`єктивні фактори електорального вибору населення в умовах суспільства, що трансформується (на матеріалах південно-східного регіону України). – Дис. канд. політ. наук. – К.: 2003. С. 95-98.

поколенной принадлежности, достигая своего пика к 50-летнему возрасту, после чего начинает несколько снижаться. Еще на выборах 1998 года феномен снижения электоральной активности 60-летних нами не наблюдался, в то время, как в 2002 году в ходе исследований, проведенных нами в 5 округах Запорожской области и 3 округах Днепропетровской области, он стал фиксироваться практически везде.

Таким образом, поколенная принадлежность, увязываемая с социальным статусом людей, является одним из факторов, определяющих одну из стержневых проблем их электорального поведения – электоральную активность.

Поколенная принадлежность оказывает влияние и на мотивирующую составляющую электорального поведения, т.е. его идеологию, «проникая», таким образом, в иные модели электорального поведения – статусную, социально-психологическую, так называемую «мичиганскую модель» и т.д. Речь идет о том, что различные поколения по-разному реагируют на экономические, социальные, политические и идеологические процессы, происходящие в обществе.

А посему, любая электоральная стратегия, будь то стратегия партийная, либо стратегия отдельного кандидата, должна учитывать типы экономической и социально-политической идентификации электората. Эти типы, как показывают результаты наших исследований, имеют достаточно ярко выраженную поколенную определенность. Если поколение выросло, обрело статус, прошло, наконец, первичную и вторичную социализацию, обретя стабильные ориентиры по всем указанным выше параметрам, при социализме, то и ориентироваться оно будет, по большому счету, на социализм, чего не скажешь о поколении, которое формируется по этим же параметрам в качественно иных условиях. Это положение можно подтвердить материалом таблицы (Днепропетровская, Запорожская области, февраль 2002 года)

Понятно, что еще рано говорить о том, что «победил капитализм» или «рыночный социализм», но тенденции в оценке путей общественного развития достаточно красноречивы.

То же в полной мере можно отнести и к такой же важной для простого избирателя проблеме, как богатство и бедность. Вот как отвечают респонденты того же исследования:

Таблица 1

Сегодня наше будущее во многом неопределенное, какие, на Ваш взгляд, его варианты являются наиболее вероятными? (%, N=1480)

	социализм	**капитализм**	**общество: объединяющее некоторые черты социализма и капитализма**	трудно сказать
18 – 30 лет	9,3	13,9	30,6	46,3
31 – 40 лет	16,7	24,1	29,6	29,6
41- 50 лет	23,3	11,7	34,2	30,8
51- 60 лет	26,0	20,8	34,4	18,8
Старше 60 лет	34,5	10,1	29,2	26,2

Таблица 2

От каких факторов зависит бедность или богатство людей? (%, N=1480)

	быть богатым и бедным в основном зависит от самого человека	**это зависит преимущественно от внешних обстоятельств**	**это в равной степени зависит от человека и внешних обстоятельств**	**затрудняюсь ответить**
18 – 30 лет	19,4	28,7	38,9	13,0
31 – 40 лет	18,5	31,5	39,8	10,2
41- 50 лет	15,0	35,0	40,8	9,2
51- 60 лет	15,6	37,5	40,6	6,3
Старше 60 лет	7,7	34,5	45,8	11,9

Из таблицы следует, что старшие поколения, выросшие в принципиально иных условиях, чем те, в которых им приходится жить сегодня, выдвигают на первый план «фактор внешних обстоятельств», т.е. государство, общество, в то время, как первые два поколения начинают понимать, что только личная инициатива может стать источником благосостояния, без всяких надежд на «доброго дядю». Отсюда следует вывод о том, что *учет поколенной принадлежности избирателей должен*

присутствовать при построении любой модели электорального поведения при разработке идеологии кампании в силу его действенности в процессе соидентификации избирателей.

Достаточно весомым является и образовательный фактор, который влияет как на активность избирателей, так и на мотивацию их выбора. В ряде последних исследований мы обнаружили закономерность, в соответствии с которой, чем менее прозрачными и демократичными являются выборы, чем больше в них «вес» административного ресурса, тем более пассивны люди с высоким уровнем образования. Этот фактор тесно взаимоувязывается с так называемой статусной или социологической моделью электорального поведения, поскольку люди с высшим или средним специальным образованием занимают иные ступени социально-иерархической лестницы, нежели люди с неполным средним образованием. Но как раз последние, как правило, составляют ядро активного электората, реализуя, таким образом, понимание своей социальной миссии, в то время, как более образованные избиратели пополняют ряды абсентиентов, видя, что исход подобного рода выборов предрешен. Итоговый вывод по результатам анализа социально-демографической модели электорального поведения выглядит так:

• неправомерно сводить электоральное поведение людей к одним только социально-демографическим признакам;

• некорректно как с научной, так и с практической точек зрения принимать любую другую модель поведения избирателей, основанной на какой-либо из рассмотренных выше концепций, без учета степени воздействия на него гендерных, возрастных, образовательных и иных социально-демографических факторов;

• формировать идеологию и стратегию избирательной кампании можно только через фундаментальный анализ социально-демографической структуры электорального поля, включающий в себя не только сугубо количественные параметры, но и некоторые качественные черты, предложенных выше.

Переходя к анализу следующей модели электорального поведения, следует отметить, что факт, в соответствии с которым

основные характеристики, определяющие социальный статус избирателя, влияют на его электоральное поведение, сомнений сегодня ни у кого не вызывает. Впрочем, этот непреложный факт был также выявлен экспериментальным путем сотрудниками социологической школы П. Лазарсфельда еще в 40-х – 50-х годах прошлого века. Именно Лазарсфельд впервые дифференцировал избирателей, с целью выявления механизма их электорального поведения, по таким характеристикам, как социально-классовая, расовая и этническая принадлежность, уровень доходов[290]. С точки зрения, П. Лазарсфельда «процесс голосования является не столько свободным волеизъявлением личности, сколько демонстрацией солидарности индивида с определенной социальной группой»[291]. Возможно, поэтому данную модель голосования, соответствующую описанной выше статусной или социологической теории называют социально-статусной, а иногда - классовой. П. Лазарсфельд и его сотрудники, работавшие при Колумбийском университете США, также дифференцировали избирателей по степени устойчивости их электоральных ориентаций. К 1954 году в орбиту их исследований был включен также ряд других параметров социального характера, которые, правда, ранжировались достаточно произвольно[292].

Анализируя все «за» и «против» использования статусной модели электорального поведения, необходимо признать, что именно через призму основных социальных характеристик на постсоветском пространстве все более отчетливо проявляются последствия нарастающего социального расслоения и экономической дифференциации. Среди социальных груш уже начали выделяться явные лидеры и аутсайдеры. Как показывают результаты опросов, проявляются соответствующие различия в голосовании за партии с различными политическими и экономическими платформами, а также за кандидатов, эти платформы олицетворяющих. Вот, например, как формулиру-

290 См.: Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. – С. 115-116.

291 Вишняк О.І. Електоральна соціологія: історія, теорія, методи. – К.: Ін-т соціології НАНУ, 2000. – С. 154, 155-157.

292 Berelson B., Lasarsfeld P., McPhill W.N. Voting. A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. – Chicago, 1954.

ют свои экономические ориентации респонденты нашего исследования 2012 года (две позиции ответов опущены, поскольку являются второстепенными):

Таблица 3

Зависимость экономических ориентаций от социально-профессионального статуса респондентов (%, N=1100)

	я убежденный сторонник плановой экономики;	**я сторонник рыночной экономики и многопартийности в политической жизни;**	**я не против рын. реформ, но за более высокий уровень соц. защиты граждан;**	**затрудняюсь ответить.**
Рабочие	10,4	7,4	28,9	23,0
Работники сельского хозяйства	21,0	6,5	27,4	14,5
ИТР, служащие	10,1	9,5	47,9	11,2
Интеллигенция	14,4	8,9	36,7	12,2
Пенсионеры	28,4	5,0	25,3	17,8
Безработные	7,4	4,2	24,2	20,0
Предприниматели	0,0	20,8	29,2	16,7

Из таблицы видно, что пенсионеры и рядовые крестьяне, в отличие от предпринимателей, являются сторонниками плановой экономики, что интеллигенция (а это в большинстве случаев бюджетники) склоняется к социально-ориентированной модели развития общества.

Тем не менее, опора исключительно на эту модель электорального поведения при стратегическом планировании избирательных кампаний представляется весьма шаткой, ибо дальнейшая практика изучения содержания и характера электорального поведения с помощью социологического мониторинга, а также теоретические построения классиков современной политологии показали, что даже в условиях разных стран, относящихся к обществу с развитой рыночной экономикой, «классовая модель» работает далеко не всегда. По этому поводу существуют даже противоположные точки зрения. Так, если Ж. Бодуэн к числу наиболее результативных факторов электорального выбора относит статусные характеристики

электората[293], то П. Бурдье считает, что «связь, наблюдаемая обычно почти во всех областях социальной практики между социальным классом и деятельностью либо мнениями людей, очень слаба в случае электорального поведения»[294].

Проблематичным представляется и слепое следование этой модели электорального поведения в условиях транзитивного общества с его маргинальной социально-профессиональной структурой. Во-первых, далеко не всегда понятно, идеологию какой социально-профессиональной группы выражает та или иная партия, тот или иной кандидат. Во-вторых, внутренняя аморфность большинства социально-профессиональных групп порождает и известную аморфность электоральных ориентаций, а, следовательно, и электорального поведения.

Наша точка зрения созвучна с оценками ряда российских и украинских политологов и социологов. Так, Российские исследователи А. Ослон и Е. Петренко на материалах опроса, проведенного на выборах 1993 года на базе фонда «Общественное мнение», отмечают, что из 13 блоков и партий, по которым проводилось голосование, только четыре обнаруживают значимые различия числа голосов, поданных за них в разных социально-профессиональных группах: ЛДПР, ВР, КПРФ и ЯБЛОКО. По остальным блокам и партиям практически нет существенных (превышающих 5%-и порог) отличий между группами и населением в целом[295]. А политтехнолог О.П. Кудинов утверждает, что «часто сами такие социальные слои и группы не готовы воспринять и поддержать эту идеологию, ориентируясь не на стратегическую перспективу, а на текущие потребности, сиюминутные обстоятельства, образ популярного политического лидера и т.д. В этом случае они, оставаясь социальной базой одной партии, в то же время могут составить электоральную базу другой»[296].

В полной мере это относится и к «экс-украинскому», т.е.

293 См.: Бодуен Ж. Вступ до політології / Пер. з фр. О. Марштупенко. – К.: Основи, 1995. – С. 84-85.

294 Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 176.

295 См.: Ослон А., Петренко Е. Факторы электорального поведения: от опросов к моделям. - Вопросы социологии. – 1994. - № 5. – С. 3 – 26.

296 Кудинов О.П. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России: Теории, методы, технологии, практика. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – С. 43.

крымскому электорату. В 2012 году, проводя исследования в Крыму, мы обратили внимание на то, что социально-профессиональная структура электората КПУ существенно отличается от социально-профессиональной структуры электората некоторых других партий. Среди сторонников коммунистической партии было почти 26 процентов пенсионеров. Это при том, что в выборах участвовала еще одна Коммунистическая партия «рабочих и селян» под предводительством Л. Грача. В то же время среди пенсионеров практически не было сторонников «Свободы», Народной партии В. Литвина, вынырнувшей из небытия «Нашей Украины». Наоборот, лидерами электората «Батькивщины» стали домохозяйки (вот вам и гендерная ситуация), а также люмпенизированные слои населения Крыма.

Сопоставление представленных данных дает основание утверждать, что в условиях транзитивного общества социально-профессиональные параметры электорального поведения, безусловно, присутствуют, создавая «эмоциональный шум кампании», хотя и не являются определяющими как при формировании мотивации голосования относительно партий и блоков, так и относительно мотивации голосования за отдельных кандидатов. В принципе (особенно если учесть, что М.С. Липсет и С. Роккан выделили четыре типа социальных разграничений – между собственниками и рабочими; селом и городом; центром и периферией; различными религиозными и этническими группами) можно говорить, что в определенной мере социологическая модель электорального поведения в трансформирующемся украинском обществе действительно проявляется. К примеру, речь может идти о голосовании национальных и этнических групп, о приверженности представителей католической Западной Украины с ее религиозными особенностями к поддержке национал-радикалов. Однако речь здесь идет, скорее, о региональных особенностях электорального поведения.

Общий вывод по этой модели может быть сформулирован следующим образом: *в условиях трансформирующегося транзитивного общества осуществление в избирательных стратегиях статусной модели электорального поведения возможно*

только в качестве вспомогательного варианта.

Следующим шагом ученых в изучении электорального поведения и, соответственно, его моделирования стало создание группы моделей социально-психологического характера. Наиболее распространенными на Западе являются Классическая американская модель и Мичиганская модель электорального поведения, к которой примыкает модель партийно-идеологической идентификации. Наиболее основательно Классическая американская модель описана в работе Р. Вольфингера и С. Розенстоуна «Кто голосует»[297]. Согласно этой модели на электоральное поведение людей доминирующее воздействие оказывается сугубо личностными, часто однозначно психологическими характеристиками. Тем не менее, изучение содержания и характера электорального поведения по этой модели исследователи предлагают начинать с распределения людей по группам в соответствии со стандартными демографическими характеристиками, принятыми в США (пол, возраст, образование, доход, род занятий, статус, семейное положение, национальность, место и время проживания и т.п.). Второй шаг изучения электорального поведения – анализ политической среды проживания групп избирателей, на основе которого делается исходный вывод о состоянии политической культуры в данной группе. Наконец, третий шаг относится к чистой психологии, поскольку заключается в сборе информации о мотивациях и психологических характеристиках отдельных избирателей.

Несмотря на видимые положительные и отрицательные черты отмеченной модели электорального поведения, для научного объяснения поведения российских и украинских избирателей важны четыре основных вывода, на которые выводит эта модель:

• значимые различия в количестве голосующих объясняются различием мотивов для участия в голосовании. Одни голосующие ориентируются на идеологическую платформу партии, другие – на ее лидера, третьи – на возможность получить сиюминутную выгоду от выборов;

• характеристики выборщиков (имеется в виду активный

297 Current Trends in Western Political Thougt. – N.Y., 1989. – P. 90.

электорат) не отображают демографической структуры генеральной совокупности (страна, округ, город), а активные избиратели не отражают совокупности граждан данного общества, страны, жителей региона, города и т.д.;

• нет существенных различий в установках голосующих и не голосующих граждан, поэтому политические предпочтения не объясняют активности на выборах;

• идеологические предпочтения, которые были сильны еще в конце 90-х гг., и, как правило, определяли характер голосования за ту или иную партию, к выборам 2002 года, в определенной степени потеряли эту зависимость в силу причин, рассмотренных выше.

Зависимость между политическими взглядами людей и их электоральной активностью также относительна. Даже сторонники коммунистической идеологии постепенно начинают «голосовать ногами», по двум последним позициям таблицы догоняя аполитичный электорат. Такая же ситуация фиксируется не только в Украине, но и в России (А. Ослон, Е. Петренко). Эти исследователи отмечают, что для глубокого анализа электорального поведения необходимо учитывать социально-психологические феномены процесса принятия решений, играющие роль самостоятельных факторов. К их числу относятся различные личностные характеристики, определяющие типы избирателей по механизму принятия решений:

• лабильный тип (решение принимается под влиянием внешних факторов, может меняться и колебаться);

• ригидный тип (решение принимается и не меняется);

• предопределенный тип (решение принимается исходя из вполне определенной системы значимых критериев);

• спонтанный тип (проявляется неустойчивость по отношению к системе критериев и оценкам их значимости);

• рациональный тип (решение принимается после взвешивания многих «за», и «против»);

• эмоциональный тип (решение принимается под влиянием чувств — симпатий, антипатий и пр.).

Исследования центра «Социо» в полной мере зафиксиро-

вали наличие в электорате городских, сельских и смешанных округов практически всех основных психологических типов. Однако само по себе наличие этих типов избирателей не дает основания зацикливаться на одном только психологическом аспекте электорального поведения.

Еще менее применима в наших условиях так называемая Мичиганская модель электорального поведения, которая исходит из того, что приверженность избирателей к определенным политическим партиям, блокам, кандидатам проистекает не из их демографической или социальной принадлежности, а в первую очередь из складывающейся в процессе ранней социализации, под воздействием семьи, ближайшего окружения (в том числе не только социального, но и представителей референтных групп, знакомых, соседей) убеждений и предпочтений, в том числе и электоральных.

К этому выводу в 60–х годах прошлого столетия пришла группа ученых Мичиганского университета под руководством А. Кемпбелла. Основным импульсом к разработке подобной теории являлось как раз то обстоятельство, что в «чистом виде» социологическая теория электорального поведения оказалась малодейственной. Поэтому было сделано предположение, что на электоральное поведение влияет не только (а нередко даже не столько) непосредственная принадлежность индивида к какой-либо социальной или национальной группе, а различные ценности и установки (в том числе, безусловно, и социальные), опосредованные в процессе социализации индивида влиянием ближайшего окружения, соответствующих ценностей и интересов. Наиболее четкое и понятное проявление эта модель электорального поведения получила в рамках одной из ее разновидностей – модели партийно-идеологической идентификации. Согласно утверждению А. Кэмпбелла, Ф. Конверса, У. Миллера, и Д.Е. Строка, именно психологическая идентификация индивида с политической партией и является залогом его голосования за эту партию[298]. В идеале эта модель электорального поведения населения должна была стать преобладающей

298 Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. – N.Y., 1960. – P 57.

в демократическом обществе с развитой многопартийной системой. Действительно, если выборы в парламент осуществляются на основе партийных списков, то избиратель голосует за те политические силы, которые, с одной стороны, поддерживают и артикулируют его идеологические убеждения, ценности. С другой стороны, он учитывает специфику партий и лидеров, представляющих соответствующую идеологию.

Очевидно, что в условиях трансформирующегося общества и эта модель электорального поведения населения «срабатывает» лишь частично. Отчего же это происходит? Существуют, по крайней мере, три основных объяснения.

Первое заключается в том, что в соответствии с социально-психологической теорией электорального поведения приверженность избирателей к определенному типу идеологии складывается в процессе ранней социализации индивида в семье, ближайшем окружении. Поэтому, к примеру, в США не только семьи, но и целые штаты нередко постоянно голосуют или за демократов, или за республиканцев. Поскольку для человека очень важно, что так голосовал его дед и отец. Подобный тип поведения не только не наблюдается, но вряд ли может быть распространенным в странах, где происходит становление демократии, где сегодняшние избиратели в принципе не могут себя идеологически идентифицировать с либеральной или иной идеологией (когда они были детьми никакой идеологии, кроме коммунистической, в ее советском варианте, население не знало). Поэтому сегодня нередки случаи, когда люди не только идеологически «не осознают» приверженности к какой-либо политической силе, но и могут голосовать на последующих выборах за совершенно другую партию, а нередко и за партию, представляющую иную идеологию.

Второй фактор, воздействующий на то, что модель партийно-идеологической идентификации слабо работает в условиях трансформирующегося общества, где существует огромное число политических партий. То обстоятельство, что многие из этих партий, скажем так, недостаточно полноценны, не успокаивает. Выборы 1998 и 2002 годов на Украине свидетельствовали

о том, что избирателю приходилось выбирать между примерно тридцатью партиями. В начале XXI столетия количество этих более-менее самодостаточных партий уменьшилось до 7-10, но все равно для большинства населения выборы по партийным спискам становятся актом «гадания на кофейной гуще». Поэтому надежды некоторых украинских политиков на быструю политическую структуризацию общества при введении пропорциональной системы выборов не оправданы. В России ситуация представляется несколько иной, но приводит к стереотипному голосованию, в котором есть безусловный лидер – «Единая Россия», а также несколько партий, представляющих конструктивную оппозицию. Из этих партий мы можем выделить только КПРФ, исповедующую модернизированную идеологию.

Наконец, третий фактор, который, сдерживает активное влияние идеологии на специфику голосования, это уже упомянутая слабая политическая структуризация украинского и российского электората. Основатели Мичиганской школы, до сегодняшнего дня популярной не только в США, утверждали, что поведение избирателей и, в конечном итоге, их выбор определяется взаимодействием трех основных установок, одна из которых является доминирующей, в то время, как две другие – вторичными, непродолжительными во времени. В качестве доминирующей установки была названа партийная идентификация, о которой подробно отмечено выше, а в качестве двух других выступают отношение к событиям дня и чувства, испытываемые к кандидатам. Приверженность к определенной партии может определяться не только идеологическими мотивами, но и, к примеру, активной работой местных организаций партии, эффективной пропагандой и пиаром и т.п. Однако подобного в нашем обществе пока не наблюдается. Еще в 1992 году В.С. Комаровский отмечал, что в странах с демократическими традициями и развитым законо¬дательством на помощь избирателю приходят партии. Выборы здесь означают, по сути, раскрытие отношений в формате триады: гражданское общество - политические движения — государство. Причем

партии играют роль своего рода «посредников» между обществом и государством. Такова главная функция, которую они реализуют в современном демократическом обществе, прежде всего — на выборах. В нашей практике заметны отзвуки существовавшей в течение длительного времени однопартийной системы, отчего на серии прошедших за последние годы выборов четкая поляризация политических позиций имела место далеко не всегда[299].

Как справедливо отмечали А. Ослон и Е. Петренко, политик (политический блок, партия) может избрать один из двух основных путей воздействия на людей: стараться вызвать к себе доверие, симпатию (воздействовать на эмоциональную сферу) или стараться увлечь избирателя своей программой, обещаниями достичь определенных целей (воздействовать на рациональную сферу).

Для анализа различных (вероятных) электоральных реакций необходимо:

- принимать во внимание структуру ценностных ориентаций избирателей, то есть те «струны», которые могут «отозваться» в ситуациях, когда политик воздействует на эмоциональную сферу и доказывает свое понимание чаяний и надежд избирателя, близость к ним;
- учитывать нормативные представления избирателей о том, как «должно быть», то есть те возможные одобряемые и неодобряемые вероятные (и невероятные) состояния общества, рациональная близость к которым в обещаниях политика притягивает или отталкивает избирателей[300].

В условиях трансформирующегося общества можно говорить о трех моделях электорального поведения населения по признаку идеологизированности и политизированности. Однозначно идеологизированное и политизированное население составляет всего несколько процентов, представляя собой оптимальную модель политического участия населения. Как по-

299 См.: Комаровский В.С. Политический выбор избирателя. – СОЦИС. - №3. – 1992. – С. 25.

300 См.: Ослон А., Петренко Е. Факторы электорального поведения: от опросов к моделям. - Вопросы социологии. – 1994. - № 5. – С. 11 – 12.

казывает корреляционный анализ, это, в основном, активисты коммунистов, в меньшей степени социал-демократов и националистов (в соответствующих регионах Украины и России). Немного больше половины населения – частично идеологизированное и политизированное, которое интересуется политикой через информационные каналы, не принимая непосредственного участия в деятельности местных партийных организаций, сторонясь публичных акций. Тем не менее, в последние годы в мегаполисах наблюдается заметный всплеск политического ажиотажа во время избирательных кампаний именно со стороны этой части потенциального электората. Третья, меньшая часть населения по сути дела деидеологизирована и деполитизирована, а ее участие в выборах продиктовано привычкой, стремлением не отстать от других, воздействием иных внешних причин, среди которых не последнее место занимает административное давление.

Резюме: сопоставление факторов, влияющих на электоральное поведение избирателей, показывает, что идеологические мотивы все еще определяют уровень политизированности и электорального участия граждан транзитивного общества. Причем, наиболее активными, определившимися и устойчивыми являются сторонники левых идей, среди которых превалируют люди старших поколений; социально-психологический тонус, материальное положение и отношение к переменам имеют практически равный удельный вес в рядах «покупателей электорального товара», воздействуя на более молодежную часть общества, а также на менее образованных людей с невысоким социальным статусом; наиболее слабым фрагментом электорального поведения является фактор гражданской позиции, который часто принимает форму «гражданского стереотипа»; трансформационные процессы, характерные для транзитивного общества требуют новых подходов и моделей осмысления политического и электорального поведения населения в условиях сосуществования и противоборства идеологий.

§ 3 НЕОЛИБЕРАЛИЗМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Экономическое развитие любой страны в современном мире в своей основе всегда имеет определенные идеологические основания. Другой вопрос: насколько способен истеблишмент адекватно эту идеологию воспринимать и правильно верифицировать собственную экономическую политику. Ответ на этот вопрос позволяет лучше понять состояние экономической системы России и перспективы ее эволюции. Для этого попытаемся предварительно, в общих чертах описать диалектику взаимных связей и обусловленностей между такими феноменами как идеология, модель экономики и экономическая политика.

Следует обратить внимание на существенную разницу между либеральной и неолиберальной доктринами экономического развития. В понимании сути этих доктрин царит неразбериха даже в научной среде, что уж говорить о простых гражданах или тех же политиках, от которых впрямую вектор названного развития… Так, к примеру, неолиберализм ничтоже сумняшеся пытаются квалифицировать в качестве «концепции социального либерализма»[301], а наших доморощенных неолибералов от экономики массово ошибочно называют «либералами». Это – широко распространенные заблуждения, но они не так уж безобидны, как это может показаться на первый взгляд. Заблуждение первое: «Еще в первой половине XX в. классический либерализм трансформировался в новую субстанцию «социального либерализма», который и стали называть неолиберализмом». Заблуждение второе: «Российские радикал-реформаторы экономики и их последователи являются либералами». Если верить первой версии, получается, что принципиальное усиление социальной ориентации экономической политики западных стран должно связываться с доктриной неолиберализма. Однако, неолиберализм – по своей сути представляет

301 Либерализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grandars.ru/college/sociologiya/liberalizm.html. Дата обращения: 12 января 2015г.

собой не что иное как политику, полностью соответствующую смыслу процессов глобализации! Более того, неолиберализм как экономическая идеология (и политика) эпохи постмодерна есть ключевой механизм реализации ее цели и задач. Одновременно он ставит крест на модели социального либерализма в экономике, которая генерировала воспроизводство политики всеобщего благосостояния, используя термин Фрэнсиса Фукуямы о том, что неолиберализм – это конец истории социально ориентированного капитализма. Его развитие в XX веке было реакцией на вызовы со стороны СССР, а позже и стран «социалистического лагеря». Бесславное завершение «коммунистического эксперимента» в начале 90-х годов и образование однополярного мира явились мощным катализатором процессов глобализации, идеологам которой было объективно выгодно забыть и о «своем эксперименте», выбросив на свалку истории модель экономического развития под эрхардовским лозунгом «Благосостояние для всех». Теперь же – в эпоху постмодерна и тотальной глобализации – актуальна оруэлловская рефлексия «Все животные равны, но некоторые животные равнее!»… Сегодня уже беззастенчиво и цинично формируется новый миропорядок, в котором вообще отсутствует мотивация для проведения экономической политики, обеспечивающей социально справедливое распределение национальных (планетарных) богатств, средств производства и результатов производства. Дифференциация населения по уровню доходов и качеству жизни усиливается, а средний класс во многих ведущих странах численно заметно сокращается, ослабляются позиции гражданского общества.[302]

Из этого следует, что неолиберальная идеология и либеральные ценности в экономике – это принципиально разные понятия, нельзя их идентифицировать. Неолиберализм вы-

302 См.: Колесников В.В. Перспективы становления среднего класса // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации: монография / Науч. ред. проф. И.И. Кальной, доц. А.В. Горбань. ТНУ им. В.И. Вернадского; МГУ им. М.В. Ломоносова (филиал). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2011. – С. 497-527; Колесников В.В. Экономическое отчуждение // Интеллигенция: вчера и сегодня (сравнительный анализ): монография / Науч. ред. проф. И.И. Кальной, проф. А.В. Горбань – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2014. – С. 320-343.

ступает идеологией постмодерна, либерализм – эпохи модерна. Эпоху модерна в сфере экономического развития Запада можно определить в пределах столетнего периода – от восьмидесятых годов XIX века до восьмидесятых годов XX века. Заключительный период эпохи модерна в экономике был связан, по сути, с зарождением и становлением государства всеобщего благосостояния (англ. *welfare state*). Хронологически впервые среди стран «Старого света» правительство канцлера Отто фон Бисмарка ввело программы социальных гарантий для населения в части установления пособий по безработице, страхования техногенных рисков на производстве и по болезни, наконец, пенсий по старости. Вслед за ним аналогичную политику стали проводить в целом ряде других стран, а в связи с возникновением СССР, который установил всеобщее бесплатное среднее и высшее образование, здравоохранение и т.д., фактор конкуренции усилил на Западе процессы становления основ государства всеобщего благосостояния. При этом развивались не только формы социальной защиты и усиливался социальный патернализм, но совершенствовался механизм макроэкономического управления. Своего расцвета политика, ориентированная на развитие государства всеобщего благосостояния, получает после второй мировой войны, особенно в 1950-1970-е годы (Германия, Австрия, Швеция и др.). Затем почти повсеместно стал происходить отход от этой политики, значительно усилившийся в связи с началом осуществления планетарной программы глобализации, а крушение «социалистического лагеря» существенно облегчило эту задачу. Для целей глобализации модель либеральной экономики стала неудобной, тогда и начала побеждать новая идеология развития – идеология неолиберализма. Ее теоретиками в западной экономической науке стали Милтон Фридмен, Фридрих фон Хайек, Янош Корнаи и др. Они настаивали на возрождении известной со времен Адама Смита либеральной формулы «*laissez-faire*», усиленно продвигали идею порочности какого-либо вмешательства государства в экономическую жизнь и воспевали

идеал абсолютно свободного рынка.[303] Справедливости ради, следует сказать, что М. Фридмен хотя и настаивал на минимизации государственного воздействия на экономику, не отрицал ее целиком, так же как и его научный оппонент Джон Мейнард Кейнс. Говоря о необходимости регулирующих функций государства, Кейнс допускал лишь их опосредованное, крайне ограниченное условиями рыночного хозяйства применение.[304]

Под флагом этой концепции на практике стали широко и повсеместно проводить тотальную приватизацию государственной и муниципальной собственности, коммерциализировать услуги социальной сферы (образования, здравоохранения и др.). В этом отношении стоит вспомнить хотя бы экономическую политику «железной леди» Маргарет Тетчер, Рональда Рейгана – с его «рейганомикой», и их не столь ярких последователей. Сложно назвать случайным совпавшее с этим периодом резкое усиление позиций транснациональных компаний в политическом истеблишменте ведущих западных держав. Экономические гиганты явились главными субъектами, кровно заинтересованными в раскручивании маховика глобализации, стирании государственных границ, демонтаже суверенитетов и государств всеобщего благосостояния, элиминировании либеральной экономической модели. Но вот что удивительно: под прикрытием заманчивого лозунга о свободном и неограниченном со стороны государства рынке, в реальности государственные и надгосударственные (на примере ЕС, ВТБ, МВФ и др.) институты стали массово и бесцеремонно вмешиваться в экономику, а также в связи с этим, соответственно, в политику, социальную сферу, культуру, СМИ, вводить колоссальное количество регламентов, ограничений, норм, правил и санкций. Пример Европейского Союза вообще парадоксален в этом отношении. На его территории настолько высок уровень зарегулированности экономической жизни, что это не может не вызывать сравнительных ассоциаций с моделью управления макроэкономикой в Союзе ССР!

303 См.: Фридмен и Хайек о свободе. – М., 2003.

304 См.: Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С., Якунин В.И. Идеология экономической политики: проблема российского выбора. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 94.

Вслед за Западом в начале девяностых годов подавляющее большинство постсоветских и постсоциалистических стран, включая и Россию, бездумно бросилось в пучину реформ по лекалам Всемирного банка и МВФ и с легкостью, достойной иного применения, скопировало неолиберальные модели экономики эпохи постмодерна. Причем, скопировали несистемно, карикатурно. Основная проблема заключалась в том, что «самоубийственно» было проводить такую жесткую ломку отечественного хозяйственного механизма в самый неблагоприятный период – когда Россия, как и другие постсоциалистические страны, к моменту реформ были доведены почти до полного финансово-экономического истощения. И то, что нас настойчиво к этому подталкивали, вне всякого сомнения, тоже было частью плана и применяемых методик.[305]

В этих условиях при предоставлении нам кредитов ключевым требованием было жесткое соблюдение рекомендаций по проведению тех или иных реформационных мероприятий. Так, к примеру, МВФ заставил Россию начинать приватизацию именно с самых высокодоходных предприятий [5], хотя весь мировой опыт и элементарная логика говорят, что вменяемые правительства этого делать не могут и не должны, поскольку такие предприятия итак высокоэффективны и приносят себе и государству хороший доход. Их передача в частные руки теряет всякий экономический смысл.[306] Как теперь мы хорошо понимаем, такое требование МВФ не имело для нашей страны никакой финансово-экономической целесообразности и преследовало только одну цель – навсегда или хотя бы надолго убрать российских конкурентов с мировых рынков.

305 О том, каков на самом деле был алгоритм реформ, проводимых в странах с транзитивной экономикой под патронажем МВФ и иных «благотворительных» организаций, достаточно откровенно описал в своих книгах сотрудник Агентства национальной безопасности США Джон Перкинс, который одновременно являлся специалистом крупнейших американских консалтинговых компаний, осуществлявших методического сопровождение таких реформ. – См.: Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. – М.: Pretext, 2005; Перкинс Дж. Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

306 Об этом свидетельствует бывший начальник личной охраны Президента России А.В. Коржаков. По его словам, он об этом лично узнал от самого Б.Н. Ельцина. – См.: «Вся надежда на английскую королеву» // Аргументы Недели. № 47 (288), декабрь 2011 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://argumenti.ru/politics/n317/140785. Дата обращения: 1 декабря 2011 г.

Усугубляющим фактором при копировании неолиберальной модели экономики эпохи постмодерна явилось бездарное, бездумное и бессистемное заимствование. В результате сформированная модель стала представлять собой жалкую пародию на в целом достаточно эффективные и гибкие западные системы хозяйствования и финансирования. Западные организации продолжали нам выделять средства на осуществление более глубоких реформ в разных отраслях, прежде всего в сферах образования, здравоохранения, культуры.[307] Глобализаторам важно было создать условия для формирования «нового» человека, субъекта общества потребления, вырванного из контекста и социокультурной среды старой системы социально-экономических отношений, разбить, разделить общество, атомизировать его, лишить людей исторической и этногенетической памяти. По замыслу этих стратегов, в своем идеологическом основании опирающихся на пресловутый «План Алена Даллеса», такие трансформации значительно упрощают задачу управления социумом. Наиболее успешно этот западный мессианский эксперимент реализовался на пространстве «Незалежной» Украины.

В чем состоят отличия либеральной и неолиберальной моделей экономики? Для того чтобы это понять, следует критически проанализировать ключевые черты последней из них, обратив особое внимание на отрицательные внешние эффекты неолиберальной экономической политики.

Во-первых, следует отметить, что эта политика, как и сама неолиберальная модель экономики, в полном соответствии с глобализационной идеологией эпохи постмодерна выступает «могильщиком» государства всеобщего благосостояния, до предела минимизируя патерналистскую социальную функцию государственных институтов. В этом качестве она обеспечивает ускоренное формирование плутократической системы социально-экономических отношений. В публицистике ее часто называют олигархической, что не совсем точно. Плутократическая модель экономической жизни возвращает «ци-

307 См.: Соколова В. Серые кардиналы образования // Совершенно секретно. – № 4/263, апрель 2011 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/2758. Дата обращения: 11 апреля 2011 г.

вилизованный мир» в систему ценностей и норм чуть ли не эпохи первоначального накопления капитала с присущими ей острыми антагонизмами. Начинается это с того, что разница в доходах и качестве жизни между богатыми и основной частью населения усиливается, происходит «относительное обнищание» работающих граждан, «скукоживается» средний класс, существенно возрастает безработица. Пример России наиболее показателен, поскольку именно наша модель национального хозяйства стала лидером в генерировании плутократических начал экономического бытия. Начиная с середины 90-х годов дифференциация населения по уровню доходов и жизни у нас во много раз превышает все допустимые пределы с позиций угроз национальной безопасности. Так, децильный коэффициент в России по официальной версии – 1:17, по данным независимых экспертов-экономистов – 1:40-1:60. К примеру, академик Н. Шмелев говорит о соотношении 1:60,[308] а вот в ЕС он составляет пока 1:5. Это соотношение (порядка 1:4-1:5) является желательным, поскольку обеспечивает низкий уровень имущественной дифференциации населения, терпимый уровень социальной справедливости, и способствует поддержанию единого нормативного порядка в обществе и социального мира. Превышение соотношения 1:8-1:10 означает утрату национальной безопасности. Напомним, что у нас в 1990 году до начала массовой приватизации это соотношение составляло 1:4. Сегодня Россия признается «раем для богатых»![309] Об этом говорят многие факты – и «щадящие» налоги на физических лиц, при которых отсутствует прогрессивное налогообложение, вместо него – «плоская шкала» подоходного налога размером всего 13% (и для бедных и для богатых), налог в 9% на дивиденды с ценных бумаг и запредельные различия в оплате труда топ-менеджеров даже государственных компаний и госкорпораций и рядовых работников, доходящие до разницы в тысячи

308 См.: Сайт «Infox.ru». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.infox.ru/business/finances/2010/06/15/shmelev.phtml. Дата обращения: 15 июня 2010 г.

309 См., напр.: Франция усиливает прогрессивный налог, а Россия пока остается единственным в мире раем для богатых. – [Электронный ресурс] // Сайт «Gidepark.ru». – Режим доступа: http://gidepark.ru/user/tchuev/content/1472394. Дата обращения 27.08.2012.

раз. Россия лидирует среди остальных стран по уровню концентрации богатства в руках немногих, что является опасным криминогенным фактором и мощнейшей объективной угрозой национальной безопасности. В Докладе «Global Wealth Report 2012», ежегодно составляемым банком Credit Suisse, 1% населения России владеет 71% личных капиталов (активов).[310] Данные за 2013 г.: 110 российских миллиардеров владеют 35% национального богатств РФ, что аналитики Credit Suisse объясняют это защитой интересов богатых россиян со стороны государства.[311] Таких показателей нет ни в одной стране ЕС или ОЭСР…

Во-вторых, применяемая модель национального хозяйства не способна устойчиво обеспечивать экономический рост и высокую конкурентоспособность отечественных товаров и услуг в силу того, что дает участникам производственных отношений крайне слабые стимулы для роста эффективности производства и производительности труда. В связи с этим напомним слова лауреата Нобелевской премии по экономике Герри Беккера о том, что экономику раньше считали наукой, занятой изучением рынка и таких агрегированных явлений, как инфляция и безработица… Обновленное понимание – это изучение того, как люди и организации реагируют на изменения в стимулах.[312] Отсутствие таких стимулов – признак нашей экономической системы. Причины элементарны и обусловлены коррупционной зависимостью главных акторов: гипермонополизм и слияние интересов бизнеса и власти. Еще один системный недостаток этой модели обусловлен отсутствием четкого установления границы, отделяющей бизнес и власть, разграничения их сфер влияния. Здесь для экономической безопасности появляются риски и в случае, когда государство доминирует в экономике, и когда бизнес начинает диктовать государству какую экономическую политику проводить. Последнее наиболее опасно.

В-третьих, действующая неолиберальная модель нацио-

310 Доклад «Global Wealth Report 2012». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://pasmi.ru/archive/56965. Дата обращения: 6 ноября 2012 г.

311 Доклад «Global Wealth Report 2013». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://forum-msk.org/material/economic/10075795.html. Дата обращения: 12 октября 2013 г.

312 «Нетривиальный взгляд»: Uncommon Sense: Economic Insights, from Marriage to Terrorism. By Gary Becker and Richard Posner. Chicago: the University of Chicago Press, 2009.

нального хозяйства, руководствуясь смитовским принципом *laissez-faire*, неизбежно воспроизводит политику минимизации места и роли государства в экономике. Это находит свое проявление в целом ряде трендов – массовой и настойчивой приватизации, охватывающей преимущественно высокодоходные производства и услуги, всеобщей тотальной монетизации льгот и государственных социальных преференций, коммерциализации бесплатных отраслей социальной сферы и вообще всего, что было бесплатным в советской экономике (здравоохранение, образование, культура). Таким образом, можно вести речь о самоустранении государства от решения важных вопросов жизнедеятельности общества и граждан. При этом, важным способом такого самоустранения, заимствованным у США и Европы, становится система аутсорсинга, т.е. система передачи государством своих функций частным компаниям (даже в армии бывший министр А. Сердюков стал широко внедрять такой порядок).[313] Проводники неолиберальной политики уже в открытую стали подвергать сомнению конституционное положение о том, что наше государство является социальным (ст. 7 Конституции РФ). Правда, наряду с этим укрепляются и

313 Американцы в этом преуспели как никто – вплоть до проведения боевых действий в локальных войнах с помощью частных военных компаний. Заветной же мечтой таких персонажей как Дэвид Рокфеллер и К° является замена национальных правительств на систему частной власти. И не следует думать, что эта утопия. Стоит вчитаться в положения только что принятого у нас закона о территориях опережающего развития – ТОР (Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»). В частности, его нормы допускают замену местных органов самоуправления в этих ТОРах на власть частных компаний - иностранных инвесторов, которые осваивают данные территории и получили их в аренду на 70 лет; эти компании вправе привлекать неограниченное число мигрантов, которые получают право голоса на выборах местной власти (как будут голосовать экономически зависимые «крепостные», рассказывать не нужно?!), и т.д. – См.: Мямлин К. Пять законов, призванных отделить 60% территории от России. «Кто виноват и что делать». – [Электронный ресурс] // Сайт «Института Высокого Коммунитаризма». – Режим доступа: http://communitarian.ru/publikacii/politika/pyat_zakonov_prizvannyh_otdelit_60_territorii_ot_rossii_kto_vinovat_i_chto_delat_15022015/. Дата обращения: 15 февраля 2015 г. Первыми ТОРами, по словам вице-премьера Правительства – полпреда Президента РФ в ДФО Ю. Трутнева, становятся «Хабаровск», «Комсомольск» (Хабаровский край) и «Надеждинская» (Приморский край). – См.: Хабаровск, далее везде: Юрий Трутнев назвал первые территории опережающего развития. – [Электронный ресурс] // Сайт «Российской газеты». – Режим доступа: http://www.rg.ru/2015/02/13/pervie.html. Дата обращения: 13 февраля 2015 г. Трутнев Ю. заявляет, что Дальний Восток становится новым полюсом мира, его природный потенциал, возможности, которые предоставит закон «О территориях опережающего развития», вызывают огромный интерес иностранных инвесторов, в первую очередь из Азиатско-Тихоокеанского региона. – См.: Трутнев: Экономическая ситуация не помешает развитию ТОРов. – [Электронный ресурс] // Сайт «Российской газеты». – Режим доступа: http://www.rg.ru/2015/02/27/tory-site.html#fromhead. Дата обращения: 27 февраля 2015 г. (Выделено нами. – В.К.).

некоторые противоположные тренды, обусловленные бесцеремонным вмешательством государства в дела бизнеса и экономики, значительной регламентацией хозяйственной жизни. Налицо странный симбиоз принципов *laissez-faire* и диктата в экономике со стороны государства; причем, он проявляется не только у нас, но и на Западе, особенно в ЕС.

В-четвертых, важным деструктивным результатом применения в России неолиберальной модели экономики стало осуществление первоначального накопления капитала в самых диких, нецивилизованных формах, с нарушением элементарных норм права и социальной справедливости. Поэтому у подавляющего числа граждан такие реформы и методы их проведения не могли не вызывать очевидного неприятия – в силу этого с позиций коренных интересов общества осуществленные неолибералами преобразования имели и будут иметь крайне низкий уровень легитимности. Никакие обращенные к людям увещевания и властные императивы типа «Мы не будем пересматривать итоги приватизации» не смогут поднять этот уровень.

В-пятых, в результате функционирования неолиберальной модели экономики и ряда других факторов в девяностые годы произошла всеобщая криминализация экономических отношений. У этого феномена много проявлений. Например, легитимность появившегося бизнеса стала крайне низкой из-за криминального характера происхождения многих его капиталов. Совершение экономических преступлений мошеннического характера стало повсеместным[314]. Коррупция захлестнула все этажи системы управления экономикой[315].

314 См.: Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты. Монография. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994; Колесников В.В., Егоршин В.М. Преступность в сфере экономической деятельности. Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000.

315 См.: Колесников, В.В., Быков, В.Н., Борисов, О.А. Коррупция как экономический институт и объект экономико-правового анализа: поиск подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – Т. 52. – № 4. – С. 115-121; Колесников, В.В., Быков, В.Н. Коррупция как угроза национальной безопасности России // Что такое «криминализация экономики» и как с ней бороться?: Криминализация экономики России и противодействие организованной экономической преступности. Монография / [Алабердеев и др.; под ред. А.А. Крылова; ред колл.: Крылов А.А. (глав. ред.), Есипов В.М., Колесников В.В., Латов Ю.В.]. – М.: Экономика, 2011. – С. 214-231; Колесников, В.В. Коррупция как итог институциональных провалов // Современные проблемы правоприменительной практики

В-шестых, итогом применения неолиберальной модели экономики стали другие массовые деструктивные последствия в национальном хозяйстве. Мощное развитие получил, как отмечалось, монополизм, подавляющий свободу конкуренции, в результате – отсутствуют реальные стимулы для внедрения достижений научно-технического прогресса, усиливается сырьевая направленность развития, происходит сращивание с госаппаратом и вмешательство в экономическую политику. Банковская и финансовая системы увлеклись тривиальным ростовщичеством и спекуляцией, освоением бюджетных средств. Налоговая система и иные элементы государственного воздействия на предпринимательство не дают ощутимых стимулов для его развития, особенно в реальном секторе и отношении малого и среднего бизнеса. Наемный труд не получил необходимого пакета прав и реальных стимулов для обеспечения высокоэффективной работы. Бегство капиталов за рубеж стало обыденным явлением, срывающим надежды на инвестиционный бум и инновационную ориентацию развития. Экономический подъем, который наблюдался на протяжении ряда лет, происходил, скорее, не благодаря этой модели, а вопреки – преимущественно за счет благоприятной для нас коньюктуры на внешних рынках, рынках инвестиций, высоких цен на углеводородное сырье, низких цен на отечественную рабочую силу и др.

Наконец, последнее. Действующая модель национального хозяйства неолиберальная по своей сути и по идеологии аутентична цели и задачам эпохи постмодерна[316] В своей основе она сложилась в 90-е годы прошлого века. Эта модель хотя и называется неолиберальной, но не способна полноценно воспроизводить подлинно либеральные ценности в сфере экономической жизни. Речь идет о воспроизводстве таких ключевых императивов рыночного хозяйствования как свобода, равенство и справедливость. Вся конструкция рыночной экономики тысячелетия держится именно на свободе и эквивалентно-

российского антикоррупционного законодательства и пути его совершенствования: материалы всероссийской научно-практической конференции. 10 декабря 2013 г. / под общей ред. К.И. Сотникова. – СПб.: СЗФ РПА Минюста РФ, 2014. – С.101-105.

316 Эта тема требует отдельного подробного рассмотрения.

сти обменных товарных отношений, без которых невозможно было бы воспроизводить в пространстве экономической жизни принцип относительного равенства.

Сама жизнь требует категорического отказа от этой одиозной псевдолиберальной экономической модели. Следует незамедлительно приступать к формированию новой модели национального хозяйства – свободной модели экономики. Она должна отвечать ряду принципиальных требований: экономическая модель должна быть не только конкурентоспособна в глобальной системе разделения труда, но и соответствовать стратегическим задачам общественного развития и интересам национальной безопасности, обеспечивать экономический рост, высокий уровень экономической эффективности и социальной заботы о гражданах и воспроизводить в ткани социально-экономических отношений такие фундаментальные свойства рынка как свобода, равенство и справедливость.

Такая конфигурация построения и функционирования национальной хозяйственной системы будет неотвратимо детерминировать воспроизводство и адекватной матрицы правовой политики. Последняя, решительно отказываясь от неолиберальных принципов идеологии, будет, в свою очередь, правовыми методами оберегать, сохранять и стимулировать алгоритм воспроизводства социально-экономических отношений при гармоничном сочетании интересов частных и общественных, поощрении деятельности производителей и подавлении спекулятивно-ростовщических манипуляций.

Названные выше принципы свободы, равенства и справедливости, которые должна воспроизводить новая модель экономики, не являются фантазиями из анналов утопического социализма или коммунистической идеологии, это и не выдумки неомаоистов или свихнувшихся политтехнологов. Эти принципы – важнейшие императивы, изначально имманентные рыночному хозяйству, природе рыночных отношений, рыночного производства. Так, принцип равенства основывается на эквивалентности рыночного обмена – фундаментальном правиле, на котором держится такой обмен тысячелетия человече-

ской истории. В соответствии с трудовой теорией стоимости, товары обмениваются пропорционально на основе сопоставления величин затрат общественно необходимого труда на их производство, в итоге, допустим цена одного центнера зерна пшеницы соответствует цене трех центнеров картофеля, и т.п. Обменные отношения для человечества являются базовыми и самой распространенной формой общественных отношений и связей, и эквивалентность (равенство!) лежит в их основе. Соблюдение этого правила обеспечивает справедливость. Отход от него – эту справедливость минимизирует либо вовсе элиминирует.

Что же касается принципа свободы, то он также изначально характерен для рыночной формы хозяйствования. Рыночная экономика не может существовать вне свободы – свободы частной собственности, организации бизнеса и сферы предпринимательской деятельности, свободы выбора для производителя (что, как, сколько и для кого производить) и для потребителя (что, сколько и у кого покупать), свободы конкуренции, ценообразования, торговли и т.д. Вот какое понимание либеральных ценностей в экономике исповедовал Людвиг Эрхард: «Я глубоко убежден, что свободное предпринимательское хозяйство сохранится у нас лишь до тех пор, пока наше государство будет стоять на страже свободы. Если кое-кто в лагере предпринимателей этим недоволен, считая это ограничением свободы государством, я могу возразить одно: здесь речь идет о ложно толкуемой свободе, ибо нельзя, прикрываясь именем и принципами свободы, подавлять эту свободу».[317] Аналогичное понимание рыночной свободы и справедливости существует и у ряда современных специалистов – вот что, к примеру, писал специально для российского читателя еще в 1999 году главный редактор российско-германского журнала «Politeconom» профессор К. Херрманн-Пиллат: «Главная сила, противостоящая рыночной экономике – власть как экономическая, так и политическая, порождающая бесправие в обществе и несправедливость в экономике. Поэтому защита рыночной экономи-

317 Эрхард Л. Благосостояние для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. / Вступ. ст. Б. Б. Багаряцкого, В. Г. Гребенникова. – М.: Дело, 2001. – С. 133.

ки от власти – важнейшая цель ее политической составляющей. Именно в этом и ни в чем ином заключается основная цель социальной рыночной экономики! Социальная несправедливость и социальные беды объясняются ограничением рыночной конкуренции вследствие «сращивания бизнеса с властью»».[318]

В современной экономической теории рассматриваемые три принципа совсем иначе интерпретируются, чем, например, в традиционной коммунистической идеологии. В соответствии с постулатами теории публичного сектора экономики, принцип справедливости имеет бинарный механизм воспроизводства. Его реализация означает перераспределение доходов в пользу малообеспеченных слоев населения при одновременной реализации политики защиты свободы частной собственности и создания условий для обеспечения эффективности экономической деятельности. Такой подход гармоничен, поскольку забота о развитии предпринимательства приводит к росту доходов, которые далее можно пропорционально перераспределять в обществе. И, соответственно, чем больше доходов, тем, при прочих равных условиях, выше забота государства о «сирых и убогих» и выше уровень жизни всего населения страны. Такое понимание социальной справедливости утвердилось в экономической науке в посткейнсианский период. Для нашей экономической жизни было бы крайне необходимым и полезным инкорпорировать такой подход в систему хозяйственных отношений и макроэкономического управления, имплементировав его нормы в отечественную правовую систему.

Для понимания сущности неолиберальной идеологии и глубоких деформаций, которые произошли под ее воздействием в западной демократии и ее экономическом базисе, крайне важно привести выводы известного философа Александра Зиновьева, сделанные им еще в конце девяностых.[319] Анализируя феномен глобализации, он сформулировал ряд глубоких и точ-

318 Херрманн-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. – 1999. – № 12. – С. 48-53.

319 Как минимум на полтора десятилетия он предвосхитил наше современное мировосприятие, к которому мы начинаем приближаться, освобождаясь от наивных иллюзий и навязанных общественному сознанию мифов.

ных положений: «Демократичный и процветающий капитализм с социально ориентированным законодательством и гарантиями занятости был во многом обязан существованию страха перед коммунизмом. После падения коммунизма в странах Восточной Европы на Западе началась массированная атака на социальные права граждан. Сегодня социалисты, находящиеся у власти в большинстве стран Европы, ведут политику демонтажа системы социальной защиты, политику, уничтожающую все социалистическое, что имелось в странах капитализма. …На Западе нет больше политической силы, способной защитить простых граждан. …Либерального общества больше нет. Либеральная доктрина никак не соответствует реалиям эпохи беспрецедентной в истории человечества концентрации капитала. Движение колоссальных финансовых средств никак не считается с интересами отдельных государств и народов, состоящих из индивидов»[320].

Подводя предварительный итог анализу неолиберальных императивов в экономической жизни, можно отметить, что в целом становятся понятны потенциальные возможности и объективные ограничения моделей экономики постмодерна. С социальной, социально-экономической точки зрения их применение является очевидным регрессом, серьезным откатом назад от тех достижений, которые смогло добиться западное общество (и советское тоже, только в собственной системе координат) за столетие эпохи модерна на основе применения либеральной идеологии и соответствующей ей либеральной экономической модели позднеиндустриального капитализма.

Наиболее интенсивно отказ от либеральной модели экономики, от концепции государства всеобщего благосостояния, от идеологии модерна стал происходить именно в связи с продвижением идеи тотальной (экономической, политической, социокультурной) глобализации. Либеральная система взглядов и мироустройства пришла в явное, антагонистическое противоречие с целями глобализации, которая словно черная дыра

320 Запад против России. Взгляд философа. Берлинское интервью Александра Зиновьева, опубликованное французской газетой «Le Figaro» 24 июля 1999 года // [Электронный ресурс] // Сайт «Новой газеты». – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html. Дата обращения: 14 августа 2014 г.

стала пожирать независимые страны, их суверенитет, их экономику с собственной специфической денежной, финансовой и иных системами, их национальную культуру, самобытность, морально-нравственные устои… Комиссары глобализации как истинные большевики повсеместно устанавливали новую идеологию эпохи постмодерна, идеологию «тоталитарной демократии» (термин А. Зиновьева[321]), базисом которой становилась неолиберальная модель экономики.

Наглядные результаты того, как работает глобализирующий миксер, запущенный Соединенными Штатами Америки, видно на примере объединенной Европы: нет национальных границ, нет суверенитета (недаром А. Зиновьев называл Евросоюз оружием уничтожения национальных суверенитетов[322]), исчезло понятие национальной безопасности,[323] стерты различия в применении экономических механизмов и инструментов, установлена одна для всех идеология «глобальной демократии», единые массмедиа-культура, мультикультурализм и тотальная толерантность…. И везде, во всех сферах торжествует всепроникающая унификация, жесткое применение единых регламентов, норм, правил, стандартов – и в экономике, и в политике, и в социальной сфере, и в правоохранительной системе и юстиции, и в армии, и в СМИ и т.д. Здесь всё и вся подчинено руководящему курсу и направляющей линии, исходящей из единого центра. Фантазии антиутопий Джорджа Оруэлла становятся явью…[324]

321 См.: Там же.

322 См.: Там же.

323 Стирание национальных границ и исчезновение суверенитета делают бессмысленным само понятие «национальная безопасность», но актуализируется проблема так называемой коллективной безопасности – под эгидой ЕС, а фактически «под зонтиком» НАТО как наднационального, надевропейского силового военно-политического глобализационного института… Интерес какого главного бенефициара за этим просматривается, думается, читателю понятно.

324 Ряд западных специалистов уже всерьез квалифицируют глобальную тоталитарную систему в качестве «нового фашизма», об этом в приложении к режиму США заявлял, например, бывший конгрессмен и кандидат в президенты США 2008 г. Рон Пол. – См., напр.: *Четверикова О.* Кризис как способ построения мирового тоталитарного государства. – [Электронный ресурс] // Сайт МГИМО. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/publish/document145094.phtml. Дата обращения: 15 мая 2009 г.; *Четверикова О.* Кризис как способ построения мирового тоталитарного государства. – [Электронный ресурс] // Сайт «Фонда стратегической культуры». – Режим доступа: http://fondsk.ru/article.php?id=2070. Дата обращения: 14 апреля 2009 г. Четверикова О. пишет, что в США действует «Акт военной комиссии» 2006 г., который позволяет преследовать или подвергать тюремному заключению любого, кто определяется исполнительной властью как «незаконно сражающийся враг», и распространяется на выходца из любой

При этом тоталитарная (глобальная) демократия, выступающая идеологическим знаменем в руках главного глобализатора, самым бесцеремонным образом навязывается другим странам и регионам планеты, которые еще не вкусили всех прелестей новой цивилизации. Со времен Крестовых походов не изменилась мотивация западных благодетелей – за политикой мессианства всегда скрывались цели борьбы за территории и ресурсы. Россия с этой точки зрения является привлекательным объектом их вожделений. На ее территории сосредоточено примерно 45% планетарных запасов стратегических сырьевых и энергетических ресурсов. В девяностые годы эти миссионеры были очень близки к тому, чтобы эти планы в отношении нашей территории осуществились. После разрушения Союза ССР глобализация стала механизмом осуществления идеи мирового господства – это еще один актуальный вывод неординарного мыслителя А. Зиновьева, который мы должны помнить.[325]

Заметим, что не так давно сгоревшая библиотека ИНИОН содержала в том числе и архивы А. Зиновьева. Велика вероятность того, что они безвозвратно утрачены, так же как и мини-

страны, с которой США не находятся в состоянии войны. Его преследуют как «врага» не на основе доказательств, но именно потому, что так его квалифицирует исполнительная власть. Ни одно иностранное правительство не опротестовало этот закон, имеющий международное значение. Выступления представителей «глобальной элиты» говорят о том, что нынешний кризис используется как механизм провоцирования глубоких социальных потрясений, в результате которых человечество, ввергнутое в хаос и напуганное призраком всеобщего насилия, должно будет само потребовать вмешательства в ход мировых дел «наднационального» арбитра с диктаторскими полномочиями. События раскручивают полностью в соответствии с логикой периода Великой депрессии 1929-1933 годов: финансовый кризис - экономический спад - социальные конфликты - установление тоталитарных диктатур - развязывание войны в целях концентрации власти и капитала в руках более узкого круга людей. Но на этот раз речь идёт уже о завершающей стадии реализации стратегии «глобального управления» – с нанесением решающего удара по институту национально-государственного суверенитета и переходом к системе частной власти транснациональных элит. Дэвид Рокфеллер, автор идеи частной власти, которая должна заменить правительства, ещё в конце 90-х годов говорил: «Мы стоим на пороге глобальных перемен. Всё, в чём мы нуждаемся – это в масштабном кризисе, и тогда народ примет новый мировой порядок». От себя добавим, что истинной причиной наблюдаемого сегодня невероятного озлобления Запада в связи с независимой политикой России и проявления неприкрытой ненависти лично к В. Путину является то, что наши действия пошли вразрез с названными планами глобализаторов и стали представлять для их осуществления реальную угрозу! В самостоятельности России проявился явный тренд на укрепление национального суверенитета, безопасности и независимости от воли и повелений «старшего брата»

325 Запад против России. Взгляд философа. Берлинское интервью Александра Зиновьева, опубликованное французской газетой «Le Figaro» 24 июля 1999 года // [Электронный ресурс] // Сайт «Новой газеты». – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html. Дата обращения: 14 августа 2014 г.

мум треть всех фондов библиотеки ИНИОН. Вдова Зиновьева заявила в связи с этим: «Я уверена, что там хранились такие документы, что для тех, кто выступает гневными защитниками либерального проекта в нашей стране они там в самом неприглядном виде. Когда Хрущев пришел, то он уничтожал, КГБ уничтожало в начале 90-х эти документы». Руководил этой библиотекой как и самим институтом еще со времен правления Ельцина (с 1998 года) воинствующий неолиберал и графоман Ю.С. Пивоваров. Кстати, именно с 1998 года в здании ИНИОН стал располагаться Центр документации НАТО…[326]

Сегодня нам следует заново переоценить не только нашу собственную экономическую политику, генерируемую господствующей неолиберальной моделью национального хозяйства, но и свежим взглядом посмотреть на глобализационные процессы в мире, попытаться взвесить их положительные и негативные стороны и последствия, выработать собственную четкую позицию относительно степени и глубины участия в этих процессах. Важно критически оценить и саму модель экономики, которая является копией, причем не лучшей, западных неолиберальных систем хозяйствования; понять, насколько она отвечает нашим стратегическим интересам и задачам социально-экономического, общественно-политического и культурного развития, и способна ли она эффективно защищать наши национальные интересы от внешних и внутренних угроз безопасности. Следует признать, что важнейшая группа проблем – относительно критической оценки экономической модели и, соответственно, экономической политики – до сих пор не вошла в круг внимания как истеблишмента, так и специалистов и продолжает пребывать в состоянии табуированности.[327] Вне ее анализа будет сложно понять, как принципи-

326 Четверикова О. ИНИОН: «451º по Фаренгейту». – [Электронный ресурс] // Сайт «Института Высокого Коммунитаризма» – Режим доступа: http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/inion__rey_bredberi_451_po_farengeytu_01022015/. Дата обращения: 17 февраля 2015 г. Рекомендуем читателю обратиться к цитируемой статье, поскольку в ней содержатся выдержки их трех крайне откровенных интервью (украинским, израильским и российским СМИ) этого персонажа, которые не оставляют сомнений о характере его нравственных качеств и идеологических пристрастий…

327 Либо говорится, что действующую модель экономики нужно менять, например, с позиций особого интереса неолибералов – в смысле еще большего усиления свойств *laissez-faire* и ограничения влияния государства. – См., напр., выступление вице-премьера

ально решить задачу экономического и инновационного прорыва.

Если с этих позиций присмотреться к нашей хозяйственной системе, то можно заключить, что ей сегодня остро не хватает установления главенства именно гуманистических ценностей. Многие «провалы» этой системы связаны именно с этим. Речь идет о таких системных недостатках как дефицит свободы – свободы конкуренции, частной собственности, ценообразования, предпринимательской деятельности, наемного труда и т.д. Специалисты начинают говорить о том, что экономическая политика, основанная на неолиберальной идеологии, сама стала представлять значительную угрозу для безопасности России, причем не только для экономической, но и для национальной безопасности. Впервые среди авторитетных публичных политиков об этом откровенно и безапелляционно было сказано в выступлении Е.М. Примакова в 13 января 2014 года в «Меркурий-клубе» в Центре международной торговли Москвы: «…Экономический спад в России в 2013 году обусловлен *внутренними*, а не внешними причинами. Особенно *острый характер приобретает проблема необходимости противодействия политике неолибералов в России*».[328] Показательно, что слова «неолибералы» и «неолиберальная политика» в остро критическом ключе повторяются в его докладе более двадцати раз! Увы, в обществе, среди специалистов, а тем более в политическом истеблишменте, этот яркий призыв не получил адекватного отклика… И вот уже в последующем докладе самого Е.М. Примакова, сделанном им в той же аудитории по итогам 2014 года, о неолибералах – ни слова…[329] Видимо, сказался возраст и плохое самочувствие – при наличии таких данных уже сложно быть активным «бойцом».

Действующей неолиберальной моделью недовольны не только трезвомыслящие граждане, но и защитники бизнеса,

Правительства России А. Дворковича на 12-м Красноярском экономическом форуме 26-28 февраля 2015 года.([Электронный ресурс] // Сайт Красноярского экономического форума. – Режим доступа: http://www.krasnoforum.ru/news/. Дата обращения: 28 февраля 2015 г.).

328 Выступление Евгения Примакова на заседании «Меркурий-клуба» в ЦМТ Москвы. – [Электронный ресурс] // Сайт «Меркурий-клуба». – Режим доступа: http://www.wtcmoscow.ru/about/news.aspx?id=9129. Дата обращения: 14 января 2014 г. Выделено нами. – В.К.

329 Выступление Евгения Примакова на итоговом заседании «Меркурий-клуба». – [Электронный ресурс] // Сайт «Меркурий-клуба». – Режим доступа: http://www.wtcmoscow.ru/about/news.aspx?id=9451. Дата обращения: 14 января 2015 г.

даже МВФ! Так, 24 декабря 2014 года на телеканале «Россия-24» в передаче под рубрикой «Реплика» уполномоченный по правам предпринимателей при Президенте РФ Борис Титов заявил, что от монетаристских методов давно отказались США и Западная Европа, а у нас они продолжают настойчиво применяться. Он напомнил о неожиданном повышении Центробанком России ставки рефинансирования до уровня 17 % и о том, что многие банки воспользовались своим правом в одностороннем порядке повышать проценты по кредитам, а это в совокупности – сказал Б. Титов – прямой путь к дефолту. Заметим, что в данном случае ЦБ в очередной раз выполнил мягко говоря «странное» требование МВФ, противоречащее логике выхода из кризиса[330]… Наряду с этим и Международный валютный фонд также заявил, что модель экономического роста России исчерпала себя! В его докладе «Перспективы развития мировой экономики» (World Economic Outlook, осень 2013 г.) говорится, что экономический рост в Российской Федерации ранее был обусловлен высокими ценами на нефть и возможностью использования свободных производственных мощностей; сейчас этих возможностей уже нет.[331]

О многом говорит подход, проявляемый монетаристами неолибералами при разработке антикризисных программ. В них основные усилия направлены на поддержку банков и бизнеса, причем крупного и сверхкрупного. В этом, конечно, ничего нового нет. Так давно и стандартно поступают США и подавляющее большинство западных стран. Это испробованная практика неолиберальной экономической политики, опирающейся не на

330 Сегодня ставка Центробанком снижена до 15 %, но это не меняет ситуации на рынке – деньги в реальный сектор пойдут только при условии, если названная ставка будет снижена вдвое. Однако кому-то, видимо, очень не хочется, чтобы российское производство «поднялось с колен» и быстро вышло из кризиса. Между тем под прикрытием полного бездействия и беспомощности, царящих в стане ответственных финансовых структур государства, и невнятных угроз, транслируемых компетентными органами, матерые игроки на валютной бирже продолжают безбоязненно масштабные спекулятивные операции, приносящие сотни процентов прибыли и выкачивающие миллиарды из федеральных резервных фондов… – См., напр.: *Глазьев С. Ю.* Центральный банк превратился в кочегарку для спекулянтов. – [Электронный ресурс] // Сайт «Glazev.ru». – Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/388/. Дата обращения 17.12.2014.

331 [Электронный ресурс] // Сайт «News.Mail.ru». – Режим доступа: http://news.mail.ru/economics/15118258/?frommail=1. Дата обращения: 9 октября 2013 г.

стимулирование платежеспособного спроса населения и макроэкономического роста, а на монетаристские рычаги, когда все усилия затрачиваются на подавление инфляции за счет сдерживания денежной массы, которое, в свою очередь, можно достичь только в условиях жесткого сдерживания роста доходов, «замораживания» (или обесценивания – за счет «обвала» рубля, как сегодня мы наблюдаем) зарплат, пенсий, пособий, и т.п. Борьба с инфляцией у монетаристов неолибералов превращается в маниакальную самоцель, застилающую глаза и не позволяющую увидеть объективно складывающуюся картину в экономике.[332]

Торжествующая в экономике неолиберальная политика тесными идеологическими узами связана с правовой политикой. В правовой системе, как и в хозяйственной, постоянно предпринимаются попытки обеспечить особый статус лицам и структурам бизнеса, а также самим чиновникам, но при этом признается факт не совсем корректного лоббирования интересов «респектабельных лиц» – субъектов бизнеса и чиновничества – при осуществлении изменений уголовного законодательства, которое окрестили его либерализацией и гуманизацией. Некорректность такого лоббирования обусловлена тем, что одна категория граждан ставится в неравное, «более привилегированное» положение по отношению остальных граждан (при квалификации преступлений, степени общественной опасности, определении тяжести наказания и т.д.). Это уже не такой безобидный результат, поскольку говорит о нарушении Конституции РФ в части п. 1 ст. 19, в которой закреплены равные права всех граждан перед законом и судом! В оправдание этого на протяжении последнего десятилетия из уст представителей неолиберального блока можно было слышать перманентные заявления, что ужесточение, например, уголовной репрессии по отношению к экономическим преступникам может затормозить рыночные реформы. В связи с этим возникают резонные вопросы – например: «Что это за реформы, которые могут быть сорваны в результате поимки и наказания преступников?», или: «Какую же

332 Правда, в отличие от наших доморощенных монетаристов, американские финансисты и политики не утруждают себя столь обременительными заботами – там «печатный станок» все выправляет и сглаживает, плюс колоссальный приток в ФРС денежных средств из-за рубежа, включая Россию, плюс «неэквивалентный» обмен реальных ресурсов на зеленые ничем не обеспеченные бумажки («грин баксы» или «зеленые спинки», если в прямом переводе на русский язык).

модель рыночной экономики (и бизнеса) мы сформировали, что она может быть подорвана, если суды лишат свободы всех выявленных и заслуживающих такого наказания по закону экономических преступников?». Очевидность ответов на них ясна для криминологов и специалистов в области уголовного права, также как и понятна прямая противоположность позиций неолибералов.

Из Госдумы после декабрьского (2014 г.) обвала рубля были слышны призывы провести расследование и завести на ЦБ уголовные дела в связи с действиями (или бездействием), приведшими к недопустимому обесценению национальной валюты. В ответ ответственные лица этого по закону независимого и никому не подчиняющегося учреждения заявили, что «Банк России должен поддерживать биржевых спекулянтов, но не позволять им концентрироваться».[333] Случайны ли подобного рода заявления? Разумеется, нет. Они продиктованы логикой функционирования экономических и финансовых институтов, которая в свою очередь, вытекает из общей идеологии построения модели национальной экономики – идеологии неолиберализма. Она задает алгоритм действий всех субъектов системы политико-, финансово- и социально-экономических отношений. Попытки уголовно-правовыми мерами сгладить системные недостатки этого механизма изначально обречены на низкую эффективность. Для принципиального решения проблемы следует вести речь о смене модели экономики, о переходе на другую парадигму экономического развития. Только в этом случае мы сможем минимизировать масштабные спекулятивные явления и тотальное мошенничество в сфере экономической и финансовой деятельности.[334]

333 Зампред ЦБ: Банк России должен поддерживать спекулянтов. – [Электронный ресурс] // Сайт «News.Mail.ru». – Режим доступа: http://news.mail.ru/politics/20418953/. Дата обращения: 10 декабря 2014 г.

334 Нами предложена теоретическая концепция формирования такой модели экономики. – См., напр.: *Колесников В.В.* О новой парадигме мирового экономического развития и принципах формирования криминологически здоровых хозяйственных систем и моделей экономического поведения / Экономическое развитие и преступность // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. Монография / Науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – С. 330-350; *Колесников В.В.* Криминогенность современных моделей экономики – источник глобального финансово-экономического кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 1 (18). – С. 163-191; *Колесников В.В.* Модель национальной экономики, криминал и глобализация // Ученые записки Международного банковского института. Вып. № 8 (2). Актуальные проблемы экономики и инновации

Для России, претендующей на возвращение в категорию великих держав мира, как никогда остро стоит задача смены модели экономики. Нам нужна такая экономическая модель, которая была бы способна обеспечить принципиальный подъем национального хозяйства и использование его колоссального потенциала (природного, производственного, человеческого); модель экономики, которая обеспечивает высокое качество жизни для всех граждан, соблюдает принцип социальной справедливости за счет приемлемого уровня дифференциации населения по имуществу и доходам, равнодоступности услуг образования, здравоохранения и социального обеспечения; модель экономики, которая могла бы, с одной стороны, создать для бизнеса реальные благоприятные условия для мощного развития, с другой стороны, – дать самим людям стимулы для высокоэффективного труда и обеспечения на этой основе высокого жизненного уровня. Последнее важно для формирования крепкого среднего класса. Отсутствие такового делает ущербным как само государство, поскольку необеспеченное население несет на себе груз экономического закрепощения, несвободы и социальной апатии, так и гражданское общество, которое остается слабым и аморфным. Важно понимать, что именно средний класс служит материальной основой для укрепления гражданского общества, вне которого – в свою очередь – невозможно существование правового государства и полноценная реализация его принципов.[335]

Следует отметить, что для глобализирующегося Запада с присущей ему политикой неолиберализма и постмодерновой идеологией, средний класс становится лишним и даже опасным элементом гражданского общества. Он мешает целям глобализации, в частности, задачам уничтожения национальных суверенитетов, традиций и ценностей. Да и само гражданское общество также, несомненно, служит угрозой намерениям глобализаторов. Мож-

в образовании / Под науч. ред. А.С. Харланова. – СПб.: Изд-во МБИ, 2014. – Т. 2. – С. 46-55; *Колесников В.В.* Национальная безопасность, глобализация и модель экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – Т. 64. – № 4 (64). – С. 136-144.

335 См.: Колесников В.В. Экономические основания гражданского общества и правовой государственности // Гражданское общество: истоки и современность. Монография / Научн. ред. проф. И.И. Кальной, доц. И.Н. Лопушанский. 3-е издание, перераб. и доп. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 101-143.

но наблюдать, насколько интенсивно осуществляется уничтожение среднего класса за счет конфискационного изъятия у его представителей недвижимости, другого имущества, денежных средств. Это происходит по «тихому сценарию» под прикрытием экономических и финансовых кризисов, разоряющих состоятельных людей. Показательно, что сверхбогатые во время таких кризисов, как правило, богатеют, на что мы уже раньше обращали внимание читателя.[336] У нас же пока актуальна другая проблема – нам наоборот нужно приложить много усилий, чтобы такой класс сформировался как серьезная социальная сила, на которую можно опираться при осуществлении прогрессивных преобразований в экономике, обществе и праве.[337]

Помимо новой экономической модернизации, результатом которой должно стать появление хозяйственной системы, работающей на интересы всего населения, принципиальный рост благосостояния граждан и возникновение среднего класса, несомненно потребуются адекватные реформы политико-правовой системы – в части полноценной реализации принципов правовой государственности, демократизации избирательной системы. В совокупности отмеченные преобразования должны обеспечить полноценную реализацию идеалов правового государства и укрепление основ государства социального. Такой курс национальной политики будет способен не только реанимировать, но и широко воспроизводить чувство национального самосознания и патриотизма как основы сплочения общества, укрепления суверенитета страны и ее возрождения.

Завершая предпринятый анализ, можно напомнить читателю о том, что в статье 13 Конституции Российской Федерации говорится: в стране не может быть идеологии. На самом деле сам факт наличия подобного утверждения в нормах Основного закона уже означает, что в стране существует какая-то идеоло-

336 Кризис – благо для олигархов! Кто завидует российским богачам? И почему провалились рыночные реформы // Невское время. 2009. № 210 (4478). 21 ноября. С. 8 (Интервью с автором – В.К. и др.).

337 Колесников В.В. Перспективы становления среднего класса // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации: монография / Науч. ред. проф. И.И. Кальной, доц. А.В. Горбань. ТНУ им. В.И. Вернадского; МГУ им. М.В. Ломоносова (филиал). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2011. – С. 497-527.

гия, которая не хочет иметь конкурентов… Можно вспомнить, каковы были общественно-политические условия, когда принимался этот документ, кто, по чьему заказу и в чьих интересах готовил текст и становится понятной мотивация появления в нем этой статьи. Так же, впрочем, как и статьи 15 (ч. 4), которая определяет главенство международных нормативных правовых актов над национальными.[338] В связи с этим, хочется это кому-то или нет, но в действительности идеология в российской экономике существует. И не просто существует, а «правит бал». Причем, пока неолиберальная. Куда завела эта идеология нашу экономическую жизнь и какая замена сегодня требуется – об этом автор и пытался сказать в предложенном тексте.

Резюме: смена модели экономики – это не простая операционная задача без заметных последствий. На деле это будет означать смену парадигмы экономического развития, которая во многом детерминирует специфику идеологии общественного развития в целом. Категорический отказ от политики неолиберализма и переход на гуманистические принципы экономической жизни позволит сменить цивилизационный код и выйти на прямую дорогу социального прогресса и торжества императивов подлинного гуманизма – свободы, равенства и справедливости! Экономика, с одной строны, детерминирована спецификой способа производства конкретного общества, диалектикой производительных сил и производственных отношений. С другой стороны, она обусловлена человеческим фактором как производным конкретной идеологии, своей или чужой, привнесённой извне в форме неолиберализма.

338 Правоведам хорошо известна по этому поводу принципиальная позиция Председателя Конституционного суда РФ В. Зорькина. Недавно аналогичное отношение со свойственной прямотой было высказано и главой Следственного Комитета РФ А. Бастрыкиным, назвавшим включение в нашу конституцию принципа верховенства норм международного права над нормами национального права «диверсией правового регулирования». – См.: В Следственном комитете состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы следственных органов за минувший год и задачам на 2015 год. – [Электронный ресурс] // Сайт «Следственного комитета РФ». – Режим доступа: http://sledcom.ru/news/item/898707/. Дата обращения: 26 февраля 2015 г.; Бастрыкин назвал принцип верховенства международного права диверсией. – [Электронный ресурс] // Сайт «Slon.ru». – Режим доступа: http://slon.ru/fast/russia/bastrykin-nazval-printsip-verkhovenstva-mezhdunarodnogo-prava-diversiey-1219541.xhtml. Дата обращения: 26 февраля 2015 г.

ГЛАВА IV
ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ РОССИИ

§ 1 КАКАЯ ИДЕОЛОГИЯ НУЖНА РОССИИ?

В XXI век человеческое общество вошло не только с величайшими достижениями в сфере науки и высоких технологий, но и с большим грузом нерешенных социальных проблем. Только то общество имеет возможность сохранить свою идентичность и исторические перспективы, которое окажется способным конструктивно решать эти проблемы. С появлением новых геополитических и социальных реалий во второй половине XX века роль идеологии и ее статус в современном обществе качественно меняются.

В XVII-XVIII веках научная революция происходила параллельно с экономической и политической революциями. В первой половине XX века произошел резкий разрыв между скоростью научно-технических инноваций и развитием социальных наук. Явственно обозначилось отставание последних. В XXI веке должен быть устранен разрыв не только между опережающим развитием технических и естественных наук и отставанием социальных наук, но и между отставанием социальных наук от опережающего, стихийного развития новых геополитических и социальных реалий. Этот разрыв, если он сохранится, может иметь непредсказуемые социальные последствия, чреватые как сохраняющимися угрозами ядерной или биологической войны, техногенными, экологическими, антропогенными и демографическими катастрофами, а также новыми вызовами, связанными с международным терроризмом. В этой связи неизбежно встает вопрос об опережающем развитии социальных наук.

Социальная история человечества - это не какая-то безликая модель, а совокупность социальных действий личностей, совершаемых по самым различным мотивам и преследующих самые различные цели на исторически определенных этапах ее развития. Социальные действия личностей, в силу их таланта или занимаемого положения (социального статуса),

вносят конкретные изменения в систему окружающей среды, в построение различных государственных, экологических, технологических, политических, социальных, общественных, идеологических и других структур и тем самым конструируют социальную реальность, которая затем является решающим фактором, оказывающим определяющее воздействие на сознание и социальное поведение различных социальных групп и на различные формы проявления этого поведения. Все, что мы имеем в современном мире в целом и в каждом конкретном обществе, есть результат социальных действий личности.

Вряд ли нужно ставить под сомнение благие намерения людей, принимающих социально значимые решения, но этими благими намерениями, без научного обоснования, может быть вымощена дорога в социальный ад. Принимая то или иное социально значимое решение, человек или группа лиц, облеченных властью или являющихся оппозицией этой власти, преследуют порой самые благие цели, хотят как лучше, а получается как всегда. Чтобы получилось не как всегда, а намного лучше, необходимо опираться на основанные на точных математических расчетах прогнозы социальных наук о возможном социальном результате принимаемого решения.

Цинизм современного общества в отличие от древнегреческого рабовладельческого или русского крепостнического состоит в том, что тогда, по крайней мере, все признавали, что существует два мира – рабов и господ. Сегодня мы вернулись к этому состоянию, но не находим смелости это признать, что наносит непоправимый вред демократической идее как таковой. Общества стремятся к демократии не потому, что этот строй более справедлив, чем какой-либо другой, а потому что сегодня он связан с богатством и процветанием, дающим, кроме всего прочего доступ к контролю за распределением мировых ресурсов. Иными словами, двойной стандарт в отношении демократии является опаснейшим признаком постепенной трансформации ценностной системы, основанной на фундаментальной идее равенства, в набор формальных процедур, за которыми могут скрываться любым антидемократические действия в

отношении стран, не принадлежащих к кругу «избранных».

Развал СССР несомненно способствовал крушению последней идеологии, основанной на перспективе всеобщего социального равенства. Нынешняя невысказанная идеология намного проще: раз ресурсов на всех не хватает, то и общество делится на привилегированное космополитичное меньшинство и всех остальных. Так в мире постепенно формируется диктатура мировой элиты, лишенной национальной идентичности и проводящей политику неорасизма. Ее суть состоит в том, что не попавшие в состав элиты независимо от национальной принадлежности, становятся людьми второго сорта с соответствующим уровнем жизни и реализации их прав. При этом речь вовсе не обязательно идет о каком-либо мировом заговоре. Такая система возникает постепенно сама собой, так как является наиболее удобной и естественной для мировой элиты, объединенной новой идеологией – идеологией потребления. Такова перспектива развития человечества, если страсть к максимальному комфорту, монополизации и глобальному контролю и далее будет являться основным стимулом деятельности мировых (пока еще национальных) элит.

Процесс мирового социально-экономического расслоения, стремительной модернизации одних обществ и последовательной демодернизации других отнюдь не способствует формированию более справедливого мироустройства. Человечество достигло нового этапа в своей истории, когда рынок более не способствует демократии, а, наоборот, противодействует ей. Прежде всего, это связано с тем, что богатые страны не в состоянии наращивать уровень производства в соответствии с растущими потребительскими запросами своих граждан – без ужесточения экономической, экологической и интеллектуальной эксплуатации бедных стран. Отличие глобализации как высшей стадии империализма от империализма классического состоит в том, что контроль за неоколониями осуществляется не только военными средствами, но также экономическими и информационными.

Идейную основу такой системы составляет идеология потребления и максимизации прибыли, поскольку все иные идеологии (национальные, религиозные, традиционалистские,

социалистические и т. п.) постепенно размываются массовой поп-культурой – рекламой глобализации – ключевым инструментом ценностного «пиара», осуществляемого на пространстве «периферии» в интересах «центра». Теория модернизации, неомодернизации, транзита не в состоянии объяснить причины провала «перехода» в десятках стран; ее фундаментальные основы, восходящие к теории модернизации, связанные с перспективой достижения справедливого демократического общества, для всех оказались ложными. Идея транзита сыграла роль десятилетней интеллектуальной компенсации за крушение идеалов победы мировой социалистической системы. Теория модернизации давала ее сторонникам надежду на то, что общества, отказавшиеся от социалистической идеи всеобщего благоденствия получат шанс приобщиться к ее капиталистической версии при условии следования рекомендациям Вашингтонского консенсуса. В действительности же, оказалось, что их практический смысл состоял в обеспечении максимальной открытости постсоветских экономик и их включении в систему мирового капиталистического разделения труда на ролях поставщиков дешевой рабочей силы, сырья и рынка сбыта.

Таким образом, перспектива демократического и социально справедливого будущего человечества пока не определена. Если этика индивидуализма, крайнего прагматизма и цивилизованного эгоизма будет и далее основой практики экономической и политической активности богатых стран в отношении бедных, то изменения для большинства будут абсолютно невозможны. Иными словами, путь «перехода» к демократии в нынешних условиях основан на образе «пряника», который никогда не суждено съесть. Поскольку фундаментальный изъян человеческого общежития, связанный с социально-экономическим неравенством имеет тенденцию к углублению, то глобальное демократическое будущее человечества оказывается все менее вероятным. Парадигма глобализации как однолинейного процесса, завела человечество в тупик. Необходима *смена геополитической парадигмы* развития современного мира. Это, собственно, и произошло после марта 2014 года.

Тяжелейшие последствия реформ 90-х годов для социально-экономической ситуации в постсоветских государствах хорошо известны. Навязываемые в процессе становления глобального фундаментализма в потребительские идеалы – есть социокультурный вызов Запада, в результате которого мир оказался погруженным в состояние перманентной потребительской конкуренции.

Современная наука определила абсолютные границы этого типа потребительского сознания, указав на то, что если бы уровень жизнь большинства населения мира достиг американского или западноевропейского «эталона», планета взорвалась бы от экологической перегрузки. Следовательно, ширящиеся проблемы мировой экологии, неспособность планетарных ресурсов выдержать дальнейший натиск технологии на природу требуют *смены технологической парадигмы* развития человечества, основанной уже не на интенсивном развитии, а на экономии ресурсов и самоограничении.

На политической арене России действуют, борясь за власть, многочисленные силы (партии, движения, лидеры и т.д.). Представители этих сил, во-первых, преследуют свои групповые интересы; во-вторых, интересы эти выдают за общенародные, используя терминологию, которая скрывает негативную сущность их действий, например, такие понятия, как «демократия», «прогресс», «радикализм», «революция», «свободомыслие», «права человека». При этом было бы ошибкой обвинять представителей тех или иных социальных сил исключительно в личных пристрастиях, нечестности. Во многих случаях они искренне верят в чистоту своих помыслов. Но поскольку эти помыслы в своей основе содержат обывательский субъективизм, а не научное знание и понимание социальной действительности, то они, вольно или невольно, идут вразрез с интересами российского общества и народа.

В итоге борьбы всех этих сил под лозунгами общенародных интересов Россия имеет сложную и противоречивую экономическую и социально-политическую ситуацию, когда под угрозу поставлено ее существование как государства. Вполне понятно, мало кто его реально желает. Главная причина этого не реформирование как таковое, а неадекватность методов и

отсутствие правового обеспечения реформ, научного прогноза и научной оценки их социальных последствий с позиций человека и общества, с позиции национальных интересов России. Чтобы избежать этой угрозы, которая к сожалению, еще не устранена, необходимо осуществить:

- анализ реальной социальной и социально-политической ситуации в стране. Принятие в качестве точки отсчета социальных изменений системы социальных показателей и индикаторов, позволяющих количественно и качественно измерять эту ситуацию. Такая система образует оси координат, на которых всякое явление с неизбежностью проявится в своей прогрессивности или реакционности, как на момент принятия решения, так и в процессе его реализации;
- выявить реальные причины сложившейся ситуации в ее позитивных и негативных аспектах, их научная системная классификация;
- выработать краткосрочную и долгосрочную перспективы четкой стратегии внешней и внутренней деятельности государства, нацеленной на устранение негативных аспектов сложившейся ситуации и создание условий, отвечающих интересам человека и российского общества;
- принять социальную ответственность, вплоть до уголовной, властных структур и лиц, входящих в соответствующие структуры, за негативные социальные последствия их действий, связанных с реализацией конкретных аспектов государственной стратегии, действий, причинивших ущерб государству и человеку;
- обеспечить широкое обсуждение и анализ результатов реализации внешней и внутренней стратегии российского государства;
- принять по итогам этих обсуждений соответствующие государственные решения;
- создать четкие правовые основы и административные рамки реализации обозначенных выше условий.

Этот процесс может принять разноплановый характер, если не будет поставлен и решен вопрос о формировании адекватной идеологической парадигмы. Россия более 20 лет существовала в условиях «отложенной» идеологии. При такой идеологической

пустоте под видом плюрализма идей в сознание людей внедрялась различного рода «пропагандистская помойка» всех мастей. Для России традиционны вопросы: во имя чего существует общество и государство, зачем живет человек, ради какой цели, что он должен делать? Эти философские вопросы всегда были свойственны российскому менталитету. Народ, безусловно, хочет иметь четкое представление о том, куда идет общество и каким оно будет. Страна без цели и идеологии – это все равно, что человек без мыслей. А человек без мыслей — это больной человек.

Перед российской наукой и государством поставлена задача: в сжатые сроки обеспечить всем гражданам страны достойный и качественный уровень жизни. Человек, в наступившем XXI веке, его материальное, физической и нравственное состояние, возможность проявить свою индивидуальность все более становится основным социальным индикатором прогрессивности или реакционности явлений и процессов современного мира.

Общенациональная цель, понятая и принятая народом России, способна сформировать социальный идеал и общественные ценности, если она уходит своими корнями в идеологию. Идеологию до сих пор принято отождествлять с ложным сознанием. Это ошибочное ее понимание. Идеология – это наука об Идее. Следовательно, и сами идеи должны быть научными. Научные идеи в области гуманитарных и социальных наук не могут носить всеобщий характер, как например, в физике закон всемирного тяготения. Они уходят в глубину истории, культурных традиций, менталитета, в основы экономического, социального, политического положения данного государства и народа, проживающего в нем, они строятся на сиюминутных моментах. Идеология, будучи научной, в то же время социальна и исторически обусловлена.

Для современной России характерен целый ряд противоречий, порой принимающих антагонистический характер. Это и невиданное в истории России имущественное, социальное и духовно-нравственное расслоение граждан, это и противостояние власти и народа, это и целенаправленная деятельность «пятый колонны» на разрушение целостности российского государства и многое другое. По этой причине идеологию, наци-

ональную идею невозможно выработать в лаборатории или в кружках философов и политтехнологов. Если применительно к нашей стране она изобретается по западным лекалам, то появиться может только социальный урод.

Исходя из этих конкретных условий, следует, на наш взгляд, определить ту социально значимую нишу, в рамках которой различные индивидуальные стремления каждого не противостояли, а сосуществовали бы друг с другом. В данном случае можно ставить вопрос об общенациональной идеологии. Идеология формирует общенациональную цель общества, определяет реальные возможности и необходимые средства ее практической реализации. Применительно к России стратегическими элементами такой идеологии являются:

- возможности страны. Они неограничены. Россия – единственная самодостаточная страна мира, в которой сырьевой, научный и человеческий потенциалы не имеют аналогов в мире;
- средства реализации. Достижения в области науки, образования, культуры за всю историю России не требует дополнительных комментариев.

Однако, наличие реальных возможностей страны и средства их реализации используются неудовлетворительно. Более того, социальные и экономические проблемы в ряде случаев вступают в противоречие с национальными интересами народа и общества, отсюда крайне низкий уровень и качество жизни народа. Таким образом, основным содержанием общенациональной цели, которая, в данном случае, трансформируется в национальную идею, является преодоление антагонистического противоречия между реальными возможностями страны, наличием реальных средств, их реализации и крайне низким, оскорбительным и унизительным уровнем и качеством жизни народа.

В последнее время в России усилилась патриотическая риторика официальной политики. Практически все партии и движения стали «играть на патриотическом поле», что объективно ведет к более адекватному отражению национально-государственных интересов. Как следствие этого, отмечается рост консолидации российского общества, выражающийся, прежде

всего, в беспрецедентно высоком рейтинге президента России В.В. Путина. К этому надо добавить усилия России в области интеграционных процессов стран СНГ. Все это можно рассматривать как факторы формирования идеологии «здравого смысла», которой должны соответствовать как политика «здравого смысла», так и аналогичная экономика. Важными инструментами устранения этого противоречия выступают социально и национально ориентированное правовое государство, и рынок, которые до сих пор являются непревзойденными и не имеющими аналогов «изобретениями человеческой цивилизации». Не следует забывать, что государство и рынок реализуют свои возможности в диалектическом взаимодействии друг с другом.

В XXI веке, как свидетельствует опыт ряда развитых стран, роль государства в определении социально-экономических приоритетов и решений важнейших социально-экономических проблем общества резко возрастает. Игнорировать эту объективную действительность – значит в очередной раз вступить в противоречие с практикой мирового развития.

Основная задача государства состоит в рациональном использовании уникального геополитического, экономического, научно-технического, сырьевого, научного и интеллектуального потенциала страны в условиях перехода к качественно новому уровню жизни народа и развития страны. Эта задача, на наш взгляд, может быть реализована в форме целевых *стратегических программ государства*. Их разработка и утверждение на высшем государственном уровне позволят осуществить переход от ресурсно-экспортной модели страны к экспортно-инновационной практике, обеспечить реальную многоукладность всех сфер жизнедеятельности общества на основе наукоемких производств и высоких технологий.

К числу первоочередных целевых стратегических программ государства, на мой взгляд, следует отнести:

Образовательную систему. Состояние общества переходного периода свидетельствует о необходимости новой парадигмы образовательной системы, которая включает воспитание от семейного до университетского; реанимацию и реабилита-

цию просвещения, а также реформу образования (обучения) с ориентиром не только знать прошлое, но и реагировать на настоящее, думать о будущем. Новая образовательная система должна восстановить связь поколений, которая не выдержала проверку на прочность в годы перестройки-«катастройки».

Нанотехнологии. Создание индустрии наносистем, «наноэлектроника, наноматериалы, нанотехника», их внедрение в экономику страны и экспорт.

Новые виды энергетики. Разработка и повсеместное внедрение энергосберегающих и экологически чистых энергетических систем. Перевод авиационного, автомобильного и водного транспорта на новые виды энергетики, в частности – водородное топливо.

Новые материалы. Создание индустрии по производству и экспорту технологий новых материалов (композитов, керамики, материалов из сплавов со специальными свойствами, сверхтвердых материалов, биосовместных материалов, катализаторов, мембран).

Клеточная биотехнология. Это – биомедицина, биокатализ, биологические производные системы, биополимеры клетки. Необходимо расширение сферы применения биотехники в областях здравоохранения, промышленного производства, сельского хозяйства, что положительно скажется на экологии страны.

Транспортные системы. Создание транспортных систем (железнодорожных и автомобильных), связывающих Европу и Азию, Северную Америку и Азию, Юг и Север континента и т.д.

Информационные технологии. Ближайшее будущее страны немыслимо без развитых информационно-телекоммуникационных систем, биоинформатики, хорошо развитого системного обеспечения, без повсеместного внедрения систем искусственного интеллекта и управления виртуальной реальностью.

Народонаселение. Важной проблемой является не только прогрессивный рост народонаселения, но и повышение его качества. Стране нужны физически и психически здоровые, образованные, культурные, патриотически мыслящие и гордящиеся своей родиной люди, удовлетворенные своим положением в обществе. Решение этой задачи предполагает сохранение и умножение социального капитала России.

Экология. Это сохранение природной среды, внедрение научной системы природопользования, включая сырьевые ресурсы, создание зон чистой экологии, мониторинг и предотвращение возможных технических катастроф. Создание центров по производству и экспорту экологически чистой зерновой и мясомолочной продукции, а так, где они традиционно имеются (например, черноземный центр), - их всемерная государственная поддержка.

Экономика и социологии знания. Это предполагает научное обоснование перестройки всех систем управления российским обществом в соответствии с основополагающими принципами постиндустриального информационного общества.

Особое значение имеют целевые стратегические программы по *аэрокосмическому и военному комплексам*.

Целевые стратегические программы государства – это только один аспект анализируемой проблемы. Решение ее государством не только обеспечит выход научной и наукоемкой продукции на мировой рынок, но и сделает серьезный шаг к его завоеванию, обеспечит переход к действительному рынку. Общество не имеет будущего, если его экономика будет базироваться только на товаре, который произведен природой и дан России от Бога. Основой экономики развития производства является товар, произведенный гением и мастерством человека.

Резюме: сырьевые ресурсы, доставшиеся России, равно как и мировому сообществу, не бесконечны. Они исчерпаемы. В отличие от отечественных неолибералов это хорошо понимают руководители развитых стран. Приобретая сырьевые ресурсы России, то есть то, что создано природой, за счет продажи товаров, созданных руками человека, они в то же время, используя инструмент государственной власти, формируют переход к безотходным, энергосберегающим технологиям. Ученые этих стран успешно работают над решением проблем перехода к возобновляющимся сырьевым и энергетическим ресурсам. Россия не может игнорировать эту тенденцию и не станет этого делать, если она выстрадает свою идеологию и обретет стратегию своего развития с ориентиром на перспективу, не ограничиваясь решением только текущих проблем.

§ 2 КАК ВОЗМОЖНО ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ИМПЕРСКОЙ РОССИИ?

§ 4.2.1. В поисках утраченной империи.

Сегодня, говоря о необходимости имперского возрождения России, невольно вспоминается скепсис А. Солженицына в отношении заявленного предмета. В своей программной статье «Как нам обустроить Россию?» (1990) он, между прочим, вещал: «Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель». Напротив, «не к широте державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке её»[339] (курсив – А.С.).

Это весьма неординарное суждение всё же нуждается в аксиологической транскрипции, которую ниже я и собираюсь предложить. Причем никаким иным образом, как прибегнув к т.н. опровержению или демонстрации ложности следствий, вытекающих из тезиса об ущербности имперской формы бытия России и «усталости» стержневого имперского этноса. В этой связи вспомним, что сам Александр Исаевич выразил известный онтологический, гносеологический, праксиологический и аксиологический секпсис в отношении имперской формы: «Окончательная государственная форма (если она вообще может быть *окончательной*) – дело последовательных приближений и проб[340]. В свою очередь эти рассуждения великого русского писателя подтверждаются (хотя и формально) критерием В.Л. Махнача: «Нормальное окончание существования империи – это *исчерпание сил имперского этноса*»[341] (курсив – В.М.).

Тем не менее, как это не покажется странным, у Солженицына есть «соратники» из числа российских либералов-разрушителей ельцинского призыва (Е.Т. Гайдар, А.Н. Илларионов, И.М. Клямкин и др.). Между прочим, одним из них выведено:

339 Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? / А.И. Солженицын // Солженицын А.И. На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2009. С. 576.

340 Там же, с. 603.

341 Махнач В.Л. Империи в мировой истории / В.Л. Махнач // Режим доступа: http://mahnach.ru/articles/imperii.html (дата обращения – 9.04.2015 г.).

«Эпоха империй заканчивается не только тогда, когда происходит утрата территорий, но и тогда, когда умирает имперская идея, породившая тот или иной имперский проект. Когда мысль о том, что империя и все, что с ней ассоциируется, – будь то роскошь или ужас, катастрофа или расцвет – безвозвратно уходят в прошлое, и будущего у нее больше нет. Никакого. Ни великого, ни ничтожного. Ни блистательного, ни мизерабельного»[342].

Вообще, подобные инвективы выглядят весьма наивными в свете предложеннх марксизмом, национализмом и собственно либеральным дискурсом аргументов contra imperium. В частности, марксизм (В.И. Ленин) и национализм (Э. Саид) инкриминируют империи преступления экономической эксплуатации туземцев, ничем не оправданную колониальную максимизацию «прибавочной стоимости», словом, преступления, опирающиеся на нежелание видеть в иных обществах равные расовые, этнические, религиозные, культурные, классовые и иные права. В свою очередь либерализм (начиная с А. Смита) настаивает на отказе от империи из-за завышенных ожиданий метрополии, предлагая процедуру деколонизации, как процедуру снижения налогов.

Отсюда признается безперспективность любого имперского бытия, безотносительно к тому, на каких основаниях отстроена империя – колониальных (Британия), национальных (Германия) или цивилизационных (Китай, Византия, Россия).

Напротив, в данном случае важен антитезис, указывающий на обратное: на воссоздание имперской формы как аксиологически приемлемой и исторически оправданной исторической энтелехии России. В особенности, на современном этапе экстремумов глобальной и региональной турбулентности.

Причем данная задача решается многими авторами-имперіологами по-разному (Ю.И. Аверьянов, С.Н. Гавров, С.И. Каспэ, С.В. Луре, В.Л. Махнач, С.М. Михеев, Н.А. Нарочницкая, А.А. Проханов, М.Б. Смолин, Ф.А. Папаяни и др.), а общий идейно-ценностный знаменатель, к сожалению, пока не найден.

Не претендуя на исчерпывающий вариант прописи нового

342 Илларионов А.Н. Конец эпохи русских империй / А.Н. Илларионов // Режим доступа: http://susel2.livejournal.com/84873.html (дата обращения – 26.03.2015 г.).

имперского кредо России, тем не менее, хотелось бы обозначить необходимые подступы к созданию такового.

§ 4.2.2 Идейно-политический тупик либерализма

Итак, обозначу основные соображения по рассматриваемому вопросу.

Первое. Само по себе отсутствие идеологического пункта (вектора развития) в ельцинской конституции 1996 года является нонсенсом для такой страны-цивилизации, как Россия. Конечно, этому факту можно искать объяснение в плоскости постановки и решения задачи деидеологизации её бытия, т.е. объявить лишними принципы православного и коммунистического миропонимания, мироотношения и соответствующих практик – излишними, не отвечающими нормам и требованиям «цивилизованного сообщества». Оно, наряду с «рынком» и «правами человека», идеей государства – «ночного сторожа» и монетаризмом, транзитом передало ультралиберализм в виде сверхидеологии. Иначе говоря, «третья волна демократизации» накрыла «континент Россию» и связанные с ним цивилизационно-историческими узами народы и государства.

Однако даже в условиях деидеологизированного бытия, тройной перекодировки сознания: с имперско-православной – на имперско-коммунистическую, с имперско-коммунистической – на «колониально-имперскую», либерально-расщепляющую, с «колониально-имперской» – на имперско-персонифицированную, как никогда остро воздвиглась проблема воссоздания имперской формы, содержания и стиля.

При этом имперскую форму легче всего мыслить в виде априорной конструкции, примордиально заданной стихиям русской истории. Как, например, у поэта и публициста В. Шемшученко:

Империя не может умереть!
Я знаю, что душа не умирает.
Империя – от края и до края –
Живёт и усечённая на треть.

Она живёт в балтийских янтарях,
Она живёт в курильских водопадах,
Она – и День Победы и «Варяг»,
Она во всём, что мне от жизни надо.

Оплаканы и воля, и покой,
И счастье непокорного народа...
Имперская печаль – иного рода –
Она созвучна с пушкинской строкой.

Она клеветникам наперекор
Глядит на мир влюблёнными глазами,
Она не выставляет на позор
Оплаченное кровью и слезами.

Пусть звякнет цепь! Пусть снова свистнет плеть
Над теми, кто противится природе!
Имперский дух неистребим в народе –
Империя не может умереть!

Иное дело – апеллировать к опытному её происхождению или возможной регенерации в условиях небывалого геополитического, экономического и информационного давления Запада во главе с США. Последняя, на мой взгляд, выражается в предоставлении «вашингтонским обкомом» России статуса региональной державы, более-менее надежного поставщика Западу углеводородов, человеческих (в т.ч., интеллектуальных) ресурсов и некритичного реципиента «образцов» американской массовой культуры.

И это при том, что уже четко осознано: «К счастью однако, высшие положительные свойства русского народа, его религиозность, искание абсолютного добра, чуткость к искажениям добра злом и способность к высшим формам опыта, составляют основное содержание русской души, которое не может быть выправлено сорокалетним господством Советского режима»[343]. Равно, как и неолиберальным, хотя и непродолжительным, накатом 90-х (!).

Второе. Как ни парадоксально, в творчестве великого русского писателя существует пункт, прямо указывающий на разрушение имперских формы и стиля, но их, тем самым, не отменяющих. Так, несколько позже, в книге «Россия в обвале» (1998)[344]

343 Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. Frankfurt am Main: ПОСЕВ, 1957. С. 116.

344 См.: Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: Изд. «Русский путь», 1998. – Гл. 1 Зона

он апеллировал к «Публичному закону 86-90» – «Резолюции о порабощенных нациях» (принятому Конгрессом США в 1959 году), основным пунктом которого является утверждение, что «империалистическая политика коммунистической России (не СССР, а России!) привела, путем прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Армении. Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала (Поволжья и Урала), Тибета, Казакии, Туркестана, Северного Вьетнама и т. д.».

Тем не менее, крушение «Красной империи» и возникновение на её руинах «фантома СНГ», согласно Солженицыну, имплицирует «демократию малых пространств», способную более-менее ясно выразить притязания русского духа в ойкумене. Причем, по-солженицынски интровертивно-сберегающего, раскаивающе-самоограничивающего – после семидесятилетнего торжества вселенской лжи коммунизма.

Но куда больший урон России и народам, некогда взятым под её державную опеку, принес *постсоветский накат неолиберализма*, выразившийся в деидеологизации жизни, а не только самоé ельцинской конституции. Как следствие – частичная утрата суверенитета в 90-е, тотальное отступление России вглубь своих территорий, деиндустриализация, торжество «идеологии» рынка, этнические конфликты, социальный и моральный катастрофизм… Естественно, что никакие земства дело не спасли бы в принципе!

Нужно отметить, что эта социально-политическая конструкция едва ли бы была способна противостоять олигархической капиталократии с её хищническими аппетитами (вспомним «семью» Ельцина) и организационно-управленческой поддержкой США, нацеленными на «приватизацию» несметных богатств России, профессиональную дисквалификацию её народа, либерально-потребительское закабаление, и, конечно же, интериоризацию и культивирование гедонизма.

В таком виде она была обречена, поскольку игнорировала

Власти. § 4 Ошеломленная Россия и Запад.

одну важнейшую «социологическую аксиому»: «Всё, что усиливает частную свободу (т.е. своеволие) большинства, не есть основа, а большее или меньшее расшатывание основ»[345]. Однако эта аксиома так и не усвоена ни либеральной интеллигенцией, ни либеральным политикумом.

Разумеется, признание в подобном *умопомрачении, вызванного либерализмом* – дело не из легких, но этот процесс был начат уже в советские годы[346], в момент поиска путей избавления от коммунизма и реальных опасностей либерализма, этого двигателя технологической цивилизации (!), а продолжен в наши дни, причем, в аспекте обостряющейся борьбы между Левиафаном и Либерафаном по всему миру и на территории России, и стоящего за нею «онтологического противоречия»[347].

При этом важнейшей стороной обсуждаемой проблемы – восстановление имперской России путем возрождения её идеологии, – является создание некоторого мировоззренчески-аксиологического фундамента.

§ 4.2.3 К предваряющей формуле имперской идеологии

Переходя к содержательной разработке новой идеологии России, как империи необходимо остановиться на уточнении условий, задающих онтологию таковой, плюс качество резистентности вызовам и рискам пост-современности.

Вспомним, что в своё время тот же В.Л. Махнач предложил рассматривать таковой в очень нестандартном ключе, исходя из трех сценариев будущего.

345 Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского / К.Н. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 40.

346 Напр., программной статьей математика И.Р. Шафаревича «Две дороги – к одному обрыву», где между прочим, говорится следующее: «Оба этих исторических феномена (коммунизма и либерализма – Д.М.) представляют собой попытку реализации сциентистско-техницистской утопии. Точнее, это два варианта, два пути такой реализации. Западный путь «прогресса» более мягкий, в большей мере основан на манипулировании, чем на прямом насилии (хотя оно играет свою роль в некоторый период его развития: террор Великой французской революции или колонизация незападного мира). Путь командной системы связан с насилием громадного масштаба…» Шафаревич И.Р. Русофобия. Две дороги – к одному обрыву / И.Р. Шафаревич. М.: Товарищество русских художников 1991. – С. 131.

347 Поляков Ю.М. Левиафан и Либерафан / Ю.М. Поляков // Литературная газета. № 14 (6504). 8-14 апреля 2015 г. С. 1, 12.

«Можно стать на *путь изоляции* и породить, скорее всего, пренеприятнейшее государство, отпихивающее всех. Тогда большой культуры у нас впереди нет. Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский (ставлю многоточие), наконец, Бунин и Шмелев принадлежат имперской культуре. Если взять другие области, результат получится тот же самый. Мы порвем с собственной традицией. Это возможный путь – он, кстати, спокойный.

Возможно *возвращение к имперскому самосознанию.* Это вовсе не означает, что народ в обязательном порядке должен застолбить границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 год вместе с царством Польским и великим княжеством Финляндским. Это – готовность решительно сказать, что империя существует, мы ее сохраняем и готовы принять всех, кто желает остаться. Но исходить мы будем из приоритета существования империи, а не существования республиканских границ в Советском Союзе. Если есть желающие жить в составе исторической России, то они получат необходимую поддержку, любую. Но та территория будет частью империи.

Есть третий путь, не исключающий второго. Я бы его назвал *культурологическим.* Он наиболее продуктивен и возможен только в варианте подлинного культурного подъема. Прецедентов было полно в мировой истории, в том числе и в нашей. Я имею в виду ориентацию на верность органичной для нас культуре – *восточнохристианской.* Тогда нас интересуют, безусловно, все восточнохристианские дела, а это обременительно. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не конфессиональную верность. Если вероисповедание – это личное дело каждого отдельного человека, проблема его отношения к Творцу, то вопрос о принадлежности к культуре – дело не человека, это дело народа. Будет культурный подъем – мы можем воссоздаваться в таком ключе»[348].

Соглашаясь с возможностью второго пути (необходимости возвращения к имперскому мышлению и соответствующей

348 Махнач В.Л. Империи в мировой истории / В.Л. Махнач // Режим доступа: http://mahnach.ru/articles/imperii.html (дата обращения – 9.04.2015 г.).

ценностной рефлексии), хотелось бы не согласиться с Махначем в третьем пункте, а именно, в обеспеченности имперского возрождения «культурным подъемом», при нереализуемости «конфессиональной верности» в поствизантийском пространстве.

Для того чтобы встать на точку зрения «высшей, сверхчеловеческой логики истории» (К.Н. Леонтьев), нужно вспомнить некоторый несамоочевидный принцип: «нельзя строить политические здания ни на текучей воде вещественных интересов, ни на зыбком песке каких-нибудь глупых либеральностей...». В конце концов, всегда и везде «эти здания держатся прочно на *отвлеченных принципах верований и вековых преданий*»[349] (выделено – К.Л., подчеркнуто мной – Д.М.), а не феноменов гражданского общества и правового государства, этих, якобы, абсолютов, а на самом деле «иероглифов разума» (Г.В.Ф. Гегель).

В доказательство высказанного тезиса хочу привести в пример согласование позиций императора Николая I и поэта Александра Пушкина, питавших – хотя и разновеликую – но «любовь к родимым пепелищам», «любовь к отеческим гробам».

Кроме того, возведение имперского здания представляется как процесс восхождения: «Империя – это политическая лестница, по которой национальное начало, вложенное в государственность, способно дорасти до выразителя духа целой цивилизации»[350]. Сам же рост, как показал В.Н. Тростников, т.е. продвижение по вертикали – при реализации условия возрастании качества, – возможен там и тогда, где и когда «верующий народ» становится достоин «религиозно освященной монархии»[351]. Иначе говоря, в этой форме властных отношений предлагается видеть «самую высокую мотивацию подчинения», но по природе не ту, что культивировали при диктатуре, национальном лидере, «служилой аристократии», или сегодня предлагают сделать эталоном в гражданском об-

349 Леонтьев К.Н. Храм и Церковь / К.Н. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 - 1891) / Общ. ред; сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. – М.: Республика, 1996. С. 165.

350 Смолин М.Б. Имперское возрождение – русский путь в будущее / М.Б. Смолин // Имперское возрождение. М.: Москва, 2007. С. 7.

351 Тростников В.Н. Какая власть нужна России? / В.Н. Тростников // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 32.

ществе и нависающей над ним «цифрократии»[352].

Но это в теории, а что на практике империестроительства? Осталась ли Россия верующей, при этническом составе русских 81%[353]?

Возвращение к большому имперскому стилю, во многом интуитивное и несовершенное, состоялось в умиротворении Чечни, принуждении к миру Грузии (с патерналистской опекой Абхазии и Южной Осетии), затяжного процесса деэскалации конфликта в Сирии, ситуативном возвращении Крыма и амбивалентности позиции в отношении Донбасса. Так на наших глазах *возникли эмердженты, иннервировавшие ткани некогда могучего имперского организма, но главное, восстановившие казалось-бы растраченный в прежних имперских стройках дух Великой России.*

Однако прошло время реактивных решений, и как никогда ранее нужна определенная имперская идеологическая платформа, нацеленная не на территории и этносы, геополитические узлы и хронополитические циклы, а на решение более системных задач: на воссоздание России-империи как «симфонической личности», взятой в единстве исторических судеб народов, в неё входивших и входящих. Но и более того, опеки всех униженных и оскорбленных, коих число заметно увеличилось в «эпоху торжества демократии».

Собственно интрига текущего момента, имеющая место на постсоветском пространстве, определяется тезисом Президента России В.В. Путина о распаде СССР как крупнейшей геополитической катастрофе, и органических попытках *воссоздания Русского мира, как «Міра миров».* Причем, на этом пути встречаются разные сценарии: от идеалистических («собирание Русского мира через литературу» – М. Голубков) и реалистических

352 Говоря о цифрократии в начале нашего века, В.Н. Тростников подчеркивал: «Чистая цифрократия, которая уже стучится в дверь западной цивилизации, превратит человека в нечто худшее, чем животное, – в автомат, в робота». - Тростников В.Н. Какая власть нужна России? / В.Н. Тростников // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С.. 33. Насколько правдивыми оказались эти слова, говорит наше утешительное время «дигитальной свободы», настолько аутопоэтической, что индивиду не хочется о ней и знать, владеть, управлять и т.д., а также нести ответственность (!) – Подробнее см.: Муза Д.Е. «Да, жизнь лишь Веры воплощенье…» (этюды русской аксиологии): монография. – Saarbruken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. С. 36 - 48.

353 По данным Всероссийской переписи населения 2010 года. См.: Население России // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/**Население**_России (дата обращения: 20.03.2015 г.).

(«свинчивание пространства Евразии Газпромом» – А. Проханов), – до soft power («поддержка русской культуры на всех континентах» – В. Никонов) и откровенно манипулятивно-технологических («уши машут ослом» – О. Матвейчев, Д. Гусев, С. Чернаков, Р. Хазеев)[354]. Понятно, что не все они релевантны сверхсложной задаче – регенерации имперской, либо цивилизационной (геополитической) субъектности.

Для этого как никогда актуален и важен аксиоматический уровень – уровень имперского (цивилизационного) сознания и самосознания, который мало – помалу начинает восстанавливаться.

Так, принятая XVIII Всемирным русским народным собором *Декларация русской идентичности*, недвусмысленно очерчивает её фактуру и содержание: «Принадлежность к русской нации определяется сложным комплексом связей: генетическими и брачными, языковыми и культурными, религиозными и историческими. Ни один из упомянутых критериев не может считаться решающим. Но *для формирования русского национального самосознания обязательно, чтобы совокупность этих связей с русским народом (независимо от их природы) была сильнее, чем совокупность связей с любой иной этнической общностью планеты*»[355] (курсив мой – Д.М.).

Если к этому решению присоединить утвержденную Президентом 19.12.2012 года «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», где прописаны пункты об «объединяющей роли русского народа», как государствообразующем, равно как и других народах, свободно входящих в дело реализации цивилизационного (им-

354 Позиция последних может быть проиллюстрирована цитатой из одноименной книги: «Все кандидаты вместе взятые и их спонсоры, в том числе и зарубежные, на президентских выборах в Украине затратили сумму, явно не превышающую $ 1 млрд, в течение не только выборов, но и года, им предшествовавшего. При этом Газпром только за одну газовую войну с Украиной потерял несколько миллиардов плюс репутация… Разве нельзя было часть этой суммы отдать нескольким пиар-фирмам России, чтобы они существенно изменили политическое поле Украины в пользу пророссийских сил, что позволило бы потом не сталкиваться с националистами на выборах и не зависеть Газпрому от их позиции?». – Матвейчев О., Гусев Д., Чернаков С., Хазеев Р. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. 2-е изд., исправленное и дополненное. СПб.: Питер, 2014. С. 9 - 10.

355 Декларация русской идентичности // Официальный сайт Московского Патриархата http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html (дата обращения: 10.04.2015 г.).

перского) строительства на началах «политики согражданства» и культивирования «отечественных культурных ценностей»[356].

Но само имперское сознание и самосознание, повторюсь, обязано иметь идеологически и ценностно обоснованный и верифицированный историей проект. По моему мнению, он будет включать в себя не только *пространственно-материальные* (месторазвитие, население), *временные* аспекты (циклы культурно-политического бытия и кристаллизовавшуюся в драмах и трагедиях русской истории традицию), но и *субъектно-волевые*, *деятельностные* (имперско-цивилизационное «общее дело»!) и собственно *идеократические доминанты* (сотериологически-социальная «идея-правительница» и её аксиологическое обрамление).

Сам же этот новоимперский проект должен выйти на формулу «государства Правды», нравственно-ориентированного в своих внутри- и внешнеполитических делах делания, воссоздания имперской культуры (её морфологических и стилистических особенностей), воспроизводства имперского человека или максималистской антропологии. Всё это имплицируется *идеей особой миссии России в мире*, а никак на рыхлом и аморфном постсоветском пространстве, с работающими в нём импотентными «иероглифами разума» – государством – ночным сторожем и гражданским обществом.

В таком случае, мировая история превратится в реальный полилог, в обсуждение и совместную реализацию мироустроительных проектов (хотя бы в формате БРИКС). Иначе говоря, имперский рывок России есть низложение монологичной стратегии США – этого ничем и никем нелегитимированного «Мессии».

356 Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Режим доступа: http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/mejnacionalnie-otnosheniya/mejnacionalnie-otnosheniya/strategiya-gosudarstvennoie-nacionalnoie-politiki-rossiieskoie-federacii.html.(дата обращения: 14.04.2015 г.).

Резюме: идеологические шарахания советской и постсоветской России: от марксизма – к неолиберализму, являются ничем иным как двумя путями к «одному обрыву» (И.Р. Шафаревич). Органичное же ей цивилизационно-историческое бытие вновь восребует имперскую форму присутствия в мире. Реакция России на госпереворот в Киеве, дрейф Крыма и Донбасса в сторону Москвы, свидетельствуют об изменении идеологического климата и развороту к большому имперскому стилю.

Вопрос «Как возможно возрождене идеологии имперской России?» сегодня может быть конвертирован в ответ: её бытийная формула очерчена пространственно-материальными аспектами (месторазвитие, население), временными аспектами (циклы культурно-политического бытия и кристаллизовавшуюся в драмах и трагедиях русской истории традицию), субъектно-волевые, деятельностные модусами (имперско-цивилизационное «общее дело»!) и собственно идеократическими доминантами (сотериологически-социальной «идеей-правительницей» и её аксиологическим обрамлением).

§ БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ИДЕОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВА

Человек не только легко обучаемое, но ещё и весьма внушаемое существо. Потенциальная внушаемость человека позволяет манипулировать его сознанием с целью скрытого влияния на его поведение. Человек, как правило, на чувственном уровне фиксирует явления, формирует о нем свое представление, а позже проявляет интерес к сущности объекта восприятия.[357] Эта установка, как показывает опыт, позволяет политологам подменять понятия политическими мифами, излагать не факты, а мнения о них. В лексикон соотечественника прочно вошли выражения: «манипуляция сознанием», «зомбирование», «информационная война», «идеологическая война». Кто ведет эти войны? Какие идеологии находятся в противостоянии? Это важнейшие вопросы нашего времени.

В массовом сознании сложилось недоверие к ключевым ценностям свободы, равенства и гражданского права. Какова суть этого сомнения, уместна ли аналогия с тем, что уже было в прошлом. Зачем идеология либерализма разрушает многовековую систему традиционных ценностей? Почему в России, Украине и Белоруссии, согласно их конституциям, нет идеологий. Нужна ли государству идеология как таковая. Если нужна, то какая именно. Как вернуть человеку традиционное представление о нравственности и духовности. Автор этого фрагмента монографии демонстрирует поиск ответа на эти вопросы.

4.3.1.Зачем нужна идеология

Идеология – это система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических, философских взглядов и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей к социальной действительности и формируется стратегия развития общества[358]. Идеология выражает интересы тех или иных

357 См.: Мамардашвили, М. К. Превращенные формы. (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. - М. : Прогресс, 1990. - С. 315-328.

358 См.: Идеология / Г. Ю. Семигин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред.

социальных классов (слоёв, групп) и санкционируют определенный тип правления.

В конституциях России, Белоруссии и Украины прописано отсутствие идеологии. Оно не случайно, ибо американские советники знали, что делают. Идеологическую пустоту всегда заполняют деньги. Мировые деньги печатаются и принадлежат международной финансовой олигархии, которая была и будет оставаться верховным блюстителем нравов любой страны без идеологии. Так будет оставаться до тех пор, пока в России, Белоруссии и Украине не появится достойная, возвышающая человека идеология, которая обеспечивала смысл его существования. Историческая практика подтвердила вывод российского политика П.А.Столыпина о том, что народы, забывая о своих национальных задачах, гибнут, превращаются в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы. Для возрождения Отечества идеология должна предложить оптимальную модель развития человека, социума и общественных отношений, гармоничную традиционным ценностям подавляющего большинства в противовес антисоциальной неолиберальной доктрине и постмодернистским антиценностям, нацеленным на распад личности, института семьи, на депопуляцию, на диктат гендерных меньшинств и социокультурную деградацию[359].

За все годы «незалежності» в Украине не появилось образовательной, медицинской, информационной или инвестиционной доктрин развития. Их нет и не может быть без достойного идеологического курса, определяющего смысл и конечную цель развития общества. Украина, как бы это не звучало парадоксально, обрела черты неофеодального общества. Произошло расслоение общества на низшие и высшие сословия с жесткой зависимостью низших от высших. Олигархические кланы, как высшее сословие, срослись с властью и по наследству передают не только бизнес, но и саму власть. Все

науч.-ред. совета В. С. Степин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — 281 с.

359 См.: Глазьев С. Встать в полный рост. (Доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://rusdozor.ru/2014/11/26/s-glazev-vstat-v-polnyj-rost-doklad-izborskomu-klubu/

государственные ресурсы разделены между кланами, а исполнительная, законодательная и судебная ветви власти полностью подконтрольны этим кланам. Последовавшая за майданным переворотом гражданская война лишь усилила феодальные черты общества. В отличие от средневекового феодализма, нынешние украинские неофеодалы напрочь лишены чувства патриотизма, рассматривают свою страну только «как дойную корову», имеют нелегитимное в глазах общества состояние и положение. Свои капиталы они предусмотрительно выводят за рубеж. Доморощенные неофеодалы не самостоятельны в своих решениях, ибо они зависят от Европы с её оффшорными зонами, недвижимостью, банковскими счетами и кредитами. Зависимость настолько велика, что можно утверждать, что украинские олигархи-неофеодалы являются безропотными вассалами империи англосаксов (далее – ИА). Когда они пытаются вести свою политическую игру, их быстро «ставят на место». Отсутствие достойной национальной цели, возвышающего идеала обеспечили падение морали. Хаос медленно, но уверенно поглощает страну, не оставляя надежды на возрождение.

Ради чего мы живём!? Этот вопрос требует безотлагательного ответа. Ментальная потребность жить «не хлебом единым» отличает восточных славян от современного западного или от восточного общества. Жить ради выживания, повинуясь прямым или опосредованным инстинктам «воли к жизни» и «воли к власти», или нация может иметь иную, возвышенную цель своего существования? Кто научит человека и гражданина понять где зло, а где добро; где прекрасное, а где безобразное; где ложь, а где истина; что нравственно, а что безнравственно? Какой политической и исторической интерпретации можно верить? Какую правду доносить учащимся школ и студентам? Нужна ли политическая и нравственная цензура, или принадлежащие олигархам СМИ могут и дальше идеализировать «ИА», распиная Отчизну и безнаказанно пропагандируя низменное и аморальное? Без добротной, конструктивной идеологии эти вопросы провисают. На них может дать ответ только структурно организованная система с претензией на статус

идеологии как стратегии развития общества.

История идеологии, ее становление и развитие свидетельствуют о ее «родственных связях» с религией. Любая из известных идеологий основывается на той или иной религиозно-нравственной идее. Марксизм требует от своих адептов веры в победу коммунизма (общество социальной справедливости). Нацизм основывается на гордынной вере в исключительность и биологическое превосходство своей нации, вопреки научным данным по исследованию геномов, свидетельствующим о близком родстве всех европейских народов. Идеологии современных арабских террористов базируются на радикальных исламских вероучениях и т.д.

За политическими лозунгами, как правило, стоят серьёзные религиозные концепции. За примитивной идеей украинских националистов (усечённый нацизм, по сути - русофобия) стоит объединённая общим замыслом группа влиятельных религиозных сект: униатская, раскольники УПЦ КП, неопротестантские секты (адвентисты 7-го дня, пятидесятники, евангельские христиане, баптисты и Свидетели Иеговы), сайентологи и иудейская секта Хабад. Нынешние лидеры Украины по «случайному» стечению обстоятельств являются в своём большинстве адептами той или иной секты. Либеральная демократия США, формально исповедующая внерелигиозные или даже надрелигиозные всечеловеческие ценности «свободы, равенства и братства», веротерпимости и прав человека сформировалась сектой масонов (точнее, франкмасонов), имеющих свой особый богоборческий культ поклонения. Масонская секта объединяет и направляет упомянутые выше секты в единое русло религиозной борьбы с Православием и её основным носителем – русской нацией.

Известный своими антинацистскими публикациями раввин Э.Ходос считает, что в Украине воссоздаётся хазарский каганат иудейской сектой Хабад, лидерами которой являются такие политики как И.Коломойский, В.Пинчук, В.Рабинович. Практически вся верхушка новой киевской власти, включая президента, спикера Верховной рады и премьер-министра так или иначе связаны с сектой Хабад[360]. Верховная Рада по сути превратилась

360 См.: Ходос Э. Украинский выбор по еврейскому сценарию [Электронный ресурс].

в представительство еврейской элиты. Она контролирует около 80% активов Украины. Губернатор И.Коломойский создал и содержит несколько батальонов неонацистов, подчинённых только ему, планирует стать единственным бенефициаром ресурсов государства. Еврейское участие в украинском националистическом движении, ранее призывавшим «бить жидов и москалей», привело к появлению парадоксального термина «жидобандеровцы». Хабад – это нацистская иудейская секта, ставящая помимо власти и религиозные цели и, прежде всего, – последовательное искоренение православия. Как считает Э.Ходос, гражданская война 2014 г. – это тщательно замаскированная под антитеррористическую операцию религиозная война. Нечто похожее уже было в России, когда так называемые «большевики», учинив октябрьский переворот, залили страну кровью гражданской войны. Физическое уничтожение носителей православия велось тогда совершенно открыто и массово. Отсюда следует вывод, что любая идеология есть политическая адаптация той или иной религиозно-нравственной идеи, которая обеспечивает идеологии социальную подпитку. Любая идеология, как принято и в религиях, требует веры. Мысль, не овладевшая массами через Слово, никогда не станет конструктивным делом.

Лев Троцкий писал своему брату в США, что если бы «белые» провозгласили понятный народу лозунг «За Веру, царя и Отечество», то «красные» смогли бы продержаться в 1918 г. только несколько месяцев. Злой гений Троцкого прояснил суть проблемы белого движения. «Красная армия» нанесла сокрушительное идеологическое поражение «белой гвардии». «Красные» были едины не только в управлении, но они были ещё вооружены едиными идеологическими установками, обещавшими народу социальное равенство и власть. У «белых», отказавшихся от царя и империи, не было единой идеологии. Солдатам «белой гвардии» было не понятно, за что они вообще воюют (за атамана, за временное правительство, за монархию, за анархию, за демократию, за свободу от своего же народа, принявшего сторону «красных»). Каждый полководец, противостоящий «красным»,

– Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=Ar5M2Q9HGsk

имел свои идеологические установки, по-своему видел будущее страны, и, конечно же, видел себя на вершине новой власти.

Идеология современного русского движения также неоднородна. Какова конечная цель государственного строительства: либерально - демократическая Россия, социалистическая Россия, националистическая Россия, или всё-таки православная Российская империя? Пока не будет прояснения по вопросу цели и ориентации на уровне масс, ни о каком победном движении не может быть и речи.

Аналогичные проблемы и в Новороссии. Присоединение Крыма к России, поддержка Кремлём Новороссии не только подняли уровень русского патриотизма, но и создали в Донбассе героев – русских воинов, вокруг которых начали формироваться боеспособные части людей, не жалевших своей жизни ради Русского мира. Ныне в Новороссии есть герои и патриоты, есть идея сопротивления украинскому нацизму во имя спасения Русского Мира, есть идея построения страны без олигархов, но стратегической цели борьбы нет. Судьба Новороссии не ясна. Духовная энергия жителей Донбасса не пробуждена высшей целью, едиными идеологическими установками. Напрашивается печальное сходство с «белой гвардией».

Находясь в плену «идолов сознания» патриотически настроенная интеллигенция восточных славян в своём большинстве либо отрицает необходимость иметь свою идеологию (изрядно утомившись советской), либо скатывается до русского шовинизма, либо, признавая необходимость идеологии для государства, совершенно не представляет какой она должна быть в России, Белоруссии и Новороссии. Итогом этих сомнений является идеологический вакуум, несущий одну из самых серьёзных угроз в условиях современной информационной войны.

Ныне просматриваются три концепции формирования идеологии в России. *В первом случае* патриотически настроенная интеллигенция считает, что в России единственной идеологической установкой может быть только любовь к Родине (патриотизм). Этого достаточно, поскольку нельзя найти для патриотов разных партийных и мировоззренческих предпочтений

некую общую идеологическую концепцию. Поэтому идеология – это сомнительный инструмент, своеобразный фактор разобщения, а не объединения.

Империя англосаксов имеет иную точку зрения на необходимость и значимость идеологии, поэтому она целенаправленно разработала либерально-демократическую идеологию. Эта идеология вызвала к жизни множество открытых социальных институтов: университеты, НКО, СМИ и закрытых: масонские тайные общества и клубы, религиозные секты. Щедрое финансирование идеологии, всесторонняя поддержка СМИ предопределили её абсолютное доминирование на Западе и распространение по всему миру. Вторая сверхдержава – Китай – тоже имеет свою идеологию: марксизм, плавно перетекающий в традиционное конфуцианство. Нет только идеологии у восточных славян. Запад, как главный политический оппонент Русского мира, имеет свою идеологию, тратит огромные ресурсы на поддержание идеологического курса, а восточным славянам ничего, кроме патриотизма и не надо. Это заблуждение усугубляется тем, что российские либеральные демократы (проводники идеологии и агенты влияния «ИА») часто позиционируют себя патриотами, что напрочь сбивает с толку гражданина обыденного сознания. Патриотами себя считали как «белые», так и «красные» времён гражданской войны, которая унесла жизней больше, чем Первая Мировая и чуть было не уничтожила собственное государство. Патриотизм необходим, но, очевидно, недостаточен для полноценной идеологии. Без идеологии, без пропаганды своих ценностей, без нравственной точки отсчёта никакое политическое событие, явление общественной или культурной жизни не могут получить однозначную оценку. Советский Союз развалился из-за проигрыша в идеологической войне, из-за полного краха системы советских ценностей. Отказ от внятной идеологии является не свидетельством политической дальновидности, а прямо наоборот. В любой войне более организованный побеждает менее организованного. Это аксиома нашего времени.

Во втором случае патриотически настроенная интеллигенция, озлобившись на антирусскую пропаганду, на засилье не

интегрирующихся в русскую культуру национальных меньшинств в Москве и других крупных городах предлагает строительство России только для русских. Этот шовинистический подход не учитывает два важнейших фактора:

- русская душа – православная по своей сути – никогда не была националистической, ибо, согласно христианству: «… нет ни Эллина, ни Иудея,… варвара, Скифа…[361];
- имперская суть русского человека (как представителя титульного этноса) исторически ориентирована на многонациональное сосуществование. Быть титульным этносом в империи не предполагает этнический национализм (шовинизм), но особую честь и ответственность, тяжкую и уважаемую ношу. Идея русских шовинистов неприемлема в принципе для имперского строительства, возрождения мощного государства, втягивающего в свою орбиту все дружественные этносы страны.

В третьем случае патриотически настроенная интеллигенция полагает, что все доселе известные идеологии России не выполнили свою историческую задачу, так или иначе себя дискредитировали, посему ни к какой из них не может быть возврата. Нужна новая, объединительная для всех идеология, формирующая некую новую общность постсоветских народов Русского Мира. Для этого придется воссоздать соответствующие гуманитарные институты, профинансировать их и ждать рождения идеологии, которую с восторгом примет каждый слой населения, независимо от социальной, конфессиональной или этнической принадлежности. Таких объединительных «для всех» идеологий никогда не было и не будет. Это утопическая мечта.

Только имперская идеология сильного, объединенного общей целью большинства, которое являет собой культурное, военное и промышленное ядро, способна притягивать на свою орбиту остальные слои населения. Такая идеология имеет свои ограничения. Она не должна ущемлять права религиозных и национальных меньшинств, но с другой стороны, имперская идеология рассматривает интересы империи высшими и гото-

361 Колоссянам гл. 3: 11-15. Библия. Новый завет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/bible01/new/19/03.htm

ва блокировать любые дестабилизующие факторы. Такой подход представляется вполне реальным. Его жизнеспособность подтверждена долголетием имперских образований. Можно сделать вывод о том, что одного патриотизма для полновесной идеологии явно недостаточно. Идея русских шовинистов губительна для государственного строительства. Самосохранение государства настоятельно требует принять идеологию, цементирующую общей целью большинство, которую может адаптировать и принять иное социокультурное меньшинство.

4.3.2. Очищение сознания от политических мифов

Мы живём в информационном обществе переходного периода. СМИ этого общества внушают людям обилие ложных понятий и мифов. Германия времён III рейха была вовсе не фашистской (термин возник как название конкретного типа режима Б.Муссолини), а нацистской, но понятие «фашизм» с лёгкой руки И.Сталина настолько укоренилось в сознании как синоним германского нацинал-социализма, что даже и не просматривается возможность правильного его толкования. Казалось бы, мелочь, но она сбивает с толку при характеристике фашистских режимов Б.Муссолини, Ф.Франко и А.Пиночета, которые отнюдь не были нацистами. Большинство людей могут настолько находиться в плену подмены понятий, что впору использовать термин «зомбирование». Характерный пример - понятие «терроризм» в Украине (2014 г.). Если под ним понимать неповиновение киевскому режиму, то тогда действительно ополченцы и большая часть населения Донбасса являются «террористами». Если же под термином «терроризм» понимать практику противоправных действий, связанную с устрашением населения, с решением гражданских вопросов военным насилием, революционным майданом, уничтожением мирного населения и инфраструктуры населённых пунктов, арестами и пытками инакомыслящих, блокадами городов и т.д., одним словом, методами «террора», то тогда, прямо с точностью до наоборот, террористами являются сами киевские власти. Произвольное толкование термина влечёт за собой извращенное

понимание тех или иных действий, что рождает миф о террористах Донбасса, репортажи о борьбе с которыми не утихают в СМИ США, Европы и Украины.

Миф является устойчивым феноменом массового сознания и политической культуры самых разных обществ в самые разные времена. Речь идёт о способности людей думать и судить о политике, как и о многих других вещах, стереотипно, по заданному шаблону. Современный «миф» - это всего лишь один из продуктов политтехнологического творчества, он является продуктом медийного пространства. Поэтому необходимо определяться с правильным толкованием понятий, расколдовывать политические мифы, ибо без этого невозможен объективный анализ, невозможно сконструировать мировоззренческий базис. При отсутствии мировоззренческого базиса нельзя найти адекватный ответ на витальные вызовы, отделить добро от зла. Изначально ложный информационный посыл, выдаваемый за правду, будет всегда влечь за собой и ложные выводы. В этой ситуации люди реагируют не на реальность, а на её информационное искажение. Автор настоятельно рекомендует разобраться с правильным толкованием терминов, воспринимать явления без информационных искажений, исключать подмену понятий, развенчивать заблуждения и мифы. Пришло время называть вещи своими именами.

Распространено заблуждение о том, что религия, вера – это удел слабых, удел ретроградов и малограмотных бабушек, а умный, образованный, сильный и успешный, полагаясь на обширные научные данные, не нуждается ни в какой вере в сверхъестественные силы. На самом деле, наше мировоззрение всегда соткано из верований. Верования бывают идеалистические, например, в единого вездесущего и всесильного Бога (как у иудеев) или мифологические (как у древних греков), а могут быть материалистическими (мир сам себя создал загадочным процессом эволюции). Верования могут быть научными (планетарная модель атома, теория первовзрыва, теория струн и т.п.), а могут быть смешанными. За последние столетия «научная картина мира» менялась много раз, но в любом случае верим ли мы в Бога или в научную теорию, в природу или лидеру тоталитарной

секты, в коммунизм, в свою национальную исключительность или в инопланетян, суть остаётся единой – это вера. От того, во что мы верим, зависит наше мировоззрение и поведение, отношение к миру, наше бытие в мире. Вера отражает ментальную сущность человека, является его дисциплинарной матрицей[362].

В *мире идёт непрестанная борьба идей*. Идей и мыслителей, философских течений так много, что жизни человека может не хватить для того, чтобы ознакомиться и разобраться в этом идейном многообразии. Очень непростая задача и мало кому посильная. Легко можно сбить человека с толку в условиях непрестанных сомнений. Этим, собственно говоря, вполне успешно занимаются представители современного постмодернизма. Мысли и думы человека зависят от его верований в то, что есть «правильно», «должно», в «добро и зло», веры в картинки желаемых образов, в идеалы, а любые наши знания, включая научные, остаются фрагментарными и всегда неполными. Если это так, то определение сущности человека может быть таковым: «человек – верующее существо». Он соткан из верований. Религии выступают как структурно организованные, упорядоченные системы верований, обусловливающие религиозные противостояния. Из такого понимания человека и религии следует вывод: *в мире идёт нескончаемая религиозная войн*а. Важно понять: каких религий это война и на чьей стороне каждый из нас.

Новый мировой порядок, так называемая «либеральная демократия» - это режим правления, установленный в «ИА» и на подконтрольных ей территориях. Либеральная демократия в настоящее время является самым мощным геополитическим проектом из всех известных человечеству. Проекты переустройства мира Александра Македонского, Чингиз-хана или Наполеона в сравнении с ним выглядят куда скромнее. Суть этого проекта воплощен в мировой власти международных олигархов (далее, - МО), носителем которой являются политико-религиозная и финансовая олигархия:

- политико-религиозную олигархию возглавляют масонские иерархи. Она управляет партийным строительством и

362 См.: Папаяни Ф. Смысл жизни – Москва: Библиоглобус, 2013, - 480 с.

одновременно оппозиционными движениями во всех подконтрольных государствах. Контролирует практически все современные религиозные секты и протестантские Церкви, а также СМИ. Под ее контролем функционируют некоммерческие, общественные и международные организации; частные военные компании. Она влияет на Ватикан и иудейские общины. Ее идеология носит скрытый религиозный характер, ибо ориентирована на поклонение антихристу, своими корнями уходящая к сектам фарисеев, орденов Тамплиеров и Иллюминатов, что частично объясняет востребованность термина «современные фарисеи».

➢ финансовую олигархию возглавляют родовые кланы владельцев Федеральной Резервной Системы (ФРС) США. Она контролирует МВФ, МБРР, ЕБ, ЕБРР, центробанки, нацбанки и крупные частные банки, промышленные гиганты, трансатлантические корпорации, биржи. Ее идеология носит скрытый религиозный характер. Она ориентирована на поклонение «золотому тельцу». Ее истоки уходят к Карфагену, что объясняет использование термина «новый Карфаген»[363].

«МО» – это высокоинтеллектуальная группа хищников, которая мыслила и мыслит в масштабах всего мира и на столетия вперёд[364]. Разделение «МО» на две группы условно, поскольку для них характерны родственные связи, совмещение «должностей» и постоянная ротация «кадров».

Видимым фундаментом современного мирового либерального порядка являются финансы. Деньги выступают как главный инструмент политической активности и как двигатель масштабных преступлений. Современная западная цивилизация считается только с прибылями и убытками своих олигархов, но никак не с чужими народами и их интересами. Все известные на Западе политические структуры, все три «независимые» ветви власти (исполнительная, законодательная, судебная) и «независимые» СМИ на самом деле очень даже зависимы и управляются по единому стратегическому плану. В единой стратегии заключена колоссальная мощь нового

363 См.: Грачева Т. Святая Русь против Хазарии. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. – Рязань: «Зерна», 2009. – 288 с.

364 См.: Стариков Н. Хаос и революции – оружие доллара. – Петербург: Питер, 2011.- 230 с.

мирового порядка. Единый источник управления на вершине пирамиды власти над миром позволяет обеспечивать, когда и где нужно политическую стабильность, а когда и где нужно дестабилизацию путём очередной «революции». Политические процессы управляются банками через кредиты, денежную эмиссию и другие финансовые инструменты. Особенно в этом деле преуспел МВФ, навязывая политические условия государствам при выдаче займов. Зависимые от Запада банки России, Белоруссии и Украины вынуждены вести такую кредитную политику, при которой бизнес может кредитоваться на условиях многократно худших, чем на Западе. Поскольку бизнесу нужны оборотные деньги как кровь живому организму, то не стоит удивляться низким темпам постсоветского развития. По плану мировой олигархии Россия, Белоруссия и Украина должны оставаться недоразвитыми, поскольку в них таится возможность имперского воссоединения восточных славян.

Если финансовые инструменты управления государствами не срабатывают (как, например, в Сирии или Украине), то в работу включаются протестные движения и террористы-наёмники, которых Запад благочестиво называет «революцией», «майданом», «вооруженной оппозицией», «повстанцами», «свободной армией». Если и организованные внутренние беспорядки не помогают, то работу в деле утверждения мирового господства «МО» довершают открытым военным насилием (Ирак, Ливия)[365].

В известном смысле структуру управления международной олигархии можно классифицировать как клановое надгосударство в «ИА» с их вассалами из Евросоюза, Японией, Канадой, Австралией, Саудовской Аравией, Катаром. Эти структуры имеют полный контроль над США, Великобританией и Израилем. В истории близкий пример кланового надгосударства был в хазарском каганате, когда меньшинство иудеев имело полную власть над большинством хазар - степняков. Идея либеральной демократии является лицемерным прикрытием власти «МО», ибо рабы лучше работают, когда думают, что они свободны. Опыт показал эффективность такого прикрытия.

365 См.: Стариков Н. Геополитика. Как это делается. – Петербург: Питер, 2013. - 280 с.

Когда люди осознают своё рабство, то идея их свободы начинает доминировать и изрядно тревожит рабовладельцев. Люди на Западе пребывают в полной иллюзии своей свободы, участвуют в выборах, но не понимают того, что выбирают они всегда из тех, кто взращён и является марионеткой «МО».

Говоря о реальной свободе личности, необходимо отметить, что в империи англосаксов фактически нет свободы в самом главном для человека - возможности развиваться в нравственной атмосфере. Международная олигархия понимает, что даже захватив политическую и экономическую власть над миром, добившись экономического и политического лидерства, она не сможет стать полновластным лидером, если не завоюет власть духовную. Только упразднив традиционные религии, можно на руинах человеческой духовности создать универсальную религию для всего мира, чтобы человечество не только приняло масонского иерарха как правителя мира (т.е. на языке христианства - антихриста), но и страстно захотело его прихода как «спасителя» от того хаоса, который «ИА» и «МО» устроили в экономике и государственности многих стран в том числе и в Украине. «МО» и ее структуры в настоящее время – самое могущественное образование. Пользуясь своей силой и безнаказанностью, эти структуры активно наступают, захватывают или ставят под контроль все новые и новые территории. Через подконтрольные государства «МО» ведет агрессивные войны, окружает Россию военными базами. «ИА» ориентирована на уничтожение всех конкурирующих империй, сохраняя и усиливая свою. Претензия на мировое господство неосуществима без полного покорения России и Китая, а, значит, миру не избежать дипломатических, экономических, идеологических, политических и военных противостояний. Новый мировой порядок – это скрытая диктатура международной олигархии. Объединённая религиозными культами антихриста и золотого тельца, она устремлена к глобальному государству. Среди обилия средств достижения цели особое место занимают мифы свободного рынка и демократии.

Мировая резервная валюта - доллар Федеральной Резервной Системы США не обеспечен ни золотом, ни товаром, ни

ресурсами, но на него США покупают всё, что необходимо; содержат армию, затраты на которую превосходят затраты на все армии мира, вместе взятые. Доллар не является банкнотой государства США. Он принадлежит «МО» и печатается по их усмотрению[366]. Такую мировую экономическую систему нельзя назвать рыночной, ибо главный участник мирового рынка – США всегда имеет денежные ресурсы в желаемом объёме. Это скорее глобальная «афера» тотальной глобализации мира.

Что касается мифа демократии, то следует согласиться с Н.Шестовым о том, что власть имеет мифологические корни с апелляцией к социально-мифологическим представлениям о божественном (позже – «естественном») порядке в мире людей. Для большинства современных народов этот выбор между «властью авторитета» и «авторитетом власти», между авторитаризмом и демократией до сих пор так и остаётся субъективным, замешанным на представлениях об исконных началах справедливой организации их жизни. Пока этот выбор существует, в политике будет себя обнаруживать и феномен авторитаризма, и феномен демократии[367].

«ИА» имеет скрытую форму авторитаризма (олигархической диктатуры). «Либеральная демократия», как показано выше, лишь ширма. Эта модель власти достаточно эффективна, поскольку имеет постоянный, передаваемый по наследству, центр – «МО». Наследственность и абсолютная централизация власти обеспечивает её преемственность. В этом сила и устойчивость власти «МО» в «ИА», которая может себе позволить строить свои планы на столетия. Для остального мира «МО» разработала иную модель власти, под тем же названием «либеральная демократия», но которая предполагает полное отсутствие преемственности власти. В этом – слабость перед лицом «ИА» всех вассалов, прочих государств, которым навязана эта модель, осуществление которой ведет к потери своих суверенитетов. «Регулярная смена руководящего состава гарантирует, рано или поздно, развал страны. Не может правитель, имея власть на час, строить планы на два часа. Не может временщик

366 См.: Стариков Н. Хаос и революции – оружие доллара. – Петербург: Питер, 2011. - 230 с.

367 См.: Шестов Н.: Миф и политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://politobzor.net/show-36459-mif-i-politika.html

относиться к объекту как хозяин. При системе правления «халиф на час» государственно-стратегическое мышление закономерно сменяется сиюминутно-коммерческим. Там, где Западу удалось нарушить преемственность власти, – на Украине, в Грузии, Киргизии – начался период активного распада. «Правители», вытащенные из ниоткуда, скоро уйдут в никуда.

Краеугольным камнем демократии являются выборы. Народ должен выбирать власть, но для совершения сознательного выбора нужны знания. Выбор в духе «голосуй сердцем» всегда сводится не к сути, а к форме. С таким же успехом можно организовать всенародные выборы нобелевских лауреатов в номинации «ядерная физика» (Ю.Шалыганов). Практика показала: дать народу знания, достаточные для выбора, невозможно в принципе. Тем более, что многие из этих знаний составляют государственную тайну. Сила демократии – выборы рождает собственную противоположность – слабость.

Существующая партийная избирательная система обеспечивает «демократию», но только для олигархических кланов, содержащих свои партии как инструменты своего влияния. Партии создаются олигархами для обслуживания только своих интересов. Часто, как было в Византии и России, партии отражали интересы других государств. В Византии к моменту её падения самыми влиятельными партиями была «протурецкая» и «прозападная». Победила «протурецкая» и Византия была раздавлена турецким нашествием. В России партия РСДРП, совершившая переворот, содержалась на британские и германские деньги, поэтому фактически выигранная война России с Германий в 1917 г. была проиграна. Четыре столетия жила Российская империя без партий. В 1908 г. партии были разрешены и понадобилось менее 10 лет, чтобы империя разрушилась изнутри. Это полезно помнить. Члены любой партии всегда отстаивают интересы самой партии, но не народа, поэтому партии не объединяют, а разъединяют людей. Зная, как капитал управляет партиями, общественными организациями и госчиновниками, западную партийную политическую систему нельзя назвать демократической. Более уместное название – скрытая олигархия.

Особое место в политике «МО» занимает миф либерализма. Либерализм - это идеология, основанная на формальном признании политических и экономических прав и свобод индивида. Он возник на базе идеи свободы для достижения индивидуального финансового предпринимательского успеха человека. Предпринимателя ничего не должно сдерживать. Прибыль и личное потребление не должны быть ничем ограничены и должны развиваться свободно и бесконечно. Нравственность, мораль, совесть, стыд, долг, традиции и все мешающие государственные институты должны быть разрушены. Современный либерализм направлен на индивидуализм, культ потребительства и «освобождения» человека от любых форм идентичности (национальной, культурной, религиозной, нравственной, государственной и даже гендерной). Либерализм – это свобода, направленная на разрушение нравственности. Для него характерна чрезмерная «гибкость», снисходительность и некритичное отношение к человеческим порокам, приводящее к нравственному хаосу и «размытости» в духовной области, стиранию границы между добром и злом. Парадокс (иначе,- нелиберальность) современного либерализма выражается в его агрессивном неприятии отличных от либерализма идей и режимов. Следовательно, новый мировой порядок отнюдь не либерален по своей сути. Насильственно насаждая постмодернистские антиценности ЛГБТ-меньшинств, он не намерен считаться с правами сторонников Традиции, коих большинство. В целом западная модель мира - это не свободный рынок, и не демократия и даже не либерализм, а скрытая диктатура международной олигархии, которая осуществляется под прикрытием мифов о свободном рынке и демократии.

В современной политологии активно эксплуатируется миф об империях. Империя - это историческое мощное многонациональное государственное образование, объединённое под абсолютной властью императора (царя царей). Она включает в себя провинции (территории, страны, царства), неоднородные по своим экономическим и географическим условиям, этническому составу населения и культурным традициям. Империи подразделяются на варварские и цивилизационные. Варвар-

ская империя – это империя, признающая цивилизацию только стержневого государственного ядра или этноса. К этому типу принадлежат империи, эксплуатирующие, подавляющие провинции, т.е. «берущие»: III Рейх; Британская и прочие колониальные империи. Цивилизационные империи – это империи, предоставляющие условия добровольной возможности «подтянуться» народам провинций до уровня цивилизации стержневого этноса империи. К этому типу принадлежат империи, развивающие провинции, т.е. «дающие»: Римская, Византийская, Российская с присущими им идеями равного права и справедливости. Православная империя – цивилизационная империя, она имеет стержневой культурный этнос, корнем которого является православная христианская традиция. Примеры православных империй: Восточно-римская (в XVII веке названная западными историками как Византийская) и Российская империя.

Миф об империях соткан из квазипонятий и ложных тезисов. Первый тезис мифа «свидетельствует» о том, что «Империя» – понятие из далёкого прошлого, подтверждающего, что «Все империи рушатся!» При этом умалчивается то, что в материальном мире рано или поздно всё разрушается, и замалчивается факт, что империи, как формы государственного устройства, как раз наоборот, самые большие долгожители. Персидская империя просуществовала – 20 веков, Византийская – 11, Римская и Российская – 4 века. По существу предки большинства ныне живущих европейских и евразийских народов прошли цивилизационную школу империй. Империя для них - альма-матер. Можно сказать, что империя - это определённая форма существования человечества, ступень его истории[368].

Главная геополитическая тенденция мировой истории заключается в постоянном стремлении к формированию империй как инструмента экономического, культурного и политического влияния, вплоть до мирового господства. Примеры тому - Персидская, Александра Македонского, Римская, Византийская, Монгольская, Арабский халифат, Монгольская, Оттоманская, Габсбургов, Германская, Британская,

368 Сахаров А.Н. Там же.

Австро-венгерская, Российская империи. Для СССР, США и КНР, империями не являющимися и императоров не имевших, тем не менее, характерны существенные имперские признаки, позволяющие отнести их к империям (точнее, - квазиимперям) как мощным геополитическим образованиям, распространяющим свое влияние на подконтрольных территориях. З.Бжезинский любит сравнивать США с Римской империей, а Советский Союз с «империей зла»[369]. На исторические процессы можно смотреть через призму борьбы всех вышеназванных империй и их идеологий. Малым государствам остаётся рассчитывать лишь на их благосклонность. Таким государствам приходится становиться вассалами или союзниками тех или иных империй и разделять их идеологии. Подлинный государственный суверенитет возможен лишь в цивилизационной имперской парадигме. Эстония, Литва, Латвия, Литва, Грузия, Молдавия, Украина могут и не мечтать о своей независимости от империй. Слабым странам остаётся выбирать между подчинением империи англосаксов (ИА) или России. Выбор, как известно, сделан. Чем он закончится, покажет время.

Второй миф об империях заключается в том, что империя комфортна лишь для титульного этноса и является «тюрьмой» для малых народов. Это утверждение справедливо лишь для варварских (колониальных) империй. Цивилизационная империя объединяет в себе не только представителей титульной культуры, но всегда и тех, кто себя отождествляет с другой этнической традицией. Она включает в себя провинции, а «провинция» - это вовсе не унижение, а обозначение некой самоуправляемой, сохраняющей свой неповторимый облик территории, своего национального уклада жизни. Такая империя обязана предоставлять условия и добровольную возможность «подтянуться» народам провинций до уровня цивилизации стержневого этноса империи. Национальные уклады и элита провинций не только не угнетаются, а, наоборот, поддерживаются центральной имперской властью. Национальные элиты про-

369 См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы.- М.: Международные отношения, 2005. - 256 с.

винций полноценно вливаются в элиту империи[370]. Так, например, в Византийской империи только половина императоров была греками, другая половина представляла выходцев из провинций (этнических меньшинств). Это вполне нормально для полноценной цивилизационной империи. Православная Российская империя – это дар служить по-христиански Богу и ближним, а не отдельной этнической группе. Согласно православной традиции все этносы в империи равноправны: «… нет ни Еллина, ни Иудея,… варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос», - писал Апостол Павел в Послании к Колоссянам[371]. Империя обязана сформировать идеологические установки Общего дела для всех этносов, направленные на защиту своего мира от любых проявлений бездуховности и псевдодуховности. Цивилизационная империя объединяет народы взаимной выгодой и без принуждения, обеспечивая подлинное братство входящих в неё народов.

В Российской империи, как во всяком государстве, существовал национализм, но отнюдь не в тех уродливых формах пещерного нацизма и русофобии, что стали нормой политической жизни в настоящее время в Эстонии, Литве и Украине. Не было и в помине прибалтийских «лесных братьев» или украинских ОУН и УПА! Почему? Потому, что империя по своей сути не просто уважает, но и заботится о всех населяющих её народах, включая не только средние, но и малые, а иначе она просто перестаёт быть империей. По доброй памяти о Российской империи в Финляндии даже появилась новая партия «Истинные финны», в которой часть членов настаивают на вхождении в состав России на том основании, что до революции 1917 г. Финляндия была автономией в составе Российской империи. Она была достаточно независима, имела много привилегий и была защищена от шведского влияния.

Говоря об украинском национализме, который заливает страну кровью своих граждан в угоду «ИА», необходимо вспомнить тот факт, что в досоветский и советский периоды почти вся тер-

370 См.: Махнач В. Империя – православное царство [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3827621

371 См.: Библия. Новый завет. Там же.

ритория современной Украины де-юре и де-факто являлась частью Руси, была и остается её прародительницей! Достаточно вспомнить Херсонес Таврический и его историю. Единение этих двух народов в имперской парадигме естественно и закономерно.

Добровольное объединение народов вновь в единую цивизизационную империю вполне возможно на основе понимания общего уникального проекта исторического развития, понимания того, что порознь никому не удастся отстоять не только свою политическую независимость, но даже национальный суверенитет и культурную идентичность. Реальный путь возрождения национальных культур и духовности предопределяется концепцией межкультурного и межконфессионального диалога в имперской парадигме. «Наша цивилизация будет хранить культуру всех наций, населяющих Россию», заявил патриарх Кирилл.

Опыт четырёх столетий России и одиннадцати веков Византии свидетельствует о возможности и эффективности диалога, при котором все народы являются со-работниками своей имперской Отчизны. И наоборот, проект по стиранию национальных границ, по замещению национальных культур мультикультурностью полностью провалился в Западной Европе. Там ширится влияние националистов. Люди отказываются быть «гражданами мира» без национальности и родной культуры. Усиливаются протесты против наплыва эмигрантов, не желающих культурной ассимиляции. Турки в Германии и арабы во Франции не интегрируются в европейские культуры, предпочитая сохранять свои национальные традиции и статус маргинала. Не выдержав столетия, провалился и советский проект по созданию новой наднациональной исторической общности «советский народ». Как только центральная власть зашаталась, все народы тут же разбежались по своим национальным «квартирам». Сохранение национальных укладов жизни является сутью империи, поэтому сохранение культур, традиций малых и средних народов от внешних посягательств можно обеспечить в современных условиях только в условиях империи.

Цивилизационное имперское государство в системе конкретных координат общественного развития объединяет в

себе не только представителей титульной культуры, но всегда и тех, кто себя отождествляет с другой этнической традицией. Чем сильна российская культура? Тем, что она никогда никого не отталкивала. Наоборот, всех, кого могла, она втягивала в орбиту своих интересов: евреев, украинцев, татар, грузин, армян. К классикам российской культуры принадлежат этнически разнородные выходцы из Украины: Н. Гоголь, В. Короленко, Э. Багрицкий, М. Булгаков, И. Бабель, И. Эренбург, С. Прокофьев, А. Куинджи и многие другие. Своими усилиями они внесли свой вклад в единение народов, в формирование идеологии Общего дела, направленного на защиту мира от любых проявлений бездуховности и псевдодуховности. Правильно организованная империя обеспечивает стабильность и даёт импульс развитию культур всех народов, её населяющих. Единство империи во множестве народов, ее населяющих.

Третий миф об империях касается свободы совести религиозных меньшинств. Например, существование ислама не совместимо с православной имперской парадигмой. Опыт Российской империи убедительно показал полную и благотворную совместимость многовекового сосуществования православных и мусульман. Надо признать, что ислам XXI века обладает огромной жизненной силой и политической волей, что требует исключительно уважительного отношения к этой вере как к главному духовному союзнику. Речь, разумеется, не идёт об экстремистских течениях, щедро спонсируемых «ИА» (или её вассалами - Саудовской Аравией и Катаром). Ректор Московской духовной семинарии А. Осипов справедливо отметил, что традиционный ислам является самым близким к православию по духу, имея в виду серьёзность и искренность своего отношения к Высшему, к очищению от грехов, к идее справедливости. С другой стороны, исламский мир не сможет самостоятельно выстоять против нынешнего «крестового похода» Запада. Нужно объединяться против давления либерализма, безжалостно уничтожающего религиозную и культурную идентичность. Наилучшим естественным союзником мусульман здесь может оказаться воссозданная православная импе-

рия, декларирующая универсальные человеческие ценности. К числу таких ценностей относятся принцип равенства людей и декларируемая всеми конфессиями любовь к ближнему без разделения человечества на «своих» и «чужих». Эти ценности могут быть выражены в понятиях справедливости и солидарности, а также в юридических формах прав и свобод граждан. Это позволит нейтрализовать одну из самых разрушительных технологий американской стратегии ведения мировой хаотической войны – использование межконфессиональных противоречий для разжигания межрелигиозных и межнациональных вооруженных конфликтов, переходящих в гражданские и региональные войны[372]. Все это позволяет сделать вывод о том, что империи как независимые и реальные субъекты геополитики, являются самыми мощными, устойчивыми и долговечными государственными образованиями. Православная империя является цивилизационной, а не варварской. Она остаётся лучшей из известных форм государственного устройства многонационального и многоконфессионального образования.

В формате идеологического противостояния продолжается терминологическая игра, вносящая путаницу в понятия духовность, нравственность, мораль. Человек наделён не только телом и разумом, свободной волей и словесной речью. Он имеет душу, совесть и духовность. Главная причина проблем человечества в том, что современный человек, став убеждённым «материалистом», отказался признавать собственную духовную природу. Этот отказ свёл устремления человека исключительно к материальным ценностям, положению в обществе и ценностям комфорта. «Материалист» во имя «рая» «здесь и сейчас» для себя любимого, намерен преобразовывать этот мир, подчинить своим интересам, но мир редко «прогибается», что становится причиной личностной депрессии, ставшей эпидемией на Западе, где культура деградировала в бездуховную цивилизацию.

Что же такое духовность? Не только в обиходе, но и в академических философских текстах зачастую отождествляются

372 См.: Глазьев С. Встать в полный рост. (Доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusdozor.ru/2014/11/26/s-glazev-vstat-v-polnyj-rost-doklad-izborskomu-klubu/

понятия «духовность», «нравственность», «мораль». Изначально под духовностью понималось всё относящееся к духу, душе и вере. Религиозное сознание рассматривает духовность как свойство души, воспринявшей тот или иной дух (например, Дух Божий или дух сатаны). Засилье прагматизма привело к устранению исходного понятия «духовность» из языка и культуры, поскольку православной духовностью были пронизаны вся российская дореволюционная литература и искусство. При формальном сохранении термина «духовность» была подменена его суть. Из него выхолощено православно-религиозное содержание. Идеология марксизма-ленинизма определила духовность как нравственность строителя коммунизма, его мораль.

Современные гуманисты определяют понятие «духовность» как доминирующую в жизни людей направленность нравственного сознания на высшие ценности гуманизма: жизнь, свободу, равенство, солидарность и справедливость. Понятия «нравственность» и «духовность» отождествляются. С понятием морали несколько проще, ибо мораль – это должное поведение людей на основе общественного мнения. Критерий морали: «что люди скажут!?». Опора морали – страх перед обществом, перед общественным мнением.

Исходное представление о нравственности и её критерии – это внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и свободной воле. Критерием нравственности является собственная совесть, независимо от того, что «скажут люди», а именно: «я так сделаю, тогда совесть моя будет чиста». Душевная опора нравственности – стыд. Что касается духовности, то её исходное представление – это свойство воспринявшей тот или иной дух души. Духовность может быть христианской, исламской, иудейской, буддийской, сектантской, сатанинской. Критерий духовности – соответствие устремлённости к высшему духу-идеалу (например, Христу, Магомету, Будде или идолу, сатане). Душевная опора христианской духовности – любовь.

Духовность восточнославянских народов - наследников последней православной империи в полуугасшем состоянии. Либерально – демократические институты, медленно, но

уверенно растлевают сознание, прививая безнравственность и ложные ценности потребительства. Великое множество славян «купилось» на потребительские цели, фактически сдалось «мамоне». Тем не менее, последствия либерально-демократических режимов в странах постсоветского пространства отвергаются большинством населения, ибо ему была и остаётся присущей христианская духовность. В ней сила народа и его надежда. Выбор перспективы небольшой: либо возвышающая человека христианская духовность, либо унижающая человека перспектива самовыживания (жить ради жизни), где каждый сам за себя. Последняя перспектива выглядит совсем уж малопривлекательной.

Понятия «духовность», «нравственность» и «мораль» являются важнейшими атрибутами идеологического дискурса. Следует сохранить понятие «духовность» в первозданном смысловом значении, то есть как всё, что относится к духу, душе и вере, акцентируя внимание на понятиях «христианская духовность» или «православная духовность», чтобы не лишать факта принадлежности к духовности иноверующих (включая даже сатанистов), ориентированных на свою духовность. Напрашивается вывод о том, что сознание наших современников застряло в сетях политической мифологии. Оно не в состоянии самостоятельно расстаться с мифами и подменёнными понятиями. Эту задачу может решать только идеология как система структурно организованной стратегии Общего дела, в условиях противостояния христианства и богоборчества.

4.3.3. Геополитическое противостояние христианства и богоборчества

Последние двадцать веков в Европе наблюдается борьба двух фундаментальных религиозно-нравственных идей – христианской и антихристианской. Борьба постепенно приобрела не только нравственно-этический, но и ярко выраженный идеологический характер. Жёсткое противостояние христианства и богоборчества является внутренней глубинной причиной межконфессиональных столкновений и войн под разными идеологическими

лозунгами. Это представление – не упрощение политической многомерности бытия, как может показаться неискушённому политологу, а, наоборот, результат погружения в его суть[373].

Основу христианства составляет вера в то, что Бог явил себя людям в лице Иисуса Христа для того, чтобы люди смогли обрести доступное представление о главном человеческом Законе жизни – милосердной любви; чтобы смогли осознать своё божественное предназначение, нравственные ориентиры; чтобы смогли спасти свою душу и найти дорогу в вечный «рай небесный». Христианское учение можно свести к двум заповедям: «возлюби Бога» и «Возлюби ближнего своего» во имя спасения собственной души. Так просто для восприятия малограмотными людьми и одновременно бесконечно сложно для утончённых интеллектуалов. Проповеди Христа были и остаются для миллионов людей нравственным ориентиром, будоражащим совесть и разум, источником раздумий о добре и зле. Христос разделил непримиримое: истину и ложь, мудрость и глупость, правду и ложь, нравственность и скотство, целомудрие и разврат, Бога и мамону. Человек получил ясное представление о добре и зле, а также возможность решать для себя, на чьей он стороне. Христианство делает ставку на свободный и осознанный выбор человека, на его совесть, на его разум, на понимание пагубности греховной жизни, на внутреннюю потребность любви, добра, справедливости, душевного комфорта, гармонии с окружающим миром и Богом.

Основу антихристианства (иначе - богоборчества или сатанизма) составляет неприятие не только и не столько личности самого Иисуса Христа, но всего того, что проповедует христианство. Антихристианство объединяет различные идеологические дискурсы: от религиозного фарисейства – до атеизма, но всегда с отказом от духовных и нравственных ценностей христианства и зачастую с ориентиром на материальное благополучие, которое логически завершается безграничным потреблением. Антихристианство многолико по форме и вы-

373 См.: Папаяни Ф. Противостояние смысложизненных концепций (к вопросу о перспективах человечества). Ученые записки Таврического национального университета им. В.Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Социология. Том 24(63), 2011, №3-4. - С. 306-315.

ражается любыми антитезисами христианского вероучения. Овладевая сознанием людей через СМИ и прикрываясь общественным законодательством по правам человека, оно угнетает совесть человека на основе не только дозволения, но и культивирования безнравственности, всего того, что определено христианством как грехи и пороки. Антихристианство многолико по форме, а его любимый приём – использование лжи как намеренного искажения истины, в частности, подмены понятий и действия под лицемерным прикрытием морально привлекательных лозунгов, совершенно не соответствующих сути.

Согласно христианству источником лжи является сам сатана: «Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи»[374]. Основные положения канона сатанинской церкви: вседозволенность (читай – либерализм); животная природа человека (читай прагматизм); наслаждение как смысл и цель человеческих устремлений (читай – гедонизм), совершение так называемых грехов (читай культ греха). Суть антихристианства, таким образом, можно выразить несколькими словами: либерализм, прагматизм, гедонизм и греховность. Всё, что ведёт к греху (в его христианском понимании), как собственно и сам грех, является главной целью церкви сатаны. Согласно антихристиантству, наслаждение - не только основная категория жизни, но и её цель. Стремление к этому всегда было главным направлением растлённой деятельности лидеров сатанинской цивилизации в борьбе с христианством. Осознанное противостояние Богу – есть смысл жизни каждого прихожанина сатанинской церкви. Угнетая всё высокодуховное, антихристианство делает ставку на присущие человеку грехи и пороки, в первую очередь на жадность, похоти тела, самомнение и стремление к власти, на внутреннюю потребность в материальном комфорте, в безграничном потреблении, и если надо, даже ценой разрушения как природы, так и мирного сосуществования народов и их культур.

Поскольку фундаментом христианства является любовь, то вокруг этого ключевого понятия особенно наглядна борьба христианства и сатанизма. Христианство в течение почти двух

374 См.: Библия. Новый завет. Там же.

тысяч лет создавало возвышенную культуру отношений мужчины и женщины. Христианин воспитывался в духе сознательного подавления биологических, низменных влечений. Любовь мужчины и женщины по христианской этике воспринималась как возвышенное чувство, заканчивавшееся церковным браком. Целомудрие и стыдливость считались общественной нормой, а половая распущенность и разврат строго осуждались и наказывались. Сатанизм исповедует прямо противоположное, пытаясь оторвать человека от Бога и морально разложить, лишив человека возвышенного чувства любви. Об этом откровенно написано в книгах знаменитых сатанистов А. Кроули и А. Ла-Вея. Американцам и европейцам внушалось и внушается, что "свобода секса" это то главное, что нужно современному человеку, а все живущие на принципах христианской этики - просто ханжи и ретрограды, не понимающие радости жизни. Сексуальная революция освободила Западный мир от христианских "предрассудков и пережитков", предоставив полную свободу для разврата и гомосексуализма (содомии). Логика развития антихристианской цивилизации низвела высокое чувство любви до примитивного механизма получения полового удовлетворения. Одним из страшных результатов сексуальной революции стало широчайшее распространение гомосексуализма, тягчайшего преступления перед Богом и природой человека, поскольку самым наглядным образом демонстрирует глубину отклонения от Богом данного нравственного Закона. Библейский сюжет о Садоме и Гоморре тому пример. В XXI веке для сатанистов настало время торжества: гомосексуальные браки стали законными, а гей-парады - обычным явлением. Известно, что парад в отличие от демонстрации, - это празднование победы. Что же празднуется? – Празднуется торжество либерального «Садома и Гоморры» над христианской нравственностью[375].

Вся драма человеческой истории развивается между двумя противоположными духовными полюсами и идеалами земной государственности: служение Закону Христа и служение

375 См.: Сатанизм и гомосексуализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nezavisroditeli.ucoz.ru/load/beregite_detej/lgb/satanizm_i_gomoseksualizm_neotemlemaja_chast_iudo_masonskoj_kultury/5-1-0-144

«тайне беззакония» антихриста. Без осознания этого трудно уяснить смысл развития человечества в последние две тысячи лет, в течение которых идёт непрестанная бескомпромиссная борьба на духовном, нравственном и идеологическом уровнях.

Фундаментальное идеологическое противостояние христианства и богоборчества предлагает рассматривать оппозицию добра и зла как бинарную. Обществу не обойтись без представления о добре и зле (или, иначе, о «хорошем» и «плохом»), без него нельзя воспитать ребёнка, тем более, поколение, поскольку именно бинарными оппозициями (типа «да» или «нет», «можно или нельзя») задаются как основы, так и особенности всех существующих и ранее существовавших культур. Борьба сторонников этих двух смысложизненных концепций (христианства и богоборчества) идёт в Европе с переменным успехом. Три века после рождества Христова царило язычество, христиан жестоко преследовали. В средние века наступило время торжества христианства. Затем началось наступление богоборчества. Попытка богоборцев (в лице фарисейства) уничтожить христианство через «образцово- показательную» казнь самого Иисуса Христа провалилась. Казнь и последовавшие за ней трёхвековые гонения христиан парадоксальным образом обеспечили торжество христианского вероучения в европейском сознании. Более того, с IV века н.э. христианство становится официальной религией Римской империи. «Смертью смерть поправ», Христос постепенно становится религиозно-нравственным идеалом всех европейских народов. Не привели к победе богоборцев в средние века многочисленные лжехристианские учения (ереси и секты, такие как гностицизм, манихейство, богомильство, арианство, несторианство и монофизитство), в которых от христианства оставалось, как правило, только имя Христа. Христианство как гранитная скала оставалось могучим и незыблемым, несмотря на эти первые средневековые расколы. Сгруппировав силы, богоборцы начали готовить «подрыв» этой скалы. По благословлению Римской Церкви западные рыцари - крестоносцы залили кровью и разграбили

в 1204 г. Константинополь. Это эпохальное событие средневековой истории имело далеко идущие последствия для всей Европы. Христианство окончательно разделилось на католиков и православных. Рим окончательно отпал от Вселенской Церкви. Католический Запад, в желании обелить свою роль в истории, включил многовековую религиозную вражду ко всему православному Востоку, началось тысячелетнее духовное и политическое противостояние Запада и Востока. Уникальная Византийская империя была обречена Западом на забвение. Богоборчество себя проявило в убийстве православных румеев (так себя называли граждан Византии), в расколе вселенской Церкви и многовековой ненависти к православному миру. Единая христианская нравственная среда в начале XIII века была необратимо разрушена. Началась духовная деградация христианского Запада. Руководство Римской Церкви, оставаясь на словах христианским, в делах своих всё чаще проявляло себя как анти-православное. После провозглашения папой римским Григорием IX второго крестового похода в Прибалтику, в 1240 г. Тевтонский монашеский Орден начал поход на Русь. Князю Александру Невскому было сделано предложение принять католичество. Князь отказался и началась война. Войска католиков потерпели сокрушительное поражение в 1242 г. в битве на Чудском озере. Позднее было ещё много нашествий войск поляков, шведов, немцев. Нашествия сопровождалось разрушением или осквернением православных храмов. На временно оккупированных территориях не осталось ни одного православного храма, но Русь выстояла и свои храмы вновь отстроила[376].

Следующий этап наступления антихристианства начался в эпоху Возрождения древнегреческой философии (XV-XVI вв.), и прежде всего – языческого материализма Эллады, чтобы на этом дохристианском, феноменальном по своему масштабу интеллектуальном поиске истины генерировать противостояние христианскому вероучению. Несмотря на то, что предложен-

376 См.: Махнач В. Империя – православное царство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3827621

ная философией Возрождения схема устройства мироздания была, мягко говоря, весьма наивной, в Европе произошла реформа нравственных ценностей, сопровождаемая падением авторитета церкви и христианского вероучения.

В средние века (V-XV вв.) Римская Церковь, нарушив христианские заповеди, использовала насильственные методы борьбы со своими оппонентами. Работали суды инквизиции, пылали костры для еретиков, возникло явление «папизма» как распространение не только религиозной, но и политической власти Папы Римского. Римская Церковь благословила кровавые крестовые походы, стала активным политическим «игроком» Западной Европы, что привело к кризису и расколу в самой Церкви, подготовило почву к широким антицерковным настроениям, к появлению нескольких поколений христиан, усомнившихся в непогрешимости Римской Церкви и её Папы как наместника Бога на земле. Последним обстоятельством умело воспользовались богоборцы. Очередным этапом победоносного шествия антихристианства стала Реформация (XVI — XVII в.в.) – время раскола уже в самой Римской Церкви. Протестанты, используя кризис в Церкви, разрушили единую нравственную среду, установленную Ватиканом в Западной Европе, на основе идей Реформации. Одна из базисных её идей – это позволение индивидуальной трактовки библейского наследия. Каждый протестантский лидер сам себе начал трактовать библейские истины, что привело к образованию уже сотен протестантских движений и сект. Вторая из базисных идей Реформации заключается в том, что протестантская этика «благословила» банковское ростовщичество (взимание процентов за кредиты), что запрещалось Римской Церковью и ортодоксальным Христианством. Постепенно это привело к власти банкиров со всеми вытекающими из этого последствиями, и, в частности, к власти денег над всеми общественными процессами, включая культурные. Иисус Христос, понимая и предвидя опасность ростовщичества для человечества, будучи божественно милосердным, будучи образцом проявления любви к ближнему, один единственный раз, как свидетель-

ствует Евангелие, проявил не свойственную Ему агрессию и даже рукоприкладство, выгнав пинком в зад ростовщиков из Храма. Тут есть о чём задуматься.

В XVIII веке последовала эпоха Просвещения. В основе философии этой эпохи лежала критика существовавших в то время традиционных устоев (и, прежде всего, - религиозных), обычаев, морали. Интеллектуальное движение характеризовалось рационализмом, наукоцентризмом, свободомыслием, и… редкостным цинизмом по отношении к религии. В эпоху Просвещения все надежды богоборцев связывались с наукой, основанной на «непредубежденном разуме». Наукоцентризм, в свою очередь, заложил основу атеизма как феномена неприятия Бога и всего того, что с Ним связано. Эпоха Просвещения сопровождалась дальнейшим падением христианских нравственных устоев.

Очередным этапом развития богоборчества стал феномен бонапартизма как проявление страсти к славе, власти, могуществу, несмотря ни на что. Путь Наполеона к венцу «владыки Европы» был усеян трупами. Из сферы политической «наполеоновская идея» легко проникла во все остальные сферы жизни сначала Франции, а затем и Европы. Она разбудила в людях дремавшие низкие мечты и инстинкты. Общественное восхищение «Героем», романтический ореол над его головой приводил к смещению границ дозволенного. Наполеон допускает бессмысленную гибель людей, осваивая мысль о том, что он - почти божество, что он может и должен вершить судьбы других людей, обрекая их на гибель, делая их счастливыми или несчастными[377]. Несмотря на очевидные антихристианские устремления Наполеона, Папа Римский заключил с ним конкордат в 1801 г. Рим признал новую французскую власть, а католицизм объявлялся религией большинства французов. Наполеон возглавил масонскую ложу Франции. Поход в Россию носил антиправославный характер. Храмы осквернялись, в них «просвещённые» европейцы показательно обустраивали конюшни. Проект Наполеона хоть и разбился о мощь православного русского

377 См.: Долинина Н.Г. По страницам «Войны и мира». Заметки о романе Л.Н. Толстого «Война и мир». - СПб.: «Лицей», 1999. – 256 с.

духа, но успел принести разруху и унести сотни тысяч жизней.

Эстафету антихристианства к середине XIX века «принял» марксизм, став в XX веке доминирующей идеологией в ряде государств, включая пространство бывшей Российской империи. Произошло превращение псевдонаучного движения атеизма в репрессивное воинство против религий и любых проявлений веры в Бога. Откровенное преследование обрушилось главным образом на православную Церковь и её сторонников, предложив идею построения коммунистического общества, марксизм оказался созвучным с христианством в той его части, где утверждаются идеи равенства, справедливости и солидарности. Это созвучие обеспечило «принятие» марксизма широкими народными массами, несмотря на то, что он был основан на очевидно ложной аксиоме о непримиримом классовом противоречии, устранить которое можно только насильственной классовой борьбой. Но христианство и марксизм по-разному определяют конечную цель жизни человека: спасение души для вечной жизни в Божьем раю на небесах (христианство), и удовлетворение всё возрастающих материальных и культурных потребностей человека «здесь и сейчас» (построение коммунизма как общества социальной справедливости и материального рая на земле), поскольку Бога, души и рая не существует (марксизм). Идея построения коммунизма потерпела крах, поскольку капитализм в форме западной либеральной демократии значительно лучше обеспечил удовлетворение человеческой страсти потребления, а идеи равенства и справедливости не выдержали испытания этой страстью.

Марксизм, с точки зрения геополитики, был взращён «ИА» с целью обрушения своих вечных конкурентов - Германии и России. С этой задачей революционный марксизм вполне справился в 1918-1920 г.г., но социум очень сложная система и у богоборцев дела по переустройству мира не шли строго по плану. Неожиданно власть в СССР захватил И. Сталин, который начал строительство мощнейшего государства, ставшего врагом «ИА». Ответный ход «ИА» был в том, чтобы реанимировать Германию и направить её мощь против СССР. Так, «ИА» привела к

власти А. Гитлера – лидера германского национал-социализма. Овладев Европой, Гитлер направил объединённую европейскую мощь против СССР, повторяя наполеоновский сценарий. За внешне безрелигиозной идеей нацизма, как и у Наполеона, стояли вполне религиозные цели. На танках и самолётах германских войск были христианские кресты, подобные крестам тевтонских и мальтийских рыцарей, а не свастика. Историки почему-то замалчивают факт того, что Гитлер был ревностным католиком и в 1933 г. заключил соглашение (конкордат) с Папой Римским о том, что в оккупированных территориях восточным славянам будет навязан католицизм. Как и в случае с Наполеоном, планам Гитлера не суждено было сбыться. История западного христианства-антихристианства повторяется, но повтор – это почти всегда форс на то, что уже было.

Современный этап развития антихристианской мысли (вторая половина XX - начало XXI в.в.) – это время постмодернизма. Его философия заявляет о том, что истина непостижима, её никто не знает и никогда не узнает. Истину вообще не надо искать, и тем более, в христианском учении. Постмодернизм, отвергая устоявшиеся нравственные нормы, призывает к индивидуальному нравственному нормотворчеству и поиску личного счастья, понимая его как самореализацию индивида в условиях максимального удовлетворения всех его запросов. В итоге, как отмечает П. Бьюкенен: «всё, что вчера считалось постыдным – прелюбодеяние, аборты, эвтаназия, самоубийство, - сегодня прославляются, как достижения прогрессивного человечества…, поэтому нынешнюю доминирующую западную культуру правильнее называть антихристианской, поскольку ценности, ею прославляемые, суть антитезис древнего христианского учения»[378]. Современный либерализм – это не просто защита секс-меньшинств или пропаганда абсолютной свободы. Он имеет все признаки религиозного сатанизма под лицемерным прикрытием обеспечения свободы граждан. В реальности достигается только свобода от христианской нравственности. Современная западная система противопоставля-

378 Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2003. - С. 17.

ет свои ценности традиционным христианским, зеркально меняя местами добро и зло. Во имя установления «рая на земле», антихристианство навязывает человеку (через СМИ, рекламу, идеологию, культуру, систему образования, законодательство) культ всего греховного, культ материальных ценностей, формирует бездуховного, безнравственного потребителя. Бытующий в Западном мире плюрализм размывает понятия добра и зла воображением тех, кто заказывает и создаёт информационные продукты. Подконтрольные антихристианским силам СМИ, узурпировав право оценки, осуществляют манипуляцию сознанием, внушая, что истинно только то, что ими подаётся, а подаются не столько факты, сколько их собственные антихристианские мнения о фактах (оценки).

Все богоборческие этапы объединены руководящей и направляющей ролью масонства, которое на высших ступенях посвящения, как известно, поклоняется антихристу. В этом сила и успехи богоборцев, но в этом их и слабость, ибо победить Бога нельзя по определению. Это понятно верующим всех конфессий, включая самих сатанистов, но у последних свой интерес: как искусить обманом и соблазном, чтобы затем поработить души тех, кто им поверил. Вокруг этих душ разгорелась битва вне времени и пространства. Богоборцам всё равно, верит ли человек в библейские сказания или нет. У них есть свой интерес в этой борьбе, которому они неукоснительно следуют из столетия в столетие. Нацистам-богоборцам времён III Рейха было безразлично, верят ли европейцы в торжество германского национал-социализма или нет. Они, зомбированные своей новой сатанинской верой, твёрдо шли к мировому господству, безжалостно убивая и порабощая народы.

В преддверии третьей мировой войны каждому из соотечественников придётся определиться, на чьей он стороне. Мы на стороне Традиции или крушения всех традиций; на стороне Культуры или антикультуры; на стороне семьи или содомии; в конечном итоге, на стороне Христа или антихриста.

Битва христианства и богоборчества не завершена. Баланс идеологического противостояния всё ещё может измениться

в пользу православной империи. Живы православные истоки, строятся новые храмы, возрастает интерес к святоотеческому наследию. Жива любовь к своей многонациональной имперской Отчизне десятков миллионов наших соотечественников (при этом не следует путать Отчизну с отдельными чиновничьими государствами – осколками СССР, спроектированными по западному сценарию). Отчизна накопила колоссальный опыт выживания в труднейших исторических условиях. В народном сознании произошло разочарование в либеральных ценностях. Подошли к критической черте экономические проблемы Запада как естественный результат развития экономики, построенной на либеральных биржевых и банковских принципах. Следствием имеющихся экономических проблем и отсутствием механизмов их решения, является назревший не только экономический, но также политический и мировоззренческий кризисы в доминирующей квазиимперии мира – «ИА», а также у её вассалов – в Западной Европе. Последний системный кризис может привести к радикальным изменениям богоборческого либерального мирового порядка. Вполне реальным представляется и изменение в этническом лидерстве, в зависимости от того, чей дух окажется сильнее.

Сильнее окажется тот дух, чья идеология способна давать чёткие, убедительные представления о смысле жизни народа и отдельного человека. Христианская нравственная идея имеет огромное преимущество перед изжившей себя либеральной концепцией. Концепция православной империи – это, прежде всего, ее духовное устремление. Россия вернула себе главный имперский символ - двуглавый орёл как герб державы, унаследованный от византийской православной империи. Всякий символ несёт в себе духовную энергетику. Этот символ впитал в себя энергетику пятнадцати веков православного духа! Двуглавый орёл как герб государства означает, что дух православной империи жив. Он вновь пробуждён и призывает к выполнению особой, предначертанной судьбой, исторической миссии восточнославянских народов… Всё это вселяет веру и надежду в победу православия над богоборчеством.

4.3.4.Основы идеологии православной империи

Идеология православной империи своими корнями уходит к византизму как системе государственно-имперских, церковных, общественных, и нравственных идей. Эта идеология включает величественную государство-образующую имперскую концепцию и православие как религиозно -нравственную концепцию. Византийский герб - двуглавый орёл символически отражает двуединство власти: светская у монарха, а духовная у Церкви. Основным в православной империи является принцип «Симфонии», при котором светская и церковная власти находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии), по аналогии с Божественной и одновременно человеческой природой Христа. Церковь и государство, поддерживая друг друга, оставляют за собой свои специфические сферы деятельности. Церковь, занимаясь нравственным и духовным воспитанием, не вмешивается в дела управления государством, а государство, выполняя свои функции, не вмешивается в дела Церкви.

Основная цель этой идеологии заключается в обеспечении свободы как возможности развития личности в нравственной атмосфере для всех населяющих империю этносов, воспитание высоких моральных качеств, пробуждении совести в человеке. Осуществление этой цели православной империи ориентировано также на обеспечение международной справедливости, ибо предназначение (мессианское служение) православной империи – «сдержать мировое зло», остановить мировое богоборчество.

Речь идёт не о притязаниях, а о «тяжкой ноше», благородной миссии во имя спасения не только своего народа, но и всего человечества от разрушающего влияния власти международной олигархии. Идеология православной империи является полной антитезой идеям либерализма (всесвободы), культу греха и потребления (вседовольства). Она не декларирует построение рая на земле, но заявляет о недопущении ада на земле.

Идеологические метания восточных славян от православия к марксизму, а затем и либерализму в значительной степени

«подрубили» мировоззренческое основание народа. Пока оно не восстановится, трудно рассчитывать не только на былое имперское величие, но даже на сохранение в будущем национального суверенитета. Первоочередной задачей для восточнославянских народов должно быть восстановление их духа через обращение к своим духовным истокам. Народам должно хватить разума и воли, чтобы положить конец всем сомнительным экспериментам, издевательствам над людьми; положить конец любому разрушающему влиянию. Дух народа, который воспитывается идеологией на основе своей религиозной традиции, является надёжной защитой от богоборческих идеологий. Через осознание своей особой роли в мире, своей уникальной миссии понимается смысл жизни восточнославянских славян, заключающийся в сохранении идеалов христианства в его изначальном виде, в служении добру и справедливости. Возвращение к традиции, к ценностям отеческой веры, к христианской религиозно-нравственной идее является естественным заполнением нынешнего идеологического вакуума. Это возвращение позволит славянской цивилизации определенного культурно-исторического типа занять надлежащее место в мире (Н.Я. Данилевский), вновь стать лидером (К.Н. Леонтьев), объединив восточных славян и дружественных народов иной веры против натиска богоборческого замысла «ИА», и осуществить жизнеутверждающий лозунг: «Империя, Традиция, Народность», за которым стоят «Надежда, Вера и Любовь».

Цивилизационная империя как форма государственного устройства позволяет объединить равноправные народы, воссоздать мощную державу. Для граждан такой империи, независимо от национальности и вероисповедания, будет честью ей служить (что было нормой в дореволюционные времена для немца, татарина или русского). Правильно организованная империя обеспечивает стабильность и даёт импульс развитию культур всех народов, её населяющих. Цивилизационная империя остаётся лучшей из известных форм государственного устройства многонационального образования[379].

379 См.: Нарочницкая Н. Выступление на конференции «Москва — Третий Рим»

Только в рамках объединяющего цивилизационного имперского проекта можно сохранить суверенность, этническую самобытность, защитить народы от «объятий» идеологии либерализма. Вопрос воссоздания православной империи является стержнем национального сознания и достоинства не только восточных славян, но и всех дружественных народов. Оптимальное решение этого вопроса создаёт необходимый запас военной, технической и экономической прочности, что позволит государству не только выживать, но и развиваться, успешно защищаться в условиях нынешнего жесточайшего экономического кризиса и практически развязанной «ИА» мировой войны.

Восточные славяне и дружественные им народы стоят перед выбором: безвольно становиться рабами «ИА», или стать свободными восстановив свою православную империю, которая мирно сосуществовала со своими мусульманскими, другими этносами, защищая себя и других. Что касается православия, то это не только религия, но и составляющая идеологии. Церковь открывает свои двери всем тем, кто пришёл к ней. Она выполняет функцию учителя и «врачевателя» души, психотерапевта. Идеология как инструмент власти распространяется на всех без исключения граждан независимо от их религиозных воззрений. Вместе с тем, как религия, так и идеология в случае отеческой Традиции основываются на христианской идее. Правда, для церковнослужителя Христос – Бог, а для государственного чиновника в общем случае – нравственный идеал и Бог лишь в частном случае, если чиновник верующий.

В X веке славяне Киевской Руси выбрали ортодоксальное христианство как религиозно - нравственную идею становления новой культуры, а с православием избрали и византийскую политическую модель своего развития. Из разрозненных языческих племён на протяжении жизни всего нескольких поколений произошло удивительное преображение духа народа, создавшего в новой единой идеологической среде колоссаль-

[Электронный ресурс]/ – Режим доступа: http://narochnitskaia.ru/video/vyistuplenie-natalii-narochnitskoy-na-konferentsii-moskva-tretiy-rim-vtoraya-chast.html

ное по своей культурной, военной и экономической мощи государство. Христианство было столь глубоко и проникновенно воспринято Русью, что сделалось мощным фактором национальной самоидентификации. Единство народа и Веры на века стало духовной и жизненной аксиомой. Это единство подготовило Русь к необычайной судьбе: свершать великие задачи; быть в авангарде человечества. Понимание того, что Москва стала главой Православия – «третьим Римом», стало осознанием великой миссии – нести миру слово истинного христианства, быть центром духовного единения всех православных[380]. Православие сохранило дух первых христиан и имеет многовековой опыт лидирующей имперской религии, умеющей жить в согласии с традиционными религиями других народов. Православная Церковь в России, Украине и Белоруссии осталась единственным местом, где люди равны в своей светской и духовной ипостаси. Для них И.Христос и Бог, и нравственный идеал. Их объединяет идея милосердной любви Иисуса Христа.

Идеологические установки в православной империи основываются на Нравственном законе христианской религии. Зрелость личности и общества определяется тем, какое место в их жизни занимает этот закон, поскольку основные проблемы человека и общества образуются из-за ложных целей и ценностей, выходящих за рамки закона. Только Нравственный закон сохраняет за собой статус подлинного регламента (регулятора) жизнедеятельности людей. Совесть человека развивается должным образом только в нравственной культуре, только в поле Нравственного закона. Несоблюдение закона неминуемо ведёт к разрушению личности, а затем и общества, ибо Нравственный закон является важнейшей жизненной необходимостью, залогом нормального функционирования и защиты от вырождения. Ещё одна причина, по которой идеология православной империи поддерживает Церковь заключается в том, что обществу необходим институт религии как хранитель и проводник Нравственного зако-

380 См.: Сухарев Ю. Православное содержание русского патриотизма. // Русская нация - системообразующее ядро российской государственности. Составитель - Е. Троицкий. - М.: АКИРН, 2007. - 253 с.

на, гарант его неизменности и долговечности.

У восточных славян выбор религиозно-нравственной стратегии небольшой: либо нравственная идея лидирующей имперской религии (религии титульного этноса империи), либо новая религиозно-нравственная идея, либо новаторский вариант «интеррелигии» как синтеза взаимодополняющих идей мировых и национальных религий. Двадцатый век, приведший к олимпу власти три новых религиозно - нравственных идеи – коммунизма в России, фашизма в Италии и Испании, а также нацизма в Германии, убедительно продемонстрировал пагубность такого новаторства для народов. Приготовить «съедобный винегрет» из идей разных религий тоже ни у кого не получилось, несмотря на многочисленные попытки (Бахаизм, Ведантизм, Теософия Е.Блаватской, «Агни-Йога» Рерихов, «Христианская Йога» Махариши, «Сознание Кришны», «Интеррелигия» Д.Андреева, учение Ошо, Мунизм и т.п.). Вместо того, чтобы стать основой для становления новой интеркультуры, «интеррелигии» имеют лишь сектантский дискурс разрушения традиций и основ национальных культур.

По методу исключения остаётся только нравственная идея религии титульного этноса страны. В случае восточных славян – это православие. Речь не идёт о том, чтобы православная империя директивно навязывала своим гражданам духовную и ритуальную составляющую христианской религии. Вера и религия – личное дело и выбор каждого. Согласно православной традиции Церковь принимает в свои ряды только тех, кто стремится к ней по собственной воле, ориентируясь на возвышающий нравственный идеал.

Третьей составляющей идеологии православия является народность. Она рассматривается как сочетание широкого использования референдумов и народного представительства в органах власти. Всенародный референдум по многим важнейшим вопросам (не «уличная демократия», не цветная революция, не митинговые провокации, не вооруженная оппозиция, не партийная система, не спонсируемые из-за Рубежа «демократические» институты) как главный инструмент пря-

мой демократии позволяет обеспечить социальную гармонию через народное волеизъявление и становление подлинного народовластия. Благодаря доступности средств коммуникаций и интернета, современное общество уже может позволить себе роскошь частых электронных референдумов как универсального средства реальной демократии (то есть, демократии в древнегреческом понимании, а не в понимании современных либералов). Например, всеукраинский референдум по вопросам языка, вступления в НАТО или Таможенный Союз очевидно позволил бы избежать гражданской войны, но «ИА» не позволила быть такому референдуму под странным предлогом неподготовленности народа к таким решениям.

С другой стороны, власть в стране, имеющей идеологию, должна сохранять преемственность. Возможность и эффективность выборности первого руководителя (императора, президента, председателя, иерарха) из круга профессионалов при сохранении преемственности курса демонстрируют процедуры избрания православных патриархов и римских пап. Другой удачный пример совмещения выборности и преемственности в настоящее время демонстрирует Китай. Выборность первого руководителя при сохранении вектора развития возможна, но осуществима, когда из выборов не устраивается профанация.

Существующая партийная избирательная система обеспечивает баланс интересов только для олигархических кланов, содержащих свои партии как инструменты своего влияния. Замена партийной системы в парламентском и местном самоуправлении возможна через представительство профессиональных сословий: крестьян, рабочих, врачей, учителей, учёных, инженеров, чиновников, церковнослужителей, военных, полицейских, бизнесменов и всех других. Народность обеспечивает первый шаг объединения государств, исповедующих традиционные ценности, во имя суверенитета, процветания своих народов, обеспечения международной справедливости и противостояния мировому злу - богоборчеству, антиценностям глобализации мира.

Говоря о внутриполитической концепции, следует отметить

следующее. Главное - формирование союза патриотических сил и движений, декларирующих строительство государственности как приоритетной задачи. И в первую очередь, союз должен включать евразийцев, коммунистов и российские исламские общины.

Евразийская интеграция рассматривается как глобальный проект восстановления общего пространства развития народов, веками живших вместе, сотрудничавших и обогащавших друг друга, а также как путь к формированию нового полюса силы [5].

Былые идеологические установки марксизма о необходимости классовой борьбы, о происхождении человека от обезьяны, о борьбе с религией («опиумом для народа») и о всемирном «призраке коммунизма» не актуальны, поскольку никто из коммунистов их более не «раскручивает» в СМИ. Но нельзя забывать другое. Современные коммунисты, в отличие от большевиков троцкистского толка, не только не являются агентами империи англосаксов, но наоборот, убеждёнными противниками всех врагов Отечества. Коммунисты нацелены на государственное строительство и защиту интересов трудящихся. При всех «грехах» большевиков периода 1917-1940 гг., именно они удержали Отчизну от полного государственного разрушения в 1917 году. Коммунисты построили мощнейшую сверхдержаву - СССР, обеспечили её индустриализацию, обеспечили победу в Великой Отечественной войне, создали качественную систему образования, науки и искусства. Именно коммунисты вписали в историю Отчизны самые её величественные страницы, и наше нынешнее существование возможно лишь благодаря мощному промышленному заделу, оставленному СССР. Идеи равенства и справедливости получили в Советском Союзе практическую реализацию, может быть, лучшую в истории человечества. Идеологическое согласование сторонников православной империи с коммунистами допустимо, поскольку и те и другие руководствуются имперским патриотизмом, близкими представлениями о нравственности и морали.

Отеческие мусульманские народности живут вместе с православными славянами много веков. Чеченские братья демонстрируют патриотический боевой дух небывалой силы. Умеренный Ислам остаётся главным духовным союзником православной империи. Империя предполагает свободу совести, возможность национального традиционного самоуправления. Православные и мусульмане могут и должны быть вместе и в горе, и в радости. Вместе противостоять разрушению Традиции.

Внешнеполитическая концепция идеологии православной империи предполагает объединение в широкую коалицию государств, исповедующих традиционные ценности (в первую очередь, Китай и Индию), во имя суверенитета, процветания своих народов, обеспечения международной справедливости и противостояния мировому злу (богоборчеству), антиценностям глобализации. Единство мира рассматривается в многообразии традиционных культур, основанных на системе ценностей мировых религий (Буддизм, Ислам, Православие) и готовых стать духовными союзниками в религиозной войне с богоборчеством.

Идеология православной империи предполагает обязательное установление разумного баланса во всём, но в первую очередь между:

- индивидуализмом и коллективизмом;
- свободой и справедливостью, а также между свободой и ответственностью;
- свободой слова и цензурой;
- свободой совести и сектами.
- потреблением и созиданием;
- властью, бизнесом и народом;
- социальным и военным потенциалом;

Следование идеологическому курсу православной империи есть альтернатива западному безнравственному и бездуховному курсу. Запад давно сдался богоборчеству и на нём лежит вина за антихристианские новаторства, обернувшиеся

социальными потрясениями и духовным кризисом самого человека. Можно смириться с идеологическим вакуумом, упадком и разложением народного духа и самобытной культуры, а можно действовать, воссоздавая свой высший смысл в формате парадигмы народной православной империи. Перед восточными славянами стоит выбор между деградацией и особой миссией.

Резюме: соотечественники, находясь в плену ложных представлений, не в состоянии самостоятельно разобраться и расстаться с вбитыми в головы политическими мифами. Эту задачу должна решать идеология.

Идеологические основы православной империи просты и понятны. Они ориентированы на самый высокий нравственный идеал, пройдя 15-ти вековую проверку временем; только в формате цивилизационного имперского проекта можно сохранить суверенность, этническую самобытность, защитить народы от происков либерализма и неолиберализма (идеологии богоборчества); идеология православной империи не навязывает своим гражданам духовную и ритуальную составляющую христианской религии. Речь идёт только о возвышающем нравственном идеале и о свободе выбора; следование идеологическому курсу православной империи означает шанс на международную справедливость и солидарность не только для восточных славян, но и для других народов бывшего СССР.

Вопрос «Быть или не быть идеологии Отечества?» в нынешней геополитической обстановке тождественен вопросу: «Быть или не быть Отечеству?!».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование не только подтвердило актуальность заявленной темы и сложность решения поставленных задач, но и позволило сделать выводы:

1. Идея Платона как Идея Любви и Блага может и в условиях тотальной глобализации мира рассматриваться в качестве основания желаемой Идеологии.

2. Идеология имеет свои достоинства и свои недостатки. Среди последних, следует отметить опасность зомбирования человека, прошедшего дорогу от ориентира на идеал античности в условиях культуры мифа к мифу современности, в котором сложился стереотип культа денег; где люди зачастую прислуживают власти денег, а не служат Отечеству. Эта тенденция имеет свою историю. Ее основу составляет сложившаяся схема: «товар, деньги, капитал», которая персонифицирует общественные отношения и деперсонифицирует общественного человека, редуцируя его до уровня социальной функции. В этих условиях человек не живет, а выживает. Статус человека звучит уже не гордо, а горько.

Философия Платона – это процесс открытия Идеи как мыслимого образа – эйдоса желаемой действительности, линии горизонта мысли и обоснования идеологии как стратегии жизнедеятельности человека в его повседневном бытии.

3. Тезис либерализма о «смерти идеологии» не подтвердился. Душа идеологии переместилась в иное тело. Это масс-медиа, реклама, дизайн, сфера потребления и развлечения. Идеология сменила академические высоты, поселившись в повседневное бытие и заявив о себе как фактор (сила) «гиперреальности». Ее аналитика требует нового инструментария, отвечающего требованиям исследовательской практики различных модусов проявления человеческой экзистенции в условиях повседневного бытия.

4. Повседневность нуждается в идейности. Цена безыдейной повседневности – это начало эрозии уже самого бытия, ибо

Идеи и есть само бытие в формате своего инобытия. Безыдейность является основным источником продуцирования риска, обусловленного амбивалентностью человека, неудовлетворённостью собой и окружающей средой. Это уже философская проблема меры, которая обеспечивала мудрецам античного мира «головную боль». Она сохраняет свою актуальную значимость и сегодня.

5. Движение общества по пути цивилизационного развития протекает противоречиво. Амбивалентность человека в обществе многократно тиражируется и обретает проблемный характер. Тем не менее, путь от дикости, варварства к цивилизации, исключающего повторную дикость и варварство, не должен прерываться. Движение вспять способно обернутся гибелью для человечества. Путеводной звездой – ориентиром может быть только добротная идеология Блага и Любви, Труда и Солидарности.

6. Субъектом идеологии, как правило, является интеллигенция. Есть ли у отечественной интеллигенции возможность заявить о себе в статусе идейной составляющей субъективного фактора общественного развития, от которого зависит перспектива России? Есть! И это подтверждает эйдология отечественной культуры, опыт ее «серебряного века», заложившего ценностные ориентиры на созидание человечного общества и общественного человека в формате идеологии участного сознания.

7. Исследовательских усилий заслуживает политический аспект идеологии или точнее идеология политики, ее функции, а также ее классификация по идейным основаниям. Аналогичная ситуация складывается и с экономическим аспектом идеологии или с идеологией в сфере экономики. Напрашивается вывод и о существовании других аспектов идеологии от социально-политической до военной, включая экономическую, образовательную, оздоровительную, правоохранительную и иную идеологию. Каждый подвид Идеологии обретает форму концепции или доктрины, основанием которых является Идея, Идеология, Конституция как Основной закон, Подзаконный акт, Норма, Мера многоликого человека в формате его повседневного бытия.

8. Идею и практику её осуществления связывает звено адаптации. Без этого звена Идея не может трансформироваться в фактор созидания и преобразования. Посему процесс адаптации заслуживает особого внимания и междисциплинарных усилий по решению теоретических и практических проблем техники и технологии передачи информации от источника до потребителя. Как проводник идеологии, масс-медиа в силу относительной самостоятельности и коммерциализации не только обеспечивают своё предназначение, но и провоцируют противоречивость ценностных ориентиров, формируя эклектическое сознание, особенно в молодёжной среде. Последнее ставит под сомнение оптимальную преемственность поколений.

9. В последние десятилетия наблюдаются движения массового сознания в сторону мифотворчества, восприятие событий современности через призму архетипических ситуаций. Этот феномен должен также стать объектом исследовательской практики.

10. Преемственность поколений в обществе переходного периода существенно ослабела. Сказались не только результаты Перестройки 80 годов, но и издержки образовательной системы, ее ретроспективный характер. Нужна новая парадигма образовательной системы, способная успешно решать все вопросы от семейного воспитания до прикладного обучения (образования), включая просвещение души молодого поколения, без чего не состоится Дух Отечества, его скрепы.

11. Быть или не быть желаемой идеологии Отечества в современной геополитической обстановке тождествен вопросу: «Быть или не быть Отечеству». Наработанный опыт Православной имперской идеологии выдвигает её в число соискателей желаемой идеологии как стратегии развития современной России. Атрибутом Православной идеологии являлась Благо и Любовь, а модусами проявления этого атрибута выступали: подлинное братство и равенство, справедливость и солидарность. В этом качестве имперская цивилизационная Идеология способна реализовать свою интегративную функцию в обществе этнического и конфессионального плюрализма, многообразия

взглядов и интересов. Православная имперская идеология ориентирована на осуществление Нравственного закона, основу которого составляет Идея Любви и Блага. Эта Идея обеспечивает возможность принять ту Конституцию Российской Федерации, которая на деле является Основным законом в системе координат общественного развития. Она не только заявляет о своём статусе быть стратегией развития страны, но и быть оптимальным каноном самоосуществления и самовыражения общественного человека, независимо от его этнической принадлежности и конфессиональной предрасположенности.

** **Империя** – социальное образование этнического и конфессионального плюрализма, многообразия культур. Это система взаимодействующих и взаимообусловленных элементов общественных координат, где вертикаль власти обеспечивает оптимальное отношение с горизонталью коммуникаций.*

12. Последние социологические опросы, проведённые в стране, определили высокий и устойчивый рейтинг Президента, но в этой оценке просматривается скорее отношение «болельщика» за руководителя «ручного управления». Этот болельщик пока что не является участником, демонстрирующего готовность брать на себя ответственность за судьбу своего Отечества. Трансформация болельщика, созерцателя, критика в подлинного участника в условиях этнического и конфессионального плюрализма и многообразия массовой культуры возможна только в формате имперской цивилизационной Идеологии, которая по своей сущности является противоположностью Идеологии англо-саксонской варварской цивилизации. Похоже что только с имперской цивилизационной Идеологией Россия обретает пролонгацию своей истории и возможность заявить о себе в качестве ведущего Субъекта мировой геополитики.

Проведённое исследование ориентировано на системное восприятие механизма общественной жизни на осмысление основных проблемных ситуаций. Коллектив авторов стремился сделать сложное простым, а непонятное понятным. Что из этого получилось, судить читателю.

ГЛОССАРИЙ

Акцентуация – внутренняя предрасположенность личности к девиантному поведению

Адаптация социальная – процесс приспособления индивидов к определенной культуре

Адекватный – соответствующий

Аксиология – учение о ценностях бытия в мире

Альтруизм – бескорыстная забота о благе других, готовность к самопожертвованию

Аномия - беззаконие, беспредел, отрицание номоса – закона

Антагонизм – неприятие, отвержение носителей иной идеологии

Антропогенез – процесс формирования человека; эволюционный процесс становления человека разумного

Антропологический кризис – состояние человека как родового существа (физическая деградация индивидов, депопуляция населения, размывание человеческой субъективности и идентичности, трансформация целостного сознания, потеря человечности, игнорирование гуманистических ценностей)

Антропосоциогенез – единый исторический процесс становления общества и формирования человека

Антропоцентризм – философское учение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания

Атрибут – качество, неотъемлемое свойство бытия в мире

Бездуховность – отсутствие нравственных идеалов, духовных ценностей или пренебрежение ими

Безответственность – отсутствие желания отвечать за что-либо или за кого-либо

Бифуркация – состояние, не имеющее однозначно предсказуемой тенденции развития

Бытие – исходная характеристика предельного основания, позволяющая сказать, что мир есть и существует независимо от воли и сознания человека

Бытие в мире – философская категория для обозначения реальности, существующей в конкретном движении и пребывающей в конкретном пространстве и времени

Бытие мира – чистая возможность, обладающая абсолютными характеристиками движения, пространства и времени, сохраняющая свою неопределенность

Бюрократия – социальная группа людей, профессионально занимающихся управлением.

Вера – психологическая установка на признание фактов, истинность которых не доказана, но представляется очевидной или аксиоматичной

Вера (в гносеологии) – позиция, признающая суждения, истинность которых не доказана, но кажется очевидной

Вера научная – установка на принятие аксиом в качестве положений,

не требующих доказательства

Вера обыденного сознания – установка на утверждение приоритета надежды

Вера религиозная – установка на признание догматов религии

Вера философская – установка на признание метафизики бытия мира

Виктимность – предрасположенность индивида стать жертвой внешних обстоятельств; чувство гиперстраха перед возможным агрессором

Возможность и действительность – философские категории, характеризующие две ступени становления и развития объекта, где действительность представлена реальностью бытия, а возможность таит в себе эту реальность

Воля – один из компонентов структуры психики человека, определяющий способность к выбору цели деятельности и мобилизации усилий для ее осуществления

Время – форма осуществления бытия, характеризующаяся длительностью существования бытия и последовательностью смены его состояний

Всеединство – состояние единства мира и человека, воплощающее идеал сродности и соборности на основе «великого синтеза» философии, науки, религии и искусства

Гармония – состояние оптимальной взаимосвязанности и взаимозависимости структурно организованных элементов конкретной системы

Географическая сфера – часть природы, вовлеченная в систему общественного производства и составляющая предпосылку существования и развития общества

Географический детерминизм – учение о зависимости человеческой жизни и в целом общественного бытия от окружающей природной среды

Глобализация – объективный процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции бытия в мире

Глобализм – идеологический инструмент по установлению Нового мирового порядка без учета альтернативных эволюционных маршрутов развития человечества

Глобальные проблемы – комплекс проблем, определяющих перспективы развития человечества

Государство – 1) ядро политической системы, обеспечивающее вертикаль власти в системе координат общественного развития; 2) институт публичной власти, которая правовыми средствами и помощью специального аппарата упорядочивает общественные отношения на строго определенной территории; 3) институт регламента общественной жизни, для которого характерно организованное и легитимное применение власти в целях упорядочения общественных отношений

Гражданское общество (civil society) – 1) ассоциация свободных людей, преследующих свои интересы, но понимающих, что их личная жизнь протекает в лоне бытия публичной жизни; 2) институт социальной жизни, усилия которого направлены на обеспечение оптимальных условий человеческой жизнедеятельности как на уровне индивида, так и на уровне больших или малых социальных групп

Гражданственность – активная жизненная позиция, воплощенная в осуществлении прав и свобод, в отстаивании своих законных интересов, а также оказании помощи в этом другим людям

Гуманизм – учение, признающее самоценность человека в мире, его право на свободное развитие и проявление своих способностей

Движение – всякое изменение положения тела в пространстве и во времени; в философском смысле – способ существования бытия

Девиантное поведение (от лат deviatio - отклонение) - поведение, связанное с несоответствием человеческих поступков нормам, правилам поведения, стереотипам, ожиданиям, установкам, ценностям конкретного общества

Дегуманизация – утрата или отказ от гуманистических, нравственных и духовных ценностей в общественной жизни, неуважение к человеку

Деизм – идея компромисса между философией и религией. Принимая идею Бога как первопричины мира, рассматривает развитие мира, исключая участия в нем Демиурга

Детерминизм – учение о предопределенности всех явлений и процессов в мире Богом (теологический детерминизм), человеком (антропологический детерминизм) или космосом (космологический детерминизм). Центральной идеей детерминизма является положение, согласно которому одно явление с необходимостью порождает другое

Деятельность – форма активного отношения человека к миру, способ его бытия

Добро – благо; то, что честно (по совести), «совершенная польза»

Доверие – уверенность в чьей-либо искренности и основанное на этом адекватное отношение, действие, коммуникация

Долг – необходимость неукоснительно выполнять наработанные простейшие правила человеческого общежития

Дуализм – учение о двух самостоятельных, независимых, но взаимополагаемых началах

Дух – носитель жизни, субстанция сущностных сил человека, нематериальное начало.

Духовность – источник смысловой энергетики, побуждающей человека к действиям, выходящим за рамки «воли к жизни»; бесконечное самоосуществление субъективной реальности в сфере идеала, ориентированной на препятствие ситуациям, в которых проявляются худшие качества людей

Духовность мифологическая – продукт протокультуры конкретной ойкумены, фактор первоначального обустройства общества

Духовность религиозная – осуществление идеи, утверждающей, что наряду с объективно существующим миром есть мир Бога и Абсолютного духа

Духовность светская – доминирующая в жизни людей направленность нравственного сознания на высшие ценности гуманизма: жизнь, свободу, равенство, солидарность и справедливость

Духовность ноосферная – функциональное единство мифологической, религиозной и светской духовности, как базовое основание гуманистического мировоззрения

Духовность христианская (православная) - духовность с ориентиром на приоритет идеала Иисуса Христа и принципы христианского нравственного Закона

Духовная жизнь общества - система структурно организованных и взаимосвязанных форм общественного сознания и его институтов, специфических общественных отношений и интеллектуальной деятельности (поведения) людей

Духовный мир человека – сотворенный человеком идеальный мир должного (желаемого), существующий параллельно с действительным миром объективной реальности

Душа – внутренний мир человека, состояние его сущностных сил, демонстрирующих волю к власти над собой

Жизнь – особая форма существования объективной реальности, закономерно возникающая при определенных условиях и закономерно прекращающая свое существование, осуществляя обмен веществ с окружающей средой

Закон – необходимая, существенная, устойчивая, повторяющаяся связь явлений бытия в мире

Закономерность – форма выражения закона, определяющая этапы и формы становления и развития явлений природы, общества и человека

Зло - нечто противоположное добру (агрессия, ненависть, месть, обида, ревность, зависть, эгоизм, несправедливость, ненасытная жажда власти, денег и материальных благ, извращения)

Знание – результат процесса познания, отражающий действительность в форме факта, представления, понятия, суждения, гипотезы, концепции, теории, правды и истины

Идеализм - общее обозначение философских учений, утверждающих, что дух, духовное, сознание, мышление, психическое – первично, а материя, природа, физическое – вторично, производно

Идеальное – бытие в мире, отраженное в психике или сознании; субъективный образ объективного мира

Идентичность – состояние тождества человека с самим собой, со своей самостью, достигаемое в ходе рефлексии над собой и условиями своего бытия

Идеология – система взглядов, убеждений и установок в формате осуществления определённой идеи

Идея – прообраз бытия мира, его первореальность; идеализированный образ желаемой действительности

Изменение – любое приобретение объектом новых признаков и свойств или же утрата имеющихся

Императив – общезначимое предписание

Империя – социальное образование этнического и конфессионального плюрализма, многообразия культур. Это система взаимодействующих и взаимообусловленных элементов общественных координат, где вертикаль власти обеспечивает оптимальное отношение с горизонталью коммуникаций.

Индетерминизм – учение о том, что в мире существуют явления, у

которых отсутствует причина (онтологический индетерминизм) или она есть, но ее нельзя определить (методологический индетерминизм)

Индивид – индивидуальность, отдельно взятый человек в своей неповторимости

Индустриальное общество – стадия общественного развития, для которой характерен высокий уровень промышленного производства, ориентированного на рынок

Институализация – учреждение каких-либо новых институтов; правовое и организационное закрепление тех или иных общественных отношений

Институт – определенная организация общественной деятельности в формате конкретных социальных отношений, воплощающая в себе нормативную базу жизнедеятельности людей

Интеллигенция – определенный ресурс модернизации общества, его духовный наставник; интеллектуальный поводырь, интеллектуальное меньшинство с ориентиром на поиск идей, которые должны лечь в основание ответа очередному историческому вызову

Интенциональность – направленное переживание, обладающее смыслом; сфокусированное на предмет внимания сознание

Интерес – форма выражения потребности

Информационное общество – стадия в развитии человечества, когда главными целями и продуктами производства становятся информация и знание

Информация – сообщение о характере взаимодействующих объектов бытия в мире

Истина – адекватное отображение в сознании того, что существует объективно; адекватное отражение объекта познающим субъектом; для верующих в Бога и Его Слово есть высшая Истина

Историко-культурный тип – концептуальное понятие (Н.Я. Данилевский) для обозначения системы взглядов, определяемой факторами, присущими конкретному народу или совокупности близких по духу и языку народов

История – реконструкция прошлого и его аксиологическая интерпретация

Категории – предельно общие понятия, отражающие существенные связи и отношения бытия в мире; организующая матрица мышления

Категорический императив – моральный закон практического разума с ориентацией на долг и добродетель

Качество – такая определенность объекта бытия, благодаря которой он является именно этой, а не другой реальностью

Классика – произведение, являющееся образцовым с точки зрения содержания, стиля, формы и обладающее ценностью независимо от места и времени своего создания

Когерентность – учение о взаимосвязи явлений бытия в мире, которое носит характер онтологической укорененности

Количество – характеристика однородности объекта, соотношение общего и единичного в явлениях мира при относительном безразличии к их качеству

Коммунитаризм – направление в социально-политической теории, утверждающее, что оптимальными формами, позволяющими реализовать

идеалы солидарности, справедливости и преодолеть отчуждение между человеком и обществом, являются небольшие социальные общности людей

«Конец истории»– завершение процесса осознания человеком своей свободы (Г. Гегель); претворение в жизнь либеральной модели жизнеустройства с последующим периодом постисторического существования (Ф. Фукуяма)

Консерватизм и неоконсерватизм – политическая идеология и практика поддержки существующих форм социальной структуры, традиционных ценностей и морально-правовых основ. Признавая динамику рынка, неоконсерватизм предостерегает от торопливого «шокового» внедрения рыночных отношений в рамках традиционных обществ. Он ориентирует общество на существование сфер, где рыночные отношения неуместны (семья, школа, образование, наука)

Конфуцианство – этическое учение, регламентирующее жизнедеятельность человека с ориентацией на гуманность, уважение к старшим, золотую середину

Космос – философская характеристика мира как структурно организованного и упорядоченного целого; порядок

Космоцентризм – учение о развитии мира как движении от хаоса к порядку, с которым согласуется вся реальность мира, включая бытие человека

Коэволюция – солидарное развитие метасистемы «природа — общество — человек» на основе сродства ее элементов, но имеющих собственные основания

Культура – (лат. cultura) – 1) возделывание, обработка, воспитание, просвещение, образование; 2) специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, связанной с трансляцией и воспроизводством социального опыта через освоение образцов поведения

Либерализм – политико-правовая ориентация, основанная на формальном признании политических и экономических прав и свобод индивида, демонстрирующая чрезмерную «гибкость» (снисходительность и некритичное отношение) ко злу, что может привести к нравственному хаосу и «размытости» в духовной области, стиранию границы между добром и злом; классическая идеология рыночного общества, протестующая против любых форм вмешательства государства в экономику, утверждая, что права и свободы отдельного человека являются правовым базисом общества и развития экономики.

Личность – человек с устойчивой системой социально значимых черт конкретного социального образования, характерный тип представителя данного общества, включенного в систему общественных отношений

Логос – разумное слово, мысль, «мировой разум», Бог

Любовь – состояние любящего (по В. Далю), сильное сердечное чувство, глубокое эмоциональное влечение (по С. Ожегову); отказ от самого себя, забыв себя в другом «Я» (по Гегелю)

Люмпенизация – крайнее проявление нисходящей социальной мобильности человека

Маргинал – (от лат. Margo - край) - индивид, находящийся в «погра-

ничном» состоянии между различными социальными группами, культурными традициями

Маргинализация – процесс распада устоявшихся социальных институтов, приводящий индивидов и социальные группы к разрушению традиционных связей, потере нравственных, экономических, правовых, семейных и иных норм и ценностей

Маргинальная группа – группа индивидов, отвергающая определённые ценности и традиции той культуры, в которой она находится, утверждая свою собственную систему норм и ценностей

Маргинальная личность – особый тип личности, разделяющий культуру и традиции разных народов, характеризующийся дуализмом самосознания (двойственностью установок и восприятия), отсутствием четко определенных культурных параметров, неустойчивостью и противоречивостью мнений и действий

Маргинальность – специфическое отношение индивида или социальной группы к существующему общественному строю, характеризующее пограничное, промежуточное состояние, в котором оказывается индивид и общество

Массовая культура – разновидность культуры «усредненного» слоя населения в обществе, застывшего в своем развитии

Материализм - философская ориентация, что мир материален, существует объективно, вне и независимо от сознания; что материя первична, никем не сотворена, существует вечно; что сознание, мышление, эволюция – свойства материи; что мир и его закономерности познаваемы

Материя – понятие, противоположное духу. В философии античности – субстрат, пассивное начало. В философии Нового времени – разновидность субстанции. В марксизме – «философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях, которая... отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»

Мера – социально-психологические ориентир отношения человека к миру

Местное самоуправление – один из видов управления, при котором население административно-территориальной единицы самостоятельно управляет местными делами через выборные органы в пределах прав, установленных государством

Метасистема – структурно-организованное целое, где каждый элемент не без основания претендует на статус системы, демонстрируя взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность с другими элементами аналогичных претензий

Метафизика – (от греч. meta ta physika - после физики) философское учение о сверхчувственных (недоступных опыту) аспектах бытия мира

Миграция – (от лат. migratio, от migro - перехожу, переселяюсь) – перемещения населения, связанные с необходимостью изменить место жительства, среду обитания

Мировоззрение – система взглядов на мир и на место человека в нем, на отношение человека к миру и к самому себе

Миф – исторически и логически первая форма сознания, основная

функция которой состоит в самоопределении человека и установлении определенных контактов с миром; это историческая колыбель человечества и вечный спутник человека

Мифология – сказание о жизни в слове, сама жизнь в ее социальном становлении

Модерн – период европейской истории, в течение которого происходило формирование и развитие основных институтов западного общества: капиталистический способ производства, либеральное государство, гражданское общество. Отличительными чертами модерна являются формальный рационализм и техницизм

Модернизация – переход традиционных обществ к обществам современного типа, сопровождаемый трансформацией социальной, экономической, политической и духовной сферы, формированием принципиально новых ценностей, социальных отношений и институтов

Модус – форма проявления атрибутивности бытия в мире

Мораль – форма общественного сознания, регулирующая должное поведение людей, обеспечиваемое общественным мнением

Мудрость – способ духовного освоения мира, направленный на выработку стратегии выживания человека и человечества

Мультикультурализм – теория и практика решения проблемы культурного плюрализма, сосуществования в одном жизненном пространстве групп и индивидов с различной культурной идентичностью; политика неоднородного общества, ориентированная на свободу выражения своего культурного опыта

Национальная идея – определенный комплекс представлений, связанных с осмыслением места и роли конкретной нации в мировом сообществе

Национальные интересы – осознанные потребности, которые определяются экономическими и геополитическими отношениями отдельного государства, а также культурно-историческими традициями, необходимостью обеспечения безопасности страны

Необходимость и случайность – философские категории, выражающие различные уровни связей исследуемого объекта. Необходимость обусловлена внутренней причиной, а случайность – внешней

Неолиберализм – смягченная форма обанкротившегося классического либерализма с апелляцией к демократии и усиления политического режима с ориентиром на смягчение экономического фактора

Ноосфера – сфера взаимодействия в метасистеме «природа – общество – человек», в пределах которой антропогенная деятельность выступает как определяющий фактор развития бытия в мире

Норма – образец поведения; регламентация взаимосвязей и взаимодействия в системе «человек — мир»

Нормативное прогнозирование – основанный на результатах поискового прогноза анализ путей и сроков достижения возможного состояния объекта прогнозирования в будущем, принимаемого в качестве цели

Нравственность – своеобразная форма проявления духовности с апел-

ляцией к совести

Нравственная потребность – проявляемое в нравственном чувстве врожденное влечение к добру и негативное отношение ко злу

Нравственное чувство – независимый от нашей воли внутренний «голос», обличающий или одобряющий наши поступки, чувства и мысли

Нравственный Закон – правила нравственности, установленные культурно-религиозной традицией и принимаемые человеком в качестве непререкаемого авторитета в соответствии с его совестью и верой (законы Моисея, заповеди Иисуса Христа, суры Мухаммеда, догматика Будды)

Нравы – текущее состояние морали, уклад общественной жизни

Образ жизни – понятие, характеризующее особенности повседневного бытия человека

Общее (всеобщее) – философская категория, выражающая закономерную взаимосвязь единичного в составе целого

Общее дело – высшая цель и организация человеческих усилий, которым предшествуют сродность и софийность

Общественная психология – непосредственное отражение бытия в сознании людей на уровне эмоций и чувств

Общественное производство – органическое единство структурно организованных сфер жизнедеятельности людей, обеспечивающих становление и развитие человека и его отношения к миру

Общественное сознание – целостное образование, обладающее внутренней структурой, которая включает уровни теоретического и обыденного сознания, идеологии и общественной психологии, а также формы политического, правового, эстетического, нравственного, религиозного, научного и философского сознания

Общество – структурно организованный уровень бытия в мире, имеющий свой специфический способ бытия, свою форму проявления и свою форму осуществления. Это исторически сложившаяся совместная жизнедеятельность людей

Общество риска – тип общества, возникающий в процессе систематического взаимодействия общества с угрозами и опасностями, инициируемыми модернизацией

Обязанность – способность выполнять задание и эта способность обусловлена долгом человека, его моралью

Ойкумена – заселенное пространство; единство, взаимосвязь и взаимодействие природных условий и человеческого фактора

Окружающая среда – жизненный мир природного и социокультурного содержания

Основание – философская категория, обозначающая предел отношения как направленного действия сознания на бытие в мире

Ответственность – способность отвечать за содеянное и этот ответ обусловлен совестью человека, его нравственностью, а не только долгом

Отчуждение – состояние деперсонификации человека и персонификации общественных отношений, превращение их во враждебную силу,

господствующую над человеком

Парадигма – совокупность принципов, обеспечивающих постановку и решение вопросов текущего момента; правило, предполагающее исключение

Повседневность – область социальной реальности, «естественное», самоочевидное условие жизни человека; это та реальность бытия человека, которая определяет его возможные поступки

Повседневные риски – ситуации, при которых риск становится имманентно присущим бытию человека

Поликультурность – состояние общества, где сосуществуют большие и малые социальные группы, способные воссоздавать свою специфическую идентичность, через призму своей культуры

Полис – политико-гражданская община, форма бытия античного общества

Политика – конструированное выражение экономики

Полития – открытое общество, демонстрирующее политическую активность граждан, направленную на улучшение жизни их собственных общин

Политическая система общества – механизм взаимодействия субъектов власти по вопросу принятия политических решений и проведения их в жизнь

Политическая власть – способность проведения определенного политического курса, несмотря на сопротивление

Политическая идеология – система взглядов, отражающая интересы людей определенной социальной группы с претензией на защиту интересов всего общества

Политический курс – способ организации управления национальными ресурсами

Политическое участие – сознательное действие с целью влияния на функционирование политической системы, в том числе на выбор политического курса и его лидеров

«Политологический круг» – схема связи базовых элементов основных политических идеологий

Понятие – образ реальности, замещающий ее на уровне сущности

Порядок – способ существования организованных структур, пребывающих в динамично–равновесном состоянии, чреватом наступлением хаоса по мере накопления деструктивных процессов

Постмодерн – состояние общества, которое исчерпало потенциал эпохи Модерна и находится в поисках новых форм идентичности. Для постмодерна характерен плюрализм жизненных форм, отсутствие единого смыслового центра культуры, обобщающих и легитимирующих инстанций

Постмодернизм – (фр. postmodernisme) – общее название концепций, претендующих на объяснение состояния современной культуры. Ключевые слова постмодернизма: «мир как хаос», «мир как текст», интертекстуальность, деконструкция, «провал коммуникации», «метарассказ»

Потребности человека – внутренний возбудитель активности человека, условие его жизнедеятельности

Права человека – признанная и гарантированная возможность совер-

шать определенные действия по воле и в личных интересах, выдвигать требования к другим лицам или социальным учреждениям, а также добиваться защиты своих интересов

Право – воля, возведенная в закон

Прагматизм – философия успеха, претензия на тождество истины и пользы

Преемственность – связь между поколениями внутри социальной и культурной группы, обеспечивающая сохранение её идентичности

Принцип – основополагающее положение, обеспечивающее исходную позицию исследовательской практики

Причина и следствие – философские категории, обозначающие характер обусловленности исследуемого объекта. Под причиной понимается явление, действие которого вызывает следствие

Причинность (каузальность) – определенная форма связи между отдельными состояниями структурно организованного бытия в мире

«Проект модерна» – историческая задача по качественному обновлению всех сторон жизни общества с помощью науки, техники и технологий

Проектирование – универсальный и автономный в интеллектуальном и социокультурном отношении вид деятельности, ориентированной на создание объектов с заданными функциональными, технологическими, экономическими и экологическими свойствами

Произвол – свободный, ничем не ограниченный выбор и осуществление целей человеческого бытия, дорога к хаосу

Просвещение – это не обучение, а частный случай духовного образования, направленного на освещение и освящение души человека

Пространство – форма проявления бытия, характеризующаяся протяженностью и структурностью, а также взаимосвязью и взаимодействием элементов конкретной системы

Псевдодуховность - это высшая степень бездуховности, прикрывающаяся духовностью, а поэтому ее проявления для многих совсем не очевидны

Развитие – определенный тип изменения, при котором объект бытия обретает новую качественную определенность

Радикализм – стремление к коренным переменам, включающее идеологические цели и средства их достижения

Разум – способность человеческого духа осваивать мир, организовывать и осуществлять целесообразную деятельность

Рационализм – философское направление, абсолютизирующее возможности разума и игнорирующее возможности чувственного познания мира

Реализм – учение, утверждающее, что общие понятия существуют реально и, более того, являются первореальностью

Революция – тип развития, при котором между качественными состояниями объекта существует резкий переход. Поэтому революционный тип развития иногда называют скачкообразным

Религиозность – приверженность какой-либо религии, адаптация ее догматики

Религия – определенный исторический тип мировоззрения и соответствующее поведение, определяемые верой в существование и творчество Бога

Ресоциализация – процесс повторного усвоения правил, норм, ценностей, традиций, местных обычаев существующего общества

Реформизм – радикальное течение, выдвигающее идеологические цели преобразований существующего общества

Риск социальный – характеристика масштабов и тяжести негативных последствий чрезвычайных ситуаций, снижающих качество жизни людей

Самоуправление – управление делами территориальной общности, организации или коллектива, самостоятельно осуществляемое их членами через выборные органы либо непосредственно с помощью собраний, референдумов

Свобода – состояние человека, его способность действовать в соответствии со своими интересами и целями; волеосуществление; единство рационального и иррационального

Симбиоз – общность представителей различных видов, основанная на взаимном удовлетворении их жизненных интересов

Символический капитал – понятие, активно используемое в постмодернизме, для описания особенностей современного общества, динамика которого определяется информацией, знаниями, а также способами влияния на публику

Симулякр – (фр. simulacre от лат. simulacrum – образ, подобие) – термин переосмыслен и введен Ж. Бодрийаром (ранее употреблялся Лукрецием, Эпикуром), объяснявшим симулякры как результат процесса симуляции: «замена реальности знаками»; своеобразная тень реальной действительности

Синкретизм – нерасчлененность, характеризующая первоначальное состояние первобытного общества

Система – философская категория, выражающая особое единство структурно организованных элементов, взаимодействующих на основе взаимосвязи и взаимообусловленности

Смысл жизни – ценностный мировоззренческий ориентир человеческого бытия

Совесть – личная форма нравственного контроля, сопряженная с эмоциональным переживанием

Современность – это «здесь и сейчас» исторического времени, момент истории, непосредственно переживаемый людьми

Согласие – состояние общественного бытия, достигаемое через устранение принципиальных различий по вопросам совместной жизнедеятельности

Сознание – высшая форма развития психической активности человека как социального существа; отражение реальности в форме образа и проектирование (творчество) на этой основе новой реальности

Солидарность – общность интересов и целей, ориентированная на согласованность в действиях и совместную ответственность за их результаты

Софийность – ценностный ориентир на сотворчество мира и человека

Социализация – процесс усвоения индивидом правил, норм, ценностей, традиций, местных обычаев конкретного общества

Социальные сети (social networks) – стратегический, информационный и операциональный ресурс консолидации общества с ориентиром на реализацию коммуникативных потребностей людей. Может использоваться во благо и зло

Социал-демократия – это идеология тех партий, которые, отказавшись от крайностей левизны коммунизма, пытаются сохранить свой суверенитет под натиском идеологии неолиберализма

Справедливость – 1) условие социальной жизни, утверждающее формальное равенство всех участников общественных отношений; 2) равенство прав людей на осуществление своих жизненных проектов, соответствие между деянием и воздаянием, заслугами и их признанием

Среда – совокупность условий, в которых осуществляется человеческая жизнедеятельность

Средний класс – экономически и социально устойчивый элемент социальной структуры общества, объединяющий в себе различные социальные группы со сходным экономическим и политическим статусом, образом жизни и схемами социального взаимодействия

Сродность – начало, объединяющее род человека и природу

Стиль жизни – понятие, характеризующее серию однопорядковых поступков человека в его отношении к миру

Субстанция – сущность; нечто неизменное; то, что существует благодаря самому себе и в самом себе; то, что выступает основанием реального бытия в мире

Судьба – предопределенность событий и поступков, обусловливающих бытие человека

Сущностная сила человека – совокупность интеллекта, чувств человека, его воли и памяти

Сущность и явление – философские категории, характеризующие определенность бытия в мире и возможность его познания. Сущность – внутреннее содержание исследуемого объекта, его субстанция. Явление – выражение объекта через внешние формы его проявления

Счастье – состояние психологического комфорта, достижение гармонии в отношениях человека с миром

«Твиттерные революции» – совокупность локальных действий субъектов социальной активности, организованных через социальные сети и направленных на радикальное изменение вертикали власти в условиях глобализирующегося информационного общества

Творчество – сознательная деятельность человека, проектирующая и создающая нечто новое в соответствии с потребностями человека и с учетом объективных законов развития мира

Телеология – (греч. «цель» и «учение») — учение о целесообразности не только поведения человека, но и развития исторических событий

Тенденция – складывающиеся обстоятельства развития како-

го-либо явления

Террор – способ устрашения населения

Терроризм – метод решения экстремистских задач

Тоталитаризм – особая форма политического режима с ориентиром на всеобъемлющий контроль над всеми сферами жизни общества

Традиционное общество – общество, в котором чтут традиции, созданные и передаваемые из поколения в поколение без изменений

Традиция – культурное пространство ключевых ценностей, смыслов и целей той или иной человеческой общности и передаваемое из поколения в поколение в качестве стратегии выживания индивида и рода

Трайбализм – стремление к обособлению на основе родоплеменных признаков, проявляется в политической ставке на единокровников

Транзитивное общество — это общество, находящееся в стадии перехода из одного качественного состояния в другое

Транскультурность – характер связи между различными культурами, при которой внимание обращается на поиск или создание переходов между культурами

Трансцендентное – то, что находится за пределами возможностей сознания и познания и проходит по реестру метафизики

Труд – это фактор производства; условие самоосуществления и самовыражения. В современной экономике труд понимается как источник дохода

Феномен – явление мира, постигаемое с помощью чувств; «вещь для нас»

Феноменология – наука о сознании, созерцающего сущности мира

Философия – любовь к мудрости (дословно); учение о предельных основаниях бытия мира; форма общественного и индивидуального сознания, ориентированная на рефлексию мира и саморефлексию человека

Философия жизни – объяснение жизни из самой жизни

Философская антропология – философия поиска онтологических оснований жизнедеятельности человека

Футурология – совокупность представлений о будущем человека и человечества

Хаос – неопределенное, лишенное структурной организованности состояние мира; аморфное первоначало с потенциалом быть

«Хорошее общество» - модель социума, где в качестве главного социокультурного формата выступает концепция блага

Цель жизни – понятие, характеризующее желаемое состояние жизни

Ценностный ориентир – ось сознания, обеспечивающая устойчивость человека в его отношениях с миром

Ценность – сущность и условие полноценного бытия; то, что получает признание; личностная и социокультурная значимость объекта или явления

Цивилизация – 1) локальный уровень существования социальных общностей в потоке истории на основе определенных ценностей и стратегий выживания людей; 2) ступень развития культуры общества, для которой характерны репродуктивная деятельность и особый тип менталитета, ориентированного на комфорт и потребление 3) устойчивая социокуль-

турная общность людей, сохраняющая свое своеобразие и целостность

Человек – эксцентричное существо, одаренное разумом, свободной волей и словом; обладающее даром любить и верить; способностью творить добро и зло; имеющее совесть и духовность; склонное к поиску истины и смысла жизни; связанное с другими формами жизни, но отличающееся предрасположенностью к познанию и самопознанию, к преобразованию мира и самого себя; страдающее неудовлетворенностью собой и окружающей средой

Человеческий капитал – понятие для описания в экономических терминах здоровья, воспитания, образования, труда, отдыха и прочих «экзистенциальных» феноменов человеческого бытия, объединяющие экономическую и духовные сферы жизни общества, производство и потребление

Эволюция – тип развития, характеризующийся плавностью, постепенностью смены состояний, отсутствием резких качественных скачков

Эгоизм – принцип жизненной ориентации, основанный на мотивах себялюбия и своекорыстия

Экзистенциализм – философия существования человека

Экстремизм – радикальное течение с ориентиром на разрушение существующего порядка

Экология – учение о местопребывании (доме); наука о взаимосвязи и взаимодействии в метасистеме «природа – общество – человек»

Элементы и структура – философские категории, отражающие единство исследуемого объекта, где элементы – это те слагаемые, которые обеспечивают целое, вступая друг с другом в определенные отношения, а структура – это определенный способ связи элементов в единую систему

Элита – часть общества, являющаяся носителем знаний, практических умений, культурных традиций. Ее ядром должна быть интеллигенция, но современная элита – это интеллектуалы, специалисты, менеджеры

Эмпиризм – философское направление, ориентированное на получение знания только из чувственного опыта и игнорирующее возможности теоретического (рационального) познания

Энтелехия – термин, предложенный Аристотелем для обозначения активного начала, обеспечивающего превращение возможности бытия в его действительность

Я – это та самость, которая определяет свою сущность через другого (другое), выстраивая свое отношение к миру

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абалкин Л.И. Н.Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве // Социологические исследования, 2003. № 5. – С. 3-7.
2. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
3. Абрамян В.Ф. Долго ли осталось нам жить? Судьба цивилизации: анализ обстановки в мире и перспектива будущего. - М.: ТЕРИКА, 2006. – 535 с.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
5. Андрущенко В., Губерський Л., Михальченко М. Культура. Ідеологія. Особистість. Методолого-світоглядний аналіз. – К.: Знання України, 2002. – 578 с.
6. Аренд Х. Лекции по политической философии Канта. - СПб.: Наука, 2011. – 303 с.
7. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч. в 4-х т.- Т.4. - М.: Мысль, 1983. – 830 с.
8. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х т.- Т.4. - М.: Мысль, 1983. – 830 с.
9. Аттали Ж. Краткая история будущего. - СПб.: Питер, 2014. – 228 с.
10. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. - М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. - 829 с.
11. Бакунин М.А. Анархия и Порядок. - М.: ЭКСМО-пресс, 2000. – 703 с.
12. Барт Р. Мифология. Mythologies. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
13. Бауман З. Индивидуализированное общество. - М.: Логос, 2002. – 194 с.
14. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
15. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
16. Белл Дж. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. - М.: Academia, 1999. - 956 с.
17. Белов В.Н. Обыденное сознание и человеческое бытие. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. – 172 с.
18. Бергер П. Социальное конструирование реальности. – М.: МЕДИУМ, 1995. – 323 с.
19. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
20. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. - М.: Сварог и К, 1997. – 542 с.
21. Берлин И. История свободы. Россия. – М.: Новое лит.обозрение, 2001. – 544 с.
22. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М.: Международные отношения, 2005. - 256 с.
23. Бодрийар Ж. Америка. – СПб: Владимир Даль, 2000. – 206 с.
24. Бодрийар Ж. Прозрачность зла. - М.: Добросвет, 2009. – 387 с.
25. Бурдье П. Социология политики / Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

26. Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2003, - 448 с.
27. Ваджра А. Путь зла. Запад. Матрица глобальной гегемонии. – М.: Астрель, 2007. – 83 с.
28. Вайгачев С.А. Послесловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
29. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. - СПб.: Университетская книга, 2001. - 416 с.
30. Валлерстайн И. После либерализма. - М.: УРСС, 2003. - 139 с.
31. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. — М.: Прогресс, 1991. - 480 с.
32. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма, // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
33. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 576 с.
34. Вехи (Сборник статей о русской интеллигенции). – М.: Мол.гв., 1991. — 462 с.
35. Вехи: pro et contra. - СПб., 1998. – 208 с.
36. Гачев Г. Национальные образы мира: Общие вопросы. - М.: Прогресс, 1995. - 447 с.
37. Гегель Г. Феноменология духа. - М.: Академ. проект, 2008. - 767 с.
38. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – М.: 1975. –Т.2. – 695 с.
39. Герцен А.И. Концы и начала / Герцен А.И. Собр. соч.: в 2-х т. – М., Т. 2. – 516 с.
40. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. – М.: Совершенство, 1998. – 608 с.
41. Гидденс Э. Последствия современности. - М.: «Праксис», 2011. – 354 с.
42. Гиренко Н. М. Морфология, идеология насилия и стратегии выживания // Антропология насилия. - СПб., 2001. – 103 с.
43. Гоббс Т. О гражданине // Избр. Пр. в 2-х т.- Т.1. – М.: Мысль, 1965. – 583 с.
44. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987, - 217 с.
45. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред.: И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. - 3-е изд., доп. и перераб. - СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. - 492 с.
46. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Научн. ред.: И. Кальной, А. Горбань. – Симферополь: ИТ АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
47. Грамши А. Тюремные тетради. Возникновение интеллигенции [Электронный ресурс]. - Режим доступа http://www. avtonom.org/old/lib/theory/gramshi_ttetradi.html.
48. Грачева Т. Святая Русь против Хазарии. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. – Рязань: Зерна, 2009. – 288 с.
49. Гьоффе О. Демократія в епоху глобалізації. К.: ПСС, 2007. – 436 с.
50. Давидович В.Е., Золотухина-Аболлина Е.В. Повседневность и идеология // Философские науки. 2004. №3. - С. 5-17.
51. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб.: Изд-во СПб. университета, 1995. – 552 с.
52. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. – Запорожье: РА «Тандем-У», 1998. – 192 с.

53. Доклад Национального разведывательного центра США «Контуры мирового будущего» - 2020 // Россия и мир в 2020 году. М.: Изд-во Европа, 2005. – 232 с.
54. Дюмон Л. Homo aequalis: Генезис и расцвет экономической идеологии. – М.: Nota Bene. – 2000. – 240 с.
55. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии / Пер с англ.- М.: Худ. журнал, 1999. – 234 с.
56. Жирар Р. Насилие и священное. - М.: НЛО, 2010 – 448 с.
57. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. - М., 2003.- 471 с.
58. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа, – М.: Республика, 2005. – 368 с.
59. Зиновьев А. Глумление. От Великой Победы к позорной капитуляции // Посткоммунистическая Россия. – М.: Республика, 1996. – 368 с.
60. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. - М.: Центрполиграф, 2000. - 638 с.
61. Зиновьев А.А. Иди на Голгофу. - М.: АСТ: Астрель, 2010. – 575 с.
62. Золотусский И.П. От Грибоедова до Солженицына: Россия и интеллигенция. – М.: Мол. гв., 2006. – 256 с.
63. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. - М.: Айрис-пресс, 2004. - 642 с.
64. Иванов-Разумник. Что такое интеллигенция? /Интеллигенция. Власть. Народ. — М.: Наука, 1993. – 341 с.
65. Ильин И.А. О грядущей России. – М.: Республика, 1993. – 368 с.
66. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
67. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН – II TRADA. 2001. – 384 с.
68. Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. - М.: Academia: Наука, 1999. – 740 с.
69. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. - М.: Логос, 2000. – 304 с.
70. Интеллигенция в обществе риска. - М.: Изд-во РГГУ, 2003, - 524 с.
71. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. - М.: Наука, 1993. - 336 с.
72. Интеллигенция: вчера и сегодня (сравнительный анализ) / Науч. ред. И. Кальной, А. Горбань. – Симферополь: Ареал, 2014. – 428 с.
73. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації. – К.: Лібра, 2001. – 400 с.
74. Иртенина Н. Традиция и ускользающие смыслы бытия // Традиции и русская цивилизация. - М.: Астрель, 2006. - 155 с.
75. Кальной И.И. Отчуждение: истоки и современность. – Симферополь: Таврия, 1990. – 198 с.
76. Камю А. Бунтующий человек / Пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
77. Канетти Э. Масса и власть / Пер. с нем. Л. Г. Ионина. - М.: Астрель, 2012. - 574 с.
78. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать её наука. – М.: Алгоритм. – 2002. – 256 с.
79. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 736 с.
80. Касавин И., Щавелев С. Анализ повседневности. — М.: Канон+, 2004. - 414 с.

81. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
82. Ках Г. Глобализация. На пути к всемирному завоеванию. - СПб.: Руфь, 2005. – 432 с.
83. Ключевский В.О. Об интеллигенции // Неопубликованные произведения. – М., 1983. – 363 с.
84. Колесников В.В. Национальная безопасность, глобализация и модель экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – Т. 64. – № 4 (64). – С. 136-144.
85. Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.
86. Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – СПб.: РГПУ, 2006. – 739 с.
87. Лалл Дж. Мас-медіа, комунікація, культура: глобальний підхід / Дж. Лалл / Пер. з англ. О. Гриценко, С. и Т. Гарастович. – К.: К.І.С, 2002. – 264 с.
88. Ланцов С.А. Идеология и политика социал-демократии. – СПб: СПбГУ, 1994. – 56 с.
89. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
90. Лёвит К. От Гегеля к Ницше. - СПб., Наука, 2002. – 669 с.
91. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. – М.: «Радогъ», «Московский рабочий», 1993. – 118 с.
92. Лещук И. Лабиринты духовности [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rus-batist.narod.ru/dop/lapl1/htm
93. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя зла. – М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2001. – 448 с.
94. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990, - 607 с.
95. Лосев А.Ф. Дерзание духа. - М.: Политиздат, 1988. – 366 с.
96. Лосев А.Ф. Комментарии к Диалогам Платона. – М.: Мысль, 1990. – 234 с.
97. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
98. Лотман М.Ю. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. – М.: 2002. - 765 с.
99. Луман Н. Понятие риска // THESIS, 1994, вып. 5. - С. 135–160.
100. Луман С. Медиа коммуникации. М.: Издательство «Логос», 2005. – 256 с.
101. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. — М.: Кучково поле, 2003. — 464 с.
102. Манхейм К. Социология культуры. - М.: СПб.: Университетская книга, 2000. – 501 с.
103. Марков Б.В. Знаки бытия. – СПб.: Наука, 2001. – 561 с.
104. Марков Б.В. Культура повседневности. - СПб.: Питер, 2008. - 352 с
105. Марков Б.В. Человек в условиях современности. – Спб.: СПБУ, 2013. - 432 с.
106. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. / Пер. с англ. — М.: Республика, 1994. — 341 с.
107. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – К.: Смысл, 1999. – 312 с.
108. Матвейчев О. Суверенитет духа. – М.: Эксмо, 2009, - 448 с.
109. Мень М. Базовые ценности цивилизации: порядок дома // Цивилиза-

ция: вызовы современности. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2009. – 296 с.
110. Мережковский Д.С. Грядущий хам // В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. - М.: Советский писатель, 1991. - 375 с.
111. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Анти-Вехи. – М.: Астрель, 2007. – С. 91 – 176.
112. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / Под общ. ред. Б.Г. Юдина. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 368 с.
113. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987. – 303 с.
114. Моисеев Н.Н. Быть или не быть… человечеству? - М.: ГУП ИПК «Ульяновский Дом печати», 1999. – 288 с.
115. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. - М.: Языки русской культуры, 2000. – 223 с.
116. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 416 с.
117. Монтень М. Опыты / В 3-х кн.- М.: АСТ, 2002. – 216 с.
118. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. - М., 2011.- 396 с.
119. Муза Д.Е. В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX – XX в. – Донецк: «Лебедь», 2005. – 176 с.
120. Муза Д.Е. Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устроение и идентичность: монография. – Донецк: Изд-во «Вебер», 2009. – 476 с.
121. Муза Д.Е. «Да, жизнь лишь Веры воплощенье…» (этюды русской аксиологии): монография. – Saarbruken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 128 с.
122. Мунье Э. Манифест персонализма. - М.: Республика, 1999. – 592 с.
123. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2013, - 288 с.
124. Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. - СПб.: Алетейя, 2013. – 164 с.
125. Невежество и бездеятельность гуманитарной интеллигенции как угроза национальной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://maxpark.com/user/4295153354/content/2610321
126. Неклесса А. Трансмутация истории // Новый мир. 2002. № 9. — С.143-159.
127. Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. – 453 с.
128. Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве. - М.: Academia, 2007. – 684 с.
129. Панарин А.С. Искушение глобализмом. - М.: Русский Национальный Фонд, 2000. – 381 с.
130. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века/ А.С. Панарин // Славянофильство: proetcontra. – СПб.: РХГИ, 2006. – 920 с.
131. Папаяни Ф. Моя Отчизна – православная империя. Статья – диалог к вопросу о смысле жизни восточных славян – Москва: Русский Вестник № 13 (875), 2013. - С.8-9.
132. Папаяни Ф. Смысл жизни – Москва: Библиоглобус, 2013. - 480 с.
133. Парсонс Т. Система современных обществ. - М.: Аспект пресс, 1997. – 270 с.
134. Перкинс Дж. Тайная история американской империи. Экономические убий-

цы и правда о глобальной коррупции. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 448 с.
135. Пинаев С.М. Близкий всем, всему чужой…. – М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1996. – 356 с.
136. Питирим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П. П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. – 336 с.
137. Платон. Государство / Вступительная ст. Сергеева К.А., Камнева Л.С. – СПб.: Наука, 2005.- 570 с.
138. Платон. Законы / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1999. – 830 с.
139. Платон. Избранные диалоги. М.: АСТ, 2006. - 512 с.
140. Поколения в истории: ритмы духовности / Научн. ред. А. В. Горбань, И. И. Кальной. — Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2012. — 440 с.
141. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Культурная инициатива, 1992. – 448 с.
142. Распутин В. Из огня да в полымя. Интеллигенция и патриотизм // В поисках берега. – Иркутск, 2007. – 672 с.
143. Ржевская Е.М. Геббельс: Портрет на фоне дневника. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. — 400 с.
144. Роль интеллигенции в формировании идеологии среднего класса: Монография / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: Синтагма, 2010. – 460 с.
145. Роль русской интеллигенции в формировании картины мира. – М.: Наука, 1997. – 294 с.
146. Россия и интеллигенция // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). – История в материалах и документах. – Т. 1. – 1907-1909. – М., 2009. – 364 с.
147. Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. – 536 с.
148. Русакова О.Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. – Екатеринбург, 2001. - 352 с.
149. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм. - М.: ОГУ, 1999. – 152 с.
150. Слотердайк П. Критика цинического разума. М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.
151. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1988. Т.2. – 825 с.
152. Сорокин П. Социализация и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.
153. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов / Пер. с англ. – М.· Политиздат, 1992. – 543 с.
154. Стариков Н. Геополитика. Как это делается. – Петербург: Питер, 2013. - 280 с.
155. Сухарев Ю. Православное содержание русского патриотизма // Русская нация - системообразующее ядро российской государственности. - М.: АКИРН, 2007. - 253 с.
156. Тойнби А. Дж. Постижение истории / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
157. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – 784 с.
158. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 669 с.

159. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. - М.: Научный мир. 1998.- 204 с.
160. Устьянцев В.Б. Жизненное пространство, человек, риски. — 2-е изд. перераб., и доп. — Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 2012. – 208 с.
161. Уткин А.И. Новый мировой порядок. - М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 640 с.
162. Уэбстер Ф. Теория информационного общества / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
163. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т.1. - С.Пб.: София, 1991.- 352 с.
164. Феномен ответственности в мире тотальной глобализации / Научн. ред.: И. Кальной, А. Горбань. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 416 с.
165. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Собр.соч.: в 2-х т. – Т. 1. М., 1990. – 566 с.
166. Франк С. Л. Реальность и человек. – М.: Республика, 1997. – 479 с.
167. Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
168. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Психоаналитические этюды. М.: Попурри, 2006. - 608 с.
169. Фролова С.М. Институализация и рискогенность повседневной жизни общества. – Саратов: Научная книга, 2013. – 161 с.
170. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. – М.: Республика, 1994. – 640 с.
171. Фуко М. Забота об истине. // Воля к истине. - М: Касталь. 1996. – 448 с.
172. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 588 с.
173. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 349 с.
174. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 78 – 79
175. Хайек А. Фон. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. - № 10,11,12.
176. Хайек Ф.А. Общество свободных. – Лондон. 1990. – 309 с.
177. Хантер Д.Д., Йейтс Д. Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
178. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. - М.: Издательство АСТ, 2003. - 603 с.
179. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы»: взгляд на Великую французскую революцию через двести лет / Пер. с англ. - М.: Сентер-Версо, 1991. - 272 с.
180. Холмогоров Е.С. Русский проект: Реставрация будущего. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005. – 325 с.
181. Хомски Н. Государство будущего. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 107 с.
182. Хоружий С.С. Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева // Вопросы философии. 1992. № 10.
183. Хоружий С.С. О старом и новом. - СПб.: Алетейя, 2000. – 477 с.
184. Хэлд Д., Голбрайт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. - М.: Праксис, 2004. – 576 с.
185. Цыганов В.В., Шульц В.Л. Социология общественной безопасности. - М.: Наука, 2014, - 415 с.

186. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества. Проблемы и перспективы. – М.: Эксмо, 2003. – 408 с.
187. Черный Е.В. Психология моделирования поликультурного образования. – Симферополь: Сонат, 2010. – 540 с
188. Черняк Е.Б. Цивилиография: наука о цивилизации. – М.: Международные отношения, 1996. – 382 с.
189. Чигрин В. А. Політичний маркетинг та електоральні технології. – Запоріжжя: Гарт, 2002. – 205 с.
190. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1976. – 350 с.
191. Чубаров И.М. Коллективная чувственность: Теория и практика левого авангарда. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 344 с.
192. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2009. – 432 с.
193. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: - М.: РООИ «Реабилитация», 2006. - 516 с.
194. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. - М.: Наука, 2003. – 231 с.
195. Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы // Шеллинг Ф. Соч. в 2-х т. – Т.2. – М.: Мысль, 1989. – 636 с.
196. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории – М.: Мысль, 1993. – Т.1. - 344 с.
197. Шпенглер О. Закат Европы. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – Т. 2. – 606 с.
198. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии. // Социологические исследования, 2009, № 8. – С. 3-13.
199. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. – М.: Аспект пресс, 1996. – 416 с.
200. Шульц В.Л. Социальные изменения и общество. - М.: Наука, 2005. - 138с.
201. Щелкин А.Г. Россия возвращается к своему будущему: катарсис отечественного кризиса. – СПб.: ООО «БОРВИК ПОЛИГРАФИЯ», 2002. - 134 с.
202. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций/ Пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.
203. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер.с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
204. Эрхард Л. Благосостояние для всех. – М.: Дело, 2001. – 133 с.
205. Юм Д. О гражданской свободе // Юм Д. Соч. в 2-х т. – Т.2. – М.: Мысль, 1996. – 626 с.
206. Юнг К.Г. Современность и будущее. – Очерки о современных событиях. Психология нацизма // В кн.: Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. - СПб, 1996. - 201-337 с.
207. Ясенский Б. Главный виновник. - М.: Правда, 1986. – 217 с.
208. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Республика, 1994. – 527 с.

Резолюция

интернет-конференции «Какая идеология нужна современной России?» состоявшаяся на базе Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского 30 апреля 2015 года.

Обсудив заявленный вопрос, участники конференции обращаются к политическим лидерам и парламентариям с просьбой принять во внимание выводы:

1. Российская Федерация продолжает находится в состоянии общества переходного периода, в котором шкала ценностных ориентиров идеологии строителей коммунизма уже не работает, а новая система ценностей еще не сложилась из-за отсутствия должной Идеологии.
2. Сферы общественного производства пребывают в кризисе, уступая место виртуальному производству симулякров, где девиантность рассматривается как норма, а образовательная система замыкается исключительно на рынок, освобождаясь от гуманитарной составляющей.
3. Реальностью стали антропологический кризис, разрыв связи поколений, духовная нищета, правовой и моральный нигилизм.
4. Кризисное состояние общества протекает в условиях тотальной глобализации мира и неоднозначных по характеру поисков Нового мирового порядка.
5. Общество нуждается в дееспособной Идеологии, исходной основой которой должна быть Идея Общего Дела, - Идеология как стратегия ее осуществления, как дисциплинарная матрица повседневного бытия людей.

В этих условиях участники конференции рекомендуют:

- Подготовить и вынести на всенародное обсуждение Идеологию Общего дела, основанную на Идее Блага и Любви, Труда и Солидарности, идеологию участного сознания. Это должна быть идеология ответственного, многоликого и многомерного человека, а не амбивалентной личности – продукта Идеологии либерализма.
- Рассмотреть наработанный опыт православной имперской идеологии, выдвигающий её в число соискателей желаемой идеологии современной России.
- Православная имперская цивилизационная идеология, как альтернатива варварской англо-саксонской идеологии, обретает пролонгацию своей истории и обеспечивает современной России возможность заявить о себе в качестве ведущего Субъекта мировой геополитики.
- Выработать механизм адаптации Идеологии участного, солидарного сознания, без которого идеология не станет силой (фактором), а будет пребывать в статусе декларации. Только звенья всей цепи: «Идея – Идео-

логия – Мировоззрение – Конституция (Основной Закон) – Подзаконные акты – норма – мера многоликого человека» обеспечат участие людей в осуществлении Идеи с полной мерой ответственности за судьбу Общего Дела – безопасность, благополучие, будущее Отечества, ибо есть «нечто высшее чем самое законное чувство человека. Это долг перед родной страной», перед Родиной.

- Пришло время отказаться от Конституции Российской Федерации, которая была принята с ориентиром на ценностные ориентиры идеологии либерализма, обеспечившие деидеологизацию общества переходного периода, но поставившего под сомнение перспективу общества как исторически сложившегося «культурно-исторического типа».
- Конституция Российской Федерации как Основной Закон может быть принята на базе Идеологии солидарного, участного сознания, формирующего мировоззрение неравнодушного человека, способного отвечать за Общее дело защиты Родины и благополучия Отечества, принимая во внимание приоритет безопасности страны, что на порядок выше величия любого политического режима.
- Сформировать новую парадигму образовательной системы, которая обеспечит реанимацию воспитания от семейного до университетского, реабилитацию недооцененного и потерянного просвещения, а также реформу обучения (образования) с учетом требований информационного общества. Только новая парадигма обеспечит конструктивную эстафету поколений, связь которых не выдержала испытания «Перестройкой» 80-х годов XIX века.
- Конституция, базовым основанием которой является Идеология Общего Дела, основанная на участном сознании, профилактирует возможную трансформацию авторитаризма в культ верховной личности, постоянно напоминая чиновникам любого уровня и ранга о высшем долге служить Отечеству, а не прислуживать вышестоящему начальству. Авторитарная власть рождает иллюзию всемогущества верховной личности, которая может на определенном этапе предать забвению грань, разделяющую уверенность и ту самоуверенность, которая заявит о себе самонадеянностью.

Председатель оргкомитета конференции
доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и социальной философии
Крымского федерального университета
Кальной И.И.

Авторы

Кальной Игорь Иванович, доктор философских наук, профессор (Симферополь).

Когай Евгения Анатольевна, доктор философских наук, профессор (Курск).

Колесников Вадим Вячеславович, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

Марков Борис Васильевич, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург).

Муза Дмитрий Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Крымской Академии наук (Донецк).

Осипов Игорь Дмитриевич, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург).

Папаяни Федор Алексеевич, кандидат технических наук, доцент (Донецк).

Тихомиров Сергей Иванович, кандидат политических наук, профессор (Севастополь).

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор (Саратов).

Фролова Светлана Михайловна, кандидат философских наук, доцент (Саратов).

Чемшит Александр Александрович, доктор политических наук, профессор (Севастополь).

Черный Евгений Владимирович, доктор психологических наук, профессор (Симферополь).

Чигрин Виктор Александрович, доктор социологических наук, профессор (Симферополь).

Чигрина Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент (Симферополь).

Чутова Наталья Павловна, кандидат социологических наук, доцент (Кривой Рог).

Шульц Владимир Леопольдович, доктор философских наук, член-корреспондент РАН Российской Федерации. (Москва)

Щёлкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург).

Коллективная монография

Идеология: поиски и находки

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: Etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 708-3000
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен
Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии
Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин
Корректор Е.А. Белоусова
Дизайн и верстка Т.А. Брик
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500 Усл. п. л. 26,25

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов;
помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др.
на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

* допечатная доработка(по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru